Олег МОРОЗ

ГЛАВНАЯ ОШИБКА ЕЛЬЦИНА

СОДЕРЖАНИЕ

В ПОИСКАХ ПРЕЕМНИКА

ПРЕЕМНИК НАЙДЕН

НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ...

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

ЗАЩИТИТЬ ТОВАРИЩА...

«СТАРИК ДЕРЖАВИН НАС ЗАМЕТИЛ»

ПРЕЕМНИКА ДВИГАЮТ К ЦЕЛИ

ТЕЛЕКИЛЛЕР ДОРЕНКО

И ОПЯТЬ БОЙНЯ В ЧЕЧНЕ

КОНЕЦ ЕЛЬЦИНА-МИРОТВОРЦА

ВЗРЫВЫ, ВЗРЫВЫ, ВЗРЫВЫ...

«КОРРУПЦИЯ» В ЕЛЬЦИНСКОЙ СЕМЬЕ

ПУТИН РАЗЖИГАЕТ ВОЙНУ

ЕЛЬЦИН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В СТАМБУЛ

КОГДА МИР НЕ НУЖЕН

ЕДИНСТВО ПУТИНА И «ЕДИНСТВА»

ЕЛЬЦИН ПОКИДАЕТ КРЕМЛЬ

А КРОВЬ ВСЕ ЛЬЕТСЯ И ЛЬЕТСЯ...

ДРЕЗДЕНСКИЙ ШПИОН

«ДЕМОКРАТ», «ЮРИСТ ДО МОЗГА КОСТЕЙ»

УНИЧТОЖЕНИЕ СВОБОДЫ СЛОВА

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОВЕТСКОГО ГИМНА

В ХОД ИДУТ «ДЕМОКРАТИЗАТОРЫ»

ТРАГЕДИЯ НА ДУБРОВКЕ

ХОДОРКОВСКИЙ, ЛЕБЕДЕВ И ДРУГИЕ

НОВЫЕ РУССКИЕ ОЛИГАРХИ

ДУБИНКОЙ ПО ГОЛОВЕ

НЕСЧАСТНЫЕ ДЕТИ БЕСЛАНА

ВЫБОРНЫЙ ФАРС

АНТИГРУЗИНСКАЯ ИСТЕРИКА

ИСТОРИЯ ПО-ПУТИНСКИ

ОТ «ЧАСТИЧНОЙ СВОБОДЫ» - К НЕСВОБОДЕ

«ВО ВСЕМ ВИНОВАТЫ ПРОКЛЯТЫЕ ДЕВЯНОСТЫЕ»

ГДЕ БЫЛА ОШИБКА…

«ТАК ПРОВИДЕНИЮ БЫЛО УГОДНО»

САПЕР ОШИБАЕТСЯ ЛИШЬ ОДНАЖДЫ

ПРИЧИНА ОШИБКИ: БОЛЕЗНЬ, СОВЕТЫ ЛОББИСТОВ

ЕСЛИ НЕ ПУТИН, ТО КТО ДРУГОЙ?

ВОЗМОЖНО, ОН ЕЩЕ ПРЕПОДНЕСЕТ НАМ СЮРПРИЗЫ

РАССКАЗ ДОЧЕРИ ЕЛЬЦИНА

НЕПОНЯТНО, НЕПОНЯТНО...

ЭПИЛОГ

ПРИЛОЖЕНИЕ. ЕЛЬЦИН В «ЗОЛОТОЙ КЛЕТКЕ»

В ПОИСКАХ ПРЕЕМНИКА

Всерьез о преемнике Ельцин стал задумываться сразу же после выборов 1996 года. Эти выборы дались ему, мало сказать, нелегко - в течение предшествовавшего им года он чуть не отдал Богу душу, перенес пять (!) инфарктов. Пятый - за неделю до второго тура, 26 июня (второй тур голосования - 3 июля). Тут волей-неволей по-настоящему задумаешься о престолонаследнике.

В ноябре того года Ельцину сделали операцию на сердце. Состояние его вроде бы улучшилось. Однако прежней работоспособности он так и не обрел.

По мере приближения следующего выборного цикла разговоры о преемнике становились все более внятными и определенными...

Дефолт, случившийся в августе 1998 года, стал для Ельцина тяжелым ударом, каким, возможно, не был ни август 1991-го, ни октябрь 1993-го. И дело тут не в силе самих ударов: тогда, в моменты предшествующих кризисов, Ельцин был моложе, сильнее физически и психологически, легче переносил потрясения, которые обрушивала на него судьба...

Бывшие помощники президента пишут в книге «Эпоха Ельцина»:

«Финансовый кризис (1998 года. - **О.М.**) пришелся почти на середину второго президентского срока Ельцина и надломил его. В оставшийся срок уже даже не пытались искать какие-либо другие стратегические варианты продолжения реформ.

Президент практически перестал интересоваться экономикой. Финансовый пожар лета 1998 года будто выжег какой-то участок его мозга…

…Весь оставшийся срок президент посвятил поиску преемника ДЛЯ СОХРАНЕНИЯ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ВЛАСТИ И КУРСА (выделено мной. - **О.М.**)».

Что такое преемственность курса, - это, в общем-то, понятно. Курс Ельцина был прозрачен, как стекло. Преемник должен был продолжить проводившуюся им линию на демократические, рыночные реформы. Более неопределенное понятие - «преемственность власти». Это можно понять так, что человек, воспринявший эту власть, не допустит резких перемен в ее структуре, способах управления, в кадрах… Наконец, - что он не допустит каких-либо притеснений, ущемления прав своего предшественника и его близких.

Нетрудно было предположить, что больше всего Ельцина заботила именно преемственность курса. Установление демократии в России, построение рыночной экономики, хотя бы ее основ, - это то, чему он посвятил финальную, лучшую часть своей жизни, благодаря чему надеялся остаться в истории.

Задача нахождения преемника, способного продолжить ельцинский курс, распадалась на две: предстояло отыскать человека, который, во-первых, был бы сам искренне, твердо привержен демократии и рынку, готов был «костьми лечь» за утверждение этих ценностей, и, во-вторых, - был бы достаточно сильным политиком, государственным деятелем, чтобы установить демократический, рыночный порядок в стране, все еще охваченной послереволюционным хаосом (имея в виду Великую либерально-демократическую революцию конца 80-х - начала 90-х годов) и обеспечить дальнейшее продвижение по пути, намеченному Ельциным.

Такой молодой, такой спортивный…

Впрочем, о первом кандидате на роль преемника мы узнали задолго до дефолта. Этим кандидатом, имя которого Ельцин – то ли в шутку, то ли всерьез – произнес

вслух, был Борис Немцов. По воспоминаниям самого Немцова, летом 1994 года, путешествуя с семьей по Волге и приехав в Нижний Новгород (Немцов был там тогда губернатором), Ельцин сказал на открытии нового теннисного корта (оба они – и Борис Николаевич, и Борис Ефимович – были заядлыми теннисистами):

– Наконец-то я вырастил себе преемника. Он у вас так Нижний Новгород отстроил, у вас такой порядок, вы так его любите (у Немцова в ту пору рейтинг был 70 процентов. – **О.М.**). Я могу спокойно дорабатывать, у меня преемник, он такой молодой, такой спортивный...

Вот так начиналась ельцинская операция «Преемник»: лето, солнце, Волга, он сам, президент, еще крепкий и бодрый, и рядом – тот, кому он как бы завещает свой престол, – тридцатипятилетний, стройный, красивый, энергичный парень, человек нового поколения, демократ до мозга костей.

Позже, по словам Немцова, во время их совместной поездки в Штаты, Ельцин уже вполне серьезно представил Немцова президенту Клинтону как будущего российского президента. То же самое произошло и во время визита в Германию (когда оттуда выводились наши войска): Немцов был представлен Ельциным в таком же качестве – сменщика действующего российского президента – канцлеру ФРГ Гельмуту Колю.

Не думаю, что у Бориса Ефимовича были реальные шансы въехать в Кремль на белом коне. Если и были, он их напрочь разрушил, собрав в 1996 году миллион подписей нижегородцев против войны в Чечне и самолично доставив эти автографы к Спасским воротам Кремля (одну из папок Немцов положил прямо на стол президенту). Ельцину, все это, естественно, не могло понравиться: при всей его человеческой широте какие-то «основные инстинкты» советского партработника прочно в нем сидели…

Уже не преемник, но все еще претендент

В 1996-м, перед первым туром президентских выборов, выступая на своей родине, в Екатеринбурге, Ельцин вновь заявил, что знает имя своего преемника, имя того, кто станет хозяином Кремля, на этот раз – после выборов 2000 года. Самого имени, правда, не назвал, но, учитывая тогдашнюю обстановку, большинство быстро склонилось к одной фигуре – генерала Лебедя.

Убежденность, что именно Лебедь – преемник Ельцина, окрепла, когда после первого выборного тура президент назначил его своим помощником по национальной безопасности и секретарем СБ, а Лебедь в ответ призвал своих сторонников голосовать во втором туре за Ельцина.

Кто знает, может быть, генерал и в самом деле стал бы преемником, обладай он качествами тонкого дипломата и изощренного чиновника, наберись он терпения на четыре межвыборных года и делай все так, как предписывает негласный карьерный кодекс. Однако таковых качеств у десантника не было, долго терпеть, вести неторопливую позиционную игру он, по-видимому, не умел. Решив, что постоянно болеющий Ельцин уже созрел, чтобы досрочно оставить свой пост, – по доброй воле или без таковой, – Лебедь пошел напролом, стал готовиться к перехвату власти. Исподволь подгребал под себя ее рычаги, необходимые силовые ресурсы... По существу, готовил военный переворот.

Но команда Ельцина опередила его. 15 октября 1996 года он был снят со всех постов – фактически как заговорщик. Хорошо еще в «Лефортово» не попал...

Понятно, что столь драматическое расставание Лебедя с Ельциным перечеркнуло шансы генерала сохраниться в списке людей, которых президент мог бы рассматривать как своих потенциальных преемников.

Однако, перестав быть фаворитом Ельцина, напротив, став его врагом, Лебедь, тем не менее, не расстался с мечтой о президентстве. Выбрал на этот раз неблизкий, кружной путь – через Красноярск, сделавшись кандидатом на пост тамошнего

губернатора. Победив на этих выборах весной 1998 года, генерал, как многие полагали, вновь приблизился вплотную к кремлевским воротам...

В принципе, как российский президент Лебедь был опасен не только для тогдашней чиновничьей «элиты». Это бы еще ничего. Он бы, наверное, смог реально поприжать коррупцию, попытаться навести порядок во власти (хотя тоже вопрос: многие ли внутри самой власти в этом были заинтересованы?) Однако для страны в целом, для ее исторического развития Лебедь в кресле президента тоже вряд ли оказался бы подарком. Начинать XXI век с очередного социального эксперимента, – а генерал непременно стал бы по-крупному и вряд ли очень разумно экспериментировать, – это не могло принести России ничего хорошего. Вполне достаточно, что в роли подопытных кроликов мы провели все XX столетие.

Правда, еще за два дня до второго, решающего, тура выборов в Красноярске Лебедь заявил, что не будет участвовать в президентских выборах 2000 года, однако никто, разумеется, не воспринял это заявление всерьез: в общем-то, это обычная манера политиков – «не засвечиваться» раньше времени. Собственно говоря, сразу же после победы на губернаторских выборах и сам генерал в эфире НТВ уточнил свои президентские планы – сказал, что не будет баллотироваться в президенты в 2000 году, ЕСЛИ НЕ БУДЕТ «ВОСТРЕБОВАН НАРОДОМ».

Вряд ли те три процента, до которых к осени 1999-го опустился рейтинг Лебедя, свидетельствовали о его высокой востребованности...

Произошло то самое, многими предрекавшееся: рутинная, малоудачная работа в далекой провинции проглотила большую часть былой генеральской популярности...

Еще раз скажу: не думаю, чтобы Лебедь был подходящим вариантом для российского президентского кресла. Полагаю, наилучшим вариантом для Лебедя было бы возглавить Министерство внутренних дел или какую-то другую силовую структуру, нацеленную на противостояние преступности. Уверен, с его железной

хваткой и непримиримостью к уголовщине он в короткий срок поприжал бы всякого рода, извините, воровскую сволочь, в том числе чиновничье ворье, неимоверно расплодившееся в последние десятилетия в нашем отечестве.

Другое дело, что министр – не самостоятельная фигура. Над ним еще кое-кто стоит, повыше, кто его может осадить, если он будет проявлять «чрезмерное» служебное рвение. Думаю, это хорошо понимал и сам Лебедь. Потому-то, наверное, и стремился в 1996-м попасть сразу в самое высокое, президентское кресло, минуя министерские...

Звезда ЧВС закатилась

В августе 1998 года, после дефолта, когда стало ясно, что Сергей Кириенко должен уйти в отставку, Ельцин вновь решил сделать премьером своего «старого боевого товарища» Виктора Черномырдина (с этого поста он уволил его совсем недавно, минувшей весной, но очень скоро пожалел об этом).

При этом, по замыслу Ельцина, речь шла не только о премьерстве, но и о будущем президентстве Виктора Степановича.

В общем-то, большинство влиятельных деятелей, с кем велись предварительные консультации по поводу назначения Черномырдина, его кандидатуру одобрило. Анатолий Чубайс, который долго работал с ЧВС и у которого отношения с ним не всегда были безоблачными, тем не менее, сказал, что если Черномырдин станет президентом и к нему «приставят» нормального премьера, – демократа и рыночника, – никаких проблем вообще не возникнет: начатое Ельциным движение страны к демократии, свободе, рынку продолжится.

В обращении к россиянам 24 августа Ельцин заявил вполне определенно: «главное соображение» при назначении Виктора Черномырдина исполняющим обязанности главы правительства – «обеспечить преемственность власти в 2000 году».

– Главные достоинства Виктора Степановича, – сказал Ельцин, – порядочность, честность, основательность. Думаю, эти качества будут решающим аргументом на предстоящих президентских выборах. Его не испортили ни власть, ни отставка...

Однако вскоре стало ясно, что контролируемая коммунистами Дума может не утвердить Черномырдина: красные не собирались ему прощать, что в течение пяти с лишним лет своего прежнего премьерства Виктор Степанович в общем-то, хотя и не очень уверенно, продолжал либеральный курс, намеченный Гайдаром. Этот курс по-прежнему был неприемлем для наследников Ленина – Сталина. Угроза, что президент распустит нижнюю палату в случае троекратного неутверждения Черномырдина, на этот раз не очень испугала думцев: левые были убеждены, что в обстановке тяжелого кризиса, начавшегося 17 августа, на новых выборах они получат гораздо больше голосов, чем имеют сейчас.

В общем, охотнорядцы провалили ельцинского кандидата и раз, и другой...

Следовало ли выдвигать его в третий раз? Ельцин заколебался. Возможно, стоило снова пойти ва-банк, как он не однажды это делал, продемонстрировать свою решительность и непреклонность. Однако на этот раз Ельцин дрогнул, отступил, – решил уступить оппозиции, заменить Черномырдина на вполне проходного Примакова...

Черномырдин выступил с «прощальной» речью по телевидению, где, в частности, сказал:

– Хотел бы сказать всем, кто в эти дни с пеной у рта нападал на президента, на меня, на само государственное устройство России. Та система власти в стране, которую мы с таким трудом создавали все эти годы, – не просто абстрактные демократические институты. Сегодня это, по сути, то, что позволяет удержать страну над пропастью, вытащить экономику из кризиса. Крушить государство, действовать по принципу «чем хуже, тем лучше» может только тот, кто желает для России беды! Поэтому я еще раз

обращаюсь к своим оппонентам. Не тешьте себя иллюзией! Ни красных, ни розовых не будет. Эти цвета закрасят черным и коричневым.

Это было, пожалуй, самое лучшее выступление Черномырдина за все годы его пребывания в публичной политике. Поднявшись в ее высшие эшелоны в качестве «красного директора», «крепкого хозяйственника», он совершил значительный дрейф в сторону демократии и реформ, хотя и не стал тут фигурой номер один.

Если вспомнить, как «на ура» Черномырдин был утвержден премьером 14 декабря 1992 года, и сопоставить это с тем, как теперь оппозиционеры, можно сказать, костьми ложились, чтобы не допустить его в Белый дом, – контраст разительный. В системе «свой – чужой» левое большинство перестало определять Черномырдина как своего, стало четко относить его к чужим.

Между тем, совершенно очевидно, что если бы Черномырдин вновь стал председателем правительства, а затем поднялся бы еще выше по ступеням карьерной лестницы, он был бы не худшим президентом России. Остановив его продвижение к президентскому креслу, коммунисты оказали очередную «великую услугу» стране. В связке с ними – уже в который раз – выступили «яблочники». Что ж, скажем и тем, и другим за это великое спасибо. Размахивая своими красными и розовыми флагами, они, как и предупреждал Виктор Степанович, проложили дорогу другим, еще более зловещим знаменам.

«Красный» премьер

Примаков, которому предложили заменить Черномырдина, – поначалу, довольно упорно, отказывался идти в премьеры, уверял, что пост министра иностранных дел, который он в то время занимал (с припиской «и.о.»), его вполне устраивает. Однако, в конце концов, согласился.

Вряд ли Ельцин и его окружение всерьез надеялись, что Примаков и подобранные им министры действительно способны решить те задачи, которые было необходимо решить, однако ситуация в стране после дефолта 17 августа была настолько тяжелая, что самым важным в тот момент представлялось несколько успокоить народ, в котором по-прежнему преобладали «левые», прокоммунистические настроения, добиться этого с помощью соответствующей риторики, на которую Примаков и его единомышленники были большие мастера.

Впрочем, и Ельцин, и его приближенные считали, что правительство Примакова вполне может просуществовать до выборов 2000 года: по-видимому, в Кремле искренне поверили, что Евгений Максимович в самом деле, – с ним об этом заранее договорились, – не будет претендовать на роль главы государства и, соответственно, не станет помехой для того, на кого поставит власть.

Большинство россиян встретило назначение академика с одобрением. Это назначение действительно в какой-то степени успокоило людей. Имидж сугубо положительного, рассудительного, мудрого, доброго дядюшки, который всегда являл собой этот деятель, в самом деле, вселял в простых людей надежду, что новый премьер сумеет выправить положение, выровнять накренившуюся и изрядно уже зачерпнувшую воды государственную лодку. После семи неспокойных лет реформ многие, – наверное, даже большинство – жаждали примаковской положительности и надежности.

В общем, правительство Примакова сразу же окрестили «красным», или, по-другому, левым, левоцентристским. Оно и было таковым и по своему составу (экономический блок, например, в нем возглавил бывший председатель советского Госплана Юрий Маслюков), и по тяготению (впрочем, не слишком афишируемому) к старым советским методам управления экономикой, основанным на госрегулировании.

Коммунисты, естественно, считали Примакова «своим» премьером. Не раз заявляли о необходимости оказывать его правительству «максимальную поддержку».

При этом, стараясь вывести его из-под атак противника, уверяли, как и он сам, что это правительство вовсе не «красное» – оно «буржуазное», но при этом реально оценивает сложившуюся обстановку, старается поднять экономику и повысить уровень жизни народа.

В свою очередь, и Примаков стремился защитить коммунистов от обидчиков.

Понятное дело, чтобы выполнить явно чрезмерные «социальные» обещания, которые с самого начала стал раздавать академик, нужны были деньги. Где их взять? Традиционный советский способ их добычи – включить печатный станок. Уже в сентябре (а Примаков, напомню, был утвержден премьером 11-го числа этого месяца) было напечатано семнадцать с половиной миллиардов рублей. Если учесть, что за первые семь месяцев 1998 года выпустили лишь семьсот миллионов «новых» рублей, – контраст был разительный. Из этих-то свеженапечатанных миллиардов в основном и стали выплачивать задержанные зарплаты бюджетникам, денежное довольствие военным, стипендии студентам.

Ясно, однако, было, что вслед за массовым выпуском «пустых» купюр неминуемо последует всплеск инфляции. Предотвратить его можно было, только получив откуда-то реальные деньги. Почти весь срок примаковского премьерства заняло упорное, отчаянное выпрашивание иностранных кредитов, прежде всего кредитов МВФ.

Однако руководители международных финансовых организаций не торопились их давать академику. В общем-то, западные эксперты без труда заметили неприемлемые для них тенденции в экономической политике нового правительства. Неустанные примаковские уверения, что «отката от реформ не будет», естественно, не могли их ввести в заблуждение.

Время шло, а экономическая ситуация в стране не улучшалась. В аналитическом докладе, подготовленном Институтом экономических проблем переходного периода – одной из самых авторитетных организаций в сфере экономической науки, –

подводились в общем-то неутешительные итоги этих начальных месяцев деятельности правительства Примакова и давались довольно мрачные прогнозы:

«Популистский курс, проводимый властями после августовского кризиса, привел к серьезному ослаблению денежной политики. Причем, если сразу после кризиса наращивание денежного предложения (то есть чрезмерный выпуск «пустых» денег. − **О.М.**) происходило на фоне снижающихся темпов инфляции и не сопровождалось заметным снижением валютного курса, то к концу 1998 года началось ускорение инфляции и увеличение темпов падения рубля».

«По нашим оценкам, − говорилось в отчете, − осуществление на практике мер, заявленных правительством Примакова в сентябре – декабре 1998 года… потребует роста денежной массы в 1999 году от 55 до 170 процентов, что приведет к инфляции в пределах от 65 в оптимистичном сценарии до 250 процентов − при пессимистичном прогнозе. К концу 1999 года… курс рубля должен будет опуститься до 80 рублей за доллар».

Вообще, прогнозы независимых экспертов, которые анализировали экономическую деятельность правительства Примакова – Маслюкова, становились все тревожней. Поговаривали даже о возможном повторении дефолта.

Но отставку «Примуса» приближали не только экономические неуспехи. Как уже говорилось, когда его выдвигали на пост премьера, с ним было заключено своего рода джентльменское соглашение, что он не будет претендовать на пост президента. Однако в какой-то момент в его настроении произошла неожиданная метаморфоза. Как часто бывает в подобных ситуациях, ему, по-видимому, понравилось располагать колоссальной властью, назначать министров, держать в руках все блоки экономики... Так или иначе, во время одной из встреч он неожиданно сообщил руководителю Администрации президента Валентину Юмашеву о созревшем у него плане: в 2000-м

он все-таки «пойдет» в президенты (больше, мол, «идти» некому), а года через два уступит место другому, более молодому.

По уверениям Юмашева, он не сообщал об этом разговоре Ельцину, но и без того – по всей совокупности примет, по всему образу действий Примакова – было видно, что намерения у него сделались вполне серьезными. К тому же неудержимо росли популярность и влиятельность премьера, что, разумеется, повышало его шансы на «продвижение по службе»...

Однако у Ельцина никогда не было ни малейшего намерения делать из Примакова преемника (хотя сам Евгений Максимович рассказывал об одном их разговоре, в котором Борис Николаевич вроде бы на что-то намекал...). Вдобавок к тому времени у президента на примете вообще уже имелся совсем другой кандидат в наследники...

В общем, в апреле 1999 года уже всем было ясно, что дни Евгения Максимовича на посту председателя правительства сочтены.

Сторонники Примакова пытались предотвратить его отставку. Она изображалась чуть ли не вселенской катастрофой. Вождь коммунистов Зюганов пригрозил, что в случае увольнения премьера он и его однопартийцы выведут на улицу народные массы.

Однако, несмотря на эти угрозы, 12 мая Ельцин отправил правительство Примакова в отставку.

Реакция на это «народных масс», в самом деле, была резко отрицательной: 81 процент опрошенных Фондом «Общественное мнение» не одобрил отставку премьер-министра и лишь восемь – одобрили. Россиянам нравился Примаков. Как уже говорилось, от него веяло солидностью, надежностью, положительностью. Его бы, пожалуй, и президентом избрали…

Кстати, как всегда в таких случаях, рейтинг «обиженного» – в данном случае «президентский» рейтинг – сразу же поднялся: по данным ФОМ, если бы выборы президента проводились в момент опроса, Примаков набрал бы больше всего голосов

(22 процента), опередив на пять процентов Зюганова. До отставки «президентский» рейтинг Примакова не превышал 19 процентов.

Впрочем, всплеск народной любви оказался непродолжительным – продержался лишь неделю. После того, как Дума утвердила следующего премьера – Степашина, – все показатели популярности Примакова – рейтинг доверия, «президентский» рейтинг – вернулись на прежний уровень, хотя и оставались достаточно высокими, чтобы их обладатель мог вклиниться в уже складывавшуюся компанию кандидатов в президенты, причем с немалыми шансами на успех.

Тяжела ты, кепка Мономаха!

Президентские амбиции Лужкова стали проявляться давно. Точнее, не проявляться (сам он не торопился делать их явными), а ощущаться обществом. И многими поддерживаться...

В открытую, явную фазу президентские устремления московского мэра перешли после отставки правительства Кириенко, когда встал вопрос о преемнике Сергея Владиленовича. Юрий Михайлович предпринял отчаянный штурм открывшейся перед ним высоты. Особенно активным этот порыв сделался после того, как Черномырдин во второй раз провалился в Думе.

В принципе, как уже сказано, Лужков располагал мощной поддержкой: помимо некоторых деятелей президентской администрации, его активно продвигала в премьеры часть региональных начальников. Однако сам Ельцин поставил на нем жирный крест, твердо отчеканив в одном из приватных разговоров: «Кандидатуру Лужкова мы не обсуждаем» (возможно, Юрий Михайлович об этом не знал, хотя, не исключено, и догадывался).

Вне зависимости от своих личных отношений с Лужковым, – а они с какого-то момента пошли по нисходящей, – Ельцин вообще считал его человеком слишком

мелким, недостаточно масштабным, чтобы руководить страной. К тому же его настораживало и отталкивало, что Лужков неустанно поносил реформы и реформаторов, да и лично конфликтовал с ними − с теми людьми, с которыми Ельцин начинал судьбоносные для России перемены.

Как бы то ни было, окончательно удостоверившись, что Кремль не собирается делать на него ставку как на преемника, Лужков решил двинуться к вершинам власти самостоятельно, фактически первым − хоть и не объявляя об этом, − начав президентскую кампанию. Хотя до президентских выборов было еще далековато, – чуть менее двух лет, – однако «большой мэр», по-видимому, считал, что у него достанет сил выдержать этот марафон: уверенности в этом ему придавал его высокий рейтинг, широкая популярность среди населения.

Стараясь поддержать и увеличить свою популярность, московский мэр, вроде бы безошибочно, выбрал несколько направлений своих постоянных ораторских нападок – опять-таки беспощадную критику реформаторов, которые «разорили Россию», страстное обличение «воровской» приватизации, в результате которой страна была «разграблена», и бичевание ненавистного для него монетаризма.

По словам мэра, неумелые «архитекторы реформ» нанесли стране ущерб, «сопоставимый с тем, который она понесла в годы Великой Отечественной войны».

Между тем, как известно, Лужков еще недавно (причем, в самые критические моменты − и в 1993-м, и в 1996 году) поддерживал этих «архитекторов», во главе которых – как их политический лидер – стоял Борис Ельцин.

В пример горе-реформаторам московский мэр ставил «проверенный путь реформ», проложенный столичными руководителями, то есть им самим. В частности, он утверждал, что московская администрация «не дала расправиться с городской собственностью», сформировала действенную систему городского управления, оказала серьезную поддержку «реальному сектору экономики» и тем самым обеспечила

заметный рост производства. По мнению Лужкова, «московская схема развития» вполне подошла бы «для тиражирования в других регионах».

Его противники возражали, что на самом деле никакого рынка в Москве не существует, есть лишь псевдорынок, которым заправляют коррумпированные чиновники из окружения мэра.

С какого-то момента Лужков повел себя как один из руководителей страны, как государственный деятель международного масштаба. Особенно это стало заметно, начиная где-то с сентября 1998 года, когда Лужков понял, что он не входит в число потенциальных преемников Ельцина и ему придется штурмовать властный Эверест своими силами.

Мало-помалу создавалось ощущение, что Лужков – почти уже президент. Или, по крайней мере, премьер-министр. В любом случае − не меньше, чем министр иностранных дел. На такие мысли наводила, в частности, необычайно активная деятельность московского мэра на международной арене – его зарубежные визиты, приемы «по первому разряду», которые ему повсюду – не без содействия российских послов – оказывались, переговоры по важнейшим межгосударственным проблемам, которые он везде вел.

Уже осенью 1998-го, видимо, осознав, что на поддержку Ельцина ему рассчитывать не приходится, Лужков начинает покусывать президента, которому он всегда, по его собственным уверениям и уверениям его приверженцев, вроде бы был предан душой и телом (вспомнить хотя его пафосные восклицания после победы Ельцина на выборах 1996 года: «Россия – Ельцин – свобода! Россия – Ельцин – победа! Россия – Ельцин – наше будущее!»)

В июне 1999 года Лужков, не ограничиваясь прежними намеками и экивоками, повел открытую атаку на Ельцина. Дальше тянуть с этим было некуда. Пора! Все ближе выборы – парламентские, а затем и президентские.

Летом 1999-го разразился скандал, связанный с фирмами «Интеко» и «Бистропласта», учредителями которых были жена Лужкова Елена Батурина и ее брат. По сообщениям прессы, Управление ФСБ по Владимирской области выявило ряд фирм, занимавшихся незаконным вывозом за границу многомиллионных сумм валюты. В числе этих фирм будто бы были и две «родственные» Лужкову. Лужков, как лев, бросился на защиту своей супруги, утверждая, что обвинения, выдвинутые против возглавляемой ею фирмы «Интеко», организованы его политическими противниками.

Не ограничиваясь оборонительными действиями, Лужков предпринял мощную контратаку на своих противников.

– Нам нужно менять власть, которая себя опозорила тем, что привлекает силовые структуры к политической борьбе, – без обиняков заявил он на встрече с журналистами 17 июля.

Чем дальше, тем все напористее Лужков выступал против президента и его команды.

При этом все же нельзя сказать, что Кремль так уж сильно опасался этих лужковских атак и самой фигуры Лужкова как потенциального кандидата в президенты. Более опасным в ельцинском окружении считался Примаков. Экс-премьер представлялся противником более изощренным и сложным.

Соответственно, и самому Лужкову не так-то просто было строить отношения с Примаковым, ему постоянно приходилось лавировать: как-никак оба они были соперниками – потенциальными претендентами на президентский пост, причем в течение долгого времени − самыми сильными претендентами. Это лавирование давалось мэру нелегко: надо было точно улавливать момент, когда выступить в унисон с Примаковым, когда − поотстраниться от него или даже позволить себе критику в его адрес.

Взять, например, ситуацию с отставкой Примакова. Казалось бы, Лужков должен быть испытывать удовлетворение, что «задвинули» его главного – и более сильного – потенциального соперника на будущих президентских выборах, однако он, по-видимому, прекрасно понимал, что увольнение Примакова, народного любимца, только поднимет его, Примакова, рейтинг, и тут важно не промахнуться, попасть в струю, продемонстрировать совпадение с мнением народных масс, а уж как дело пойдет дальше, там видно будет. Поэтому, несмотря на критику примаковского правительства, Лужков выступил с резким осуждением его отставки.

К концу лета 1999-го позиция Лужкова относительно его президентских вожделений стала обозначаться более отчетливо. И сам он, и его соратники не только принялись утверждать, что московский мэр не собирается баллотироваться в президенты – это они, конспирации ради, твердили и раньше, – но, что он «поддерживает кандидатуру Примакова».

Вряд ли эта поддержка была такой уж искренней. Вообще-то рейтинг экс-премьера в ту пору действительно был выше лужковского рейтинга, так что тут опять-таки могла сказываться просто трезвая оценка соотношения сил. Но, не исключено, и даже скорее всего, ситуация здесь складывалась, как на велотреке: до какого-то момента гонщик, идущий вторым, предпочитает «не высовываться», а ловит мгновение, чтобы неостановимо «выстрелить» из-за спины лидера.

К тому же и с самим Примаковым дело оставалось неясным: то ли он будет баллотироваться в президенты, то ли нет. Евгений Максимович не торопился раскрывать свои карты. Впрочем, думаю, до последнего момента он и сам не знал, стоит ли ему ввязываться в эту игру. Такая примаковская неопределенность была удобна для Лужкова. Он стал заявлять, что «ни при каких условиях не будет выдвигаться» на пост главы государства, если свою кандидатуру выставит Евгений Примаков: наконец-то, мол, «появился человек, которому можно доверить воз в стране». А вот если на президентское кресло станут претендовать люди, «которым нельзя доверять власть»,

тогда другое дело – тогда он, московский мэр, «вступит в борьбу и будет стараться ее выиграть».

По-видимому, у Лужкова, как у многих других, как у самого Примакова, вовсе не было уверенности, что у Евгения Максимовича возникнет желание вступать в борьбу за пост президента. Правда, мы помним, в пору его премьерства оно в какой-то момент у Примакова возникло, но теперь у него был совсем другой статус, несравненно более низкий. Сможет ли он, стартовав с этой более низкой точки, удачно выступить на выборах? Будучи человеком острожным, Примаков не мог не испытывать тут колебаний. Понятно, что если бы он так и не сумел их преодолеть, не решился бы вступить в борьбу за пост президента, руки у Лужкова оказались бы развязаны.

Впрочем, если бы даже и вступил, нельзя было заранее предугадать, каково к тому времени – к середине 2000 года – будет соотношение сил двух «друзей-соперников».

Промежуточный вариант

12 мая 1999 года Ельцин, как уже говорилось, отправил в отставку правительство Примакова. Исполняющим обязанности премьера был назначен Сергей Степашин, до того занимавший пост первого «вице».

Чтобы оправдать «рокировочку» Примаков – Степашин, весьма неожиданную для многих, если не для большинства, президент выступил с телеобращением к гражданам России, в котором попытался объяснить смысл своих действий. Похвалив, как водится уволенного премьера за проделанную работу, он посетовал, что «в экономике мы по-прежнему топчемся на месте». При этом неожиданно сослался на мнения Явлинского и того же Лужкова: Явлинский, мол, полагает, что в области экономики абсолютный застой, ничегонеделание, а Лужков, поддерживая премьера, в

то же время не устает повторять, что процессы в экономике идут крайне вяло. Так что в этой сфере, сказал Ельцин, «необходим серьезный прорыв».

В общем-то, оценка ситуации была достаточно точная, казалось только странным, что задача подъема, прорыва в экономике возлагается не на профессионального экономиста, не на опытного хозяйственника, а на генерала.

И еще одно обращало на себя внимание: в своем телеобращении Ельцин ни слова не сказал о возможном будущем президентстве Степашина, как он это иногда делал в прошлом, представляя других своих назначенцев.

Лишь несколько человек, близких к Ельцину, − Волошин, Дьяченко, Юмашев, − знали, что на роль своего преемника президент уже выбрал совсем другого человека, а Степашин − всего лишь промежуточная фигура.

Ряд ведущих демократических деятелей поначалу встретили выдвижение Степашина с некоторым недоумением. Однако довольно скоро это недоумение рассеялось. Например, Борис Немцов уже 17 мая отозвался о Степашине как об «ответственном, грамотном, компромиссном, но в то же время прогрессивном» политике.

Весьма лестную оценку Степашину Борис Немцов давал и в своих выступлениях за рубежом, поднимая тем самым авторитет нового премьера на международной арене. Так, выступая 3 июня в Лондоне на открытии международной конференции «Россия на пороге нового тысячелетия», он сказал, что новое правительство Сергея Степашина «более прогрессивно и более современно», чем правительство Примакова. По словам Немцова, Сергей Степашин – «современный, либеральный политик, который близок по своим взглядам к социал-демократам Запада».

Словно бы отвечая на эти лестные характеристики, которые давали ему демократы и представители бизнеса, Степашин старался укрепить свою публичную репутацию деятеля, приверженного демократическим и либеральным принципам.

Одним из его девизов было: «Величие России должно строиться не на силе, не на пушках, а на культуре и интеллекте».

Был ли в действительности Степашин «современным либеральным политиком»? Вряд ли он полностью заслуживал такой характеристики. По мнению тех, кто знал его достаточно близко, Степашин принадлежал к тому типу людей, политическая ориентация которых в большой степени зависит от преобладающих в обществе настроений, так сказать, от общественной атмосферы. Поскольку в конце девяностых атмосфера в целом была либеральная, то и он был как бы либерал. Когда же после 2000 года в воздухе возобладали государственническо-патриотические веяния, то и Степашин сделался государственником-патриотом. В первую очередь, он был просто чиновником, а уж во вторую – либералом или государственником-патриотом.

Все же, думаю, сделайся Степашин в 2000 году российским президентом, он не стал бы по собственной воле корежить и ломать либеральную, демократическую атмосферу, которая все больше воцарялась в стране сначала при Горбачеве, а потом при Ельцине, вряд ли он принялся бы коренным образом менять ее «газовый состав», превращая в нечто прямо противоположное.

Естественно, сразу после утверждения Степашина председателем правительства начались разговоры, что он – кандидат в будущие президенты, хотя, повторяю, Ельцин ни словом не обмолвился об этом. Рассчитывал ли сам Степашин на президентство? Валентин Юмашев уверен, что рассчитывал:

– Сергей считал, что он очень сильный политик, что, будучи в роли премьера, он сможет убедить Бориса Николаевича, что лучшего кандидата на президентский пост в 2000 году у страны нет. Он был уверен, что сможет удержать ситуацию, сможет продолжить тот же курс, который проводил Борис Николаевич: демократическая Россия, экономические реформы.

Однако 9 августа утром Ельцин принял Степашина, поблагодарил его за хорошую работу и… отправил в отставку. Все произошло примерно так же, как и с

Примаковым. Для широкой публики это известие опять стало громом среди ясного неба.

Исполняющим обязанности премьера Ельцин назначил директора ФСБ Владимира Путина.

Отклики на очередную правительственную «рокировочку», естественно, были разные. В основном, как и в случае Примакова, – недоуменные. Лужков, например, заявил, что отставка Сергея Степашина выглядит «абсолютно нелогично»: премьер-министру «даже не дали отработать 100 дней». Что касается назначения Путина, то и оно кажется Лужкову непонятным. Хотя он и относится к Путину «довольно ровно», это назначение, по словам Лужкова, выглядит «довольно тревожно»: «здесь нет ясности».

– Мы что, хотим усилить силовые структуры, силовую линию в действиях нашей государственной власти? – сказал Лужков. – Или же перед нами стоят другие задачи – подъема промышленности, стабилизации в сельском хозяйстве и другие.

Были и иные отклики. Борис Березовский высказал мнение, что отставка Степашина объясняется его «недостаточной твердостью»: в частности, он не сумел ни «отстоять позиции Кремля перед лицом оппозиции», ни создать политическую силу с прицелом на парламентские выборы, ни «навязать себя новому блоку «Отечество – Вся Россия».

Вообще-то, Сергей Степашин действительно выглядит довольно мягким человеком, однако за тот срок, который был ему отпущен, и более твердые люди вряд ли смогли бы сделать то, чего хотел бы от Степашина Березовский – например, «создать политическую силу с прицелом на парламентские выборы».

Некие неназванные представители кремлевской администрации (цитирую по сообщению РИА «Новости») утверждали, что Степашин выполнил основную задачу, поставленную перед ним президентом, – «полностью пресек возможность левого

реванша»: при Примакове реформаторы отступали, при Степашине вернули свои позиции, при Путине должны будут перейти в наступление.

Увы, никакого такого наступления при новом главе правительства, а затем и государства не последовало. Получилось скорее обратное движение.

Возвращаясь к Степашину... Вообще-то Сергей Вадимович действительно представлялся многим, кто с ним общался, человеком чересчур мягким, недостаточно волевым. От Валентина Юмашева, например, я услышал:

− После событий в Первомайском я много говорил с Сергеем (напомню: Степашин был одним из руководителей той операции. − **О.М.**) Для меня стало полной неожиданностью: он оказался человеком крайне нерешительным, неспособным взять на себя ответственность.

Наконец, еще один вопрос: даже если бы так случилось, что Ельцин все же остановил свой выбор на Степашине как на преемнике, сумел бы тот выиграть выборы у тандема Примаков − Лужков? На этот счет существуют большие сомнения. Упомянутый тандем обладал огромными ресурсами − и ресурсами популярности, и финансовыми, и административными… Да даже и Зюганова Степашин вряд ли сумел бы одолеть...

ПРЕЕМНИК НАЙДЕН

НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ...

Первая ступенька во власть

Когда смотришь на биографию Путина, не видишь никаких особых причин, почему именно этот человек должен был стать преемником первого президента демократической России. Скорее наоборот, все вроде бы говорило, что вряд ли этот персонаж будет очень сильно востребован демократической властью.

Окончив в 1975-м юрфак Ленинградского университета, молодой юрист сразу же был направлен - не без его желания, разумеется, - на работу в КГБ (очень демократическая и очень «юридическая» организация!), 10 лет прослужил в ленинградском же ее управлении. Следующие пять лет - с 1985 по 1990-й - занимался шпионской деятельностью в составе дрезденской разведгруппы (численностью в шесть человек), входившей в организацию под официальным названием «Представительство КГБ СССР при Министерстве госбезопасности ГДР».

В январе 1990-го, когда коммунистическая ГДР фактически уже развалилась со всеми вытекающими отсюда последствиями для ее «советских друзей», Путин, дослужившись до подполковника, вернулся в Россию, в Ленинград. Оставаясь сотрудником КГБ, стал работать «под крышей» своей альма-матер - ЛГУ, помощником ректора по международным связям.

В советское время такие помощники, референты, а особенно кадровики «в штатском» были рассованы по всем госучреждениям.

Трудно сказать, сколько Путин просидел бы на этом месте, если бы - будем так считать - не случай. Согласно рассказу самого Владимира Владимировича, один из его друзей по университету - то ли просто преподаватель, то ли профессор - попросил его «помочь» Собчаку, который к этому времени стал председателем Ленсовета.

Собчак взял его к себе в советники. Собственно говоря, с этого момента - с мая 1990 года, - можно считать, Путин и оказался на рельсах, которые всего лишь через десять лет привели его на вершину власти. Они, конечно, не обязательно должны были туда его привести, но так вот получилось... Важным, если не решающим,

обстоятельством на первом этапе этого движения стало как раз то, что Путин оказался рядом со знаменитым в ту пору российским демократическим деятелем - Анатолием Александровичем Собчаком.

Соответственно, великой загадкой, думаю, навсегда останется, как мог Собчак так «лопухнуться» - приблизить к себе и продвинуть достаточно высоко наверх - по крайней мере, в масштабах города, - человека, которому вскоре предстояло стать могильщиком российской демократии.

Впрочем, это была ситуация весьма характерная для тогдашних демократов первой волны. Многие из них были замечательными, честными, порядочными людьми, обладали светлой головой, хорошо поставленной речью, прекрасно чувствовали себя на митинге, на трибуне, а вот когда им пришлось перейти на административную работу - логика событий подталкивала их к такому переходу, - опять-таки многие из них «поплыли»... Выяснилось, что даже в людях - в «кадрах» - они разбираются весьма слабо. Относятся к их подбору с непростительным легкомыслием.

Сам Путин так описывает процедуру своего устройства на работу к Собчаку:

«Я встретился с Анатолием Александровичем в Ленсовете, в его кабинете. Хорошо помню эту сцену. Зашел, представился, все ему рассказал. Он человек импульсивный, и сразу мне: «Я переговорю со Станиславом Петровичем Меркурьевым (ректором ЛГУ. - **О.М.**). С понедельника переходите на работу. Все. Сейчас быстро договоримся, вас переведут». Я не мог не сказать: «Анатолий Александрович, я с удовольствием это сделаю. Мне это интересно. Я даже этого хочу. Но есть одно обстоятельство, которое, видимо, будет препятствием для этого перехода». Он спрашивает: «Какое?» Я отвечаю: «Я вам должен сказать, что я не просто помощник ректора, я - кадровый офицер КГБ». Он задумался - для него это действительно было неожиданностью. Подумал-подумал и выдал: «Ну и... с ним!»

Такой реакции я, конечно, не ожидал... Мы ведь с ним видимся первый раз...»

Такая вот «упрощенная» процедура приема. Совсем, как в Запорожской Сечи: «Отче наш» знаешь?» - «Знаю» - «Горилку пьешь?» - «Пью» - «Ступай в четвертый курень!»

Впрочем, существует также версия (ее трудно подтвердить или опровергнуть), что Путин был специально внедрен Лубянкой в ближайшее окружение Собчака, и все годы пребывания рядом с ним, - а возможно, и дальнейшие годы - оставался сотрудником ФСБ, просто перейдя на более глубокий уровень конспирации. Одна из газет писала по этому поводу:

«Было ли это самостоятельное решение Путина (переход на работу к Собчаку. - **О.М.**) или он последовал за Собчаком, что называется, «по рекомендации»? Точный ответ может дать только сам Путин или его вышестоящие начальники, но вторая гипотеза представляется все-таки более верной. Как истинный «служивый», подполковник Путин вряд ли пошел бы на такой шаг без соответствующей санкции. И, наверное, недаром все последующие шесть лет работы Путина в Ленсовете, а затем в мэрии, он считался человеком, попросту говоря, приставленным к будущему мэру для контроля за его действиями. Как бы то ни было, тандем Собчак - Путин выглядел достаточно странно: профессор-демократ, при всяком удобном случае разражавшийся гневными филиппиками против партийной номенклатуры и «вооруженного отряда партии» - Комитета госбезопасности, и кадровый разведчик, отдавший лучшие годы службе именно в этом отряде».

Так или иначе, то обстоятельство, что Путин ряд лет проработал бок о бок с Собчаком, был одним из ближайших его сотрудников, приобрел благодаря этому репутацию демократически ориентированного деятеля, в дальнейшем стало для него как бы солидным рекомендательным письмом, своеобразным пропуском в федеральную властную среду, в ту пору еще сохранявшую некоторые признаки тяготения к демократии, по крайней мере внешние.

Питер налаживает международные связи

Через год, в июне 1991-го, Путин получает от Собчака повышение. Из советника превращается в председателя Комитета по внешним связям мэрии (в 1994-м на него возлагаются еще и обязанности первого зама Анатолия Александровича в городском правительстве).

Борис Немцов, в свое время работавший нижегородским губернатором, так описывает круг обязанностей человека, отвечающего за внешние связи «на региональном уровне»:

«Это, по большому счету, представительские функции, не требующие принятия каких-то важных решений. Заместитель губернатора по международным делам отвечал за встречу иностранных делегаций, ездил вместе с губернатором по городам-побратимам, следил за чистотой в местах скопления иностранных туристов, их питанием и так далее».

Впрочем, сам Путин и его бывшие коллеги по питерской администрации представляют тогдашнюю международную деятельность своей мэрии в более солидном виде: мол, путинский комитет курировал создание в Петербурге валютной биржи, открыл первые в стране представительства западных банков, стал привлекать в город иностранных инвесторов, поучаствовал в прокладке оптоволоконного телефонного кабеля до Копенгагена, озаботился подготовкой специалистов, знающих языки...

Так что дело вроде бы не ограничивалось встречей и проводами иностранных делегаций.

Правда, вполне самокритично Путин признает, что были в этой солидной деятельности и ошибки, и просчеты. Не уследили, например, за предпринимателями, которые вывозили за границу сырье, а в обмен должны были завозить продукты для города: некоторые поставщики растворились вместе с продуктами...

В прессе тогда возник скандал. Расследованием этого дела занималась депутатская комиссия во главе с известной в ту пору демократической деятельницей Мариной Салье. На репутацию Путина была брошена тень...

Еще один прокол случился с игорным бизнесом, над которым Путин, по его словам, попытался «установить жесткий контроль», передав 51 процент акций игорных заведений специально созданному муниципальному предприятию. И снова ловкачи без труда «объегорили» контролеров: в документах показывали им лишь убытки; доходы же уводили налево «черным налом».

Репутация собчаковского заместителя и тут не улучшилась: его обвинили в коррупции, в том, что он имеет немалый доход от деятельности казино...

Версия Марины Салье

Сама Марина Салье несколько иначе излагает историю с непоставленным в Санкт-Петербург продовольствием. В интервью радио «Свобода» она рассказала, что в 1992 году комиссия горсовета под ее руководством пришла к выводу, что по документам, подписанным председателем Комитета по внешним связям мэрии Путиным, а также его заместителем Аникиным, за рубеж были вывезены редкоземельные металлы, нефтепродукты и другое сырье на сумму более ста миллионов долларов. Это были бартерные контракты. Взамен в Санкт-Петербург, где продовольствия не хватало настолько, что на него уже были введены карточки, должны были поступить партии мяса, картофеля, птицы. Но не поступили.

Путин в своей книге-интервью «От первого лица. Разговоры с Владимиром Путиным» отрицает, что он причастен к выдаче лицензий: «Лицензии мы не имели право давать. В том-то все и дело. Лицензии давали подразделения министерства внешнеэкономических связей. Это федеральная структура, не имевшая никакого отношения к администрации города».

На это Салье отвечает:

– А они (лицензии. – **О.М**.) все у меня в папке лежат...

Марина Евгеньевна подробно рассказывает, как Собчак и Путин добились для Комитета по внешним связям мэрии права выдавать лицензии на вывоз сырья за рубеж:

– Да, выдавать лицензии на вывоз сырья за границу имели право только уполномоченные Министерства внешнеэкономических связей… Но в этот момент Собчак составляет протокол о сотрудничестве между мэрией Санкт-Петербурга и этим министерством. Путинский комитет делают комитетом двойного подчинения и дают ему право подписывать лицензии… При этом узаконивают также лицензии, выданные ранее… Собчак закрыл Путина грудью… Договоры были заключены Бог знает с какими фирмами. Фирмы были совершенно явно подставные, однодневки… Еще одной особенностью этих соглашений было то, что в них были очень занижены цены по сравнению с реальными… Так что в целом по этим контрактам речь шла о миллионах, о десятках миллионов долларов прибыли. Этим делом занимался не только Путин, но и Собчак… Как вы понимаете, история с лицензиями, с продовольствием, десятками миллионов долларов, которые тогда заработали люди, к этому причастные (я не знаю, кто; люди, которые этим занимались), очень крепко связала Собчака и Путина. Это видно по всем документам. Собчак знал о всех деталях этого дела.

Отчет комиссии Салье был передан в прокуратуру и Главное контрольное управление Администрации президента. Однако это дело так и осталось не расследованным.

«Собчак демократом никогда не был!»

Кстати, в том интервью Салье вообще дает совершенно уничтожающую характеристику Собчаку:

− Собчак демократом не был никогда. Ленсовет, конечно, сам виноват, и я в том числе, что мы его посадили на царство. Но того, что началось потом, не ожидал никто. Чуть ли не с первого заседания он начал топтать нас ногами, в совершенно непозволительных выражениях оскорбляя депутатов, дискредитируя их всеми возможными способами… У Собчака была четкая цель – сделать из Совета… не подобает пожилой женщине, доктору наук говорить непристойные слова…, но он хотел сделать из совета, извините, г... «Он стал хозяином города», − так сказал в фильме о Собчаке, по-моему, президент Медведев. Медведев-то хоть понимает, что должно быть разделение законодательной, исполнительной, судебной властей?

Но «хозяин города» – сказано точно. Это так и было, Собчак всячески этого добивался. Он добивался права роспуска горсовета и районных советов. Ни больше, ни меньше. Не добился. Причем он использовал недопустимые методы, просто прямую ложь.

Дело дошло до того, что 30 марта 1992 года Санкт-Петербургский горсовет решил считать целесообразным освободить Собчака от должности мэра. Этот документ послали Ельцину…Ельцин не отреагировал… Еще когда Собчак был председателем Горсовета, он его деятельностью не занимался. В то время он был увлечен различного рода презентациями, поездками за рубеж, новыми костюмами. А как только он стал мэром, он уже имел вокруг себя команду (Путин уже там был), и тут же началось разграбление города… Не знаю, смогу ли я назвать еще одного государственного деятеля такого ранга, настолько пренебрежительного по отношению к закону…. Вот передо мной стопка решений, принятых Собчаком и отмененных затем горсоветом. Касаются они в основном имущества, зданий… У меня полно этих заключений. Например, знаменитое решение по «Новой Голландии» (престижный район Санкт-Петербурга. – **Радио «Свобода»**). Собчак отдал архитектурный ансамбль на откуп какой-то неизвестной фирме. Условия для

города были настолько невыгодными, что депутаты ахнули, когда увидели… В общем по поводу того, что Собчак, как нередко говорят, «первый нам указал, что нужно соблюдать законы», − чья бы корова мычала....

Такая вот убийственная характеристика. Все же, думаю, напрочь вычеркивать Собчака из списка демократов несправедливо, по крайней мере − из списка «демократов первой волны». Все помнят пламенные речи Собчака на Съезде народных депутатов, в Верховном Совете СССР, его фонтанирующую энергию в Межрегиональной депутатской группе… Собчак возглавил парламентское расследование в Тбилиси, не дал распространиться на Ленинград заразе путча… Много еще чего за ним числится доброго. Собственно говоря, для тысяч россиян одухотворенное лицо этого ленинградского интеллигента, профессора-юриста стало олицетворением демократии, нарождавшейся в затхлой атмосфере Совка.

А вот уже когда демократы после свержения коммунистической империи стали занимать различные административные посты, многие действительно оказались к этому совершенно не готовы. И по деловым своим качествам, да и не только по деловым. Немало оказалось таких, кто не устоял перед морем открывшихся соблазнов. Ко всему прочему, − не подозревая, каким опасностям себя подвергают. Как многие, Марина Салье уверена, что Собчак «вряд ли умер своей смертью».

Август 1991-го

Почти всю горбачевскую перестройку, когда вся страна бурлила, когда расшатывались и низвергались основы основ, Путин тихо просидел в Дрездене: днем писал и подкалывал в папку отчеты, иногда выезжал на вербовку агентов и на встречи с ними, вечером пил пиво в компании сослуживцев - этот напиток он всегда уважал (за время своей шпионской работы в ГДР прибавил, по его собственному признанию, двенадцать килограммов). В общем, был не вполне в курсе происходящего на родине.

Главное же, не догадывался, что вся его прошлая жизнь, все его прежние представления о добре и зле летят ко всем чертям.

Впрочем, еще и вернувшись в Россию, он какое-то время как бы пребывал в неведении, что, собственно говоря, там творится.

«...До этого момента (до августовского путча. - **О.М.**), - признавался он позднее, - я не мог оценить всей глубины процессов, происходящих в стране. После возвращения из ГДР мне было ясно, что в РОССИИ ЧТО-ТО ПРОИСХОДИТ (выделено мной. - **О.М.**), но только в дни путча все те идеалы, те цели, которые были у меня, когда я шел работать в КГБ, рухнули».

Путин вспоминает, что в дни августовского мятежа они с Собчаком «предприняли довольно много активных действий»: выезжали на Кировский завод, на другие предприятия, выступали перед рабочими, объясняя людям, как им следует относиться к происходящему в Москве...

Странно, что сам Собчак в своей книге «Хождение во власть» на страницах, посвященных августовскому путчу, почему-то не пишет об этих совместных с Путиным поездках (он вообще ни разу не упоминает в этой книге имя Путина). Говоря об августовских событиях, о своих энергичных шагах, нацеленных на то, чтобы предотвратить в Ленинграде повторение того, что происходило в Москве, он в качестве своего партнера и помощника много раз называет тогдашнего своего зама - контр-адмирала Вячеслава Щербакова. Именно он, а не Путин, в изложении Собчака, был в те августовские дни фигурой №2 во властных структурах северной столицы. Он сопровождал повсюду мэра, метался между Мариинским дворцом и штабом Ленинградского военного округа, пытаясь, как и Собчак, не допустить ввода войск в город (в конце концов им это удалось).

Кстати, не вполне ясно, оставался ли еще в тот период Путин сотрудником КГБ или уже покинул ряды этой славной организации. Сам он в книге «От первого лица» говорит об этом довольно невнятно:

«В тот момент я уже не был офицером КГБ. Как только начался путч, я сразу решил, с кем я. Я точно знал, что по приказу путчистов никуда не пойду и на их стороне никогда не буду. Да, прекрасно понимал, что такое поведение расценили бы минимум как служебное преступление. Поэтому 20 августа во второй раз написал заявление об увольнении из органов».

Непонятно: если ты уже не офицер КГБ, то какое же «служебное преступление» ты совершишь, если не подчинишься приказу ГКЧП? И потом если ты уже не офицер КГБ, то зачем тебе писать еще один рапорт об увольнении из этой организации?

Наконец еще одно. Путин говорит журналистам, берущим у него интервью для книги: мол, чтобы его второй рапорт об увольнении не «затерялся» где-нибудь в кабинетах КГБ, как первый, он попросил Собчака позвонить его начальству. Мэр «тут же» позвонил председателю КГБ Крючкову, и уже на следующий день Путину сообщили, что его рапорт подписан.

Напомню, дело происходило 20 августа 1991 года, в разгар путча. Что-то не верится, чтобы в этот критический момент у Собчака не было более важных дел, чем обращаться с мелкой частной просьбой к фактическому руководителю мятежа. Не верится и в то, что этот главный мятежник, который, видимо, уже чувствовал, что их затея с ГКЧП терпит крах, и которого уже на следующий день ожидал арест и «Лефортово», стал бы заниматься вопросом об увольнении какого-то там ленинградского кагэбэшника не очень высокого ранга. Вообще, я думаю, он очень сильно удивился бы, если бы у него в кабинете в тот момент раздался бы подобный телефонный звонок. Во всяком случае, я на его месте послал бы Собчака... Куда подальше.

В некоторых биографиях Путина указывается, что на самом деле он был уволен из КГБ (переведен в «действующий резерв» в звании подполковника запаса) лишь в начале 1992 года. Вот в этом случае его опасение совершить «служебное

преступление» в августе 1991-го (правда, опасение успешно преодоленное) становится понятным.

Карт-бланш для первого зама

Впрочем, неупоминание Путина Собчаком в его книге еще ни о чем не говорит. Книга в основном посвящена перестроечным временам, событиям, в которых, как уже говорилось, будущий российский президент не участвовал и, по-видимому, даже, толком ничего о них не знал. Лишь в небольшой заключительной главке - она называется «Вынужденное послесловие» и посвящена как раз путчу - Путин в принципе мог бы и мелькнуть. А не мелькнул, скорее всего, потому, что следовал первейшему чекистскому правилу, доведенному до уровня инстинкта, - «не высовываться» и «не засвечиваться». А уж 19 - 21 августа 1991 года сотруднику КГБ «засвечиваться» было вовсе ни к чему.

Об истинном отношении Собчака к Путину все это, повторяю, ничего еще не говорит. На самом деле, по всем признакам, отношение это было, как говорится, лучше некуда, хотя со временем становилось все лучше и лучше. В 1992-м Собчак сделал его своим замом, а в 1994-м - первым замом. Доверял он ему безоговорочно - как говорят, бумаги, завизированные Путиным, подписывал не читая. А, отлучаясь куда-то, оставляя его «на хозяйстве», снабжал чистыми бланками со своей подписью.

Забегая вперед, скажу, что уже перед самой своей кончиной, будучи доверенным лицом своего бывшего подчиненного и ученика, который баллотировался в президенты, Анатолий Александрович уже просто слагал ему оды, пел дифирамбы и хвалебные гимны, где чаще всего мелькала характеристика «Путин - государственный человек»:

«Путин - это человек, который сам себя сделал. Он сделал собственную карьеру своими руками... Он на каждом посту был государственным человеком».

«...С одной стороны, у него качества офицера, потому что все-таки большую часть жизни он проработал в качестве офицера, на службе государству. А с другой

стороны - у него хорошее университетское образование, полученное в одном из лучших университетов не только России, но и Европы, с широкими демократическими традициями...»

«...Вся жизнь Владимира Владимировича - ясна, она видна, и сколько здесь ни просматривай, с какой стороны, - ничего не обнаружить негативного...»

«...Это действительно государственный человек, который всю жизнь нормально работал на нужды и интересы государства, и будет делать это впредь»...

Куда делась проницательность Анатолия Александровича? Да и была ли она у него?

ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В МОСКВУ

Заговор против Собчака

Следующий, весьма резкий скачок в карьере Путина произошел в результате события, вроде бы крайне неприятного для него и для его шефа. 2 июня 1996-го в Петербурге должны были состояться выборы губернатора (так теперь предстояло именоваться главе городской администрации). Главным соперником Собчака был его заместитель Яковлев. То были не простые выборы. Против питерского мэра фактически был подготовлен заговор. Во главе его, по-видимому, стояли главный ельцинский охранник Коржаков и его друг первый вице-премьер Сосковец. На подмогу Яковлеву были брошены крупные деньги, в том числе московские, мобилизованы профессиональные политтехнологи, владеющие всеми методами «замачивания» конкурента, привлечены ресурсы «правоохранительных органов» - МВД, ФСБ, прокуратуры...

У Собчака ничего этого не было - ни денег, ни мастеров заплечных предвыборных дел, ни поддержки силовых структур. Он суетился. То принимался сам руководить

своей избирательной кампанией, то ставил на руководство свою жену Нарусову... И, конечно, проиграл.

Для чего президентскому лейб-охраннику понадобилось уничтожать Собчака? Стоял ли за его спиной сам Ельцин?

Вообще-то, отношения Ельцина с Собчаком к тому моменту действительно ухудшились, как они ухудшились со всей интеллигенций - в первую очередь, из-за Чечни. Но они, эти отношения, не достигли все-таки какой-то «точки невозврата», и если бы Ельцина в тот момент спросили, кого он хочет видеть губернатором Петербурга - Собчака или Яковлева, - Ельцин, скорее всего, назвал бы первого (он по-прежнему достаточно высоко ценил Собчака).

Так или иначе, никакого отношения к заговору против питерского мэра Ельцин не имел (хотя сам Анатолий Александрович был уверен в обратном). Коржаков тут действовал совершенно автономно. Его тогдашнее положение позволяло ему даже не ставить своего шефа в известность об этом.

Другое дело, что о коржаковской «спецоперации», пытаясь ей помешать, президента информировал Анатолий Чубайс, тогдашний фактический руководитель избирательной кампании Ельцина. И президент вроде бы даже обещал предпринять какие-то шаги в помощь Собчаку. Но ничего не сделал. Ельцин целиком был поглощен собственной избирательной кампанией.

У самого же Коржакова, по-видимому, было несколько мотивов убрать Собчака. Во-первых, он, как представляется, желал продемонстрировать, что его команда сильнее команды Чубайса: в ту пору между этими двумя деятелями - Коржаковым и Чубайсом - шла смертельная борьба внутри ельцинского избирательного штаба, а Собчак был тесно связан с Чубайсом; если Собчак проигрывает, если Коржаков тем самым доказывает, что он сильнее Собчака (и, соответственно, Чубайса), стало быть, и

для Ельцина (тот должен это увидеть) его главный охранник со товарищи - более надежная опора, чем Чубайс со своими банкирами.

Второй вероятный мотив: действуя против Собчака, Коржаков в очередной раз стремился всем показать, что все демократы - воры: в предвыборной антисобчаковской кампании активно эксплуатировалась уголовная тема, даже листовки с вертолета разбрасывались, в которых утверждалось, что Собчак «проходит» по двум уголовным делам (хотя он «проходил» там лишь как свидетель).

Третий возможный мотив: у Коржакова к тому времени возникли очень плотные контакты с Яковлевым; с Собчаком никогда таких контактов, естественно, не было, Анатолий Александрович вообще плохо понимал, что такое Коржаков и что, собственно говоря, он тут, в Питере, делает...

Вообще питерский мэр, - интеллигент, демократ - явно не входил в число тех, с кем Коржаков мог водить дружбу: все говорило о том, что интеллигентов такого типа (сюда входили и Гайдар, и Чубайс, и Немцов) он просто ненавидел лютой ненавистью...

Через поражение - к победе

Новый питерский руководитель Яковлев предложил Путину остаться его заместителем. Однако Путин отказался, хотя никакого «запасного аэродрома» у него на тот момент не было - были только обещания и предположения о возможных приглашениях (как-никак, человек неплохо показал себя на ответственной работе).

Безработица продолжалась более двух месяцев. Если считать, что до 3 июля Путин еще оставался в санкт-петербургском отделении предвыборного штаба Ельцина, - несколько меньше**.** Переносить этот статус, по-видимому, помогало сознание, что следующее место работы наверняка будет уже не в Питере, а в Москве. Москва же - совсем другой, несравненно более масштабный, полигон для построения карьеры.

Ожидания (если они у него были; а были они наверняка) не обманули Путина. Его питерский земляк Алексей Большаков, ставший к этому времени первым вице-

премьером, помог ему устроиться именно в ту организацию, о которой отставной питерский первый вице-мэр только и мог мечтать, - в президентскую администрацию. Правда, не в главное ее подразделение, - в боковое, в Управление делами президента, заместителем к знаменитому Паше Бородину, тому самому Пал Палычу, который крутил и вертел миллиардами долларов.

Следующим своим карьерным шагом Путин также обязан землякам-питерцам - Кудрину и Чубайсу.

После, когда Путин сам взойдет на вершину власти, этот принцип питерского землячества расцветет уже совсем пышным, дотоле невиданным цветом.

В общем, как говорится, не было бы счастья да несчастье помогло. Победи Собчак на июньских выборах 1996 года, - неизвестно, сколько бы еще пришлось сидеть Путину в питерской администрации за спиной у Анатолия Александровича. А поражение открыло перед ним совсем другие горизонты.

Вступление на политический Олимп

Все же работа в Управлении делами президента - Путин занимался здесь юридическими и внешнеэкономическими делами, - была не совсем еще тем, чего он желал.

Хотя жена была довольна:

- ...Что уж тут жаловаться? Дача в Архангельском. Дом, правда, старый и старая обстановка, зато два этажа, шесть комнат. Две внизу, четыре наверху - шикарно!

У Пал Палыча Путин прослужил чуть более полугода. В марте 1997-го Анатолий Чубайс покидал пост главы Администрации президента, переходил на работу в правительство первым вице-премьером. С собой в Белый дом Анатолий Борисович брал ряд своих сотрудников, в то числе начальника Главного контрольного управления президента (и одновременно − заместителя главы Администрации) уже упомянутого

Алексея Кудрина, путинского сослуживца по Ленсовету и питерской мэрии (в дальнейшем, как известно, Алексей Леонидович долго работал на высоких вице-премьерских и «финансовых» постах в правительстве).

Сменщиком Чубайса в должности главы президентской администрации становился Валентин Юмашев. Тогда-то, уходя, Чубайс и посоветовал Юмашеву поставить Путина на освобождающееся кудринское место. Возможно, самого Анатолия Борисовича попросил об этом тот же Кудрин, с самого начала принимавший активное участие в столичном трудоустройстве своего питерского коллеги.

Так Путин сделался начальником ГКУ - заместителем главы Администрации президента.

Эта работа, по его словам, ему тоже не очень нравилась:

- Работа такая... несозидательная сама по себе. Важная, нужная, я все понимаю, но неинтересно мне было.

Больше того, он вроде бы даже собирался уходить из Администрации президента:

- Не знаю, чем бы я занялся, если бы все же ушел. Наверное, создал бы какую-то юридическую фирму. Трудно сказать, можно ли на это жить, но это действительно интересно. Многие из моих друзей занимаются этим, и у них все получается.

В искренность этих слов - о желании покинуть высокую должность в Кремле и пуститься в свободное «юридическое» плавание - что-то не очень верится. Больше похоже на кокетство: вот, мол, главное для меня, - чтобы работа была интересной, творческой, а все остальное - ерунда. Думаю, вряд ли известен хотя бы один случай, чтобы кто-то из заместителей руководителя Администрации президента добровольно покинул свой пост по такого рода мотивам.

В действительности, став заместителем Юмашева, Путин вышел на высокую политическую орбиту федерального уровня, вступил на политический Олимп. Дорога до его вершины займет у него каких-то три года.

Через год, чуть более, Юмашев повысил Путина до своего первого зама, распознав в нем некие способности, отсутствующие у других.

ЗАЩИТИТЬ ТОВАРИЩА...

Ату его!

Не очень понятно, зачем недругам Собчака понадобилось преследовать и травить его и после того, как он был низвергнут ими с мэрского трона. Тем не менее, они продолжали травлю и преследование. Видимо, тут действовал какой-то охотничий азарт, не позволяющий остановиться, отдышаться.

Говорили, что главными застрельщиками этой кампании были глава МВД Анатолий Куликов и генпрокурор Юрий Скуратов, причем Куликов с его агрессивным характером, как говорится, «на полкорпуса» опережал тут Скуратова. Но и генпрок наскакивал на бывшего питерского мэра не намного менее яростно.

Люди, с симпатией относившиеся к Собчаку, - Чубайс, Немцов, Юмашев, - предпринимали неимоверные усилия, чтобы прекратить это дело, поскольку ни на йоту не верили, что Собчак мог участвовать в каких-то квартирных махинациях (это было главным обвинением, выдвигавшимся против него). Что-то им удалось притормозить, но остановить этот каток они не смогли.

Валентин Юмашев мне рассказывал, что во время их встреч со Скуратовым генпрок говорил ему примерно следующее: «Валентин Борисович, вы не представляете, какая там коррупция! Собчак собрал вокруг себя таких бандитов! Сам он, может быть, и неплохой человек, но - такое наподписывал!.. Конечно, сажать в тюрьму его никто не собирается, - мы знаем его заслуги перед демократией, - но мы обязаны разобраться в правонарушениях».

Примерно то же самое говорил он и Ельцину. Однажды, после разговора с Немцовым, который пытался защищать Собчака, президент позвонил Скуратову и жестко «попросил» его оставить бывшего питерского мэра в покое...

Но в покое его не оставили. 3 октября 1997 года Собчака, по сути дела принудительно, в сопровождении ОМОНа, доставили для допроса в следственный отдел питерской прокуратуры. Хотя Скуратов и обещал его не сажать, похоже, от посадки Собчака отделяло совсем небольшое расстояние...

Сам Анатолий Александрович позже так говорил об этом:

- Когда меня вопреки закону по-хамски задержали для дачи свидетельских показаний, я понял, что существует опасность превращения демократического государства в полицейское. Система карательных органов, существовавшая при коммунизме, не изменилась, а только затаилась.

Побег Собчака

В прокуратуре Анатолию Александровичу стало плохо. Сердце. На «скорой» его отвезли в Центральную медсанчасть №122 - одну из самых оснащенных клиник города (несмотря на непрезентабельное название). Предстояла операция - ее решили делать в этой же клинике...

Однако 10 ноября вечером жена Собчака Людмила Нарусова позвонила... из Парижа. Супруга бывшего мэра сообщила, что они с мужем находятся во французской столице, куда прилетели 7-го числа. Анатолий Александрович проходит здесь обследование в Американском госпитале - одном из самых престижных и дорогих медицинских учреждений города. Как сказала Нарусова, их с супругом отъезд за рубеж вызван тем, что они не хотели «подставлять» питерских лечащих врачей Собчака, которые подвергались неслыханному давлению: медиков обвиняли, - и в прессе, и через посредство анонимных звонков, - что они, мол, соучаствуют в симуляции,

предпринятой Собчаком, - дескать, на самом деле он вполне здоров и должен отвечать за свои «преступные деяния».

Как раз 10-го в том же Американском госпитале Собчаку провели относительно несложную операцию - коронарную ангиопластику (прочистку сосудов, питающих сердце), а на следующий день он уже был выписан из госпиталя.

В сущности, внезапный отъезд Собчака выглядел как хорошо продуманная и хорошо организованная спецоперация. День отъезда - 7 ноября - все еще оставался для многих россиян «престольным» праздником, а в праздники, как известно, общее внимание сосредоточено не на ситуации с бывшими градоначальниками, а совсем на другом... Таким образом, российское население, - в том числе и следователи, - узнало об исчезновении Собчака лишь три дня спустя. Из Петербурга в Париж больного экс-мэра перенес присланный кем-то (неизвестно кем) из Финляндии санитарный самолет. При этом никакие законы не были нарушены. О предстоящем полете были поставлены в известность врачи, администрация аэропорта... Пассажиры и члены экипажа прошли пограничный и таможенный контроль. Все как положено.

Сегодня мало кто сомневается, что эту операцию подготовил и осуществил Путин (он приехал в Питер как раз незадолго до того, в начале ноября). Хотя сам он это отрицает - видимо, по привычке к гэбэшной конспирации.

Тут, кстати, проявилась одна из характерных путинских черт - строгое следование правилам корпоративной солидарности, корпоративной спайки: виноват ли твой товарищ, нет ли - ни в коем случай «не сдавай» его, сделай все что можно для его вызволения из тяжелой ситуации.

Позже Путин примерно так же, как и Собчака, вытащил (уже из тюремной камеры) другого своего экс-начальника - Пашу Бородина...

В общем-то, конечно, неплохая черта. Жаль только, что в наибольшей степени она присуща, как мне представляется, членам не очень-то почтенных сообществ - разнообразных секретных и полусекретных организаций, призванных выполнять не

слишком благородные миссии... А еще - участникам всякого рода преступных «бригад».

«СТАРИК ДЕРЖАВИН НАС ЗАМЕТИЛ»

Из Администрации президента - в ФСБ

Через какое-то время после того, как Путин стал первым заместителем Юмашева (в мае 1998 года), тот попросил Ельцина обратить на него особое внимание. Надо полагать, эта просьба возымела на Ельцина какое-то действие, хотя, может быть, и не сразу…

Как на одного из серьезных кандидатов в преемники Ельцин, по-видимому, стал смотреть на Путина после социальных потрясений лета 1998-го - в частности, после «шахтерского» кризиса, когда горняки перекрывали железные дороги, требуя удовлетворения своих требований.

Борис Немцов, - в ту пору он был первым вице-премьером и как раз занимался в правительстве разрешением этого кризиса, - в своей книге «Исповедь бунтаря» так описывает сложившуюся тогда ситуацию:

«По всей стране бастуют шахтеры. Сидят на Горбатом мосту перед зданием правительства и стучат касками по мостовой. Березовский этот спектакль спонсирует и подвозит забастовщикам бутерброды. Вся страна блокирована: Транссиб, Северная железная дорога, Северо-Кавказская дорога... Железнодорожное движение парализовано по всей России... Мы понимали, что страна вот-вот разлетится на куски... ведь Транссиб - единственная железная дорога, связывающая Дальний Восток и Сибирь с центром России... На Северо-Кавказской дороге собралось столько пассажиров с детьми, ехавших на отдых, что там создалась в прямом смысле взрывоопасная обстановка... Более ста составов простаивали в поле и на станциях на юге. Кругом

антисанитария, отсутствие элементарных условий. Эпидемия могла вспыхнуть со дня на день...

С другой стороны, шахтеры выдвигали во многом справедливые требования, хотя и был перехлест, подогреваемый обиженными олигархами».

В июле 1998-го Ельцин - по рекомендации Юмашева и Кириенко - назначает Путина директором ФСБ: по мнению осведомленных людей, Николай Ковалев, предшественник Путина на этом посту, во время шахтерских волнений показал себя не лучшим образом, - «поплыл», ударился в панику. Путин же, как утверждают свидетели, действовал логично и хладнокровно, выдвигал разумные идеи, которые, будучи реализованы, показывали свою эффективность.

Тут, правда, надо сказать, что не все, кто в то время работал рядом с Путиным, столь же высоко оценивают его деятельность в период шахтерских волнений. Тот же Борис Немцов рассказывает о таком случае:

«Я как вице-премьер руководил комиссией по урегулированию ситуации. Собрал экстренное совещание, пригласил всех силовиков. Все пришли, кроме директора ФСБ Владимира Путина... Путин позвонил и сказал, что он прийти не может, потому что у него заболела собака. Я был в шоке и долго не мог прийти в себя. Поведение руководителя ФСБ мне показалось настолько вопиюще нелепым, немудрым и негосударственным, что я отказывался верить в происходящее. Не помню, в каких выражениях я говорил тогда с Путиным, но наверняка не в очень вежливых».

Что на это сказать? Хотя формально Путин в то время и был вроде бы подчиненным Немцова, поскольку как директор ФСБ входил в правительство, по-настоящему важным для него было не то, что о нем подумают в Белом доме, а то, что подумают в Кремле...

Но вообще история с собакой − какая-то странная, необъяснимая…

Пост директора ФСБ еще больше приблизил Путина к кабинету президента. Теперь уже регулярные, мимо главы администрации и премьера, - по крайней мере, раз в неделю - встречи Ельцина и Путина вполне соответствовали путинскому рангу.

Как отмечали многие, в общении, в диалоге, в вопросах - ответах Путин всегда производил приятное впечатление. Он прекрасно реагировал на слова собеседника, прекрасно формулировал собственные мысли. Все это, надо полагать, не могло не понравиться и Ельцину.

Решение зреет

Второй этап плотного общения Ельцина и Путина начался в марте 1999-го, в момент еще одного кризиса - «скуратовского» (напомню: президент пытался снять опозорившегося генпрокурора, однако натолкнулся тут на упорное сопротивление Совета Федерации). Директор ФСБ, как правило, участвовал тогда - вместе с премьером и главой администрации, - в совещаниях, которые Ельцин проводил по этой теме, хотя она вроде бы не относилась прямо к его компетенции.

Уже невооруженным глазом было видно: Ельцин явно выделяет Путина среди других чиновников, причем дело не ограничивается частотой их встреч. Ельцин, например, практически полностью передал на попечение своего нового фаворита Совет безопасности (Путин стал секретарем СБ в марте 1999-го, оставаясь при этом главой лубянского ведомства), ввел его в узкий круг тех, кто решал самые главные вопросы - точнее, давал президенту рекомендации по этим вопросам. В этот круг, помимо Путина и все тех же Волошина, Дьяченко, Юмашева, входил Чубайс и позже Степашин.

В этот момент, в марте - апреле 1999 года, Ельцин, надо полагать, и подошел вплотную к своему решению сделать Путина своим преемником. То есть, чтобы у него вызрело это решение, понадобилось около девяти месяцев. Срок от зачатия до рождения ребенка.

Путин или Степашин?

Нельзя, правда, сказать, что Ельцин сразу же, окончательно и бесповоротно, уперся в Путина, не допускал возможности какой-то альтернативы. Начиная с зимы 1999-го, он, например, пытался сравнивать Путина со Степашиным, разговаривая то с одним, то с другим. Это продолжалось и тогда, когда Степашин стал премьером. В глазах Ельцина Путин обладал неоспоримыми преимуществами. Говорят, главным для президента стало то, что он убедился: Путин просто сильнее как человек; он гораздо сильнее в отстаивании своих аргументов, своей позиции, держится за нее до конца; если ему не удается убедить собеседника, он предлагает вернуться к исходной точке, к началу спора и все обсудить заново... Казалось бы, это не должно нравиться - сплошь и рядом начальнику больше по вкусу мягкость, податливость подчиненного, позиция «Чего изволите?» Однако Ельцин любил работать с сильными людьми. По оценкам знающих людей, Степашин таковым не был.

Кстати, и Юмашев, по его словам, будучи главой Администрации президента, воспринял перечисленные качества Путина как его главное достоинство, когда сделал его своим первым замом. У Юмашева были более близкие ему люди - Джохан Поллыева, Сергей Ястржембский... Но он предпочел именно Путина. Дружеские отношения между ними так и не сложились, зато наладились эффективные деловые, вроде бы вполне устраивавшие их обоих.

Какие еще качества Путина принимались в расчет? Бывшие помощники президента в своей книге «Эпоха Ельцина» пишут, что внимание тогдашнего главы государства Путин привлек «своей четкой работой и исполнительностью».

Наконец, Ельцину вроде бы нравилась способность Путина к «жестким действиям» (он сам об этом скажет позднее).

Итак, что в списке качеств, побудивших Ельцина остановиться на Путине? Упорство в отстаивании своих аргументов, своей позиции, четкость в работе,

исполнительность, способность к жестким действиям, вообще признаки сильной личности...

Не мало ли для президента демократической страны?

Кстати, не все знавшие Путина в то время, работавшие с ним, были такого же высокого мнения о его деловых и человеческих качествах. Процитирую опять Немцова:

«Я хорошо знал Владимира Владимировича. Он никогда ничем не выделялся на фоне серой массы государственных чиновников и никогда не имел особых заслуг перед Отечеством... Кто такой Путин, мало кто тогда знал. Он был настолько неприметным, что на него не реагировал даже мой секретарь. Как-то ко мне в приемную звонит директор ФСБ, а секретарь отказывается соединять со мной и требует представиться. Тот в ответ: «Путин Владимир Владимирович, директор ФСБ». Секретарь передает мне: «Там какой-то Путин звонит. Говорит, что он начальник ФСБ. Что с ним делать?»

А вот немцовская характеристика более раннего этапа путинской деятельности - когда тот еще был начальником Главного контрольного управления президента:

«Путин писал мне всякие справки... Как-то прислал справку о том, что в ведомстве Чубайса царят хаос, воровство и коррупция. И далее: «Докладываю на Ваше усмотрение». Но если воровство и коррупция, зачем «докладывать на мое усмотрение»? Я позвонил Владимиру Владимировичу и спросил: «Вы пишете, что Чубайс - вор и все остальные вокруг него - жулики. Дальше вы должны были написать: «Считаю, что необходимо возбудить уголовные дела». Вместо этого я вижу странную фразу: «Докладываю на Ваше усмотрение». Как это понять? Путин долго над ответом не думал: «Вы начальник, вы и решайте». Классический пример поведения чекиста. В целом он ничем скандальным не отметился, но и выдающегося ничего не сделал. Как Молчалин у Грибоедова: умеренность и аккуратность».

Чубайс против назначения Путина

Но дело было не только в деловых и человеческих качествах Путина. Та самая «малокомуизвестность» казалась непреодолимым препятствием для того, чтобы «провести его в дамки», то бишь в президенты.

О том, что преемником выбран Путин, на первом этапе знали лишь пятеро: помимо Ельцина - Волошин, Дьяченко, Юмашев и, с какого-то момента, сам Путин. За пределы этой пятерки информация долго не выходила.

Чубайс узнал про Путина несколько позже. Он активно выступил против его назначения премьером и ставки на него как на будущего президента. Это при том, что в принципе он вроде бы хорошо относился к Путину. Чубайс просто рассуждал как опытный политик, политтехнолог: конечно, Путин как президент - это замечательно, это прекрасно, но мы не в состоянии обеспечить ему победу на выборах, у нас просто нет для этого ресурсов: это бывший кагэбэшник, никому не известная фигура; все решат, что Кремль просто сошел с ума...

- Мы с ним ругались по этому поводу, - вспоминает Валентин Юмашев. - Дело доходило буквально до крика.

Где-то в начале августа Чубайс попросил Волошина и Юмашева о срочной встрече. Эта встреча состоялась на даче у Волошина. Глава президентской администрации подтвердил, что Степашин будет уволен, а на его место назначен Путин.

Чубайс был по-прежнему категорически против.

- Как можно снимать Степашина, который набирает рейтинг, завоевывает позиции в Думе, в Совете Федерации! - говорил Анатолий Борисович. - К тому же это просто свинство по отношению к Степашину... Наконец, такая вот частая смена премьеров губительна для власти.

Еще один аргумент Чубайса: пока Степашин остается премьером и котируется на пост президента, он в какой-то степени сдерживает Примакова (Примаков и Степашин друзья, и Евгению Максимовичу трудно будет выступить против Сергея Вадимовича).

Но как только Степашин уйдет, у Примакова будут развязаны руки. Чубайс был абсолютно уверен, что Примаков и Лужков объединятся в своем рывке на вершину власти, и этот тандем Кремлю не удастся остановить, особенно при помощи такой никому не известной фигуры, как Путин: у Лужкова большие деньги, а Примаков - «политический тяжеловес»

На эти аргументы Волошин отвечал, что считает Степашина слабым, и доверять ему страну - безответственно.

Хозяин дома предложил такой вариант: если Борис Николанвич откажется снимать Степашина и назначать Путина, он, Волошин, попросит президента об отставке и предложит, чтобы администрацию вновь возглавил Чубайс, и пусть они дальше вдвоем - Ельцин и Чубайс - отвечают за происходящее.

Чубайс согласился на такой вариант.

Весь этот разговор Волошин на следующий день передал Ельцину. Как и обещал, попросил президента в случае, если он согласится с Чубайсом, отпустить его, Волошина, в отставку и - чтобы уже Чубайс, как близкий к Степашину человек, возглавлял президентскую администрацию до новых президентских выборов.

Ельцин выслушал Волошина, ничего не сказал и вскоре снял Степашина с работы.

Олигархи молчали...

На ту дачную встречу Чубайс привез с собой банкира Михаила Фридмана, на чью поддержку в разговоре, видимо, рассчитывал. Кроме Фридмана, там же присутствовал еще один известный финансист - Роман Абрамович. Впрочем, оба они - и Фридман, и Абрамович, - вроде бы в основном молчали.

Вообще, как утверждают осведомленные люди, никто из олигархов - ни Березовский, ни Абрамович, ни Мамут, ни Фридман, ни Потанин, ни Ходорковский - никакой особой роли, когда принмалось решение о Путине, не имели. Волошин, Юмашев могли обсуждать с ними какие-то темы, выслушивать их мнение, но далее,

через барьер из этих двух людей, как утверждают, оно не просачивалось. Решние о том, что и как должить президенту, принимали Волошин и Юмашев.

(Впрочем, тут мы погружаемся в глубины психологии, которая, как известно, «темна вода во облацех». Полагаю, сами же Волошин и Юмашев не смогут вам точно ответить, в какой мере мнения и советы олигархов могли их склонить к тому или иному решению. Важно, что олигархи были в числе близких к Ельцину советников и что-то там говорили советникам ближайшим…)

Точно так же было и в разговорах ближайших советников − Волошина, Юмашева − с самим президентом: Ельцин выслушивал их и говорил «спасибо». По его виду (нередко в таких случаях - хмурому) совершенно невозможно было понять, согласен он с тем, что услышал, или нет. И только потом становилось известно, что он решил. Таков был стиль Ельцина.

Как бы то ни было, в том, что касается Путина, - опять-таки по утверждению знающих людей - преемник был исключительно выбором самого Ельцина.

Он уйдет из Кремля досрочно?

Как уже говорилось, Юмашев считал, что Путина надо назначать премьером уже в мае, сразу после отставки Примакова. Делать Степашина председателем правительства на три месяца - значит, просто издеваться над ним: функция премьера - «длинная», есть множество дел, которые он должен планировать заранее, вести соответствующую подготовку...

Впрочем, заменить Степашина Путиным намечалось несколько позже, - где-то в ноябре-декабре, так что и у первого вроде бы было время поработать, и второму оставался достаточный срок - полгода - для «президентской» раскрутки.

Правда, некоторые, самые близкие к президенту, люди в его окружении подозревали, что Ельцин уйдет в отставку раньше положенного срока. Возможно, именно этим объясняется, что он приблизил время отставки Степашина: не исключено,

что уже в тот момент он принял для себя решение покинуть Кремль до истечения своих президентских полномочий.

Путин не хотел идти «наверх»?

О своем предстоящем назначении на пост премьера и дальнейшем продвижении наверх Путин узнал где-то в конце июля, недели за две - за три до самого события**.** Говорят, вообще-то он не испытывал большого желания идти ни в премьеры, ни в президенты. Его первая реакция была: «Надо подумать. У нас ведь есть нормальный кандидат - Сергей (Степашин. - **О.М.**) Я вижу себя в другой роли». Будто бы его желанием было возглавить какую-то большую компанию, государственную, не частную, − типа РАО ЕЭС или «Газпрома», или Российских железных дорог, и там спокойно существовать со следующим президентом - Степашиным. Чтобы не было такой ответственности...

Когда же он стал премьером, ему опять-таки хотелось притормозить события, посидеть полгода - год в премьерском кресле, не менять его на президентское - чтобы освоиться на руководящем посту.

На вопрос, бывшего одноклассника, зачем ему это было надо - становиться президентом (разговор происходил летом 2001 года), Путин ответил:

- Не было возможности отказаться.

Трудно сказать, насколько искренне это говорилось...

Если бы не августовский дефолт...

Между тем такое ощущение, что если бы не августовский дефолт 1998 года, Путин вполне мог бы стать следующим премьером уже после Кириенко. Валентин Юмашев подтверждает мое предположение:

- Да, я думаю, так оно скорее всего и было бы. Сергей Кириенко пробыл бы на своем посту до осени 1999-го, после чего премьером стал бы Путин, а Кириенко - его

первым замом по экономике. Затем Кириенко вновь стал бы премьером - уже при президенте Путине.

Таким образом, можно сказать, что дефолт 17 августа 1998 года, помимо прочего, добавил российской истории еще двух «лишних» премьеров - Примакова и Степашина.

Они «похожи характером» - оба жесткие

18 августа 1999 года, менее чем через сутки после того, как Дума утвердила Путина премьер-министром, Ельцин, в свою очередь, утвердил представленную премьером структуру нового правительства. При этом на встрече с журналистами произнес те самые вроде бы лестные слова об одном из путинских качеств, - они, мол, с премьером «похожи характером» в способности к жестким действиям, и это, по его мнению, «позволит проводить единую линию».

К сожалению, жесткость Путина проявилась совсем не так, как жесткость Ельцина.

Персонаж с холодными глазами

Можно ли было за оставшиеся десять месяцев «раскрутить» Путина как кандидата в президенты? Некоторые из ведущих политтехнологов и имиджмейкеров, к которым я обратился с этим вопросом в конце августа 1999 года, с ходу отвечали отрицательно. Дескать, такая «раскрутка» - дело совершенно безнадежное. Они бы за нее не взялись. Ни за какие «бабки». Слишком далек новый премьер от того, что требуется кандидату в президенты.

Директор Центра политических технологий Игорь Бунин:

- Я считаю, что «раскрутить» Путина невозможно. Причины? Во-первых, чрезмерно тесная связь с непопулярным президентом. Во-вторых, отсутствие опыта публичного политика. В-третьих, Путин представляет собой полное тождество со Степашиным, а Степашин идет в публичную политику - они будут мешать друг другу.

В-четвертых, - это всем видно - его внешние, поведенческие качества для харизматического лидера отнюдь не лучшие. Перечисленных причин, по-моему, уже достаточно…

Все-таки по своим человеческим характеристикам Путин и Степашин сильно разнились. К тому же, как представлялось, в оставшееся время премьер, если он осознает свою главную ахиллесову пяту, может попытаться дистанцироваться от Кремля или сделать вид, что дистанцируется.

Бунин:

- Дистанцироваться от Кремля он не может, потому что он был взят в премьеры в качестве ручного деятеля.

На самом деле ни Ельцин не брал Путина как «ручного», полностью управляемого, ни в действительности он «ручным» не оказался.

Руководитель Центра политического консультирования «Никколо М» Игорь Минтусов был более осторожен в суждениях: немедленно на вопрос о возможностях Путина он затруднился бы ответить.

- Какие предпосылки к тому, что его можно «раскрутить»? Первая - личностный потенциал (он достаточно сильный, собранный, стрессоустойчивый человек) и вторая - то, что у него нет отрицательного имиджа, он малоизвестен. Ну, а минусы, которые видны уже сейчас: во-первых, президент назвал его своим преемником, во-вторых… Впрочем, это не минус, а некий фактор неопределенности: поскольку Путин неизвестен, не понятно, как поведет себя экономическая и политическая «элита», будет ли она консолидироваться вокруг него. В общем, более или менее точный прогноз можно будет дать не раньше, чем через месяц.

Коллега Минтусова по Центру «Никколо М», его содиректор Екатерина Егорова смотрела на дело более определенно. И оптимистично. В принципе она согласна, что задача «раскрутки» бывшего шефа ФСБ до «президентского» уровня очень непростая. Но, по мнению Егоровой, эта задача все же решаемая. При условии приложения

огромных средств, всех имеющихся ресурсов, при подключении всех информационных каналов. При условии, что сам Путин будет «очень много работать над собой». Наконец, еще одно необходимое условие - премьер не должен делать никаких ошибок, а его соперники, претендующие на президентское кресло, напротив, совершать их во множестве.

Были ли в практике «Никколо М» случаи подобного чудесного преображения клиентов?

Егорова:

- У нас был один клиент, политик очень известный, но внешне человек несимпатичный, асексуальный… В общем никакой… Понятное дело, непроходной. И буквально через полтора месяца нашей работы с ним его стало не узнать. Человек распрямился. Женщины стали на него реагировать… Как видите, даже такие сложные варианты «раскручиваются». А у Путина нет никаких очевидных дефектов…

- Вы считаете, что ему асексуальность не присуща?

- Думаю, что нет. Такой вот персонаж с холодными глазами хотя и не по всем параметрам, но вписывается в тот архетип, который привлекателен для женского электората.

- Разве в холодные глаза не стоит добавить немного огня?

- Огонь может быть и холодный… Если же отвлечься от сексуальности… Да, Путин сдержанный. Да, смотрит исподлобья и часто куда-то вниз. Да, внешне неактивный. Но это скорее «в нуле», чем в «активном минусе». Он скорее «воинствующе нейтральный, чем негативный».

Не исключено, что в ту пору усилия по «раскрутке» Путина уже начали прилагаться. В частности, было заметно, что его пытаются представить в качестве «второго Андропова» - этакого несгибаемого, последовательного борца за порядок и дисциплину, скупого на внешне эффектные жесты, но всезнающего и всемогущего.

Егорова убеждена, что для 1999 года этот образ абсолютно не годится. Не дай Бог, если советники премьера сконцентрируются на нем.

- Обществу это сейчас совершенно не нужно. Двигать Путина как «второго Андропова» - значит, просто похоронить его как кандидата в президенты.

А как быть с очевидным отсутствием харизмы?

Егорова:

- Что такое харизма? Это совокупность неких собственных качеств человека, помноженная на запрос времени. Сегодня, среди прочего, существует запрос и на таких вот сдержанных, не эпатажных деятелей, как Путин. Сейчас не нужны люди, постоянно выступающие с какими-то резкими заявлениями, совершающими какие-то экстравагантные поступки.

Итак, Путин - клиент трудный, но не безнадежный. Как говорят политтехнологи, не «дохлая лошадь». В принципе работа с трудными клиентами по-своему привлекательна. Можно запросить хорошие деньги. Но дело не только в деньгах. Егорова считала, что как раз такая работа наиболее интересна:

- Если вам дают на «раскрутку» Лебедя, тут большого ума не надо. А здесь получаешь дополнительный адреналин…

ПРЕЕМНИКА ДВИГАЮТ К ЦЕЛИ

Миф о Березовском

В день своего назначения исполняющим обязанности премьера Путин, среди прочего, заявил журналистам: он, мол, не считает, что в отношениях с олигархами у него возникнут проблемы, хотя в бытность директором ФСБ он уволил из рядов спецслужбы некоторых людей, считавшихся, например, ставленниками Березовского. Это было довольно неожиданное признание: все были уверены, что у Путина с

Березовским прекрасные отношения и, более того, что Березовский был одним из тех, кто сделал Путина сначала премьером, а потом президентом.

Каких же «ставленников Березовского» уволил Путин? Возможно, он имел в виду подполковника Александра Литвиненко и некоторых его коллег, принявших участие в скандальной телевизионной пресс-конференции в декабре 1998-го (напомню, сотрудники ФСБ заявили тогда в прямом эфире, что их лубянское начальство заставляло их осуществлять заказные убийства; среди прочего, речь шла о «заказе» на Бориса Березовского).

Утверждение (до сих пор живущее), что Березовский «сделал» Путина, - это одна из многочисленных легенд, которыми под завязку забито наше «информационное пространство» и, соответственно, головы наших сограждан. У Березовского просто не было таких возможностей - «сделать» президента (преемника Ельцина), хотя бы по той простой причине, что он не имел прямого выхода на действующего главу государства. Однако пресса усердно раздувала масштабы этих возможностей. Да и сам Борис Абрамович всегда с удовольствием занимался тем же самым: как уже говорилось, пиар и самопиар он считал и считает нормальным инструментом политической деятельности, политической борьбы.

Березовский не имел прямого отношения к восхождению Путина по ступенькам кремлевской служебной, карьерной лестницы (о том, кто имел, мы уже говорили). Но он, в самом деле, весьма одобрительно отнесся к известию, что Путина прочат в преемники. Он считал, что если этот «проект» получится, это будет фантастической удачей.

Березовский не «сделал» Путина, но он сделал другое - придумал блок «Единство», который стал хорошим подспорьем для Путина при его продвижении на вершину власти. Хотя придумывал его Березовский совсем не для этого.

В тот момент Борис Абрамович был с головой погружен в борьбу с Примаковым и Лужковым, вел ее напористо и агрессивно. (Известна его характеристика этих двух

деятелей, которую он дал в интервью французской газете «Монд» 12 августа 1999 года, сразу после отставки Степашина. Березовский назвал Лужкова «безответственным популистом». По его мнению, приход столичного градоначальника к власти приведет к «кровавой бане» из-за его намерений пересмотреть результаты приватизации. Что касается Примакова, тот, по мнению олигарха, в отличие от Лужкова, «серьезно думает об интересах России», однако он «принадлежит ушедшему прошлому и испытывает ностальгию по великой империи, каковой был Советский Союз» - такой подход «смертелен для России»).

Так что Березовский придумал «Единство» как инструмент борьбы с двумя наиболее перспективными, как тогда представлялось, кандидатами в президенты. Первоначально это была просто идея. Такие идеи, как известно, Березовский генерирует непрерывно, - отсюда его репутация как непревзойденного «креатора», «креативщика» или как там еще это называется. В Кремле замысел Бориса Абрамовича встретил противоречивое отношение. Некоторые отнеслись к нему скептически, считая, что с этим «Единством» шансов у Кремля - никаких: при том разброде, который тогда царил в Администрации президента, в лучшем случае удастся набрать пять-шесть процентов, не более. Процентов десять - это был бы уже успех...

Но Березовский, с его вулканической энергией, «завел» всех. Как и в случае, когда он фактически сам себя сделал исполнительным секретарем СНГ, он облетел два-три десятка губернаторов, заручился их поддержкой. Впрочем, добиться ее было не так уж трудно, поскольку среди этой публики всегда немало ярых ненавистников Лужкова. К тому же новый альянс, - а первоначально он планировался как некая партия регионов, - вроде бы открывал новые возможности для реализации разнообразных губернаторских амбиций. Так или иначе, губернаторы выразили готовность предоставить свои ресурсы для предложенного Березовским «партстроительства».

Позднее, когда Кремль (прежде всего Волошин) поддержал-таки эту идею, Березовского оттерли от этого дела. Он, конечно, был уязвлен, но считал, что главное он уже сделал и продолжал поддерживать этот «проект» через телевидение.

Они не всегда были врагами

В последующие годы, когда Путин был уже на троне, Березовский, как известно, сделался его злейшим врагом, так что сегодня уже и поверить невозможно, что между ними действительно когда-то были добрые отношения. Они довольно тесно сотрудничали еще в ту пору, в начале девяностых, когда Путин был заместителем Собчака, а Березовский занимался в Петербурге автомобильным бизнесом. Борис Абрамович с восторгом отзывался о тогдашнем их сотрудничестве и о самом Путине, каким он его знал в тот период. Березовского просто потрясло, что Путин - величайшая редкость для чиновника - не требовал от него ни взяток, ни каких-либо услуг (обычно за какую-то помощь просили машину или что-то еще). Все вопросы решались в интересах бизнеса и в интересах города. Березовский разглядел тогда в Путине представителя «абсолютно нового поколения чиновников» - таких вот, как ему показалось, бессребреников.

После, когда Юмашев рассказал ему, что по совету Чубайса он собирается взять Путина на работу в Администрации, Березовский горячо это одобрил: «Ну, тебе повезло! Это совершенно потрясающий мужик! Мы с ним работали. Сразу видно, что яркий человек. То, что ты его берешь к себе, - абсолютно правильное решение».

До какого-то момента их симпатии были взаимными. Как и многие, Путин ценил в Березовском его «креативные» способности. Однажды, будучи директором ФСБ, он даже приехал к Борису Абрамовичу домой поздравить с днем рождения то ли его самого, то ли его жену. В этот момент Примаков, (премьер) серьезно «наехал» на Березовского, и тот факт, что его заклятого врага с дружеским визитом навестил столь крупный чиновник не могло остаться незамеченным.

(Правда, потом Березовский совершенно некстати рассказал об этом визите в одном из газетных интервью: дело было накануне выборов, и Путину абсолютно не нужны были откровения олигарха об их дружбе).

Думаю, те восторги в адрес Путина, которые Березовский расточал в стенах Кремля, конечно, тоже могли поработать на создание «светлого образа» будущего президента. Так что утверждать, будто Борис Абрамович совсем уж непричастен к воцарению Путина, наверное, не стоит. Хотя эта причастность, как видим, была довольно косвенная и опосредованная. Не прямая. Прямых возможностей провести Путина в президенты у Березовского, как уже говорилось, не было. Хотя бы потому, повторяю, что он фактически не был вхож к Ельцину: тот, по-видимому, за все время принял его не более двух-трех раз.

«Народ устал от одних и тех же физиономий»

Хотя опасность, связанную с тандемом Примаков - Лужков в Кремле воспринимали вполне серьезно (особенно опасным считался Примаков), никакой паники в Администрации президента, как уверяют, не было. Вроде бы существовала достаточная уверенность, что Путин выиграет выборы. Дескать, народ устал от тех физиономий, которые он постоянно видит по телевизору вот уже четыре года, или даже восемь лет - от всех этих лужковых, примаковых, зюгановых, явлинских... Прибавляли сюда усталость от реформ, обнищание. В общем, считалось, что любого «свежего» человека, а тем паче с премьерскими полномочиями, люди поддержат гораздо охотнее, чем примелькавшихся и всем опостылевших деятелей, будут связывать с ним надежды на избавление от своих бед.

Опасались главным образом одного, - чтобы за оставшиеся (как думали) полтора года до выборов Ельцин не «пережал» его, не сковал его самостоятельности, дал ему развернуться, показать себя.

Были, конечно, и исключения, кто думал по-другому - мы видели, тот же Чубайс, например, полагавший, что продвинуть Путина в президенты невозможно.

Что касается лично меня, по-моему, достаточно очевидно: Путину набрать рейтинг (почти от нуля) и избраться президентом помогли вроде бы «случайные» обстоятельства - возобновление чеченской войны, взрывы домов... Уверен: если бы всего этого не было, вряд ли его избрали бы.

* * *

Итак, преемник президента объявлен. Реальный преемник. Теперь оставалось «накачать» его рейтинг и убрать с дороги наиболее опасных конкурентов.

ТЕЛЕКИЛЛЕР ДОРЕНКО

Лужков нарвался…

В конце августа в ряде западных СМИ («Файнэншл Таймс», «Коррьере Делла Сера») появились скандальные публикации о финансовых делах Кремля. В частности, Ельцина и двух его дочерей обвиняли в том, что они будто бы через Пал Палыча Бородина по трем кредитным карточкам получили взятку в миллион долларов от албанско-швейцарского предпринимателя Беджета Паколли, владельца строительной фирмы «Мабетекс», занимавшейся реставрацией Кремля. Взятки будто бы были получены во время официального визита российского президента в Венгрию.

Эту тему охотно подхватили российские политические оппоненты Ельцина, в том числе потенциальные кандидаты в президенты, жаждавшие продемонстрировать всем свою кристальную честность и белоснежную невинность на фоне погрязшей в коррупции «кремлевской камарильи», или, как ее еще стали называть, «семьи». Так,

московский мэр Лужков, некогда клявшийся Ельцину чуть ли не в верности до гроба, заявил:

- Я думаю, что те персоналии, которых касается эта информация, должны дать ответ обществу, причем персонально, лично. Это касается семьи президента, это касается президента, это касается околопрезидентского окружения. Я думаю, что они персонально должны обществу сказать: «Да, это есть», или - «Это клевета». Но этого мало. Сказав, что это клевета, я считаю, они должны подать в суд на клеветников. Если они это сделают, то мы, дожидаясь решения суда, не должны их обвинять в коррупции. И только после решения судебных инстанций свой общественный, человеческий вердикт вынести этим личностям. Пока нет объявления о том, что будут предъявлены судебные иски о клевете, я верю прессе, я верю средствам массовой информации. Но и этого мало. Государство должно проявить официальный интерес силами нашей Генеральной прокуратуры, по меньшей мере, оно должно проявить официальный интерес и провести соответствующее расследование. Инициативой, побуждающей провести это расследование, должно быть соответствующее решение или комитета Госдумы, или Госдумы в целом. Если мы этого не сделаем, то все, что пишется в этих газетах, я буду считать правдой.

Лучше бы Лужков этого не говорил. Для него же лучше. После этого мэрского заявления Борис Березовский, фактический хозяин ОРТ, что называется, спустил на столичного градоначальника всех собак. Уже 5 сентября ведущий первого канала Сергей Доренко нанес мэру российской столицы ощутимый контрудар, продемонстрировав телезрителям, что не такой уж он, Лужков, девственно-невинный.

- Вот журнал «Культ личности», - сказал Доренко. - Это далеко не первое и не единственное СМИ, которое пишет в том числе о состоянии Лужкова. Его личное состояние журнал оценивает в 300 - 400 миллионов долларов. Рядом с Лужковым его правая рука, родственник и теневой хозяин Москвы господин Евтушенков. У Евтушенкова, как пишут, тоже от 300 до 400 миллионов долларов… И нас эта

публикация не удивляет. Я уверен, никто сейчас не удивлен. Ведь человек так долго сидит на Москве, а Москва - город хлебный, у нее деньги всей России. Чему же тут удивляться? Представляете себе сцену, как Ельцин говорит: «Я потребую у Госдумы и у прокуратуры, чтобы они расследовали эту публикацию про Лужкова, а не то стану верить всему написанному».

«Мабетекс» и «Мибатекс»

В эти же дни немецкая «Бильд» сообщила своим читателям, что Лужков купил в Германии за сто пятьдесят тысяч марок (что-то около девяноста тысяч долларов) «супержеребца» для себя и еще двух пони для своих детей.

Лужков, естественно, стал оправдываться, заявил, что подаст в суд на СМИ и журналистов, опубликовавших ложные сведения о доходах его семьи и о жеребцах. Ему на помощь пришла супруга Елена Батурина. Доказывая, как скромно, на грани бедности, они живут, Батурина заявила «Московскому комсомольцу»:

- Лично у нас на конюшне лошадей немного - две моих, одна Юрия Михайловича и лошади для детей; это такие специальные маленькие лошадки, сто тридцать, сто сорок сантиметров в холке.

(В начале 2007 года журнал «Финанс» оценивал состояние Батуриной, а стало быть, и самого Лужкова, уже в 6 миллиардов долларов. Спрашивается, причем здесь пони и жеребцы, которые стоят хоть и дорого, но по лужковским масштабам - копейки?)

Короче, Лужков, можно сказать, по собственной инициативе, втянулся в громкий скандал накануне думских и, что особенно важно, президентских выборов. Больше всего мэр взъярился после того, как 25 сентября в программе Доренко было рассказано, что семья Лужкова получает деньги от той самой скандально известной швейцарской фирмы «Мабетекс». Посредником при переводе этих денег на личные счета и в оффшоры (указывались суммы, банки), по утверждению ОРТ, был президент «Банка

Москвы» Андрей Батурин. Опровергая это, Лужков заявил, что не знает никаких «Мабетексов», не ведает даже, как правильно произносится это название (вместо «Мабетекс» он говорил «Мибатекс»). В своем опровержении московский мэр сделал упор на том, что при использовании фамилии Батурин совершена, дескать, элементарная подтасовка: Андрей Батурин - вовсе не брат его, мэра, жены, а стало быть, и не родственник его самого, Лужкова, брата жены зовут Виктор, именно он является ее единственным деловым партнером. «Никакого отношения Андрей Батурин не имеет ни к родственным связям с членами семьи моей жены, ни к бизнесу моей жены», - сказал мэр. Этот довольно косноязычный текст в дальнейшем стал, конечно, весьма удобной мишенью для издевательско-юмористических упражнений Сергея Доренко.

«Стремительная потеря чести и достоинства»

В следующих своих авторских программах телеведущий ОРТ «бомбил» Лужкова уже привычно, уверенно, по-хозяйски, с беспощадной издевкой.

- На этой неделе московский мэр стремительно терял честь и достоинство, - говорил Доренко в программе от 2 октября. - Мы же, как и подобает наблюдателям и юным натуралистам, продолжали самым хладнокровным образом изучать две эти сущности с цветом и запахом. Теперь уже изучаем то, что от них осталось, под микроскопом.

Насколько можно понять, при добывании компромата на мэра использовались серьезная агентура и спецсредства. Так, Доренко сообщал телезрителям, что «уже на следующий день» после выхода программы от 25 сентября упомянутый в ней Андрей Батурин сидел в кабинете у Лужкова.

- Обсуждали, что делать, - рассказывал Доренко. - План разработали такой. Прежде всего, глава фирмы «Мабетекс - Германия» должен был осудить меня за сказанное в программе. От Батурина к генеральному директору «Мабетекс - Германия»

Хильми Клаппия ушел проект письма. Вот он: «Уважаемый Андрей Борисович, - как бы должен написать Батурину Кллапия, - утверждение Сергея Доренко о том, что денежные средства по упомянутым в его программе платежным поручениям предназначались для семьи Лужкова, считаю абсурдными и оскорбительными для себя и для фирмы «Мабетекс Прожект инжиниринг». И - место для подписи. Батурин и Лужков не опубликовали это письмо, потому что Хильми Кллапия его не подписал. Письмецо от семьи Лужкова так и лежит неподписанным.

Юрий Михайлович Ленин

Что касается утверждения Лужкова, что Андрей Батурин - вовсе не брат его жены, а брата зовут Виктор и что именно он - единственный партнер Елены Батуриной, тут уж Сергей Доренко, что называется, «оттянулся по полной программе»:

- Мы не утверждали, что Андрей Батурин - единственный партнер его жены в ущерб вышеупомянутому Виктору. Это подмена тезисов. Вообще, будь Лужков хоть сколько-нибудь мужчиной, не следовало бы ему вмешивать в такие дела свою жену. Это, Юрий Михайлович, не по-нашему, не по-сицилийски. Мы с вами, как два дона, дон Серджио и дон Джорджио, мы не должны трогать тему вашей жены. Как видите, я все еще пытаюсь защитить вашу честь, то, что от нее осталось. Дон Джорджио, не надо через слово упоминать свою жену. Лужков нарочно всех путает, мы с ним так договаривались. Он говорит про членов семьи его жены. Вот его слова: «Никакого отношения Андрей Батурин не имеет к связям с членами семьи моей жены». Что значит эта фраза? Значит, что существуют некие связи с членами семьи лужковской жены, но к ним не имеет отношения Батурин. К связям не имеет. А к членам семьи его жены имеет или нет? До конца не понятно. А член семьи лужковской жены это кто? А это сам Лужков и есть, он себя так иносказательно называет. Ведь у лужковской жены семья с ним, верно? Я так понимаю. У лужковской жены только с Лужковым семья, верно? Раз женщина взрослая и замужем, то ее семья - это которая у нее с мужем,

правильно? Правильно. Значит, Лужков и есть член семьи своей жены. Экий путаник у нас, этот член батуринской семьи. Раз Лужкову так нравится, мы тоже станем звать его - член семьи его жены. Хотя нет, я придумал сокращение - его жену звать Леной, стало быть, он член Лениной семьи, правильно? То есть Ленин муж. Чей муж? Ленин. То есть можно говорить - Юрий Михайлович Ленин. А в официальных церемониях можно полностью, с титулом - член семьи своей жены Юрий Михайлович Ленин.

Забавно, что позднее именно по этой схеме выбрал себе псевдоним наставник и старший товарищ Сергея Доренко по тем предвыборным словесным баталиям Борис Березовский. Поскольку его жену тоже зовут Елена, как и жену Лужкова, Борис Абрамович стал… правда, не совсем Лениным - Елениным. Этот псевдоним, как известно, он использует в тех случаях, когда ему надо появиться где-либо конспиративно, инкогнито.

Здесь надо заметить следующее: как бы ни относиться к Лужкову, процитированный выше доренковский текст менее всего выдает желание журналиста разоблачить московского градоначальника как коррупционера. Если такое желание и есть, то оно где-то на втором плане. На первом же - стремление уничтожить Лужкова как политическую фигуру, претендующую на участие в президентских выборах. Хотя иногда, когда видишь на экране этого телеведущего с мужественной, суровой внешностью, с немигающим взглядом, с непроницаемым лицом, как бы с еле сдерживаемым негодованием по поводу того, что происходит в коридорах власти, - когда видишь этого человека и не очень вдумываешься в произносимый им текст, может показаться, что главное для него - как раз неодолимая жажда по мере сил содействовать уничтожению всякой, какая только есть на земле российской, скверны.

Четырнадцать костюмов Скуратова

Через неделю Доренко вернулся к теме «Лужков и «Мабетекс». Но теперь целью его атаки был не только Лужков, но и генпрокурор Скуратов. Скажу даже так: сначала

речь зашла о прокуроре и лишь потом, довольно необычным образом - через предметы мужского туалета, - перекинулась на мэра.

С уже упоминавшимся президентом фирмы «Мабетекс», которая занималась реставрацией Кремля, Беджетом Паколли Доренко встретился в Германии. В тот момент в Москве бушевал скандал, связанный с уголовным делом, возбужденным против Скуратова: его обвиняли в получении взятки от того же «Мабетекса». Взятка будто бы была получена не в рублях, не в долларах и не в какой-то другой валюте, а… в костюмах. В свойственной ему издевательско-ироничной манере Доренко задал Паколли вопрос насчет этой истории. Его собеседник отвечал по-русски, хотя и не очень уверенно.

«Доренко:

- Вся Москва жалеет сегодня Скуратова. Я тоже ему сочувствую в связи с тем, что у него остался только один костюм, а четырнадцать костюмов у него забрали. В самом деле, нам его жалко. Скажите, пожалуйста, эти четырнадцать костюмов покупали вы? Он вас просил об этих костюмах, или вы считали это гуманитарным даром, или вообще что это за история?..»

Паколли и не думает отпираться. Возможно, он, в самом деле, полагает, что взятка - это когда дают деньги, а когда костюмы - это что-то другое.

«Паколли:

- Я, естественно, купил четырнадцать костюмов господину Скуратову. Он сказал правду - пусть будет гуманитарная помощь тоже для него.

Доренко:

- Это считается гуманитарной помощью?

Паколли:

- Гуманитарная помощь.

Доренко:

- Это очень необычная гуманитарная помощь.

Паколли:

- Но интересно здесь, что я господина Скуратова никогда не видел и не общался с ним никогда, но знал, что эти одежды были для него, он выбрал сам, он подсказал, какой цвет, он подсказал, какие рубашки, - он подсказал все… мы отправили к нему портной, там он сказал ему все, что ему нужно…

Доренко:

- Значит, это был какой-нибудь необычный портной, это был, наверное, серьезный портной все-таки?

Паколли:

- Да, это все стоило, по-моему, шестьдесят две или шестьдесят три тысяч долларов.

Доренко:

- Шестьдесят две или шестьдесят три тысячи долларов за четырнадцать костюмов! Я когда-то учился в математической школе, черт побери, и мне кажется, что это каждый костюм, получается, по четыре тысячи.

Паколли:

- Да, но там были еще рубашки, еще трусы, еще галстук, еще марка сзади.

Доренко:

- Марка сзади, - что это значит?

Паколли:

- Марка дизайнер… Знакомая (то есть известная, знаменитая, брэнд. - **О.М**.)…

Доренко:

- Это один из домов модели?

Паколли:

- Да, естественно, но сам господин Скуратов потом сказал, между прочим, он сказал, что материал был очень ужасный материал. Материал был хороший…»

- Я вот слушал и думал, - комментирует эту беседу Сергей Доренко, - а чего же он все голый-то скакал, я имею в виду Скуратова, когда у него столько превосходной одежды на целых шестьдесят три тысячи долларов (тут подразумевается показанный незадолго перед этим по телевидению сюжет, снятый скрытой камерой, где «человек, похожий на Скуратова» занимается любовью с двумя проститутками». - **О.М.**)? Но пока не изъяли, хотя, может быть, как раз и такой вариант возможен, что сначала Скуратов ходил голый и потом вот Паколли его пожалел или там другие люди пожалели и попросили для него у «Мабетекса» одежду. По данным наших московских источников, на костюмах, рубашечках и нижнем белье, подаренных генеральному прокурору России, стоит марка «Бриони». Согласитесь, это в высшей степени необычный способ поощрения и подарка генеральному прокурору великой державы.

Лужков и буденновская больница

Тут как раз и наступает момент, когда ведущий ОРТ возвращается к своему любимому персонажу - «союзнику и политическому партнеру» Скуратова (прошу заметить!) московскому мэру Юрию Лужкову. По словам Доренко, некоторое время назад, как бы предчувствуя скандал со скуратовской «импортной одеждой», мэр заверил телеведущего, что сам он в этом смысле настроен вполне патриотично - сильно тяготеет к продукции российских швейных фабрик. Разговор происходил тет-а-тет, тем не менее, Доренко представил запись со словами Лужкова: «Костюм у меня не наш, рубашка наша, трусики, простите, тоже наши отечественные, маечка тоже, носочки наши».

Эти «трусики» и «маечки» дают журналисту повод уже целиком переключиться на патриотическую деятельность Лужкова.

Один из примеров такой деятельности - восстановление больницы в Буденновске, пострадавшей во время налета боевиков летом 1995 года. Сам Лужков и пресса представляли дело так, будто восстановление больницы, причем осуществленное в

короткие сроки, - это в основном заслуга московского мэра. Разговор Доренко с Паколли призван раскрыть, как в действительности обстояло дело.

«Доренко:

- …Люди по всей России знают, что больницу в Буденновске построил господин Лужков, - и люди в Хабаровске, и в Магадане, и в других местах знают, что это заслуга московского мэра. После разговора с вами я знаю, что больницу в Буденновске снабдили, по крайней мере, почти на миллион долларов вы. Я хочу понять ваши мотивы, я хочу понять: вы работали на политический авторитет московского мэра, оставаясь в тени, вы делали это из личной дружбы, вы делали это в надежде, что это будет воспринято как дар, что ли, такой спонсорский, или меценатский, или гуманитарный, или это любовь к России? Я не могу себе представить, чтобы человек немотивированно строил больницу в Буденновске, после чего мэр Москвы объявил бы, что это он построил больницу в Буденновске, а этот человек молчал.

Паколли:

- …Первоначально я отдал добрых пятьсот тысяч долларов… Потом получили перечень, этот перечень был больше пятьсот тысяч долларов, - по-моему, восемьсот семьдесят тысяч долларов, плюс транспорт, монтаж и т.д. Этот перечень покупали, упаковали, поставили на две или три машины и отправили в Буденновск. Самое ужасное, что может быть, - что я ни одно письмо не получил ни от кого, чтобы сказали: благодарю вас, или - что хорошее оборудование, или плохое оборудование… Ничего никогда не получил по поводу этого.

Доренко:

- Вы отправили оборудование почти на миллион долларов, как если бы вы отправили на Луну.

Паколли:

- Еще отправили монтажеров, еще оплатили за монтажеров гостиницу и все остальное (обычно, нормально, если кто едет, заказчик оплачивает гостиницу). Ничего,

все оплатили, и ни одну благодарность не получил ни от кого. Я не человек, который скажет: а я сделал это…

Доренко:

- Не знаю, сумеет ли нация теперь пережить новость о том, что буденновская больница, во всяком случае, ее оборудование, - заслуга того самого «Мабетекса», о существовании которого Лужков будто бы ничего не знает, а не самого Лужкова, и пережить очередную неискренность Юрия Лужкова, который сидит в залах для совещаний, сделанных «Мабетексом», и приписывает себе заслуги «Мабетекса» по восстановлению буденновской больницы.

«Лужков обобрал Ставрополье»

В дальнейшем Доренко накопал новые данные о восстановлении буденновской больницы, пожалуй, даже более серьезные, чем участие «Мабетекса» в этом деле.

- Вы помните, - говорил он в одной из следующих своих передач, - Лужков сообщил нации, что он по зову сердца и на деньги Москвы восстановил больницу в городе Буденновске. Это было одним из важнейших подтверждений того, что Лужков стал политиком федерального масштаба… В действительности это были не деньги Москвы. Самая масштабная акция Лужкова оказалась самой масштабной его ложью… Но этим дело не кончилось. За всю помощь, оказанную Буденновску, Лужков выставил счет… Ставропольскому краю. Даже хуже того: за всю помощь Буденновску Лужков, безо всякого спроса у ставропольцев, забрал деньги в Министерстве финансов, и Министерство финансов России забрало деньги у ставропольцев. Получилось, что Лужков просто обобрал Ставрополье, навязал им немыслимо дорогую стройку силами московских строителей, истратил 43 миллиона долларов, за которые можно было построить две такие больницы, может быть, и больше. Потребовал чествовать себя как благодетеля, а потом прибрал деньги.

Похоже, и сами ставропольцы начали осознавать, что их ограбили. В программе давался фрагмент интервью с первым заместителем председателя правительства Ставропольского края Виктором Хорунжим. Он предложил Лужкову построить на Ставрополье храм, чтобы замаливать свои грехи перед людьми в этих местах. За этим вновь последовал «убойный» публицистический комментарий Доренко:

- Все-таки они наивные люди, ставропольцы, не правда ли? Если они позволят Лужкову вернуть им деньги путем строительства храма, то он их оберет еще раз. Это как пытаться отыграться у наперсточника.

Не стесняясь в выражениях…

Параллельно со своей авторской программой Доренко выступал по «лужковской» теме в других СМИ и в других программах ОРТ. Подчас - не менее резко, чем в своей собственной. Так, в программе «Время» 13 октября 1999 года он прямо назвал московского мэра и его приближенных мафией, мафиозной семьей.

24 ноября на канале ТВ-6 к термину «мафиозо», отнесенному к Лужкову, было добавлено кое-что еще из этого же ряда. Доренко напомнил, что в свое время, после победы Ельцина на президентских выборах 1996 года, когда президент был «между инфарктом и шунтированием», Лужков кричал: «Россия, Ельцин, победа! Россия, Ельцин, свобода!», а теперь вот, среди прочих аргументов, направленных против Ельцина, использует и тот, что Ельцин, мол, «слишком больной». Доренко назвал столичного градоначальника проституткой. Впрочем, и посочувствовал ему издевательски, сказав, что он испытывает к Лужкову «христианские чувства» любви и преданности.

- Это абсолютно несчастный человек, - деланно сокрушался Доренко, - потерянный, обманутый сам собой и своими близкими. Вы же видите его, он говорит надтреснутым голосом, он сумрачен, он несчастен, реально несчастен…

«Циклоп» Церетели

В передаче 10 октября Доренко «отоспался» на очередном шедевре великого скульптора современности Зураба Церетели - статуе под названием «Циклоп». А заодно на самом выдающемся ваятеле. Ну и, естественно, снова - на московском мэре, которого со скульптором, как известно, связывают теплые дружеские отношения (ради мэра, понятное дело, опять-таки и был затеян весь разговор).

Статую «Циклоп» великий скульптор от широты душевной подарил испанскому курортному городку Марбелья. Если не знать некоторых скрытых от постороннего глаза обстоятельств, трудно понять, почему такого щедрого подарка удостоился именно этот мало кому известный в России населенный пункт. Между тем Марбелья - уютный приморский курорт, излюбленное место отдыха «денежных мешков». Бросить там якорь, хотя бы и в виде статуи, - дело совсем не лишнее. Еще в 1994-м два мэра - Лужков и его марбельский коллега Хиль - подписали договор о сотрудничестве. Сотрудничество как раз и началось с этого щедрого подарка, - «Циклопа», - который Москва пообещала сделать испанскому городу-другу.

Сначала собирались поставить статую высотой сто сорок метров (гигантомания - это, как известно, неодолимая слабость президента Российской академии художеств). Однако перевозка такого циклопического «Циклопа» оказалась финансово неподъемной для осчастливленного испанского городка. Остановились на двадцати трех метрах. Тоже, как вы понимаете, росток немалый.

- Итак, Москва и москвичи, - говорил в своей программе по этому поводу Сергей Доренко, - должны подарить городу Марбелья статую в знак нашей дружбы, в знак дружбы между нашими городами, в знак традиционной дружбы, которая связывает Москву и Марбелью. Возможно, не все москвичи знают о том, что два наших города связывают такие нежные отношения. Однако статуя уже подарена, и вы не должны с этим спорить, это данность. Думаю, что если мы это оспорим, нам могут вернуть

статую, и тогда нам придется поставить ее где-либо в Москве. Возможно, этого лучше избежать.

Подарок российской столицы испанскому городу Марбелье вроде бы бесплатный (а как же иначе - подарок ведь). Однако потом выяснилось, что испанцы все-таки должны заплатить Москве деньги, причем немалые, более того - несуразно огромные: свыше миллиона долларов. За транспортировку и таможенную очистку. Между тем никаких документов, что статуя из России прибыла и что кому-то за это что-то было заплачено, обнаружить не удалось. Такая вот ситуация: монумент высится на испанской земле, а документального подтверждения, что он высится, нет. И все же, согласно договору, Марбелья должна заплатить Москве за произведение искусства, пусть и переправленное на испанскую землю каким-то фантастически-телепортажным методом. Вместо денег марбельский мэр Хиль отдает российскому городу-побратиму в качестве платы три земельных участка. Впрочем, как выясняется, участки отданы не городу, а конкретным лицам - Церетели и Лужкову. Разразился скандал. Лужков пишет Хилю письмо, в котором отрицает, что подписывал договор на получение земли (действительно, оригинал документа с его подписью почему-то никак не могут найти - только ксерокопию). Теперь все три участка - стоимостью около полутора миллионов долларов - вроде бы должны достаться Зурабу Церетели. Однако и тот в обстановке начавшегося скандала почитает за лучшее от них отказаться. Впрочем, вместо трех земельных участков скульптор получает в андалузском городе три квартиры примерно на эту же сумму и гонорар - около трехсот тысяч долларов. Ни квартиры, ни гонорар, как утверждает местная оппозиция, не предусмотрены никакими договорами…

Результаты опросов

(Октябрь 1996-го - октябрь 1999 года)

Вряд ли кто-либо из политиков (да и не только политиков) мог бы устоять перед такой «бомбежкой», перед таким «артобстрелом», идущим при посредстве главного

телеканала страны. Беспрецедентные телевизионные атаки не прошли бесследно для лужковского рейтинга.

В число кандидатов на президентскую должность Лужков впервые попал в октябре 1996 года с рейтингом 5 процентов (по подсчетам Фонда «Общественное мнение»). С тех пор его «президентский рейтинг» довольно заметно менялся. Своего максимума - 17 процентов - этот рейтинг достиг два года спустя, в октябре 1998-го, когда московский мэр активно и не без успеха рвался к верховной власти. Увы, через год, когда стало ясно, что штурм властных вершин не удается, а доренковский телеартобстрел бьет и бьет по голове, прикрытой одной лишь кепкой, Юрий Михайлович вернулся к тем же самым пяти процентам, с которых и начинал три года назад. От чего ушел, к тому и пришел...

При этом, как отмечали социологи, кое в чем его положение стало даже хуже: к октябрю 1999-го особенно резко увеличилось число тех, кто, по их уверению, не будет голосовать за Лужкова ни при каких обстоятельствах, - оно сделалось вдвое больше, чем тогда, в самом начале, в октябре 1996-го: было 24 процента, стал 51. Здесь тоже, по-видимому, сказались уничтожающие наскоки беспощадного телекиллера: кто же станет отдавать свой голос герою разгромных телепередач? Одни лишь стойкие лужковские «фанаты», которых ничто не могло заставить изменить своему кумиру.

Короче говоря, в октябре 1999 года у Лужкова уже были весьма слабые позиции как кандидата на президентский пост.

Лужкова обвиняют в организации убийства

Однако своего апогея доренковская атака на Лужкова достигла, пожалуй, в ноябре. В программе от 8-го числа Доренко обвинил московского мэра в организации убийства одного из совладельцев московской гостиницы «Рэдиссон - Славянская» американца Пола Тэйтума (убийство было совершено осенью 1996 года). В качестве доказательства приводились последние слова, будто бы сказанные умирающим

предпринимателем и услышанные его телохранителями: «Это сделал Лужков… За это отвечает Лужков…»

По словам Доренко, мотивы для убийства были вполне серьезные: спор шел о доходе в 50 миллионов долларов в год; «сейчас, после гибели Пола Тэйтума, доход получают другие люди». Телеведущий пообещал продолжить расследование этого дела. Еще бы: организация заказного убийства, да еще иностранца - это будет покруче всего, в чем до сих пор Доренко успел обвинить московского мэра...

Контратака мэра и его соратников

Нельзя сказать, что Лужков ушел в глухую оборону и просто мямлил про отечественные «трусики» и «носочки», которые он носит под импортными штанами и вместе с иностранной обувью. Оборона была достаточно активной, предпринимались и мощные контратаки. Особенно энергично действовал друг и политический соратник московского мэра башкирский президент Муртаза Рахимов.

Правда, действия эти не отличались особенной изобретательностью, однако, если ты президент полуфеодальной республики, этого и не требуется. По распоряжению республиканских властей, например, в Башкирии принялись отключать не нравящиеся Рахимову передачи федеральных телеканалов. Так, в воскресенье 21 ноября в Башкирии не вышли в эфир авторская программа того же Доренко (напомню, она выходила на ОРТ) и программа Николая Сванидзе «Зеркало» (РТР). А при трансляции программы «Время» - вот это уже действительно некоторое изобретение - башкирское телевидение запускало поперек экрана бегущую строку: «Считаете ли вы, что ОРТ ведет целенаправленную дискредитацию лидеров блока «Отечество - Вся Россия» (то бишь Лужкова и его друзей. - **О. М.**)»?

Со своей стороны, пытаясь остановить те же передачи, Госдума 19 ноября приняла решение, позволяющее Счетной палате заморозить банковские счета ОРТ.

Сам Лужков после «циклоповской» программы Доренко подал в суд на ОРТ и лично на телеведущего, требуя защитить его честь и достоинство. Комментарий «подсудимого» по поводу этого шага московского мэра был такой же издевательско-ернический, как и по поводу «члена батуринской семьи». Сюжет насчет «Циклопа» Лужков называет порочащим его честь и в качестве компенсации несколько опрометчиво и косноязычно требует «взыскать с ответчиков моральный вред в размере 450 миллионов рублей». Понятное дело, «телевизионному убийце» только этого и надо. Он садится верхом на этот «моральный вред» и долго с него не слезает.

- Как я понимаю, - говорит он, - Лужков просит ему навредить на такую большую сумму. А ведь это на старые деньги выходит 450 миллиардов, а если взять до 1961 года, то вообще 4,5 триллиона рублей. Зачем Лужкову понадобился вред почти на пять триллионов рублей старыми? Прорва денег, примерно 18 миллионов долларов.

3 декабря Останкинский межмуниципальный суд Москвы удовлетворил иск Лужкова. Телеканал и телеведущего обязали опровергнуть ранее сделанные утверждения, то есть сообщить телезрителям, что у московского мэра нет личного состояния в 400 миллионов долларов, участка земли в Испании и что он не получал через Андрея Батурина деньги от фирмы «Мабетекс». Назначались и денежные выплаты в пользу пострадавшего мэра, впрочем, довольно незначительные...

Мишень № 2 - Примаков

Другим объектом доренковских атак стал другой вполне вероятный кандидат в президенты - Примаков. На него, как уже говорилось, телекиллер впервые по-серьезному «наехал» в конце января 1999 года. В то время Примаков еще был премьером, а сам Доренко еще не был ведущим собственной телепрограммы, выступал в программе «Время». Тот первый «наезд», по-видимому, был предпринят опять-таки с подачи Березовского.

Доренковские наскоки на Примакова возобновились в октябре. В отличие от лужковского случая, с «Примусом» зацепиться особенно было не за что, но телекиллер зацепился, сумел прыгнуть выше головы. Объектом его пристального внимания стало будто бы шаткое здоровье Примакова. Незадолго перед тем президент пригласил экс-премьера к себе для беседы, но тот демонстративно отказался от такой встречи: поскольку, мол, окружение президента в данный момент проводит политику, с которой он, Примаков, «ни в коей мере не хочет себя ассоциировать, ни в коей мере разделять ее», такая встреча, по его мнению, нецелесообразна. В общем-то, это был неслыханный случай - отказаться от встречи с президентом, проигнорировать его приглашение.

Человек с механическими суставами

Не все поверили объяснению Примакова, почему он пошел на такой шаг. Высказывались разные версии. Доренко в своей программе от 24 октября выдвинул самую простую: дескать, в последние месяцы Примаков вообще опасается передвигаться на публике пешком на сколько-нибудь серьезные расстояния, поскольку страдает тяжелым заболеванием тазобедренных суставов. Недавно Евгению Максимовичу сделали операцию на одном из них. Но, скорее всего, предстоит еще одна - на другом...

Телегруппа Доренко не поленилась, съездила в Швейцарию, посетила клинику, где эта операция проводилась, досконально разузнала, что там и как.

Подробнейшим образом Доренко принялся рассказывать телезрителю, как работает тазобедренный сустав, отчего и почему он выходит из строя и каким образом заменяется искусственным суставом - протезом. Такое ощущение, что это не общественно-политическая программа, а научно-популярная передача «Ваше здоровье». В своем привычном саркастически-издевательском стиле - как-никак

происходит «уничтожение» одного из самых опасных конкурентов Путина - Доренко объясняет, почему он решил прибегнуть к столь необычному для него жанру:

- Мы решили чуть подробнее остановиться собственно на медицинской стороне вопроса, потому что операцию сделали самому, пожалуй, известному на сегодня политику страны Евгению Примакову. Во-первых, только узнав подробно о проблемах с этими суставами, вы сможете реально оценить силу воли Примакова. Человека, который научился, хоть и не надолго появляясь на публике, превозмогать постоянную чудовищную боль. Во-вторых, президент Ельцин приучил нас к открытости. Его операция на сердце освещалась самым тщательным образом. Потому что мы не можем не знать о здоровье человека, который нами руководит. А Евгений Максимович намерен нами руководить, и полнейшая аналогия с Борисом Николаевичем вполне уместна. В-третьих, президент Ельцин приучил нас к недовольству тем, что наш президент то болеет, то работает над документами с крепким рукопожатием. И, в-четвертых, вероятность второй операции для Примакова настолько велика, что, согласитесь, мы не можем не обратить на это внимание, тем более, что речь идет о человеке, который решил стать президентом России.

Перед телезрителем предстает вся тазобедренно-суставная механика.

- Искусственный сустав (из титана или из стали. - **О.М.**) вот он передо мной лежит, - рассказывает врач. - Он состоит из двух элементов, имитирующих истинный. Во время операции они соединяются, внедряются друг в друга, и потом позволяют осуществить все виды движений, присущих нормальному суставу.

Особенный нажим Доренко делает на то, что протезированием только одного сустава дело, как правило, не обходится: очень трудно предположить, что один сустав будет изношен, а симметричный ему, другой сустав останется нетронутым - нагрузка-то на оба сустава в течение жизни примерна одинакова. И далее идет дотошный подсчет времени, когда же в сложившейся политической ситуации - при приближающихся

думских, а затем президентских выборах - Примаков сумеет выкроить время для очередной операции и последующего лечения.

- Очевидно, что самое удобное время для того, чтобы Евгений Максимович успел сделать вторую операцию, это март будущего года, - вслух рассуждает Доренко. - Ноябрь для этого плох. Нельзя делать операцию так скоро после предыдущей. Декабрь - время выборов, и Евгений Максимович вряд ли станет улетать на это время в Швейцарию или даже ложиться в российскую клинику... В январе-феврале отсутствие Евгения Максимовича было бы слишком заметным. Ведь он хотел бы избраться для начала председателем Госдумы, чтобы легче было бороться за президентский пост, используя потенциал нижней палаты. Самое лучшее время для второй операции Примакова - март, начало марта. Под праздники, может статься, никто особенно не заметит... В апреле-мае Примакову уже поздно оперироваться. Тогда президентская гонка будет уже в самом разгаре... Тогда уже, если Евгений Максимович сможет перетерпеть боль, придется ждать до выборов президента. А вот став президентом, он сможет уже самым непринужденным образом лечиться в течение ближайших четырех лет.

Вот такая замечательная картина предстает перед телезрителем, будущим избирателем, - что его ожидает, если он проголосует за Примакова: человек с механическими суставами, не президент, а терминатор какой-то; короче, - очередной малодееспособный престарелый глава государства.

Убить Шеварднадзе...

Но нанесением одного укола, одного удара Доренко, как всегда, не ограничивается: кто его знает, не исключено, что клиент еще «оклемается», особенно такой живучий, как «Примус». На помощь телекиллеру приходят американцы, точнее - бывший директор Агентства национальной безопасности (АНБ) США генерал Уильям

Одом. В одном из интервью этот деятель предъявляет Примакову несравненно более серьезное обвинение, чем использование титаново-стальных суставов.

- Российское правительство, - говорит он, - начиная со времени участия в нем Примакова, виновно, по крайней мере, в двух попытках убийства Шеварднадзе. Правительство Грузии предоставило ряду стран мира убедительные доказательства того, что сам Примаков принимал в этом участие. Он использовал российскую разведывательную сеть в Белоруссии для попыток убить Шеварднадзе и некоторых лиц из его правительства.

Вообще-то, хотя Примаков почти всю свою жизнь действительно был связан со спецслужбами, занимал даже пост директора Службы внешней разведки, довольно трудно представить, чтобы он решился прямо поучаствовать в какой-то «мокрухе». Да и доказательств в цитате Одома никаких не приводится. «Российское правительство, начиная со времени участия в нем Примакова...» Участия в качестве кого? Он ведь был и министром, и премьером... И кто там, в правительстве, «виновен в попытках»? Наконец, почему Примаков «использовал российскую разведывательную сеть в Белоруссии», чтобы убить грузинского президента? Где Белоруссия и где - Грузия…

Несмотря на эту невнятицу Доренко, разумеется, с охотой ухватился за версию Одома. Правда, никаких доказательств к голословному обвинению, выдвинутому отставным генералом, тоже не добавил, зато выстроил некий телевизионный ряд, который на не очень искушенного зрителя мог произвести какое-то впечатление: Шеварднадзе в одной майке, съежившийся от холода, рассказывает, как ему удалось спастись при покушении (рядом оказалась полицейская машина, куда он пересел) и тут же кадры с Примаковым - он расспрашивает кого-то, можно ли с помощью гранатомета уничтожить бронированный «мерседес»; далее звучит уже известная цитата генерала Одома, затем в кадре - Эдуард Шеварднадзе, с опять-таки невнятными словами:

- Здесь я Россию не обвиняю. Но обвиняю тех, кто покрывает, кто укрывает террористов...

Кто же укрывал террористов, пытавшихся убить грузинского президента? Доренко:

- Примаков с четверга избегает вопросов о самых серьезных обвинениях в покушении на убийство. И каждый день молчания усиливает подозрения. Впрочем, Примаков может опасаться и оправдываться. Потому что непосредственно вслед за оправданиями его оппоненты предоставят доказательства. Для Примакова выгоднее замолчать дело, чем оказаться в роли умирающего Пиночета, которого собираются судить за старые грехи.

В общем, пока никаких доказательств нет, но они будут «предоставлены», так что финальной судьбы Пиночета Примакову вряд ли удастся избежать.

Внезапное появление Примакова в эфире НТВ

Самое удивительное, однако, что случилось в тот октябрьский «телевизионный» вечер, - это неожиданный демарш самого Примакова. Этот неторопливый, солидный, исключительно положительный человек, академик, видимо, посмотрев по телевизору посвященную своей персоне программу неистового телекиллера Доренко, не выдержал, - надо полагать, вскочил с дивана в домашних тапочках и позвонил в другую телепрограмму - «дружественную» «Отечеству - Всей России» программу НТВ «Итоги», сопернику Доренко Евгению Киселеву. Тот как раз, завершив передачу, прощался со зрителями. Между телеведущим и маститым телезрителем состоялся примерно такой разговор (Киселев вывел его в эфир):

«Киселев. Евгений Максимович, вы слышите меня?

Примаков. Я вас хорошо слышу. И очень удовлетворен тем, Евгений Алексеевич, что вы еще в эфире. Поэтому я имею возможность как-то отреагировать на программу, которую только что смотрел.

Киселев. Вы имеете в виду нашу программу?

Примаков. Я имею в виду программу широко известного своей «правдивостью, доброжелательностью и бескорыстием» Доренко.

Киселев (видимо не ожидавший такого поворота событий. - **О.М.**). Угу.

Примаков. Он сказал, что я тяжело болен и мне предстоит серьезная операция. Должен успокоить всех своих многочисленных друзей: это абсолютно не соответствует действительности. Одновременно всех своих недругов хочу - ну, извините - разочаровать. Чувствую себя превосходно. Предлагаю Доренко проплыть со мной любую удобную ему дистанцию. Вообще, теперь я так уверен в его медицинских познаниях, что готов пригласить к себе медицинским консультантом... И еще эпизод с Шеварднадзе... Вы не смотрели?

Киселев. Нет, я, к сожалению, не могу комментировать, поскольку был в эфире и не видел программу...

Примаков. И не надо. Не хочу вас ни с кем сталкивать лбами...»

После Примаков, естественно, заявил о своей абсолютной непричастности к покушениям на Эдуарда Шеварднадзе.

В дальнейшем многие, в том числе и друзья Примакова, упрекали его за этот несколько мальчишеский поступок, за этот скоропалительный звонок, совсем не соответствующий имиджу солидного политика, государственного деятеля: тоже нашел, с кем связываться...

Лучший друг Арафата и Саддама

Вообще-то, тот, кто поставил себе целью «замочить» Примакова, мог бы отыскать у него и более уязвимые места, чем титановые суставы. Достаточно было бы напомнить телезрителям о той выдающейся роли, которую наш «главный востоковед» в течение многих лет играл в деле науськивания арабов на Израиль, какая теплая дружба связывала его с такими деятелями, как Ясир Арафат и Саддам Хуссейн (многим

памятны кадры, где иракский диктатор дружески похлопывает по плечу выдающегося советского ученого).

Кстати, именно во время примаковского директорствования в академическом Институте востоковедения докторскую диссертацию в этом солидном учреждении в 1982 году защитил будущий глава Палестинской автономии Махмуд Аббас. Диссертация называлась «Связи между сионизмом и нацизмом. 1933-1945». Среди прочего, в ней утверждалось, что число евреев, уничтоженных во время Холокоста, сильно преувеличено, да и вообще вину за Холокост несут не только нацисты, а эти самые сионисты.

(Напомню, что кое-где за отстаивание подобных идей сегодня можно попасть за решетку. Напомню также, что сионизм -это всего-навсего идея, согласно которой все евреи должны съехаться на жительство в Израиль...)

Защита этого научного труда проходила в закрытом режиме...

Вообще, к теме «родства душ» нацистов и сионистов Евгений Максимович обращался не однажды.

Соответственно, Примаков шибко горевал, когда в отношениях между арабами и евреями намечалось какое-то смягчение, - например, когда в ответ на признание своего права на существование Израиль в 1978 году вернул Египту Синай - огромную территорию, почти втрое превышающую сам Израиль. Это действительно был перелом в отношениях двух стран: между ними наступил прочный мир (до этого они беспрерывно воевали). Вот это-то и сильно расстроило Примакова, как большинство его соратников по борьбе с «международным сионизмом». Он даже написал об этом целую книгу - «История одного сговора»...

Об экономических воззрениях академика, о его неискоренимых тайных симпатиях к социалистической экономике мы уже кое-что знаем. Но интересно посмотреть, как он провозглашал эти симпатии, когда еще не было нужды их утаивать. Вот, например, как он расхваливал «экономические реформы» еще одного - помимо Арафата и Саддама -

большого друга СССР Героя Советского Союза египетского президента Гамаль Абдель Насера, почему-то вдруг решившего начать строительство социализма на древней земле фараонов:

«При президенте Насере были осуществлены египтизация иностранной собственности, а затем и национализация всей иностранной и египетской крупной, а также преобладающей части средней собственности. В руках государства оказалось до 80 процентов производства средств производства и промышленности, вся кредитно-банковская система, весь транспорт. Государство взяло в свои руки внешнюю торговлю и стало контролировать значительную часть внутренней. Народное хозяйство страны было практически закрыто для деятельности иностранного капитала...»

В общем, как пишет Примаков, «было сделано очень многое для развития страны, укрепления ее суверенитета, улучшения условий жизни народа». Непонятно только, почему после всех этих замечательных «улучшающих» реформ, сотворенных по нашенскому, совковому образцу, Египту срочно потребовалась иностранная помощь - в продовольствии, в товарах первой необходимости...

Кстати, этот гимн отъему частной собственности, национализации, ведущей будто бы к улучшению жизни народа, вылетал из уст Примакова совсем незадолго до начала горбачевской перестройки, когда и с национализацией, и с приватизацией почти все уже было ясно...

«Народ наш умный!»

Руководители кремлевской администрации категорически отрицали, что именно они - заказчики оголтелой кампании компроматов, развязанной Сергеем Доренко. Не все, однако, верили в это. Примаков, например, как уже говорилось, отказался встретиться с Ельциным, когда тот пригласил его в Кремль, по-видимому, будучи уверенным, что если эта кампания и не инициирована президентской администрацией,

то уж, по крайней мере, президенту ничего не стоит прекратить ее, однако он этого не делает.

17 ноября Примаков провел пресс-конференцию, где высказал все свои обиды и все свое негодование. Он снова заявил, что, по его мнению, беспрецедентные публичные нападки на блок «Отечество - Вся Россия» и на него лично инспирированы Кремлем. Вступать в какую-либо полемику непосредственно с теми, кто на него нападает, - в частности, с тем же Сергеем Доренко, - он не собирается.

- Даже журналистом его трудно назвать, - сказал Примаков. - Это псевдожурналист, который использует клеветнические приемы, который выливает ушаты грязи, который прибегает к методам, не укладывающимся в рамки журналистской этики, поэтому мне не хотелось бы с ним вступать в какую-то полемику по каким-то конкретным выдуманным им сюжетам (как мы знаем, однажды, не выдержав, он в такую полемику все же вступил - через эфир НТВ. - **О.М.**). В то же самое время я хочу сказать, что, как мне представляется, с каждым выступлением такого журналиста должна прибавляться поддержка для нас, для тех, кого он обливает грязью. Почему? Потому что я верю, что народ наш умный, я верю, что его не одурачить какими-то выходками подобного рода и что такая пропаганда приводит к контрпродуктивным для ее автора результатам. Информационные войны, которые ведутся между различными СМИ с использованием недозволенных приемов, это уже очень многих возмущает. И это не делает чести журналистам вообще, журналистскому корпусу как таковому. Я хочу сказать, что если бы все журналисты пришли к выводу, что нельзя потакать какому-то заказному характеру материалов, что нельзя участвовать в этом, что нельзя проплачиваться, то не было бы и никаких информационных войн, вне зависимости от того, кто владеет каким-либо средством массовой информации. Все зависит от исполнителей, несмотря на то, что направляется эта кампания, безусловно, отдельными лицами, которые владеют отдельными СМИ.

Все, разумеется, поняли, кого Примаков в первую очередь тут имеет в виду. Фамилия Березовского как основного заказчика пропагандистской, или, как стали говорить, пиаровской кампании, нацеленной на политическое уничтожение Примакова, Лужкова и иже с ними, было тогда у всех на слуху. Ну, а от Березовского ниточка чисто логически протягивалась к Кремлю.

На той же пресс-конференции Примаков сообщил, что пока не желает обсуждать вопрос о своем возможном участии в предстоящих президентских выборах, ибо сам для себя еще не решил, следует ли ему в них участвовать. В общем-то, конечно, ему было над чем задуматься: хотя Примаков, Лужков, их советники и помощники храбрились, - дескать, волна клеветы, которая на них обрушилась, только добавляет им симпатий («народ наш умный»), на самом деле рейтинг их неуклонно снижался. В первую очередь, именно благодаря Сергею Доренко.

Результаты опросов

(Октябрь 1998-го, май, август, октябрь 1999 года)

Впрочем, «президентский» рейтинг Примакова начал падать еще до оголтелых доренковских атак. По данным Фонда «Общественное мнение», с октября 1998 года (9 процентов, четвертое место среди претендентов на президентское кресло) он в основном поднимался. 15 мая, через три дня после отставки Примакова, его рейтинг составил 22 процента (первое место), а своей высшей точки достиг в августе 1999-го: 23 процента по опросу, проведенному 7-го числа этого месяца (естественно, опять-таки первое место). Однако затем начался откат...

В октябре социологи зафиксировали устойчивую тенденцию к падению популярности Примакова. 9-го числа «президентские» рейтинги до той поры лидировавшего экс-премьера и догонявшего его премьера сравнялись (оба набрали по 20 процентов), а неделю спустя Путин на два процента опередил Примакова. Дальше у Примакова дела пошли еще хуже: 23 октября - 14 процентов, 30-го - 13 (тут академик

опустился на третье место, пропустив вперед еще и Зюганова)... В октябре Евгений Максимович уже «проигрывал» Путину и во втором туре: 36:42.

Напомню: доренковская сага о механических суставах разведчика-востоковеда вышла в эфир лишь 24 октября...

В последующих своих передачах телекиллер продолжал уничтожать лидера ОВР - то напоминал о его славном марксистско-ленинском прошлом, то снова возвращался к его преклонному, малодееспособному возрасту и протезно-суставным изъянам...

Доренко отлучен от журналистики

Что касается призывов Примакова, адресованным «журналистскому сообществу» - как-то отреагировать на возмутительное поведение «псевдожурналиста» - они, в конце концов, были услышаны. 19 ноября Большое жюри Союза журналистов определило, что программа Сергея Доренко на телеканале ОРТ «не соответствует нормам журналистской профессиональной этики». В чем именно заключается это несоответствие, объяснил секретарь СЖ Михаил Федотов: в программе допускается «смешение информации и комментария, а также отождествление мнений и версий с установленными фактами, выпуск в эфир компрометирующей информации без принятия должных мер ее проверки с обращением к объекту критики, несоблюдение требования качественно равного изложения позиций обвинения и защиты, проведение информационной кампании по целенаправленной дискредитации граждан и организаций».

Я не собираюсь защищать Доренко, но скажу, что такие претензии, или, по крайней мере, большинство из них, при желании можно предъявить 99 процентам наших электронных и печатных СМИ. Хотя, разумеется, в одних СМИ «нарушения журналистской этики» встречаются реже, в других - чаще.

Большое жюри вынесло решение, что Сергей Доренко «больше не считается журналистом». По-видимому, это надо было понимать так, что он исключен из Союза

журналистов. Не думаю, что телеведущий был сильно опечален этим. Во всяком случае, в этот же вечер в интервью АПН он дал такую - вполне в своем стиле - характеристику вроде бы изгнавшему его из своих рядов журналистскому сообществу:

- Союз журналистов России - сомнительная организация. Иметь дело с этими людьми - значит, скомпрометировать себя. Насколько мне известно, Союз журналистов сдает помещение в аренду ночному клубу Up&Down, имеющему репутацию едва ли не публичного дома. Я принципиально не желаю иметь никаких дел с организацией, которая содержит бордель или находится на содержании у борделя.

Зачем понадобилось их «мочить»?

Если в Кремле так верили в победу Путина, зачем понадобилось таким совершенно беспрецедентным образом, абсолютно ничем не брезгуя, «мочить» на телевидении тех же Примакова и Лужкова?

Впрочем, по этому поводу в Кремле велись довольно ожесточенные дискуссии. Некоторые мои собеседники из числа тогдашних сотрудников администрации уверяют, что они были против этого, считали, что это действительно «мерзко и противно». Однако телеуничтожение Примакова и Лужкова не было самодеятельностью ни Березовского, ни тем более Доренко. Утверждают, что его затеяли с прямого одобрения главы администрации Волошина. Логика тут была такая, как в мальчишеской уличной драке: «они первые начали». «Они» - это прежде всего НТВ, принадлежавшее, как известно, Гусинскому, у которого, в свою очередь, была тесная дружба с Лужковым. В преддверии избирательной кампании этот канал развернул весьма агрессивную войну против Кремля. Все лето практически в каждом выпуске воскресной программы «Итоги» «полоскали» то одного члена ельцинской «семьи», то другого, то всех вместе. Собственно говоря, сам этот довольно туманный и расплывчатый термин - «семья» - родился в этот самый момент, в момент ожесточенной пропагандистской войны двух непримиримых лагерей - кремлевского и примаковско-лужковского, прилип к первому

и не отлипает до сих пор, превратившись уже в некую отвлеченную политологическо-философскую категорию. Любого более или менее высокопоставленного чиновника, который не сломал себе шею при Ельцине и дожил до лучезарной путинской эпохи, любого олигарха, хотя бы раз замеченного в коридорах Кремля, немедленно относили к членам «семьи» и уже на этих «раскладах» строили и строят глубокомысленные политологические анализы.

Так вот о наскоках НТВ... В тот момент сигнал этого телеканала уже охватывал всю Россию, его аудитория насчитывала около 102 миллионов человек. Особенно популярно НТВ было в крупных и средних городах, где проживает большинство политически активных россиян. В Москве же с 1999 года НТВ просто стало лидером, опередив в так называемый прайм-тайм (когда и передаются основные информационно-публицистические программы) все остальные каналы.

К тому же на подхвате у НТВ была еще газета «Сегодня»: что-то печаталось в газете, а на следующий день повторялось и развивалось на телеканале, или наоборот.

По этой причине Волошин, видимо, и решил: если они нас так «мочат», с нарушением всех приличий и правил, то и мы не должны просто утираться...

Ответ кремлевским противникам был, как мы видели, действительно уничтожающий.

Лужковская пресса пытается сопротивляться

Столкнувшись со столь беспрецедентным контратакой «мастеров слова» из прокремлевского лагеря, их противники, обслуживавшие примаковско-лужковскую команду, испытали некоторое смятение и растерянность. Нельзя сказать, что СМИ, так или иначе подконтрольные Лужкову, не пытались что-то противопоставить программе Доренко, то есть по мере сил «мочить» главного соперника Лужкова и Примакова на приближающихся выборах - Путина. Однако ничего хотя бы отдаленно похожего на доренковский убойный артобстрел у пролужковских рыцарей эфирного и печатного

слова не получалось. Не то что бы они были чрезмерно интеллигентны (хотя внешне все выглядело именно так) - думаю, просто опасались, как бы Путин, став президентом (а все шло именно к этому) не припомнил им их журналистские подвиги. В этом отношении характерна, например, программа Пушкова «Постскриптум» на канале «ТВ-Центр». Так, в передаче от 30 ноября ведущий попытался «наехать» на Путина, разоблачив его альянс с Березовским. Однако «наезда» не получилось. Укусам подвергся главным образом Борис Абрамович. Владимиру Владимировичу досталось лишь повиливание хвостом.

- Открываешь одну газету (Бориса Березовского), - сокрушался Пушков, - и читаешь: ключевой фигурой остается Владимир Путин. Открываешь другую газету того же Березовского и читаешь: «Путин банкует». Путин, Путин, Путин… И это при действующем-то президенте! А вот цитата из самого Бориса Березовского: «Путин - реальный, с моей точки зрения, человек, который сможет обеспечить преемственность власти». То есть того, что существует ныне, и что Березовского очень устраивает. За этим Березовскому, видимо, и нужен Путин…»

Кстати, сами сотрудники канала, по их словам, сильно сомневаются, что Путин обеспечит эту самую преемственность и станет «продолжателем дела товарища Ельцина».

- Вроде бы так и задумано кем надо,- говорит один из корреспондентов канала, - но, бросив взор на стальные глаза, не особенно верится в продолжателя.

Тот же журналист справедливо отмечает, что отношения Березовского и Путина «асимметричны»:

- Владимир Путин старается не подпускать к себе слишком близко Бориса Березовского. Об обещаниях Березовского поддержать его на президентских выборах Путин отозвался скептически: бойся, мол, данайцев, дары приносящих… Однако сам Березовский и его пресса поддерживают Путина так, как Ельцина не поддерживали в 1996 году. И все, что только ни делает Путин, вызывает восторг у Бориса

Березовского… Оно и понятно: Путин при всей своей дистанции от Березовского говорит и делает именно то, чего от него хочет услышать и увидеть Березовский…

К какой окончательной точке придут отношения Березовского и Путина? Телеведущий Пушков дает свой прогноз на этот счет: если Путин станет президентом, он «постарается довольно быстро избавиться от связывающего его влияния нынешнего ельцинского окружения. Это сейчас это окружение нужно Путину, чтобы прорваться к власти, а после ухода Ельцина в отставку зачем оно ему будет нужно?»

Нельзя сказать, чтобы этот прогноз оказался слишком точен по отношению ко всему «ельцинскому окружению». Однако в том, что касается Березовского, тут телемастер как в воду смотрел.

Но, как мы видим, Путин в результате этого «наезда» Пушкова (если и ставилась задача совершить такой «наезд») совсем не пострадал. Присутствующие в пушковской программе «стальные глаза» премьер-министра - это ведь совсем не то, что этикетки «наперсточник», «мафиозо», «проститутка», походя наклеивавшиеся Сергеем Доренко на того же Юрия Лужкова. В средствах агрессивного пиара, используемых двумя соперничающими группировками, теперь уже, по мере приближения выборов, наблюдалась такая же асимметрия, как и в отношениях между Березовским и Путиным.

...Впрочем, «электоральное» значение мощной предвыборной контратаки, предпринятой Березовским и Доренко против Лужкова и Примакова, в Кремле оценивали по-разному. Одни продолжали считать, что победа была бы достигнута и так, без этих телевизионных скандалов. Другие, как тот же Волошин, были уверены, что за счет доренковских программ рейтинги Примакова и Лужкова удалось понизить на 10 - 15 процентов, а они, понятное дело, тоже на дороге не валяются.

* * *

Так что Березовский помог Путину, по крайней мере, тем, что устроил Примакову и Лужкову четвертование на телевидении.

И ОПЯТЬ БОЙНЯ В ЧЕЧНЕ

Начало второй войны

Главные события в Дагестане, послужившие запалом второй чеченской войны, как уже говорилось, начались в конце июля − начале августа. 2 августа ближе к вечеру появились сообщения, что в Цумадинском районе вблизи чеченской границы «более часа» идет бой между правоохранительными органами и «ваххабитами».

Впрочем, уже через полчаса пришла успокаивающая информация: «ситуация с вооруженным столкновением нормализуется». Она сопровождалась безапелляционным утверждением: «инцидент был спровоцирован с сопредельной стороны, из Чечни».

Этому скоротечному инциденту подозрительно скоро, уже на следующий день, - по всем признакам, без особого разбирательства - была дана предельно широкая интерпретация: некий «высокопоставленный руководитель спецслужб Дагестана» расценил его как попытку свержения конституционного строя в республике, предпринятую «религиозными экстремистами, которыми руководят определенные силы из Чечни и зарубежья». По словам этого «высокопоставленного руководителя», «в течение месяца, к концу первой декады сентября», экстремисты, начав с Цумадинского района, собирались «утвердить исламскую республику» на всей территории Дагестана.

Правда, уже 5 августа министр внутренних дел республики Адильгерей Магомедтагиров категорически опроверг сообщение о якобы готовящемся в Дагестане и подготовленном в Чечне вооруженном мятеже. «Распространение в СМИ непроверенных сообщений направлено на то, чтобы сеять страх и панику среди населения, - рассерженно заявил министр. - При этом делается попытка изобразить ситуацию в республике как крайне неустойчивую и неуправляемую».

Что-то там у них не заладилось. Не состыковалось. То ли министру забыли сообщить, что у него под боком созрел такой мощный заговор, то ли он проявил упрямство - не согласился подтвердить, что на подведомственной ему территории такое вообще возможно. Оно и понятно: подтвердить это – согласиться, что ситуация в Дагестане «крайне неустойчивая и неуправляемая» - означало бы расписаться в собственной некомпетентности и профнепригодности.

Снова Басаев...

Следующий шаг к войне был сделан 7 августа. В этот день утром появилась информация, что из Чечни в Ботлихский район Дагестана проникла группа примерно из пятисот боевиков, которая захватила два высокогорных села. Руководит этой группой все тот же Шамиль Басаев.

Опять-таки подозрительно быстро, - несмотря на то, что все происходило в отдаленной высокогорной местности, - было установлено, что в составе группы не только чеченцы и дагестанцы, но также украинцы, узбеки, таджики, арабы, афганцы, турки (позже «появятся» еще и негры). В общем - «международный терроризм», что и следовало доказать.

В этот же день последовало заявление генерального представителя Чечни в Москве, что «официальный Грозный не имеет никакого отношения к боевикам, захватившим сегодня два населенных пункта в высокогорном районе Дагестана». Но кого же это интересовало? Для московской «партии войны» было вполне достаточно, что боевики пришли из Чечни и во главе их стоит один из ближайших сподвижников чеченского президента Аслана Масхадова.

И началось... Дело уже не ограничилось перестрелкой, наподобие той, что случилась 2 августа. С российской стороны против шестисот пятидесяти боевиков (это была уточненная цифра; позже, правда, называлась еще и другая - «до 1200») началась настоящая широкомасштабная операция. В Дагестан в огромном количестве начали

перебрасываться дополнительные войска. Ежедневно в Махачкале приземлялись десятки военно-транспортных самолетов. Подразделения ВДВ и спецназа, готовясь к решительному удару, захватили ряд господствующих высот. Штурмовые вертолеты («черные акулы») непрерывно наносили по боевикам огневые удары, «активно работала» артиллерия...

И вот результат: как сообщалось, за сутки были уничтожены четыре миномета, четыре зенитные установки, пять автомобилей, склад с боеприпасами. И даже... два танка.

Откуда там, в высокогорье, у боевиков взялись танки, не очень понятно. Ну да ладно, на войне, в информационных сводках, много непонятного. Может, у федералов успели отнять, спустившись с гор.

Сообщалось также, что среди захваченных в плен боевиков оказался переводчик известного полевого командира иорданца Хаттаба. Он подтвердил, что на стороне «сепаратистов» воюют арабы. Опять свидетельство, что терроризм тут - международный.

Версия «той» стороны

Лично мне - да, наверное, и не мне одному, - с самого начала показалось странным, что в той напряженной, на грани взрыва, обстановке, при тех накаленных отношениях между Москвой и Грозным Басаев с несколькими сотнями боевиков полез в Дагестан. Устанавливать там «исламскую республику». Зачем ему это? Неужели он не понимал, что его поход неизбежно станет искрой для нового пожара на Северном Кавказе, прежде всего в Чечне?

В одном из интервью Басаев признался, что понимал это. И все-таки предпринял этот поход.

По его версии, дело обстояло таким образом. Ключевой фигурой во всей этой заварухе оказался некто Багауддин, дагестанец, известный исламский лидер, живший в то время в Чечне, в Урус-Мартане, на положении беженца.

Весной и летом 1999-го к нему зачастили посланцы из родной республики, настойчиво призывавшие его вернуться в Дагестан. Аргументация была такова: зачем тебе тут маяться в качестве беженца? − на родине тебе ничто не угрожает, ты сможешь продолжать жить, следуя предписаниям шариата, единственное условие - признавать власть Москвы. В доказательство, что за шариат людей в Дагестане не преследуют, приводили селения Карамахи и Чабанмахи: тамошним жителям в этом смысле предоставлена полная свобода.

В конце концов, Багауддин поддался на уговоры, перешел со своим отрядом примерно в двести человек в родной ему Цумадинский район Дагестана и... попал в западню. Те первые бои, происходившие в этом районе 2-3 августа, как раз и шли между отрядом Багауддина и поджидавшей его милицией и военными.

Багауддин попал в окружение и запросил у Басаева помощь. Тот собрал на совещание полевых командиров. Решили, что их долг - помочь...

После того, как Багауддина вызволили из окружения, все боевики покинули Дагестан. Однако через короткое время опять вернулись. Теперь - откликаясь на еще один зов о помощи: теперь он исходил от жителей того самого «вольнодумного» села Карамахи, которых войска и милиция силой оружия принялись-таки отучать от «ваххабизма»...

В принципе, наверное, достаточно было и одного басаевского вторжения, чтобы говорить о наглом нападении чеченских боевиков на соседний субъект Российской Федерации. Но второе вторжение еще более усилило эту версию.

Двое в одной берлоге

Если все было действительно так, как излагал Басаев, у авторов той спецоперации в российских спецслужбах, по-видимому, была двойная цель - ликвидировать «ваххабизм» в дагестанских селах Карамахи и Чабанмахи и, главное, получить предлог для возобновления чеченской войны.

Надо сказать, спецоперация полностью удалась. И в той, и в другой части.

Впрочем, главное не в том, кто кого спровоцировал. Факт остается фактом: Басаев действительно попался на удочку - вторгся в Дагестан с вооруженным отрядом и вступил в бой с федеральными силами, вполне сознавая, что это открывает дорогу к новой войне.

С политической точки зрения, это было безрассудство, но горец последовал «закону гор»: не оставляй товарища в беде.

Поставил ли он в известность Масхадова о своих намерениях? Возможно, и поставил, сохраняя при этом сугубую секретность. Но что не вызывает сомнений, благословения на поход от чеченского президента не получил. Более того, позднее Масхадов не раз говорил, что осуждает ту басаевскую акцию, нанесшую Чечне такой вред, грозил отдать под суд ее главных участников...

Однако Басаев не нуждался в благословении Масхадова и не боялся наказания. Они, Басаев и Масхадов, придерживались совершенно разных взглядов на то, как надо вести себя с Россией. Масхадов верил, что, несмотря ни на что, с Кремлем можно договариваться: в этой вере его укрепляли Хасавюртовские соглашения 1996 года, Московский договор 1997-го, три относительно мирных года, минувшие с момента подписания этих документов. Басаев же был убежден, что русские понимают только силу оружия, и считал Масхадова «чеченским Донкихотом».

Совершенно невозможно понять, как могли два человека столь противоположных взглядов так долго, одновременно, оставаться в руководстве мятежной республики? Кто-то один должен был уступить. По идее, уступить, подчиниться надлежало

Басаеву, поскольку Масхадов был законно избранным президентом Ичкерии. Но - он не уступил, не подчинился...

Это, разумеется, сыграло свою - возможно, ключевую - роль в дальнейшем трагическом развитии чеченских событий.

Хотя, если говорить конкретно об августовских событиях 1999 года в Дагестане, думаю, мало кто сомневается: не случись тогда басаевского проникновения в соседнюю республику, Москва придумала бы какой-нибудь другой удобный предлог для возобновления чеченской войны. «Партия войны» не собиралась мириться с той ситуацией, которая возникла в отношениях с Чечней за три года перед этим.

* * *

Итак, Путин возглавил правительство в момент критического обострения ситуации на Северном Кавказе. Внешне это вполне могло выглядеть так, что президент недоволен Степашиным, «прозевавшим» этот кризис, и пришел к выводу: его следует заменить человеком более решительным и твердым. Возможно, такой мотив в самом деле присутствовал в решении президента. Но не он был главным. Как уже говорилось, Ельцин давно сделал ставку на Путина и теперь окончательно решил, что время пришло, что дальше тянуть с его выдвижением не стоит.

Результаты опросов

(14 августа 1999 года)

Мало кто верил тогда, что правительство Путина окажется долговечным. По опросу Фонда «Общественное мнение», проведенному 14 августа, свыше четверти опрошенных - 27 процентов − полагали, что оно, это правительство, продержится не более трех месяцев, и примерно столько же - 28 процентов - что срок его жизни будет от трех месяцев до полугода. То, что Путин и его кабинет усидят в Белом доме дольше, считали только 19 процентов.

Причины неверия в долгожительство нового правительства были ясны: во-первых, в течение последних месяцев, - начиная с марта 1998-го, - правительства менялись одно за другим; во-вторых, если уж во главе кабинета поставлен никому не известный человек, ему и подавно долго не продержаться.

Кстати, насчет известности нового премьера... В том же опросе Фонда 74 процента ответивших сказали, что до назначения Путина исполняющим обязанности премьера вообще ничего о нем не знали, 24 процента - были в той или иной степени наслышаны о нем...

И, наконец, - каков был первый измеренный социологами «президентский» рейтинг Путина («Если бы выборы президента проходили в ближайшее воскресенье...»)? Он составлял... один процент.

Путин обещает...

Как и любой кандидат в премьеры, Путин перед его утверждением не скупился на обещания. Обязался продолжить демократические преобразования в России, сохранить курс на экономические реформы и «руководствоваться рыночными механизмами».

Правда, как и его предшественники, - Примаков, Степашин, - заметил, что «реформы не самоцель, а механизм улучшения жизни народа».

- Надо покончить с революциями, - сказал Путин, выступая с думской трибуны при его утверждении. - Надо сделать так, чтобы в стране не было нищих. Процветающих государств с нищим населением не бывает.

В общем, подобно предыдущим премьерам, дал понять, что он будет проводить «хорошие» реформы и не будет проводить «плохих».

Среди прочего, естественно, Путин пообещал сохранить свободу слова:

- В условиях демократического общества недопустимо ограничивать прессу.

Добавил, правда, что «и вакханалии в прессе мы допустить не можем». Впрочем, под «вакханалией» он имел в виду главным образом изобилие сцен насилия и

порнухи на телевидении: надо, дескать, «контролировать мораль и нравственность на телеэкране». Этого добра - порнухи и насилия - на ТВ по-прежнему хватает и даже, по моим ощущениям, стало значительно больше. А вот «вакханалию» свободы слова в общепринятом смысле - свободу выражения различных мнений - Путин действительно пресек довольно быстро.

Но это еще было впереди...

16 августа Дума утвердила Путина в должности председателя правительства. «За» проголосовали 232 депутата (при общем числе, напомню, 450).

КОНЕЦ ЕЛЬЦИНА-МИРОТВОРЦА

«Не спеша одолеем эту проблему»

Вернемся, однако, к главному, на чем было сфокусировано тогда всеобщее внимание, - к Чечне. И к человеку, от которого, формально говоря, прежде всего зависело, в каком направлении будет развиваться ситуация вокруг этой республики. Любопытно, что еще какое-то время после начала чеченско-дагестанских событий Ельцин стоял на той же позиции, какую занимал в 1996 году, когда шел на выборы под флагом установления мира в Чечне, и три последующих года. Позиция эта, если коротко, заключалась в следующем: надо набраться терпения и шаг за шагом, ведя переговоры с Масхадовым, идти к намеченной цели - к ситуации, которая устраивала бы и Москву, и Грозный. Главное - не делать глупостей, не совершать никаких резких движений.

Еще и 12 августа 1999 года Ельцин в беседе с журналистами говорил о чеченской проблеме довольно благодушно. Он, конечно, признавал, что Северный Кавказ и, в частности, Чечня - «это, пожалуй, самый сложный участок», что сейчас в этом регионе

«идут серьезные действия», но при этом явно был не склонен чересчур драматизировать тамошнее положение дел.

- Мы считаем, что постепенно, как мы и планировали, не спеша, удастся одолеть эту проблему, - сказал президент и добавил полушутливо, обращаясь к стоявшему рядом и.о. министра по чрезвычайным ситуациям Сергею Шойгу, - Одолеем?

- Я думаю, да, - охотно поддакнул тот.

Запомним эту дату - 12 августа - и эту ельцинскую позицию.

Первая скрипка - в руках у Путина

Между тем практическое ведение чеченских дел сразу же оказалось в руках Путина. Ельцин полностью передоверил ему эти дела. У нового премьера ельцинского благодушия явно не было. Хотя начинал он «решение чеченской проблемы» тоже довольно осторожно. И военный нажим на Грозный, и соответствующую агрессивную риторику наращивал постепенно.

В середине августа он как бы еще признавал Хасавюртовские соглашения, подчеркивал, что Россия всегда «последовательно и скрупулезно» их выполняла, и только сетовал, что с другой стороны такого же выполнения не наблюдается. Однако вскоре Путин вообще отказался признавать документ, подписанный в августе 1996-го в Хасавюрте, и уже не отзывался о нем иначе, как только о досадной ошибке, допущенной его предшественниками.

Хотя с каждым днем становилось все очевидней, что новый глава Белого дома ведет дело к возобновлению чеченской войны, он не уставал повторять, что «решить проблему этой республики, как и другие межнациональные конфликты, можно только политическими средствами, а силой эту проблему решить нельзя». Постоянно говорилось также, что встречи и переговоры с законно избранным президентом Чечни Асланом Масхадовым «по-прежнему планируются», более того, контакты с ним - через его посланцев - никогда и не прерывались... И параллельно с этим звучали другие,

совершенно противоположные слова: дескать, в Чечне «не с кем» вести переговоры, переговоров с «бандитами» никогда не будет...

Кто там, в Чечне, «бандит», кто «не бандит», никто никогда особенно не разбирался. Постоянно, упорно проводилась линия на то, чтобы и Масхадова причислить к «бандитам»...

Уверения о приверженности линии переговоров делались в основном для Запада. Грозные же восклицания «Никаких переговоров с бандитами»! адресовались главным образом российской публике, у большинства которой и получали безоговорочное «одобрямс».

Ельцина призывают лично заняться проблемой Чечни

С каждым днем становилось все очевидней, что Путин возглавил «партию войны» и ведет дело к возобновлению вооруженного конфликта, заглохшего три года назад. Некоторые из политиков пытались призвать Ельцина, чтобы он вернул тут себе инициативу, чтобы сам, как в прежние времена, взял на себя рычаги управления. В конце концов, кто еще как не президент должен заниматься проблемой такой степени важности - вооруженным конфликтом, войной? Да и все силовики, по традиции, непосредственно подчиняются ему, президенту, а не кому-то еще, не премьеру.

- Президенту Российской Федерации Борису Ельцину необходимо в максимально кратчайшие сроки встретиться с Асланом Масхадовым, - заявил на пресс-конференции 26 августа депутат-коммунист Виктор Илюхин. - Эта встреча подняла бы авторитет федеральной власти в глазах всех жителей Чечни. Ее необходимо провести хотя бы только ради самой встречи. А все экономические, политические и прочие вопросы можно решить на встрече Масхадова с Путиным.

С аналогичными требованиями выступали и другие политики: война - это дело «президентского уровня», такое ответственное дело нельзя перепоручать никому.

Но у Ельцина уже не было ни желания, ни сил снова взваливать на себя эту неподъемную ношу - Чечню. К тому же он вполне доверял Путину, которого уже определил в свои преемники.

Ельцин дает команду «Огонь!»

Как мы видели, еще недавно Ельцин говорил о перспективах решения чеченской проблемы довольно благодушно. Напомню его слова, сказанные 12 августа:

- Мы считаем, что постепенно, как мы и планировали, не спеша, удастся одолеть эту проблему.

Однако менее чем через месяц в его настроении наступил резкий перелом. По-видимому, получив от Путина некую информацию о том, что происходит в Дагестане (их встреча прошла 7 сентября), президент в этот же день срочно созвал Совет безопасности. От его былого благодушия не осталось и следа.

Ельцин заявил, что еще неделю назад у него была уверенность, что операция в Дагестане завершена, «однако бандиты предпринимают новые террористические акты, взрывают дома, убивают людей». По его словам, боевиков напрасно называют исламистами, - они воюют против мусульманских народов Северного Кавказа.

- У террористов нет ни веры, ни национальности, ни Аллаха. Это выродки и убийцы, - заявил Ельцин.

- Из-за поражения, - продолжал он, - бандиты стали действовать более жестоко. Соответственно, и ответные действия должны быть адекватными - надо действовать более жестко. Надо ликвидировать корни этой заразы. Надо лишить их подпитки - военной, финансовой и моральной.

Итак, 7 сентября 1999 года Ельцин фактически отрекся от своей линии на мирное политическое разрешение чеченского конфликта, - той, которой придерживался несколько предыдущих лет. Фактически он перечеркнул свои покаянные слова и

действия 1996 года, когда он ценой неимоверных усилий остановил-таки, казалось бы, неостановимую войну...

Понятно, что этот перелом был следствием той самой информации, которую клали ему на стол силовики и Путин. Проверить эту информацию из независимых источников у него не то что не было возможности - не было, по-видимому, и особенного желания. Хотя вообще-то оценить достоверность получаемых сведений, наверное, не составляло труда даже с помощью обычной логики: если подумать, для чего боевикам, которым противостоит регулярная армия, внутренние войска, свезенные отовсюду ОМОН и милиция, восстанавливать против себя еще и мирное население, творя против него разнузданный террор? В чем здесь глубокий стратегический замысел?

Однако Ельцин в иные моменты проявлял удивительную наивность. Мы ведь помним, как в январе 1996-го силовики вешали ему «лапшу на уши»: дескать, к штурму Первомайского все готово - вокруг села рассажены 38 снайперов, так что каждый непрерывно держит на мушке «своего» террориста. И еще: Ельцин тогда охотно поверил сказке, будто боевики заранее построили в Первомайском мощные подземные укрепления с разветвленной системой ходов сообщения. Отсюда, дескать, и сложности в овладении «укрепрайоном». (Позже выяснилось, что на самом деле из-за заболоченной почвы жители Первомайского не то что подземных ходов - даже подвалов у себя под домом не роют).

Как бы то ни было, и в сентябре 1999 года президента, по-видимому, оказалось нетрудно убедить, что вторгшиеся в Дагестан полчища боевиков под руководством Шамиля Басаева, состоящие в основном из иностранных наемников (главным образом, это арабы, но есть даже негры) творят на дагестанской земле абсолютный беспредел - грабят, убивают мирных жителей, поджигают дома... Что в распоряжении террористов разнообразная современная военная техника, включая танки...

С этого момента «партия войны» фактически получила от президента карт-бланш на действия на Северном Кавказе. Более того, услышала его высочайшее напутствие - действовать «жестко», с тем чтобы до конца ликвидировать «эту заразу»..

ВЗРЫВЫ, ВЗРЫВЫ, ВЗРЫВЫ...

Буйнакск, Москва, Волгодонск...

Параллельно с дагестанскими событиями начались своего рода «боевые действия» и за его пределами, в том числе в российской столице.

31 августа произошел взрыв в торговом центре под Манежной площадью. О нем сейчас мало вспоминают, хотя именно он положил начало серии громких терактов той осени. Не вспоминают, надо полагать, потому, что погибших, к счастью, не оказалось, - лишь раненые, 29 человек.

Следующий взрыв был уже не таким «щадящим». 4 сентября поздно вечером взорвали жилой дом в одном из военных городков в дагестанском Буйнакске, где, как мы знаем, как раз в это время шли боевые действия между федералами и чеченско-дагестанскими боевиками. Дом взорвали, подогнав к нему машину со взрывчаткой. Погибли и умерли от ран 64 человека.

9 сентября, рано утром, практически еще ночью, в Москве, на улице Гурьянова, взорвали жилой девятиэтажный дом. Обрушили два подъезда.

Первоначальная «официальная» версия МЧС - взорвался бытовой газ. Об этом сказал сам Путин, открывая утром в этот же день заседание правительства. Однако днем позже объявили, что бытовой газ тут не при чем, - сработало взрывное устройство, обнаружены следы гексогена и тротила.

Погибли 106 человек**.** Множество раненых.

Спустя четыре дня, 13 сентября, - еще одна трагедия в столице: взрывом (он случился опять-таки рано утром) полностью разрушен восьмиэтажный кирпичный дом на Каширском шоссе. Погибших - 131 человек.

Следующая точка, выбранная варварами-подрывниками, - почему-то Волгодонск, возле Ростова. 16 сентября. То же примерно время - раннее утро. Как и в Буйнакске, взорвалась начиненная взрывчаткой автомашина, припаркованная между девятиэтажным панельным домом и зданием местного РУВД. Обрушились фасады двух подъездов жилого дома, начался пожар... На этот раз жертв было несколько меньше - семнадцать...

Слухи о близкой отставке Путина

В какой-то момент некоторым показалось, что череда страшных взрывов, неостановимо следующих один за другим, могут положить конец карьере Путина, что премьерское кресло под ним зашаталось. В других странах такое нередко бывает: кому же и нести ответственность за такой террористический беспредел, как не главе правительства. А в нашем случае к тому же пост премьера только что занял человек руководивший службой безопасности - тут на него вроде бы ложится двойная ответственность. Во всяком случае, слухи о близкой путинской отставке поползли по Москве.

Однако Кремль тут же категорически опроверг их.

- Этого (то есть отставки председателя правительства. - **О.М.**) не будет, - заявил пресс-секретарь Ельцина Дмитрий Якушкин. - Ельцин считает, что Путин - сильный премьер с огромным потенциалом, и он ему доверяет.

При этом Якушкин счел нужным вернуться к истории замены Степашина Путиным, сказав, что решение Бориса Ельцина отправить Степашина в отставку «не было случайным, спонтанным решением». И пообещал: «Придет день, когда мы сможем более подробно говорить о причинах этого решения».

Однако этот день так и не наступил. Широкая публика так и не узнала, почему же все-таки Ельцин снял одного и назначил другого.

Странное происшествие в Рязани

23 сентября утром информагентства сообщили об очередном... как бы это поточнее сказать... подрыве - не подрыве... К счастью, очередной подрыв жилого дома (дело было в Рязани, на улице Новоселова) не состоялся, но, как следовало из сообщений, - по чистой случайности: один из жильцов, возвращаясь домой поздно вечером, заметил, как двое неизвестных занесли в подвал здания какие-то мешки... Поднял тревогу.

Сообщения о предотвращенном происшествии предварялись кричащими заголовками. РИА «Новости»: «Минувшей ночью сотрудники милиции обнаружили в подвале жилого дома в Рязани три мешка со взрывчаткой».

Газеты на следующий день уже подробно описывали, как все произошло. «Коммерсант»:

«В ночь на четверг в Рязани была обезврежена мощная бомба, заложенная террористами в подвал двенадцатиэтажного дома. Жертвами теракта могли стать 240 человек, проживающие в нем. Спас их водитель рейсового автобуса Алексей Картофельников, также живущий в этом доме.

Около девяти вечера Алексей Картофельников вернулся после смены домой. Поставил машину в гараж и пошел к подъезду. В цокольном этаже дома расположен круглосуточный продовольственный магазин «День и ночь». Проходя мимо него, водитель обратил внимание на то, что рядом с соседней дверью, ведущей в технический подвал, стоит автомобиль ВАЗ-2107 белого цвета. Цифровой код региона на госномере машины был заклеен бумагой, а на ней от руки написано число 62 (код Рязанской области).

- Из «семерки» вылезли двое мужчин и женщина в спортивном костюме,- рассказывает Картофельников. - Они стали заносить в подвал какие-то мешки. Я находился в слабо освещенном месте, и они меня, к счастью, не заметили...

Картофельников пробрался в свой подъезд и позвонил в милицию. Патруль примчался минут через пять, но «семерки» на месте уже не было. Спустившись в подвал, милиционеры обнаружили три лежавших друг на друге мешка по 60 килограммов каждый. Верхний был вскрыт. В нем находилось вещество, похожее на сахарный песок, из которого торчали провода. Патрульные сразу же доложили о находке в ОВД. Буквально через несколько минут у дома собралось руководство всех силовых структур города и области.

Жильцов минут за пятнадцать вывели на улицу.

- Было страшно,- говорит жительница дома Татьяна Голубенко. - Но никто не паниковал. Быстро собрали деньги и документы, одели ребенка и уехали к родственникам.

Среди жильцов оказалось несколько инвалидов, которых сотрудникам МЧС пришлось выносить на улицу на руках.

На время обезвреживания бомбы большинство жильцов отправили в расположенный рядом кинотеатр «Октябрь».

- Люди были в шоке, - рассказывает его директор Валентина Рытова. - Но постепенно начали приходить в себя...

Вскоре к дому приехала опергруппа инженерно-технического отдела муниципальной милиции... Привезенный ими детектор паров взрывчатых веществ показал, что в мешках находится гексоген... Взрывотехники аккуратно разгребли сахар вокруг проводов. Оказалось, что они подсоединены к электронным часам, изготовленным в виде пейджера, и трем батарейкам. Время взрыва было установлено на 5-30 утра. Детонатором служила гильза от охотничьего патрона двенадцатого калибра, заполненная порохом. Часы остановили за семь часов до взрыва».

Не только жильцы едва не подорванного дома, но и вся страна пребывала в шоке. Получалось, что любой дом в любом российском городе может взлететь на воздух, если только этому не помешает какая-то случайность.

Премьер Путин, выступая 23-го вечером в Ростове-на-Дону, попытался приободрить население, - сделал упор на то, что «мешки, в которых оказалась взрывчатка», все-таки были ведь замечены! Поставил рязанцев в пример остальным россиянам: мол, «сегодня удалось избежать трагедии в Рязани исключительно благодаря бдительности жильцов дома, позвонивших в милицию и сообщивших о подозрительных мешках, которые неизвестные пытались спрятать в подвале их дома».

Призывы к всеобщей бдительности продолжали раздаваться и на следующий день. Министр внутренних дел Владимир Рушайло, самокритично заявив, что «все мы без исключения оказались не в полной мере готовы к отражению массированной угрозы терроризма», вместе с тем отметил, что все же тут есть определенные положительные сдвиги, - вот предотвращен взрыв жилого дома в Рязани.

Эти слова руководитель МВД произнес 24 сентября примерно в одиннадцать утра, а чуть позже, около трех часов пополудни, его коллега глава ФСБ Патрушев в интервью НТВ огорошил всех сногсшибательной новостью:

- Это не был взрыв... И предотвращения взрыва не было... Это было учение, там был сахар. Взрывчатого вещества не было.

Ничего себе! Ну ладно, журналисты не знают, что попытка подорвать многоэтажный жилой дом на сей раз была не настоящей, - проводились учения. Ладно местные рязанские власти, включая губернатора, об этом не знают. Ладно, этого не ведает министр внутренних дел (хотя его рязанские подчиненные уже с ног сбились, разыскивая подрывников, скрывшихся на белой «семерке» с заклеенным номером). Но, черт возьми, председатель-то правительства должен обо всем этом знать! Но и он, выходит, не знает...

Странные какие-то, ей-Богу, учения. Не встречавшиеся до той поры, я думаю, нигде, ни в одной стране мира.

...Так или иначе, Патрушев во всеуслышание признал, что мешки в подвал рязанского дома закладывали сотрудники его ведомства.

Что касается «учений»... Не все в них поверили. Так, газета «Челябинский рабочий» в номере от 29 сентября, то есть спустя пять дней после заявления лубянского начальника, писала:

«Как стало известно «Челябинскому рабочему» из хорошо информированного источника, никто из оперативников МВД и их коллег в УФСБ по Рязанской области не верит в «учебные» закладки взрывчатки в городе... По мнению высокопоставленных сотрудников правоохранительных органов, жилой дом в Рязани был реально заминирован неизвестными с применением настоящей взрывчатки и тех же детонаторов, что и в Москве... А милиционеры, общавшиеся со своими коллегами-криминалистами, проводившими первую экспертизу мешков, по-прежнему утверждают, что в них действительно был гексоген, и ошибки быть не может. Это показала и специально обученная собака, привезенная на место обнаруженной закладки».

Аналогичную информацию опубликовал ряд других региональных изданий.

«КОРРУПЦИЯ» В ЕЛЬЦИНСКОЙ СЕМЬЕ

«Нет у меня никаких счетов! Точка»

Как уже говорилось, 26 августа началась новая массированная атака на Ельцина и его семью. На этот раз началась из-за рубежа. В этот день итальянская газета «Коррьере делла сера» напечатала статью под заголовком «Кредитные карточки обвиняют Ельцина». В ней утверждалось, что федеральная прокуратура Швейцарии

располагает тремя кредитными карточками, выписанными на имя российского президента Бориса Ельцина и двух его дочерей. По этим карточкам их обладатели будто бы снимали деньги со счета в одном из венгерских банков. Деньги - один миллион долларов - в этот банк перевел тот самый скандально известный швейцарский предприниматель, глава фирмы «Мабетекс» Беджет Паколли, о котором уже шла речь. Этот миллион он перевел в 1994 году по просьбе Ельцина: в ту пору российский президент находился в Венгрии с официальным визитом и, как писала газета, «ему понадобились деньги на мелкие расходы». Подразумевалось, что упомянутая сумма была своего рода «откатом», выплаченным кремлевскому руководителю за подряд на реставрацию Кремля, полученный Беджетом Паколли. Какую цифру в целом составили президентские «мелкие расходы» во время его пребывания в Венгрии, осталось неизвестным, однако, по сведениям газеты, одна лишь Татьяна Дьяченко истратила за один день 20 миллионов итальянских лир...

Автор этого сочинения, по-видимому, понятия не имел, как организуются и проходят официальные визиты глав государств. Надо полагать, в его представлении, вполне возможна была, например, такая ситуация: посещая во время официального визита какой-то магазин или ресторан, президент, расплачиваясь, растерянно хлопает себя по карманам и вдруг с ужасом обнаруживает, что денег на «мелкие расходы» у него-то как раз и нет...

Что касается 20 миллионов лир, истраченных будто бы одной из дочерей Ельцина, сочинитель не удосужился проверить, действительно ли она участвовала в той венгерской поездке отца в 1994 году. На самом деле Татьяна Дьяченко до 1996 года вообще не выезжала ни в одну зарубежную командировку вместе с отцом-президентом. Стало быть, и в Венгрии в 1994-м ее не было...

Несмотря на всю бредовость подобных разоблачений, они были охотно подхвачены рядом российских и зарубежных изданий, в том числе такими вроде бы

солидными, как «Нью-Йорк таймс», «Уолл-стрит джорнэл», «Ю-Эс-Эй тудей», «Ньюсуик».

Весьма вероятно, что вся эта массированная атака была организована и проплачена кем-то из заклятых ельцинских «друзей». Кивали на Лужкова: по-видимому, только у него было достаточно денег, чтобы оплатить немалые «разоблачительные» расходы; к тому же для него не составляло труда заставить ракошелиться и друзей-олигархов.

Лужков, естественно, отвергал обвинения. Через своего пресс-секретаря он «выразил недоумение» по поводу предположений, будто он имеет власть над ведущими зарубежными средствами массовой информации. По словам Лужкова, «это абсурд».

Воспрянул экс-генпрокурор Скуратов (впрочем, пока еще не совсем «экс»: Совет Федерации по-прежнему не желал утверждать его отставку): вот видите, а я вам что говорил! «Говорил» же он, точнее намекал все последние месяцы, что главная причина, почему Ельцин стремится снять его с должности, заключается в том, что он, мол, Скуратов, располагает некими совершенно убойными разоблачительными материалами о коррупции в высших эшелонах власти, в том числе в семье президента. Теперь можно было от намеков перейти к открытым обвинениям.

- Сейчас, когда информация о возможной причастности президента и его семьи к коррупции, о наличии у них зарубежных счетов, об использовании в личных целях денежных средств сомнительных коммерсантов, получающих подряды на реконструкцию Кремля, и многое-многое другое стало достоянием не только российской, но и мировой общественности, - заявил Скуратов, - всем ясно, что в вопросе о моей отставке основным является личный интерес президента и его семьи. Иначе говоря, маски сброшены. Ситуации предельно упростилась.

6 сентября пресс-секретарь Ельцина Дмитрий Якушкин в прямом эфире телепрограммы «Вести» Российского телевидения заявил, что президент поручил своей

пресс-службе сделать простое и четкое заявление: «Никаких зарубежных счетов ни он, ни члены его семьи не открывали. Все. Точка».

Что касается доходов президентской семьи, напомнил Якушкин, они абсолютно прозрачны: сведения о них каждый год публикуются в прессе.

След все-таки остался...

Никаких счетов, никаких кредитных карточек, о которых писали ельцинские «разоблачители», никто, естественно, не нашел, хотя прокуратура специально занималась этим. Однако некий неприятный для президента след от той «разоблачительной» кампании все же остался: в головы обывателей удалось прочно вбить представление, будто Ельцин сильно озабочен своим будущим после отставки, а также будущим своих близких; настолько сильно, что по этой, мол, причине он и ищет себе преемника, руководствуясь одним-единственным критерием - преемник должен гарантировать ему и членам его семьи полную безопасность и неприкосновенность, обещать, что бывший президент и его близкие не будут привлечены к ответственности за якобы совершенные ими уголовные преступления.

Едва ли не первым начал об этом разговор еженедельник «Аргументы и факты» в номере от 8 сентября 1999 года. По мнению его авторов, именно из упомянутых соображений Ельцин сделал своим преемником Путина: «никто другой из числа реальных претендентов на Кремль не сможет дать уходящему президенту и его семье гарантии безопасности».

Позже это утверждение повторялось бесчисленное количество раз и в конце концов превратилось в аксиому - истину, не требующую доказательств.

ПУТИН РАЗЖИГАЕТ ВОЙНУ

«Хасавюрт был ошибкой»

Как уже говорилось, до какого-то момента Путин просто сетовал, что чеченская сторона не соблюдает Хасавюртовские соглашения: мы-то, дескать, их признаем, соблюдаем, а вот чеченские сепаратисты... Однако с середины сентября глава российского правительства стал прямо утверждать, что упомянутые соглашения были «ошибкой» и высказался за их пересмотр.

Здесь его охотно поддержали и Дума, и Совет Федерации.

Но что собой представляли Хасавюртовские соглашения? Сам документ, обозначаемый этим именем, был довольно безобидным - в нем фиксировались лишь общие принципы, которым Россия и Чечня обязуются следовать в своих отношениях. Однако позднее под Хасавюртовскими соглашениями стали понимать ряд документов, в том числе подписанных до и после самого соглашения, - указы Ельцина, частные договоренности между Лебедем и Масхадовым. Весь этот пакет документов узаконивал полный вывод федеральных войск из Чечни и фактическое предоставление независимости этой республике.

Возможно, российская сторона, в самом деле, пошла тут на чрезмерные уступки. Однако, думаю, эти документы были достаточно приемлемы как первый шаг в направлении к миру на чеченской земле. За ним должны были последовать другие шаги, необходимо было проводить упорную, последовательную работу, чтобы закрепить и развить достигнутые договоренности.

Эмиль Паин, специалист по чеченской проблеме, так писал по этому поводу:

«Мирный договор является лишь первым шагом на пути долгосрочного мира. Если следом за ним не начинается весьма кропотливая работа по рекультивации политического ландшафта, разрушенного длительным вооруженным конфликтом, то даже самые продуманные договоры терпят неудачу. Как раз такой рекультивации не было проведено…»

Говоря проще, требовалась серьезная, кропотливая практическая работа по помощи населению, по восстановлению республики, по обузданию экстремистов, по укреплению во власти людей умеренного умонастроения… Ничего этого сделано не было. Не знали даже, как к этому подступиться. Да и не хотели ничего такого делать. Никакой существенной материальной поддержки республике, отпущенной в свободное плавание, не оказывалось. Средства, которые вроде бы выделялись на ее восстановление, неизменно разворовывались, причем их разворовывание начиналось еще в Москве.

12 мая 1997 года Ельцин и Масхадов подписали в Кремле документ, юридически несравненно более важный, чем Хасавюртовские соглашения - «Договор о мире и принципах взаимоотношений между Российской Федерацией и Чеченской Республикой Ичкерия». То есть это уже был как бы договор между двумя независимыми друг от друга государствами. «Высокие договаривающиеся стороны, - говорилось в нем, - желая прекратить многовековое противостояние, стремясь установить прочные, равноправные, взаимовыгодные отношения, договорились…» И первым пунктом шло наиболее значительное, о чем договорились: «Навсегда отказаться от применения и угрозы применения силы при решении любых спорных вопросов». И еще: «Строить свои отношения в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права…» Договор вступил в действие со дня его подписания.

Повторяю, юридически это был документ, без сомнения, более важный, чем Хасавюртовские соглашения, - хотя бы потому, что его подписали два президента, а не секретарь российского Совбеза и начальник Главного штаба Ичкерии, - однако так получилось, что в связи с временным, трехгодичным миром, установившимся в Чечне, как правило, упоминался и упоминается, лишь Хасавюрт и почти никогда - Московский договор.

Хотя к середине сентября 1999 года стало достаточно ясно, что дело идет к новой войне, у многих все же сохранялась надежда, что в последний момент власти образумятся и не допустят возобновления бойни. Так, 17 сентября 1999 года «Российская газета» напечатала статью бывшего министра иностранных дел СССР, бывшего посла России в Великобритании Бориса Панкина, который призывал кремлевских чиновников именно к этому:

«Соглашение в Хасавюрте, сколь бы несовершенно оно ни было, положило конец кровопролитию, дало время для окончательного урегулирования взаимоотношения сторон. Но это время было по существу потеряно. Единственным конструктивным актом с тех пор явились прошедшие в Чечне под международным наблюдением и с согласия России президентские и парламентские выборы. Они показали разумность и осмотрительность основной массы населения, которое избрало президентом самого умеренного из своих лидеров - Аслана Масхадова. Да и избранный народом парламент тоже был настроен на поиски взаимоприемлемого уравнения в отношениях Чечни и России, выступал против экстремистских выбросов как религиозного, так и политиканского толка.

К сожалению, отсутствие у российского руководства определенной, конструктивной и последовательной политики в отношении Чечни, надежда, что время само все уладит, с каждым днем все больше ослабляли и позиции законно избранного президента крохотной горной республики, играли на руку экстремистам. Чувствуя бессилие официальных властей, как в Чечне, так и в России, они распоясывались все больше.

Новые и новые слои населения, которое чувствовало себя обманутым в своих ожиданиях, бедствовали без работы и средств существования и становились добычей доморощенных экстремистов…»

«Еще не поздно переломить это гибельное развитие, - почти в отчаянии призывал автор. - Еще не поздно предпринять политические акции, которые способствовали бы изоляции экстремистов в глазах народа, которому они якобы служат. Масхадов не раз заявлял, что официальный Грозный не имеет ничего общего с намерениями и действиями боевиков. Совсем недавно он стучался в двери Кремля, предлагая встречу на высшем уровне, ему обещали. Но с тех пор три премьера сменились в России, а воз и ныне там, вернее, еще дальше от того места, куда бы надо ему двигаться. Почему бы теперь наконец не дать ему возможность доказать свои слова делом и, если они совпадают, не предложить план совместных действий? И взяться, засучив рукава, отбросив в сторону предубеждения и пристрастия, за обеспечение безопасности народов, населяющих просторы бывшего Советского Союза?»

Увы, с каждым днем становилось все более ясно, что эти и другие подобные призывы остаются не услышанными. Как всегда, гораздо ближе сердцу кремлевских правителей оказывается традиционный тупой кровавый военный вариант. Осуществить его представлялось тем легче, что к этому времени и население, подготовленное соответствующей пропагандой, стало душой к нему прикипать (каждый день по телевизору показывают зверства «отморозков»-боевиков, не поясняя при этом, что на экране - не подчиняющиеся никому так называемые «индейцы»). А тут еще и вторжение Басаева в Дагестан, и взрывы домов в Буйнакске, Москве, Волгодонске...

Наконец, предвыборная ситуация была такова, что Путину требовался рейтинг. И что-то не видно было другого способа быстро его взогнать, вскипятить, как только представить премьера в роли отца нации, защитника отечества, подвергающегося

атакам бандитов и террористов, единственного, кто способен беспощадно наказать этих врагов России.

Масхадов пытается предотвратить войну

Вряд ли у Путина с самого начала был какой-то определенный план действий в Чечне. Логика была простая: давайте сделаем вот это, а там посмотрим... В середине сентября речь еще шла о создании некоей «карантинной зоны» вокруг республики. По словам Путина, «вопрос о возможности введения войск на территорию Чеченской Республики пока не обсуждается, однако превентивные удары по базам бандитов на территории Чечни наносились и будут наноситься».

На другой стороне конфликта - в Грозном, - по-видимому, делалось все, чтобы предотвратить новую войну. Масхадов не мог не понимать, что для Чечни она будет катастрофой. 18 сентября пресс-секретарь чеченского президента, ссылаясь на слова своего шефа, сообщил, что в Грозном идет интенсивная подготовка к встрече Масхадова и Путина и что она состоится в ближайшее время.

- Масхадов уверен, - сказал пресс-секретарь, - что у российского руководства и премьера хватит политической мудрости, чтобы не дать «партии войны» вновь взять вверх и разжечь новую кровопролитную войну... Президент не сомневается в том, что непосредственная встреча с Путиным позволит снять многие проблемы которые, зачастую, создаются заинтересованными силами как в Москве, так и на Кавказе искусственно.

Со стороны Масхадова это, конечно, был жест отчаяния. Он не мог не понимать, что не располагает какими-то серьезными средствами, чтобы остановить военный каток, вновь накатывающийся на его страну.

Реагируя на сообщения из Грозного, в московском Белом доме равнодушно заявили, что «не располагают данными о якобы готовящейся встрече премьер-министра Владимира Путина с Асланом Масхадовым».

Впрочем, уже на следующий день сам Путин в интервью РТР как бы внес тут некоторую ясность.

- Если сегодня в Чечне с кем-то и можно иметь дело, - сказал он, - так это с Асланом Масхадовым, потому что он был избран населением республики.

Одним словом, небольшую возможность для мирного решения чеченской проблемы новый премьер все же вроде бы оставлял. По крайней мере, на словах.

«Они хотят разделить Россию на бантустаны»

Однако в целом упомянутое интервью Путина было необычайно жестким и воинственным. Это было как бы программное выступление. Премьер развернул перед телезрителями панорамную картину того, что, собственно говоря, происходит в Чечне, каковы далеко идущие планы «некоторых реакционных кругов ряда мусульманских стран», касающиеся этой республики. По словам Путина, эти круги стремятся использовать Чечню в качестве «легко управляемой мятежной зоны для того, чтобы решить свои геополитические задачи на территории всей России», создать новое государство «от Каспия до Черного моря с целью завладеть минеральными ресурсами данного региона».

- Если мы уйдем с Северного Кавказа, - сказал Путин, - как мы ушли из Чечни после Хасавюртовских соглашений, агрессия будет продолжена... Мы знаем планы создания на территории России бантустанов, самоопределяющихся территорий, и если допустим даже попытку осуществить это, трагические события в Москве и ситуация Дагестане покажутся нам цветочками.

Ну, уж после таких заявлений, после угрозы появления на российской территории бантустанов истинные намерения Москвы относительно Чечни становились прозрачны, как стеклышко.

Кстати, среди прочего, Путин безапелляционно заявил: он-де не сомневается, что между событиями в Дагестане и террористическими актами в Москве и Волгодонске

существует связь. Вот так. Взрывы домов только что случились (последний, в Волгодонске, напомню, всего лишь за три дня до этого путинского выступления - 16 сентября), а Путин уже «не сомневается»: там есть «чеченский след». Попробовал бы теперь какой-нибудь следователь, только еще приступающий к поиску виновников этих взрывов, не заметить такого «следа»! С той поры едва ли не после каждого такого происшествия следователи начинали свою работу, держа наготове «презумпцию виновности» чеченцев. А уж если откуда-то сверху следовало прямое указание или хотя бы намек, в какой стороне искать виноватых, тут и говорить нечего...

На Чечню снова начинают падать бомбы и ракеты

В полдень 23 сентября федеральная авиация нанесла ракетно-бомбовый удар по грозненскому аэропорту имени шейха Мансура. Об этом сразу же сообщила чеченская сторона. Чеченцы попытались проявить сдержанность: «Оперативный штаб при главнокомандующем ВС Чечни» приказал не открывать огонь по самолетам, чтобы «не провоцировать новые удары, которые могут привести к жертвам среди мирного населения». Было заявлено, что «чеченское правительство намерено использовать политические методы решения проблемы», в частности, срочно провести консультации с лидерами других северокавказских республик, привлечь их к урегулированию ситуации в регионе.

Федералы поначалу заявили, что «не располагают информацией» об авианалете на грозненский аэропорт, однако позже подтвердили, что да, такой налет был: ударам подверглись те объекты на территории аэропорта, «которые используются чеченскими боевиками для совершения террористических актов и разбойных нападений», в частности, склады с оружием и радиолокационная станция. Частично разрушена была и взлетно-посадочная полоса...

Удары были нанесены также по северной окраине Грозного и по окрестностям некоторых селений за пределами чеченской столицы. Произошло существенное

продвижение вперед в раздувании огня новой войны: до сих пор авиация бомбила лишь объекты на территории Дагестана или вблизи дагестанско-чеченской границы, теперь же было решено подвергать бомбардировкам «базы террористов» по всей Чечне. Как сказал один из военных, «сегодня, когда боевиков выбили из Дагестана, а Чечня окружена плотным кольцом федеральных войск, переход к этой новой фазе операции вполне закономерен».

«Будем мочить их в сортире!»

Приказ о начале бомбардировок, без сомнения, отдал сам Путин, проведший в этот день утром совещание с силовиками в аэропорту «Внуково-2» перед отлетом в Ростов-на-Дону: бомбы и ракеты посыпались на Чечню менее чем через час после этого совещания.

Уже в Ростове премьер заявил, что «есть общая установка - бандиты будут преследоваться там, где они находятся: если они оказались в аэропорту, то значит - в аэропорту. По словам Путина, он решительно намерен прекратить политику заигрывания с бандформированиями.

Снова последовали утверждения, что в Чечне действуют международные террористы, что у него, Путина, есть «точные данные»: там неоднократно бывал даже сам бен Ладен, он поддерживает постоянные контакты с чеченскими боевиками, в Чечне присутствуют его представители.

Вообще-то, насколько известно, бен Ладен редко куда выбирался за пределы своего убежища где-то на границе Афганистана и Пакистана, но вот в Чечне, видите, «неоднократно побывал». На этот счет есть «точные данные».

К этому времени вокруг Чечни была уже сосредоточена почти пятидесятитысячная группировка федеральных войск. Все говорило о том, что вот-вот начнется «наземный этап» операции в Чеченской Республике. При этом, однако, «информированные» люди утверждали, что речь может идти «не о широкомасштабной

войсковой операции, направленной на установление контроля над всей территорией Чечни, а о серии спецопераций по уничтожению бандформирований в сочетании с ударами по базам боевиков с воздуха».

Это подтвердил и Путин уже в казахской Астане, куда прилетел из Ростова-на-Дону. По его словам, никакой широкомасштабной военной операции в Чечне не планируется.

- Наша задача - защитить население России от бандитов, - сказал председатель российского правительства, - а как именно, вы скоро узнаете. Не будет ничего того, что было во время так называемой печально известной чеченской кампании.

Имелась в виду первая чеченская война 1994 - 1996 годов.

Любопытно проследить, как будет меняться риторика Путина и других московских деятелей по мере того, как новая война в Чечне будет полыхать все сильнее и сильнее, по мере того, как наземная операция, все-таки начавшись, будет становиться все масштабнее и масштабнее.

24 сентября все в той же казахстанской столице Путин сделал свое знаменитое, можно сказать, обессмертившее его имя заявление:

- Российские самолёты наносят и будут наносить удары в Чечне исключительно по базам террористов, и это будет продолжаться, где бы террористы ни находились... Вы уж меня извините, если в туалете поймаем, то и в сортире их «замочим»...

С этого времени такого рода полублатные, «народные» речевые обороты сделаются фирменным стилем российского премьера, а впоследствии президента. Без сомнения, многим они придутся по нраву, будут содействовать росту популярности Путина у народных масс.

Аушев призывает Ельцина...

Видя необузданную агрессивность премьера (изредка перемежаемую, впрочем, успокаивающими «мирными» заверениями, типа: «Наземной операции в Чечне

проводиться не будет»), кое-кто из политиков опять-таки пытался апеллировать через его голову непосредственно к Ельцину. Так, ингушский президент Руслан Аушев, резко осудив авиаудары по территории Чечни, заявил на пресс-конференции в Москве, что ситуацией на Северном Кавказе, по его мнению, должен заниматься лично глава государства, призвал организовать встречу Ельцина и Масхадова (как он полагал, она вполне реальна). Однако Ельцин по-прежнему не желал возвращать себе былую главную роль в решении чеченской проблемы, предоставляя эту роль Путину, практически дав тут ему карт-бланш.

Что касается встречи двух президентов - российского и чеченского, - то, как заявил 27 сентября Путин после часовой беседы с президентом, Борис Ельцин встретится с Асланом Масхадовым тогда, «когда посчитает это целесообразным и когда это будет выгодно для России». А вообще-то, по словам Путина, подготовка встречи президентов России и Чечни «никогда не прекращалась».

Тут опять как бы обозначалась успокоительная, «миротворческая» линия: вот видите, хоть мы и начали снова бомбить Чечню, хоть у нас, как многие считают, все готово к наземному вторжению в эту республику, мы никогда не переставали готовить мирные переговоры с чеченским руководством «на высшем уровне».

Результаты опросов

(Август - сентябрь 1999 года)

Уже в сентябре, во второй половине, популярность Путина начала стремительно расти. Если 14 августа ему доверяли 5 процентов опрошенных, 28-го - 12, 11 сентября - 14, то 18 сентября - 23, а 25-го - 31.

Заметно вырос и «президентский» рейтинг Путина. 25 сентября он занимал уже третье место среди кандидатов на пост главы государства: у шедшего впереди всех Примакова был 21 процент (причем наметилась тенденция к снижению), у Зюганова -

17, у Путина - 10, у Лужкова - 7 (ощутимое снижение), у Явлинского - тоже 7, у Степашина. Жириновского и Лебедя - по 5, у Черномырдина - 1.

Было совершенно ясно, что главная причина растущей популярности Путина - его жесткая, агрессивная позиция по Чечне, безоговорочная готовность «мочить в сортире» всех, кто вторгается на российскую территорию, кто взрывает дома в российских городах...

Хроника вторжения

29 сентября на пресс-конференции в Чебоксарах Путин неожиданно заявил: он-де «никогда не говорил о том, что сухопутной операции в Чечне не будет».

Что ж, может, и не говорил. Может, журналисты что переврали. Они-то не однажды цитировали Путина, будто бы заверявшего их как раз в том, что дело ограничится авиаударами и ограниченными спецоперациями.

Между тем, сухопутная операция уже началась. В тот же день, 29-го, Путина, уже в Санкт-Петербурге, спросили, известно ли ему, что ряд господствующих высот на территории Чечни вблизи от административной границы с Дагестаном занят российскими подразделениями.

- Заняли, так заняли, что теперь поделаешь, - с обезоруживающей простотой ответил Путин. - Сейчас позвоню министру обороны и спрошу его об этом.

Позже Путин не раз будет отвечать на вопросы журналистов в таком же наивно-бесхитростном стиле: «Заняли, так заняли». Наиболее известный его ответ такого рода - американскому телеведущему Ларри Кингу, спросившему его, что случилось с подводной лодкой «Курск». «Она затонула», - по-простецки ответил Путин.

Авианалеты между тем продолжались, их интенсивность усиливалась. Бомбы и ракеты падали уже не только на «базы боевиков», но и просто на селения, промышленные объекты, предприятия связи... По приграничным с Дагестаном чеченским селам вела огонь артиллерия.

В Чечне вводится военная цензура

Памятуя о том, что в первую чеченскую кампанию много неприятностей федералам доставляли журналисты, проникавшие везде и повсюду, показывавшие войну такой, как она есть, Путин решил резко ограничить их деятельность в Чечне. 5 октября он подписал распоряжение о создании Российского информационного центра. Официально задача у этого центра была вполне благородная - «оперативное освещение событий, происходящих в регионах Северного Кавказа». На деле же ему надлежало поставить дело так, чтобы из этих регионов, прежде всего из Чечни, публика получала строго дозированную и лишь нужную власти информацию. Недаром же к работе Росинформцентра наряду с профессионалами журналистики привлекались - понятно, на главные роли - представители Минобороны, МВД, ФСБ и других силовых ведомств.

Вскоре о чеченских событиях с телеэкранов начнут вещать почти исключительно «комментаторы» в камуфляже и при погонах и только редкие журналисты, на свой страх и риск пробирающиеся в зону боевых действий, своими сообщениями станут разбавлять «оперативную и достоверную» информацию, предоставляемую военными.

«Обменяли хулигана на Луиса Корвалана»

Забегая несколько вперед, тут стоит, пожалуй, сказать о самом, наверное, примечательном случае установления жесткой информационной блокады вокруг Чечни, изгнания из нее практически всех независимых журналистов, произошедших, когда Путин еще только готовился стать президентом.

В середине января 2000 года в Чечне исчез корреспондент радио «Свобода» Андрей Бабицкий - практически единственный остававшийся к тому времени в этой республике репортер, сообщавший правду о происходивших там событиях - и с той, и с другой стороны. Две недели о нем ничего не было известно. Возможно, - да и скорее всего, - он так бы и сгинул в безвестности, оказался бы причислен к бессчетному числу

пропавших без вести, если бы не мощная волна протестов и требований объяснить, что с ним случилось, освободить его (если он еще жив), поднятая его коллегами по радиостанции и подхваченная многими журналистами, общественными и государственными деятелями и в России, и за рубежом.

Наконец 29-го российские власти (МВД) сообщили, что 23 января Бабицкий был задержан на блок-посту при выходе из Грозного и находится в одном из райотделов милиции на территории Чечни. Причина задержания: у Бабицкого будто бы отсутствовала аккредитация, необходимая для работы в республике (позже и дата задержания, и его причина в объяснениях властей будут неоднократно меняться; на самом деле его задержали 16 января).

Тем временем многочисленные протесты и требования освободить журналиста не стихали. Предоставить Бабицкому «свободу» власти решили довольно своеобразным способом. 3 февраля было сообщено, что журналист, будто бы с его согласия, передан чеченской стороне в обмен на двух российских солдат, находившихся в плену.

- Бабицкий передан чеченскому полевому командиру, и теперь федеральный центр не несет ответственности за его дальнейшую судьбу, - заявил помощник и.о.президента Сергей Ястржембский.

По телевидению было показано, как в реальности происходил обмен: Бабицкого, который выглядит весьма напряженно, подводят к какому-то человеку в камуфляже и маске, тот бесцеремонно хватает его за руку и куда-то уводит. Сразу же возникли подозрения, что это просто-напросто инсценировка, а возможно, и вообще видеомонтаж - уж больно неумелой выглядела работа телеоператоров. Наконец сам факт такого обмена представлялся совершенно несуразным: журналиста, которому официально не предъявлено никаких обвинений, как бы приравнивают к военнопленным, тем самым демонстрируя, что Бабицкий (он, мол, сам в этом признался) участвовал в боевых действиях на стороне чеченских бандформирований и с ним еще гуманно поступают,

передавая «своим». Известный адвокат Генри Резник назвал подобные действия российских властей «дикостью и иезуитским ходом».

- Подобного в моей практике никогда не было, - сказал Резник. - То, что профессионального журналиста приравняли к военнопленному, противоречит всем международным юридическим нормам.

Путин же выразил удовлетворение тем, что теперь российские власти не несут ответственности за судьбу Бабицкого, а уж как с ним поступят «чеченские головорезы», его не очень волнует.

- Для меня важнее было вернуть двух российских солдат, воевавших на нашей стороне, - сказал Путин. Что же касается журналиста, то, теперь, по словам и.о.президента, «Бабицкому станет страшно, он поймет, к кому он попал!»

Как потом выяснилось, никакого обмена в самом деле не было. Просто разыграли спектакль. Солдат из плена не освобождали, а Бабицкого передали людям некоего лояльного Москве, связанного с российскими спецслужбами Адама Дениева, которые и держали его у себя в никому не известном месте с 3-го до 23 февраля.

Все это время в прессе - и в независимой нашей, и в зарубежной - не смолкали требования освободить Бабицкого. Тревога была вполне оправданной: журналиста вполне могли убить и списать это убийство на того самого чеченского полевого командира, кому он будто бы был передан.

Убить Бабицкого власти все же не решились, но и просто освободить его не очень хотелось. «Освобождали» журналиста опять-таки своеобразно. 23 февраля в багажнике автомашины его перевезли в Дагестан. В Махачкале его задержал уже местный ОМОН. Теперь на журналиста завели дело «за подделку документов»: он был задержан с фальшивым азербайджанским паспортом, который его чеченские «друзья» вручили ему, отобрав его собственный...

Освободили Бабицкого лишь в ночь с 28-го на 29-го. МВД - видимо, по распоряжению Путина (иначе у нас такие дела не делаются), - прислало за ним специальный самолет, доставивший его в Москву.

Всем было ясно: вся эта история с Андреем Бабицким - предупреждение всем журналистам, у кого еще оставалось желание ехать в Чечню, правдиво писать о войне: «Смотрите... Бабицкий еще выбрался живым, а вам может и не выпасть такое везение...»

Санитарная зона построена

Вернемся, однако, в октябрь 1999-го. 5-го числа РИА «Новости» сообщило, что российские войска «завершили в понедельник (то есть накануне, 4 октября) операцию по созданию санитарной зоны вокруг Чечни». Как заявил командующий Объединенной группировкой федеральных сил генерал-лейтенант Геннадий Трошев, «с севера, востока и запада территория Чечни окружена плотным кольцом войск». Причем кольцо тройное: первый рубеж занимают внутренние войска, второй и третий - подразделения Минобороны.

Казалось бы, раз создана «санитарная зона», да еще такая основательная, необходимости продвигаться вглубь чеченской территории нет. Между тем в Оперативном штабе при президенте Чечни (то есть Масхадове) корреспонденту того же агентства сообщили, что такое продвижение идет полным ходом: под контроль российских подразделений перешла станица Шелковская, идут тяжелые бои вблизи станицы Червленая в 35 километрах от Грозного...

Впрочем, сам Путин в этот же день огласил еще более ошеломительную новость: федеральные войска вышли на линию реки Терек, под их контролем находится около трети чеченской территории.

Вот вам и «санитарная зона», вот вам и «наземную операцию, а тем более широкомасштабную, проводить не будем»...

По крайней мере, информационную войну Путин уже выиграл, всех перехитрил.

При этом, однако, он и не думал сворачивать ее: опять-таки 5 октября заявил на встрече с «ведущими российскими политиками», что «правительство России не планирует с помощью военной силы решать политические вопросы, связанные с будущим статусом Чеченской Республики».

(Интересно, а какими же способами они решались и до, и после этого заявления?)

При этом Путин дал и кое-какие пояснения насчет «санитарной зоны»:

- Операция по созданию «санитарного пояса» вокруг Чечни, - сказал он, - далеко не закончена. Нашей конечной целью является уничтожение террористов НА ВСЕЙ ТЕРРИТОРИИ ЧЕЧНИ (выделено мной. - **О.М.**)

Вот теперь уже с «санитарной зоной», «санитарным поясом» ВОКРУГ Чечни все стало окончательно ясно...

Чечня - в экономической блокаде

Параллельно с военными действиями против Чечни начали приниматься жесткие экономические меры. По существу - устанавливаться экономическая блокада. С 30 сентября Газпром прекратил поставки газа в республику. Официально объявленная причина: чеченский долг кампании в миллиард рублей, отсутствие гарантий безопасности персонала и населения, - дескать, уже были попытки подорвать трубопроводы...

Пенсионный фонд прекратил выплачивать пенсии чеченским пенсионерам...

На реке Аргун была разрушена крупнейшая плотина, так что Грозный, ряд других районов республики остались без воды...

Глава РАО ЕЭС Анатолий Чубайс давно уже добивался, чтобы правительство позволило ему прекратить подачу электричества в Чечню - по той же, что и Газпром, причине: не платят (к началу октября чеченский долг составлял 690 миллионов рублей). Обращался с этим и к Примакову, и к Степашину в бытность их премьерами... И вот

наконец - думаю, без большого труда - получил такое разрешение от Путина, нашел у него «полное понимание и поддержку». О том, что Чечня оставлена им без света, Чубайс сообщил 9 октября в телепрограмме «Итоги».

Полагаю, выключить рубильник Чубайсу было тем легче, что он, в отличие от большинства его коллег-демократов, вполне оправдывал возобновление чеченской бойни: «Чечня - это территория Российской Федерации. Бандформирования, против которых там ведется борьба, сами вторглись на чужую территорию - в Дагестан».

Резкую отповедь Чубайсу в связи с этой акцией дали правозащитники, опубликовав 13 октября открытое письмо ему.

«Глубокоуважаемый Анатолий Борисович! - говорилось в письме. - Ваше решение прекратить поступление электроэнергии в Чечню не может одобрить ни один порядочный человек. Злобной и непристойной является аргументация, приводимая Вами для оправдания этого решения.

Анатолий Борисович, Вы наверняка понимаете, что от последствий этого Вашего распоряжения страдает, прежде всего, гражданское население: в страшном положении оказались больницы, переполненные ранеными и больными, роддома, другие объекты жизнеобеспечения населения. Но Вы «умываете руки» и перекладываете всю ответственность за неизбежные трагедии на нынешние власти Чечни, обвиняя их в том, что они не обеспечили возможность чеченскому населению оплачивать задолженности Вашей кампании.

Сейчас эти задолженности своими жизнями и здоровьем оплачивают больные и немощные люди, роженицы и грудные младенцы. Таким образом, Вы сравнялись в цинизме с теми, кто ведет массированный неизбирательный огонь, считая, что уничтожение нескольких боевиков оправдывает убийство множества мирных жителей. Вы сравнялись и с террористами, преднамеренно наносившими удары по гражданским объектам.

Нам представляется удивительным то, что подобные действия предпринимает, может быть, и не совсем самостоятельно, человек, утверждающий, что он является последовательным сторонником либеральных ценностей.

Вашими действиями нынешняя военная операция в Чечне, официально называемая операцией против террористов и бандитов, превращается в тотальную войну против всего населения Чечни».

Под письмом стояли подписи Людмилы Алексеевой, Ларисы Богораз, Елены Боннэр, Сергея Ковалева, Сергея Григорянца и других известных правозащитников.

Аушев по-прежнему против

Единственным из региональных лидеров, выступающим против новой чеченской войны, по-прежнему оставался президент Ингушетии Руслан Аушев. 15 октября на пресс-конференции он вновь заявил об этом.

- Я не знаю ни одной политической проблемы, - сказал Аушев, - которую можно решить силой. Да, с террористами надо бороться, но при этом необходимо все продумать, поскольку последствия боевых действий будут еще тяжелее, чем в прошлый раз.

Аушев снова призвал федеральный центр «найти возможность поговорить с Масхадовым».

- Чеченский народ и чеченского президента нужно сделать союзниками в борьбе с террористами, - заявил президент Ингушетии.

В частности, по его словам, можно было бы подумать о совместных спецоперациях против неподконтрольных Грозному боевиков.

Аушев сказал, что изложил свою позицию Владимиру Путину, однако не встретил у него понимания.

Против переговоров с Масхадовым теперь уже вполне определенно выступил и Кремль. Пресс-секретарь Ельцина Дмитрий Якушкин сказал, что при сложившихся

обстоятельствах он «с трудом представляет себе» возможность встречи президентов России и Чечни: с тех пор, как возникла идея такой встречи, обстановка резко изменилась.

Правда, Якушкин не исключил, что с Масхадовым может встретиться Путин - остается такая вероятность, - однако на практике и о ней речь сейчас не идет.

На беженцев - наплевать!

Помимо прочего, Аушев был против новой войны, естественно, еще и потому, что с ее началом на Ингушетию обрушился новый поток беженцев из соседней республики. По его словам, в Ингушетии уже находится более 164 тысяч переселенцев - это при численности населения самой республики 340 тысяч человек - и количество их все увеличивается.

- Люди не устроены, а на пороге уже холода, - печально констатировал Аушев.

О трагическом положении чеченских беженцев в эти дни не уставал говорить и федеральный уполномоченный по правам человека Олег Миронов.

- Безудержный рост неконтролируемых потоков беженцев на фоне острейшей нехватки медикаментов, роста воспалительных и инфекционных заболеваний среди детей и стариков, катастрофический дефицит продовольствия создали реальную угрозу беспрецедентной гуманитарной катастрофы на юге страны, - заявил Миронов по возвращении из Ингушетии, где посетил лагеря беженцев... - Я был просто шокирован и расстроен, увидев спящих на голой земле детей и стариков, до которых никому нет дела, а ведь приближается зима, и ночами уже становится холодно.

Миронов призвал Ельцина и Путина принять «сверхэкстренные» меры», чтобы предотвратить катастрофическое развитие ситуации в местах сосредоточения беженцев.

Путин ответил Миронову весьма своеобразно. Он категорически отверг утверждения тех, кто «пытается подвести сложное положение в Чечне и соседних регионах под понятие гуманитарной катастрофы». В программе Сванидзе «Зеркало» на

РТР председатель правительства без обиняков заявил, что эти люди - «агентура бандитов и террористов».

Вот так. Стало быть, Аушев, Миронов, все, кто был озабочен судьбой беженцев, - «агентура».

По утверждению Путина, «люди убегают не только от боевых действий, но и от тех условий последних лет, в которых они были вынуждены жить, убегают от страха; это - наши граждане, они идут не за границу, а к нам».

Была бы возможность, ушли бы и за границу. Да многие с тех пор и ушли. И в Европу, и в Азию, и в Америку... Кто куда смог. Лишь бы покинуть этот ад, где формально они числились гражданами.

Результаты опросов

(Октябрь 1999 года)

Как уже говорилось, со второй половины сентября, «президентский» рейтинг Путина начал стремительно расти, каждую неделю поднимаясь на 2 - 4 процента. По данным Фонда «Общественное мнение», 9 октября он достиг рейтинга Примакова, а по опросу, проведенному неделю спустя, - 16 октября - превысил его, поднявшись до 20 процентов. Путин стал самым популярным российским политиком и уже не уступал тут никому первого места (рейтинги главных его соперников 16 октября были таковы: у Примакова - 18 процентов, у Зюганова - 15, у Лужкова - 5).

Если бы в ближайшее - после 16 октября - воскресенье состоялся второй тур президентских выборов и соперниками в нем стали бы Путин и Примаков, первый без труда победил бы второго - 42:36. Понятное дело, если бы вместо Примакова во втором туре вместе с Путиным оказался кто-то другой, разрыв был бы еще больше.

Ракетами -по мирным людям

Военные, как водится, отрицали, что в ходе возобновившейся войны вновь, как и в первую кампанию, в Чечне массово уничтожалось мирное население. Однако факты говорили о другом.

21 октября ближе к вечеру был нанесен ракетный удар по грозненскому рынку. Вот как описывает случившееся одна из свидетельниц, Малика Юнусова (в записи сотрудников «Мемориала»):

«Мы с мужем торговали на Центральном рынке Грозного с 1996 года. Торговали в основном продуктами. Место было возле «биржи». У меня четверо детей, в возрасте от 5 до 14 лет. В этот день, 21 октября рано утром, как обычно, мы торговали. Наплыв людей был очень большой, как до войны. До этого дня обстреляли глубинными бомбами поселок Катаяма и Грозненский пост ГАИ. 18 октября я детей отправила в село Котар-Юрт. День был обычный... Муж с другом отошли к «бирже», которая стояла сзади меня... Где-то в 16 часов 30 минут услышала шум, звук такой, что звенит в ушах. Я даже не испугалась. Это был не гром, неизвестно что. Потом тишина. Потом в воздухе появилась труба, и из нее вылетел шар, красный, как солнце на закате. И он разорвался на моих глазах. И сразу такой страшный грохот, как сильный гром. Я испугалась, меня оглушило... Труба упала прямо на «биржу». А разорвавшийся шар, в секунду - осколки... Секунда, и люди - без голов, без рук, без ног, с разорвавшимися животами. Я ничего не слышала, я только видела все это глазами. Помочь я никому не могла, моя правая рука была переломлена. Там было не до помощи. Там все подряд, проходящие, стоящие, торгующие – все лежали... Я не слышала ни криков, ни стонов, я видела разевающиеся рты, гримасы людей. Еле-еле живые двигались, тут же падали. Я схватилась за раненую руку, отошла от стола, побежала сзади стола. Я не находила мужа, искала. Я просто искала куртку, в которую он был одет. Отошла метров на двадцать. Я переходила эти тела, поскользнулась, упала и каталась в этой крови. Упала, поднялась, и в пяти метрах от моего стола увидела лежащим мужа, в кожаной куртке. Я подошла, потрогала, встряхнула, он посмотрел на меня. Мы поняли, что мы живы. Мы

разговаривали, как немые люди, ничего не слышали оба. Он меня схватил обеими руками, с ним ничего не случилось. А те, которые оттолкнули моего мужа (двое мужчин и женщина), они были в кусках. Он схватил меня, у меня так болела рука. Я думала, что у меня руки уже нет. Мы бежали, не зная куда. Базар стоял на трамвайной линии. Мы жили на остановке «Заводской», за поворотом трамвайной линии. Прибежал сосед. Он бежал к рынку, узнав про это. Он встретил нас, поймал машину, а в это время осколки ракеты еще разлетались. На остановке «Заводской» стоял желтый автобус. Меня отвезли на этой машине. Это было вечером. Не было света, а автобус шел сзади нас. Когда мы подъехали к 9-й больнице, этот автобус был полностью набит (только одна женщина, маленький мальчик и шофер, еле живой, вышли оттуда), остальных потом вытаскивали, но они все были мертвы. Автобус стоял на остановке, все люди в нем были погибшие. Я видела это сама. Я о себе забыла. Этих людей вытаскивали и укладывали на ступеньки, ведущие в 9-ю больницу. В больнице все было занято – и ступеньки, и проход. Врачи 9-й больницы не знали, кого тронуть, кого взять и кому помочь. Они говорили: «Не стойте! Увозите всех! Нет свободных мест!»

Военные, московские чины, официозная пресса сразу же стали уверять, что никакого ракетного удара по рынку не было, что это, мол, взорвался склад боеприпасов, принадлежащих боевикам. К этой версии присоединился и Путин, заявив 22 октября на пресс-конференции в Хельсинки, где он тогда находился:

- Могу подтвердить, что действительно имел место какой-то взрыв в Грозном на рынке. Но хочу обратить внимание представителей прессы на то, что имеется в виду не просто рынок в общепринятом смысле этого слова, имеется в виду рынок вооружений - так это место в Грозном называется. Это база оружия, склад оружия. И это место - один из штабов бандформирований. Мы не исключаем, что взрыв, который там произошел, является результатом столкновений между противоборствующими группировками.

Руслан Аушев, профессиональный военный, отверг эту версию как смехотворную.

- Я видел пожары на войсковых складах, - сказал он, выступая на радио «Свобода». - Даже когда взрывались самые большие склады на Дальнем Востоке - ну, один-два раненых. А тут такое точное попадание и столько трупов, и столько раненых. Понятно, для меня, как военного, что нанесли удар тактическими ракетами…

Кто отдал приказ?

По словам Аушева, ракеты, выпушенные по Грозному, по всей видимости, прилетели с базы 58-й армии близ села Тарское в Северной Осетии. При этом, однако, он усомнился, что решение об ударах по Грозному могло быть принято на уровне командующего армией.

- Нет, - его приняли на самом верхнем уровне, - уверенно заявил Аушев. - Все принимается на самом высоком уровне… Применялись ракеты «земля – земля»… В принципе, это носители ядерного оружия. Так что, когда вопрос обсуждался, какие силы и средства будут задействованы… когда операция планировалась, добро дали там, наверху. Я думаю, что президент об этом знает. Кто возьмет на себя ответственность без президента использовать ракетные войска?

Примерно то же самое сказал и генерал Шаманов, в ту пору командующий группировкой федеральных сил «Запад», сам проявивший в Чечне немалую жестокость. Он выступал 26 октября на НТВ в программе Евгения Киселева «Глас народа». Шаманов прямо признал, что взрывы в Грозном 21-го произошли в результате ракетного удара, нанесенного федеральными войсками (в ту пору путинская «вертикаль власти» была еще на так хорошо отлажена, чтобы на всех ее ступеньках чиновники - и гражданские, и военные - хором врали одно и то же).

«Шаманов. Видимо, были применены «средства старшего начальника».

Киселев. Что такое «средства старшего начальника»?

Шаманов. Это могут быть или ракетные удары, примененные авиацией или сухопутными войсками, или высокоточное оружие».

На вопрос о том, кто имел право отдать приказ о применении таких видов оружия, Шаманов ответил:

- Это вопрос не ко мне, это вопрос к вышестоящему начальству.

«Киселев. Вы можете дать такой приказ?

Шаманов. Нет, у меня таких средств нет».

- Таким образом, высшие должностные лица Российской Федерации и руководство Генштаба не только лгали, пытаясь скрыть причины взрывов в Грозном, но и несут прямую ответственность за массовую гибель гражданского населения, - подвел итог ведущий телепрограммы.

По свидетельствам очевидцев и правозащитников, вечером 21 октября ракетные удары были нанесены не только по грозненскому Центральному рынку, но и по другим местам массового скопления людей в Грозном - по Главпочтампту, по Центральному автовокзалу, по микрорайону «Олимпийский», по мечети поселка Калинина (там как раз шел вечерний намаз), даже по Центральному родильному дому. Сотни людей погибли, сотни были ранены...

Бывшие премьеры призывают к переговорам

24 октября в программе НТВ «Итоги» троим бывшим российским премьерам - Черномырдину, Кириенко и Степашину (Примаков в передаче не участвовал, он смотрел программу Доренко по ОРТ) - был задан вопрос: «Каков выход из ситуации в

Чечне? Нужна ли война до победного конца или необходимо вступить в переговоры? И если в переговоры, - то с кем?»

Разумеется, все трое заявили, что в Чечне необходимо ликвидировать «очаги терроризма». Вместе с тем бывшие премьеры настаивали на переговорах. В этом смысле каждый подтвердил ту позицию, которой придерживался, будучи председателем российского правительства.

Черномырдин:

- Без переговоров не обойтись. Не только с Масхадовым, но и с здравомыслящими полевыми командирами... Все должно быть закончено переговорным путем.

Степашин:

- Война до победного конца будет означать, что надо будет уничтожить все мужское население Чечни... (примечательное заявление! - **О.М.**) Можно говорить о переговорном процессе со здравомыслящими людьми в Чечне, в том числе с Гелаевым, с Закаевым. Я исключил бы из переговоров только Басаева и Хаттаба.

Кириенко:

- С Масхадовым можно вести переговоры о выдаче террористов, о налаживании жизни в освобожденных районах, но о политическом урегулировании ситуации в Чечне переговоры с Масхадовым вести нельзя.

Черномырдин заявил также, что было бы «абсолютно неверно» штурмовать Грозный и другие населенные пункты. В том же духе высказался и Степашин.

В общем-то, за переговоры, как мы знаем, выступал и Путин. На словах. Впрочем, не только на словах - проводилась даже какая-то имитация переговоров. Но все это было лишь пропагандистским прикрытием военных действий. Именно их Путин выбрал в качестве единственного, радикального способа решения чеченской проблемы. Ритуальные же слова о необходимости переговоров постоянно сопровождались у него сетованиями, что в Чечне «не с кем говорить».

Что касается взятия Грозного, уже через несколько дней после упомянутой передачи, 28 октября, российские войска вышли на окраины чеченской столицы. Однако на этот раз немедленного штурма не последовало. Начались методичные бомбардировки, артобстрел города и лишь затем, через большой промежуток времени, − уличные бои. Об окончательном взятии Грозного федеральными войсками было объявлено шиь в конце первой декады февраля 2000 года.

Запад пытается остановить Путина

Запад попытался остановить возобновление полномасштабной чеченской войны. Особенно активно тут действовали США. 22 октября по инициативе американского президента Клинтона между правительствами двух стран - Соединенных Штатов и России - начались «интенсивные дипломатические контакты» в связи с ситуацией в Чечне. 24-го состоялся телефонный разговор между госсекретарем США Мадлен Олбрайт и главой российского МИДа Игорем Ивановым. Олбрайт назвала действия российских военных в Чечне «прискорбными и угрожающими», аттестовала их как «серьезный шаг в неверном направлении».

- Все, что касается Северного Кавказа, является внутренним делом России, - безапелляционно парировал Путин заявление американского госсекретаря. Впрочем, добавил, что «уважает мнение партнеров на Западе» и рассчитывает на их поддержку в борьбе с международным терроризмом.

2 ноября на встрече с Путиным в Осло Билл Клинтон также назвал действия России в Чечне ошибкой и призвал к «скорейшему установлению политического диалога с представителями чеченского народа». Снова подтвердив, что США признают территориальную целостность России, президент выразил беспокойство в связи с тем, что нынешние действия Москвы могут привести к еще большим жертвам среди мирного населения. По его убеждению, Россия должна разработать какую-то четкую стратегию, как положить конец этому конфликту. Из первоочередных мер,

которые, по мнению Клинтона, необходимо принять, - позволить беженцам «расположиться в безопасных районах», а также «открыть границу» с Чечней, чтобы беженцы смогли получить гуманитарную помощь.

Беженцы «получают помощь»

Выше уже шла речь о тяготах чеченских беженцев в Ингушетии. Им, однако, можно считать, повезло: не все туда попали, не все выбрались из Чечни. Вот свидетельства тех, кому повезло меньше, кто пытался спастись от ракет и авиабомб, от пуль и гранат пришельцев с севера (в записи правозащитников из Комитета «Гражданское содействие»).

Луиза Бакаева:

«Мы ждали открытия коридора через Ингушетию. Прошло девять дней, сказали, что разблокирование поста будет 29 октября. В этот день мы отправились на границу в пять часов утра. Был дождь и туман, было плохое предчувствие, и я об этом сказала отцу. Я сказала: «Папа, неизвестно, что будет с тобой дома и что случится с нами в дороге». Он мне сказал: «Что может быть в дороге? Вы же - беженцы». Я сказала, что они бомбят по ним. Но он сказал: «Этого не может быть».

Мы простояли на посту до 10 часов 40 минут. Нам сказали военные, что сегодня нет приказа, и еще пять дней не будут открывать границу. Мы тогда спросили у военных, есть ли гарантия, что нас не будут бомбить. Они ответили, что на 15 километров от них налево, направо и вперед не будут бомбить, а дальше они не знают.

Мы проехали примерно 20 - 25 километров, мой старший сын сказал: «Мама, посмотри, самолеты впереди, и от них белый пар, они собираются бомбить». Сосед, которого мы на обратном пути посадили в машину (он шел пешком), сказал: «Все в лес бегом!» И мы побежали, мы все молили Бога, чтобы он нас спас от этого ада... У меня, точнее подо мной, лежала моя дочь, старший сын - под отцом, он его прикрывал собой, а младший был на руках соседа. После первого налета мой младший сын сказал соседу:

«В меня попало». Сосед не хотел, чтобы я слышала об этом. Он спросил: «Куда тебе попало?» Ребенок сказал: «В руку». Сосед посмотрел: кисть руки вроде не в крови...

Потом был второй налет. У меня в ушах что-то треснуло, и я крикнула соседу: «Закрой пальцами уши ребенку!» Потом мы ушли вглубь леса, когда они начинали третий налет. Людей в машинах, которые были впереди нас, убило насмерть. В той, которая была позади нас, - тоже насмерть, там лежали изуродованные трупы. У нашей машины, когда мы вернулись, были выбиты стекла, и машина была вся побита. Всевышний к нам пришел на помощь, и наша машина завелась, и мы добрались до отцовского дома. Отец был в шоке, он сидел за столом и держал руками голову. Он сказал: «Значит, им дали приказ бить по беженцам по трассе».

Мой младший сын, когда мы вернулись, сказал: «Мама, ну дай я посмотрю свою руку, подтяни мне рукава». Оказывается, он все терпел от этого страха и испуга. Рука была вся в крови, и такую рану я не видела. Она была какая-то непонятная. Мы его повели на дом к медработнику. Она посыпала руку каким-то желтым порошком, она была вся опухшая и красная...

Муж и дети наотрез отказались больше ехать по этой дороге, даже если будет открыта граница...»

Зина Хамидова:

«Военные 28 октября обещали, что на следующий день с 9 до 10 часов утра будет предоставлена возможность выйти из Чечни. К 9 часам между Очхой-Мартаном и Шами-Юртом протянулась на 11 километров колонна машин и людей. В 10 часов объявили, что выпускать не будут. Машины и люди начали расползаться. В это время в небе появились два самолета. Они поднимались и опускались много раз и бомбили колонну. Началась страшная паника. Вместе со мной были мои дети, невестка, ее мать и брат. Во время бомбежки из нашей семьи погибло три человека. Мой сын Рустам Хамидов потерял молодую беременную жену, Элону Исаеву, 1983 года рождения. Они сыграли свадьбу летом... Вместе с ней погиб ее брат Исаев Саид-Магомед, 1990 года

рождения, и родственница Асма Магомедова, 1954 года рождения. Сама я была ранена в руку. В соседнем грузовике из тридцати человек остался жив только один. Никто не слышал, чтобы летчики понесли наказание за массовое убийство...»

Владимир Рыжков одобряет...

Игнорируя очевидные факты безрассудной жестокости по отношению к мирному населению в Чечне, отстроенная к тому времени официальная пропагандистская машина Москвы не переставала сетовать, что вот-де «открытая позиция» России в чеченском вопрос «не находит понимания у западных политиков». При этом западному «непониманию» противопоставлялось все большее «понимание» со стороны собственного российского населения. Дескать, одно из ярких подтверждений тому - продолжающийся рост рейтинга Владимира Путина. Вскоре этот пропагандистский прием стал стандартным: какие тут могут быть вопросы - народ поддерживает!

Утверждалось также, что впервые за долгое время в том, что касается чеченской политики, «основные политические силы» страны «выступили единым фронтом».

Примеров такого «единения» в самом деле было достаточно. Так, известный своими разумными демократическими взглядами депутат Госдумы Владимир Рыжков, выступая 9 ноября в Брюсселе на заседании Бюро парламентского сотрудничества Россия - Европейский Союз, заявил, что, по его мнению, нет иного способа призвать преступников к ответу, как взять под контроль всю территорию Чечни. Как утверждал депутат, все попытки диалога, предпринятые федеральными властями, зашли в тупик. По словам Рыжкова, в Чечне нет власти, способной на такой диалог: Аслан Масхадов полностью солидаризовался с Шамилем Басаевым...

«Масхадов полностью солидаризировался с Басаевым» - это тогдашний стандартный тезис официальных московских властей. Странно, что его использовал и известный демократ. В действительности, ни в том, что касается терактов,

проводившихся Басаевым, ни в отношении его похода в Дагестан, Масхадов никогда с ним не солидаризировался. Это достаточно хорошо известно.

Такую же позицию по Чечне, как мы видели, занимал и Анатолий Чубайс... Ее же придерживался тогдашний лидер СПС Сергей Кириенко, некоторые другие известные либералы и демократы...

ЕЛЬЦИН ОТПРАВЛЯЕТСЯ В СТАМБУЛ

«Бомбардировки безнравственны»

Отчаянную попытку остановить войну в Чечне страны Запада, международные организации предприняли на саммите ОБСЕ в Стамбуле (он проходил 18 - 19 ноября). Речи и действия некоторых из его участников были весьма резкими.

Начать с того, что президент Эстонии Леннарт Мери вообще демонстративно отказался ехать в Стамбул, объявил бойкот этому мероприятию - «в знак протеста против трагических событий в Чечне», - и призвал глав всех государств, входящих в ОБСЕ, сделать то же самое.

Представлявший Эстонию в турецкой столице премьер-министр Март Лаар назвал действия России в Чечне «расизмом». Он отверг аргументы, что на Северном Кавказе Россия воюет с террористами.

- Международная общественность знает иные способы борьбы с так называемым терроризмом, чем те, что сейчас используются в Чечне, - сказал эстонский премьер.

По его словам, Россия должна «начать переговоры с избранными чеченскими руководителями и сделать все для предотвращения масштабной гуманитарной катастрофы».

Латвийский коллега Лаара Андис Шкеле высказался в том же духе:

- Мы признаем территориальную целостность Российской Федерации и осуждаем терроризм во всех его формах. Однако масштаб и неконкретный характер акций федеральных сил России в Чечне явно превышают официально объявленные цели. Большие жертвы среди гражданского населения и двести тысяч беженцев не могут быть ценой за борьбу против терроризма.

- Война никоим образом не уничтожает терроризм, - заявил в Стамбуле германский канцлер Шредер... - Массированное использование военной силы, от которого, прежде всего, страдает гражданское население, должно быть прекращено.

«Снизить военную эскалацию» в Чечне призвал Россию президент Франции Жак Ширак. По его словам, «военные средства не приведут к урегулированию конфликта».

Едины в осуждении чеченской войны были также ораторы, представлявшие авторитетнейшие международные организации, - Кнут Воллебэк, министр иностранных дел Норвегии, председательствовавшей в ту пору в ОБСЕ, президент Финляндии Мартти Ахтисаари, - его страна была тогда председателем в Европейском Союзе. При этом Ахтисаари назвал «чрезмерным» использование Россией военных сил в Чечне и призвал российские власти «соблюдать обязательства перед международными законами».

Весьма резким было и выступление генсека ООН Кофи Аннана. По его словам, бомбардировки, проводимые в Чечне, «безнравственны и противоречат принципам человечности», вообще военные действия российской армии в этой республике «нарушают принцип безопасности» в мире.

- Противодействие терроризму как главному злу человечества, - сказал генсек, - является крайне настоятельным, однако при борьбе с ним необходимо руководствоваться принципом адекватности силы. Применение силы против мирных граждан может пойти лишь на пользу террористам.

Ельцин показывает Западу «кузькину мать»

Надежда, хоть и не очень большая, как-то повлиять на чеченскую политику Москвы отчасти подкреплялась еще тем, что в Стамбуле не было Путина, которого все единодушно считали «главным героем», главным инициатором возобновившейся чеченской войны: это, дескать, может облегчить Ельцину переговоры с западными лидерами, развязать ему руки. Увы, это были абсолютно тщетные надежды. Сразу же, как только Ельцин ступил на турецкую землю, стало ясно, что он заранее вознамерился, никого и ничего не слушая и не слыша, дать беспощадный отпор своим критикам.

Помимо прочего, это для него еще было важно потому, что он давно не появлялся на международной политической сцене, - широко распространено было мнение, что по причине болезни он необратимо утратил способность к активным, энергичным политическим действиям.

Ради того, чтобы дать жесткий отпор критикам, а заодно продемонстрировать свою полную дееспособность, Ельцин вплотную приблизился к границам допустимого с точки зрения дипломатического этикета.

- Вы не имеете права критиковать Россию за Чечню... - среди прочего заявил российский президент. - Мы не приемлем рецепты так называемых «объективных» критиков России. Тех, кто так и не понял: мы просто обязаны вовремя остановить распространение «раковой опухоли» терроризма... Тысячи наемников, обученных в лагерях на территории Чечни, а также прибывших из-за рубежа, реально готовятся нести идеи экстремизма по всему миру... Долгосрочный мир в Чеченской Республике и так называемые «мирные переговоры» с бандитами - не одно и то же. И прошу на этот счет никого не заблуждаться! Никаких переговоров с бандитами и убийцами не будет!.. Мы за мир и политическое решение ситуации в Чечне. Именно для этого требуется полная ликвидация бандформирований, устранение террористов или суд над ними.

Собственно говоря, никто из оппонентов Ельцина и не возражал против «ликвидации бандформирований, устранения террористов или суда над ними». Вся разница была, что понимать под террористами и бандформированиями...

Чубайс советует...

Тут, кстати, говоря о том, как сформировался этот совершенно непримиримый, бескомпромиссный, агрессивный настрой Ельцина, можно, среди прочего, сослаться еще на позицию Анатолия Чубайса, к мнению которого, как уже говорилось, по крайней мере начиная с 1996 года, президент всегда внимательно прислушивался.

Чубайс, в отличие от большинства его коллег-демократов, с самого начала одобрил вторую чеченскую войну, утверждая, что она послужит возрождению российской армии (в действительности она послужила дальнейшему ее разложению). И теперь, накануне стамбульской встречи, он, в числе других, по-видимому, посоветовал Ельцину занять эту самую жесткую, атакующую позицию. По крайней мере, сам Чубайс в тот момент четко ее придерживался. Как раз 18-го, в день открытия стамбульского саммита, выступая перед журналистами, он сказал:

- После всего, что произошло в Югославии, Запад в целом и конкретно те лидеры, которые присутствуют в Стамбуле, существенно подорвали свои возможности высказывать свои претензии к России... Позиция России по вопросу Чечни должна быть открытой, но абсолютно жесткой. Россия не должна приспосабливать свои текущие политические задачи под требования извне, так как Россия - это самостоятельное государство, которое должно вести самостоятельную политику.

Можно по-разному относиться к действиям НАТО в Югославии весной 1999 года, но натовцы, по крайней мере, не уничтожали там сознательно и садистски мирное население.

«Особое мнение» Клинтона

Совершенно неожиданно Ельцина в своем выступлении поддержал Клинтон. По его словам, «Россия столкнулась с мятежом и насилием в Чечне», а потому «не только имеет право, но и обязана защищать свою стабильность». По словам Клинтона, в этой

ситуации каждый должен задать себе вопрос: а что бы он делал на месте российского президента?

Думаю, слушатели были немало удивлены таким поворотом мысли хозяина Белого дома: до сих пор именно США энергичнее всего выступали за прекращение войны в Чечне...

Думаю, однако, что это был логически достаточно обоснованный и выверенный тактический ход американского президента. Клинтон сразу понял, что Ельцин приехал в Стамбул с единственной целью - «дать отпор» своим критикам, показать им «кузькину мать»; дискутировать с ним с трибуны саммита - совершенно бесполезно: это значит лишь раззадоривать «друга Бориса» в его полемическом пафосе; и, напротив, если сделать упор на другое - еще раз напомнить, что в принципе он, президент США, поддерживает главу российского государства «в борьбе с терроризмом», но вот что касается методов... - это может как-то охладить ельцинский пыл, смягчить его бойцовское настроение, после чего, при личной встрече можно будет уже достаточно спокойно все обсудить и придти хоть к какому-то согласию.

Такая встреча Клинтона с Ельциным действительно состоялась (она длилась три четверти часа), и Клинтон действительно попытался найти хоть какие-то точки соприкосновения со своим собеседником. Увы, это не удалось...

- И он, и я были очень энергичны, - сказал после встречи Клинтон журналистам. - У нас очень хорошие личные контакты, однако это не помогло разрешить наши явные разногласия.

Суть их была все та же: Ельцин рассказывал Клинтону, что Россия сталкивается в Чечне с «безжалостными террористами» и что мир там может наступить только после их уничтожения, Клинтон же возражал: дескать, помимо террористов и сепаратистов, в этой республике, «несомненно, есть и другие силы», с которыми, как он уверен, можно вести «политический диалог для поиска политического решения»...

Кстати, по словам одного из советников американского президента, Клинтон после беседы с Ельциным» отметил «крепкое рукопожатие» своего российского коллеги и сказал, что его собеседник «был очень активен, энергичен и напорист», да и вообще находится в хорошей физической форме. Тут с этим «крепким рукопожатием» Клинтон (конечно, не подозревая об этом) уподобился некоторым тогдашним кремлевским персонажам, которые в доказательство хорошего самочувствия Ельцина постоянно считали своей обязанностью упомянуть, потешая честной народ, что при встрече и расставании президент очень крепко жал им руку.

И уехал, «хлопнув дверью»...

Выступление Ельцина в Стамбуле стало его очередной громогласной командой для Путина и К°: «Вперед! В бой! Ни на кого не оглядываясь. До полной и окончательной победы!»

Соответственно, оно стало очередным, - по-видимому, окончательным, - подтверждением, что Ельцин твердо и бесповоротно сделал выбор преемника. Жесткая позиция действующего президента явно работала на рейтинг президента будущего - повторяю, «главного героя» новой чеченской войны, - на дальнейший рост этого рейтинга.

Проведя безрезультатную сорокапятиминутную встречу с Клинтоном и протокольную получасовую - со Шредером и Шираком, Ельцин, не дожидаясь окончания саммита, за день до его финиша, отбыл в Москву. Все это восприняли как некую эффектную импровизацию, как некий жест, призванный подкрепить ельцинскую словесную жесткость: я, мол, сказал, что хотел, и - до свидания, дальше можете разговаривать без меня, меня не интересует, о чем вы там будете судачить.

На самом деле досрочный отъезд Ельцина был запланирован заранее, и об этом даже сообщалось в прессе. Так что никакой импровизации не было. Все же, однако,

вполне можно считать, что это был запланированный политический жест - концовка тщательно продуманного сценария.

Хотя, возможно, это досрочное исчезновение запланировали еще и потому, что не было полной уверенности, сможет ли Ельцин, учитывая его состояние, выдержать двухсуточную напряженную работу...

Ельцин пригрозил Клинтону ядерным оружием

Осада Грозного продолжалась. 6 декабря российская авиация принялась разбрасывать над городом листовки с ультимативным требованием к еще остававшимся там жителям покинуть чеченскую столицу до 11 декабря. Для этого, как говорилось в листовках, им предоставляется «гуманитарный коридор». Все, кто не выполнит это требование до указанного срока, будут считаться террористами и боевиками.

Запад вновь резко прореагировал на этот ультиматум мирному населению. Уже на следующий день Билл Клинтон, выступая в Белом доме, сказал, что, по его мнению, этот ультиматум создает угрозу для «старых, немощных и раненых людей, а также для других невинных гражданских лиц, которые не могут уйти или слишком напуганы, чтобы покинуть свои дома». По словам американского президента, «весь мир обеспокоен судьбой невинных чеченских граждан», оказавшихся «в ужасном положении».

В целом же, по словам Клинтона, хотя он и считает борьбу России с терроризмом «правильной», однако методы, которые она при этом использует, - «неверные». Как полагает Клинтон, Россия «будет платить все большую цену за эти действия, с каждым новым днем все глубже опускаясь в трясину, которая приведет к усилению экстремизма и ослаблению позиций России в мире».

Это выступление буквально привело в ярость Ельцина, который в тот момент находился с визитом в Китае.

- Он, Клинтон, видимо... забыл, что такое Россия, - заявил российский президент, - что она владеет полным арсеналом ядерного оружия... Он решил поиграть мускулами, как говорится. Хочу сказать... Клинтону: пусть он не забывается, в каком мире он живет. Не было и не будет, чтобы он один диктовал всему миру, как жить. Многополярный мир - вот основа всего. То есть так, как мы договорились с председателем КНР Цзян Цземинем, - мы будем диктовать миру, а не он один.

Реакция на выступление Клинтона была явно неадекватной. Ельцин, видимо, решил, как и в Стамбуле, продемонстрировать, что он еще полон энергии, что он в полной боевой, бойцовской форме, а потому никому не позволит «вмешиваться во внутренние дела России». К тому же им, наверное, двигало еще и желание польстить «китайским товарищам», выставляя напоказ «вечную» дружбу с ними и подчеркивая его совместную с китайцами решимость не позволить Штатам быть единственным полюсом в мировой политике.

Так или иначе, уже на следующий день ельцинскому пресс-секретарю Дмитрию Якушкину пришлось «разъяснять», что имел в виду его шеф, в очередной раз показывая Западу «кузькину мать».

- Ни о каком разрыве отношений со странами Запада речи не идет, - заявил Якушкин... - Президент России считает принципиально важным отстаивать позицию России по конфликту на Северном Кавказе... Это - внутреннее дело России, которая на Северном Кавказе борется с терроризмом.

Российские официальные лица высокого и не очень высокого ранга постоянно напирали на то, что происходящее в Чечне - внутреннее дело России, хотя весь мир давно признал, что попрание прав человека не относится к категории «внутренних дел».

К «разъяснению» ельцинских слов вынуждены были подключиться и военные. Главком Ракетных войск стратегического назначения Владимир Яковлев растолковал непонятливым, что в своем заявлении в Пекине президент России как верховный главнокомандующий говорил о ядерном оружии сдерживания, а не о наступательном

оружии. Яковлев подтвердил, что решения США и России о снятии полетного задания для межконтинентальных баллистических ракет, принятые ранее, продолжают действовать. Успокоил.

В общем, как это часто с ним бывало, с очередным «нашим ответом Чемберлену» Бориса Николаевича занесло...

Березовский предлагает план...

16 ноября, еще накануне стамбульского саммита Борис Березовский на встрече с журналистами в Черкесске (он тогда баллотировался в Госдуму от Карачаево-Черкессии) предложил собственный план урегулирования в Чечне. План состоял из семи пунктов:

1. Чечня является составляющей частью РФ.
2. На всей территории Чечни в полном объеме действует Конституция РФ.
3. В Чечне возможна реализация только такого решения, которое будет поддержано большинством населения республики.
4. Окончательное урегулирование может быть достигнуто только политическим путем.
5. Отряды чеченской оппозиции должны быть добровольно расформированы, их командиры, которые не согласны с вышеизложенными пунктами, должны покинуть территорию Чечни и переместиться в страны, готовые их принять.
6. Суд над террористами должен происходить в соответствии с международным правом.
7. Международное сообщество и Россия должны признать решение такого суда.

План был явно утопическим, предвыборно-популистским: ни для той, ни для другой стороны в полном объеме он был неприемлем. У Москвы, конечно, не могло быть возражений против того, что Чечня - это часть России, что на ее территории

действует российская Конституция, что окончательное урегулирование чеченской проблемы может быть достигнуто только политическим путем (общая, никого ни к чему не обязывающая декларация)... А вот с тем, чтобы в Чечне были действительны только такие решения, которые поддерживает большинство населения республики или чтобы суд над террористами происходил по нормам международного права, Кремль, разумеется, никогда не согласился бы. Что касается чеченской стороны, для нее тут вообще ничто не было приемлемо, разве только все тот же декларативный пункт о политическом решении чеченской проблемы.

Понятное дело, Березовский и не рассчитывал на то, что его план примут: не настолько он наивен. У него, как всегда, по-видимому, были тут какие-то скрытые, «боковые» замыслы. В частности, можно предположить, он надеялся, что «для обсуждения плана по Чечне» его примет Путин, и на этом приеме, он, Березовский, попытается решить какие-то свои проблемы, никаким боком к Чечне не относящиеся.

В общем-то, так оно и получилось. 18 ноября Путин принял Березовского (здесь Борису Абрамовичу посодействовала пресса: на Путина посыпались вопросы, знаком ли он с планом олигарха). Не думаю, что само обсуждение предложенного Березовским плана заняло много времени. Как и ожидалось, Путин согласился, что некоторые его пункты «достойны внимания» - в частности, первый и второй... В целом же план, как нетрудно было предположить, Путина не вдохновил.

Главной же целью визита Березовского, по-видимому, было - замолвить слово за его протеже бывшего подполковника ФСБ Александра Литвиненко, который в то время пребывал под арестом (его беды начались после того, как в ноябре 1998-го - он и несколько его товарищей выступили по телевидению со скандальными разоблачениями своей лубянской конторы).

Увы, этот демарш Березовского также не увенчался успехом. Как сообщалось в прессе, Путин (напомню: в ту пору, когда раскручивались события вокруг Литвиненко, он был как раз директором ФСБ) заявил своему посетителю, что никто не имеет права

вмешиваться в ход следствия и что события должны развиваться так, как это определено законом.

Спустя всего лишь девять дней Московский гарнизонный военный суд снял с Литвиненко и его коллеги, другого бывшего подполковника ФСБ Александра Гусака обвинения в «превышении должностных полномочий с применением насилия», однако оба они тут же были арестованы по другому обвинению - в превышении власти, вымогательстве, похищении людей и убийстве...

Результаты опросов

(13 ноября, 11 декабря)

Как уже говорилось, одной из главных причин стремительного роста популярности Путина стало возобновление чеченской войны. Решительные жесткие действия нового начальника на Северном Кавказе нашли живой отклик в сердцах российских граждан. По опросам Фонда «Общественное мнение», проведенным 13 ноября и 11 декабря 1999 года, эти действия одобряли две трети наших соотечественников, отрицательно их оценивали менее одной пятой.

Подавляющее большинство опрошенных высказалось также за то, чтобы федеральные войска продолжали продвижение вглубь Чечни, не останавливаясь ни у Терека, ни у горной ее части (тогда кое-где в прессе еще велись споры об этом)...

В общем, основная масса российских граждан выступала за то, чтобы «мочить их в сортире».

Это при том - об этом уже говорилось, - что всего лишь три с небольшим года назад большинство наших соотечественников категорически требовало от Ельцина немедленно прекратить войну. Когда же глас народа был гласом Божьим - тогда или теперь?

КОГДА МИР НЕ НУЖЕН

Переговоры с Масхадовым, оказывается, ведутся

10 декабря неожиданно выяснилось некое существенное обстоятельство, касающееся чеченской проблемы. Как заявил в этот день Путин, российское правительство, оказывается, никогда не прерывало контактов с теми, «кто называется официальными лицами в чеченском руководстве, в том числе с Асланом Масхадовым». Эти контакты продолжаются и поныне. По словам Путина, несколько дней назад он встречался с одним из вице-премьеров правительства Масхадова, который приехал в Москву по поручению президента Чечни. Как сказал Путин, российская сторона сообщила условия, на которых она готова продолжить переговоры с Масхадовым: «Во-первых, Масхадов обязан осудить терроризм во всех его проявлениях, во-вторых, правительство Чечни должно выдать всех заложников, как российских граждан, так и иностранных, и, в-третьих, осуждая международный терроризм, Масхадов должен выдать тех преступников, которые организовали взрывы в Москве, Волгодонске, Каспийске и других городах, тех, кто принимал участие в нападении на Дагестан».

Кроме того, Путин сообщил, что накануне у представителей российской стороны была встреча с еще одним вице-премьером правительства Масхадова, и там вновь были повторены условия, на которых Москва согласна продолжить переговоры. Однако никакого конкретного результата эти встречи, мол, не приносят.

- Появляются новые лица, а ответов до сих пор нет, - сказал Путин.

Через два дня, выступая на канале ОРТ, Путин сделал одно существенное уточнение: переговоры ведутся «со всеми политическими силами в Чечне, не только с Масхадовым». В ту пору на политическом горизонте появился муфтий Чечни Ахмад Кадыров, настроенный вполне лояльно к федеральной власти, и Москва стала постепенно склоняться к тому, чтобы именно на него сделать ставку как на главного партнера по переговорам с чеченской стороны. Правда, к этому времени Масхадов уже

отстранил Кадырова от должности муфтия Чеченской Республики, посчитав его предателем, однако Кадыров пренебрег этим распоряжением президента.

Путин предъявляет Масхадову невыполнимые требования

Что касается самого Масхадова как партнера Москвы по переговорам, Путин довольно четко изложил, как он смотрит на этого деятеля:

- Первое, что должен сделать человек, который называет себя президентом республики или претендует на то, чтобы так называться, это выдать заложников, причем заложников, захваченных задолго до начала этого конфликта и удерживаемых там по криминальным мотивам, не по политическим. Их там более 350 человек, в том числе иностранцев. Однако Масхадов их не выдает. Есть два варианта ответа на вопрос, почему. Первый: он может это сделать, но не хочет. Тогда он полностью ассоциируется с бандитами, и тогда со стороны России с ним должны вести переговоры не президент страны и премьер-министр, а следователи прокуратуры и ФСБ, и не в Кремле и в Белом доме, а в Лефортове. Возможен и другой вариант: он хочет отдать, но не может. Он не может выдать заложников, он не может выдать преступников, бандитов и террористов, он не мог воспрепятствовать нападению на Дагестан, не мог воспрепятствовать взрывам в крупных городах России. Он ничего не может. А тогда возникает вопрос: зачем он нам нужен в качестве переговорщика, тот ли это человек, с которым можно и нужно договариваться?

Вроде бы все логично. Однако похожие вопросы в принципе можно было бы задать и самому Путину. Кто такие «заложники, удерживаемые по криминальным мотивам»? Это люди, похищенные уголовниками. В России из года в год бандиты похищают сотни, а возможно, и тысячи людей. По данным НИИ МВД, только за четыре месяца 1999 года было зарегистрировано 529 похищений (не считая случившихся на Северном Кавказе). 529 зарегистрировали. На деле же, без сомнения, таких преступлений было значительно больше. Следуя логике Путина, от него тоже

можно было бы потребовать немедленно освободить этих людей, а их похитителей передать в руки правосудия. Поскольку эта задача явно оказалась бы для него непосильной, мы бы имели полное право задать ему тот же вопрос, что и он Масхадову, - почему? Он не хочет или не может? Поскольку ясно, что не может, мы были бы вправе потребовать от него сей же час подать в отставку...

Так обстояло дело с заложниками. Что касается террористов, подорвавших дома в российских городах, никаких доказательств, что это сделали именно чеченцы, в тот момент не было. Позже некоторых преступников вроде бы нашли и осудили (другие были убиты). Однако, учитывая состояние наших следственных органов, нашего «басманного» правосудия, у многих остались сомнения, что были найдены и осуждены истинные виновники.

Такого рода сомнения зародились сразу же после взрывов, после рязанского инцидента. Была даже создана общественная комиссия во главе с депутатом Сергеем Ковалевым, которая начала параллельное, независимое расследование. Однако после того, как на участников этой комиссии начали оказывать давление, после того, как ведущие ее члены либо были убиты (Юшенков), либо умерли при странных обстоятельствах (Щекочихин), либо подверглись опять-таки странному нападению (Лацис), либо оказались за решеткой (Трепашкин), это расследование заглохло...

Наконец, насчет Дагестана... Туда действительно вторгся Басаев со своим отрядом из 650 человек. Он никогда не скрывал этого. Так же, как после не скрывал, что организовал теракты на Дубровке, в Беслане. Но выдать этого террориста Москве Масхадов действительно не мог, даже если бы захотел. В Ичкерии не было той «вертикали» власти, какую соорудил в России Путин. Масхадов и Басаев располагались на властной «горизонтали», почти на одном уровне. Масхадов размещался чуть-чуть повыше, но Басаев тоже занимал разные правительственные посты: был первым вице-премьером, замещал премьера в его отсутствие... Баллотировался в президенты Чечни. Главное же - он был для многих чеченцев, - по крайней мере, наверное, для

большинства воюющих чеченцев - «национальным героем». Без сомнения, высоко его ценил и сам Масхадов, хотя он неустанно повторял, что не приемлет террористических методов борьбы. Так что требования Москвы, чтобы он громогласно отрекся от терроризма, были совершенно излишними. Но под терроризмом чеченский президент понимал не вооруженную борьбу вообще, а насилие над гражданским населением, нападение на мирные объекты. Масхадов, а затем его преемник на президентском посту Садулаев достаточно твердо настаивали, чтобы Басаев отказался от террора. И в конце концов, в какой-то момент тот вроде бы последовал этим настояниям...

Кроме того, многие отряды чеченских боевиков - так называемые «индейцы» - вообще никому не подчинялись, действовали автономно, самостоятельно, в том числе и прибегая к террору. Укротить их в ту пору было такой же невыполнимой задачей, как вообще покончить с уголовщиной...

В общем, ясно, что Москва предъявляла Масхадову либо риторические (отречься от терроризма), либо невыполнимые требования. Было ясно, что серьезные переговоры Москве не нужны.

Москва упустила свой единственный шанс...

Это была трагическая ошибка московского руководства. Переговоры с Масхадовым, - пожалуй, единственным в то время умеренным чеченским политиком такого уровня - были, наверное, единственным шансом разумно решить проблему Чечни, установить в этой республике настоящую, а не показную, шаткую стабильность. Все, что требовалось от московских правителей - начать с Масхадовым серьезные переговоры (он их к этому постоянно призывал), действовать с ним заодно в наведении порядка в республике, помогать ему экономически, стараться откорректировать его действия, направить их в нужное русло.

Отвергнув переговоры с Масхадовым, а затем убив его, Москва бездарно упустила этот единственный шанс. Шанс добиться мира и стабильности в Чечне, а

может быть, и на всем Северном Кавказе. После убийства Масхадова чеченское движение Сопротивления стало стремительно радикализироваться и исламизироваться, расползаться по всем соседним исламским республикам и даже за пределы Кавказа. Дело дошло до того, что очередной лидер чеченских боевиков Дока Умаров заявил, что «отменяет» все республики Северного Кавказа, созданные «кафирами» (неверными), в том числе и саму Чечню, и учреждает на их месте единый Кавказский эмират, а себя назначает его эмиром.

Умаров объявил, что распространяет «священный Джихад» не только на «Русню», но и на все страны, воюющие с мусульманами в любой точке земного шара:

«Сегодня в Афганистане, Ираке, Сомали, Палестине сражаются наши братья. Все кто напал на мусульман, где бы они ни находились – наши враги, общие. Наш враг не только Русня, но и Америка, Англия, Израиль, все кто ведут войну против Ислама и мусульман».

Ясно, что позиция «всекавказского эмира» Доку Умарова резко отличалась от позиции бывшего чеченского президента Аслана Масхадова, который постоянно подчеркивал, что он возглавляет НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНУЮ борьбу чеченского народа, а не стремится построить какой-то широкий исламский эмират или халифат. Его слова, сказанные незадолго до гибели:

«Чеченским моджахедам не нужно ни брать пример с Аль-Каеды, ни иметь с ней каких-либо связей. Потому что в местах, где ведет войны Аль-Каеда, картина, сложившаяся в Афганистане, – не пример для чеченцев. В Чечне иная война. С начала этой войны прошло 300 лет, и ни один день эта война не останавливалась. То, что ищут чеченские моджахеды, – свобода».

Что касается «промосковского» кадыровского режима установленного в Чечне (имея в виду уже Кадырова-сына), это, по общему мнению, неустойчивый, полукриминальный режим. И что, наверное, важнее всего для Кремля, - не

обладающий качествами надежного союзника и вассала Москвы, способный при определенных обстоятельствах повернуть оружие против нее.

ЕДИНСТВО ПУТИНА И «ЕДИНСТВА»

Друг голосует за друга

Осенью 1999 года произошло некое «предвыборное» событие, связанное с именем Путина, которое в еще более ярком, еще более масштабном виде повторится спустя восемь лет, перед думскими выборами 2007 года.

29 октября, будучи во Владивостоке, глава МЧС, он же лидер «Единства», Сергей Шойгу прямо заявил:

- Я не скрываю, что мы хотим провести в Госдуму проправительственную фракцию.

Иными словами, «Единство» открыто заявило о себе как о «партии Путина».

Ответный жест со стороны премьера последовал менее чем через месяц. 24 ноября 1999-го Путин сделал встречное заявление: на предстоящих выборах в нижнюю палату и он «как гражданин» будет поддерживать движение «Единство». При этом он назвал две причины такого решения: «Единство» - единственное из всех партий и политических движений, которое к этому моменту четко заявило, что оно «будет работать с правительством»; вторая причина: лидер «Единства» министр по чрезвычайным ситуациям Сергей Шойгу - его, Путина, «близкий друг».

Что ж, причины уважительные. Ты мне - я тебе.

Результат взаимной симпатии двух друзей (публично высказанной) был четко зафиксирован социологами Фонда «Общественное мнение» уже 27 - 28 ноября: по данным опроса, проведенного в эти дни, доля тех, кто собирается голосовать за «Единство», выросла почти вдвое - с восьми до четырнадцати процентов. По рейтингу

новорожденное движение выдвинулось на второе место, оттеснив ОВР на третье (на первом по-прежнему была КПРФ).

По заключению социологов, «столь резкое усиление «Единства» нельзя не увязать с прозвучавшей на прошедшей неделе поддержкой этого объединения со стороны премьер-министра Владимира Путина».

Они победили, став вторыми

19 декабря состоялись очередные выборы в Госдуму. Коммунисты снова оказались первыми (24,29 процента), но «Единство» уступило им совсем немного (23,32). Общее мнение было: это триумф Путина, это широко распахнувшиеся перед ним двери в президентство.

- Голосуя за «Единство», люди голосовали за Владимира Путина, - уверенно констатировал пресс-секретарь этого движения Михаил Маргелов.

- Итоги парламентской кампании стали доказательством того, что Борис Ельцин не ошибся в выборе своего преемника - Владимира Путина. Результаты голосования в Госдуму однозначно определили фаворита президентской кампании, - захлебываясь от восторга, заявил первый заместитель главы кремлевской администрации Игорь Шабдурасулов (именно он нес в администрации персональную ответственность за продвижение «Единства»).

Борис Березовский, ставший депутатом от Карачаево-Черкессии, сказал, что выборы в Госдуму были «важным шагом на пути преемственности власти». И добавил: он не видит «серьезных оппонентов» Владимиру Путину на будущих президентских выборах. По словам Березовского, соперничать с ним может только «мощная интеллектуальная сила», которой пока нет.

Готовность оказать «программную и кадровую поддержку Владимиру Путину на президентских выборах» выразил Союз правых сил - устами своего лидера Сергея Кириенко.

Ельцин принимает решение...

Сам Ельцин, по словам Шабдурасулова, также «высоко оценивает итоги парламентских выборов».

Пресс-секретарь президента Дмитрий Якушкин добавил к этому, что его шеф удовлетворен высокой активностью избирателей и призывает россиян относиться к результатам выборов «с уважением».

В общем-то, довольно дежурные слова, мало что выражающие. В действительности, узнав об итогах голосования, убедившись, что его преемник практически получил мощную народную поддержку, Ельцин принял для себя окончательное решение...

Восемь лет спустя...

Восемь лет спустя Путин, уже президент, проделал точно такую же предвыборную комбинацию, как и в 1999 году, - поддержал ту же самую политическую структуру. Бывшее «Единство» стало к тому времени разросшейся и разбухшей партией правящей бюрократии «Единой Россией». Путин оказал ей поддержку уже не только словесно, но и стал (единолично!) во главе предвыборного списка этой партии, опять-таки прибавив ей голосов, хотя в ее победе и без того никто не сомневался (на это работали нелимитированные финансовые и административные ресурсы). Благодаря этому нехитрому приему думские выборы, по существу, превратились в референдум, на который, условно говоря, был вынесен один-единственный вопрос: доверяете ли вы Владимиру Владимировичу Путину как единственному и бессменному национальному лидеру? Результаты голосования нетрудно было предугадать: «Доверяем! Ура! Да здравствует наш дорогой и любимый!» Назначенные самим же Путиным губернаторы соревновались, кто принесет к его ногам больше голосов. В результате возглавляемая

Путиным ЕР получила 64,3 процентов, оставив далеко позади следовавших вторыми коммунистов (11,57)…

ЕЛЬЦИН ПОКИДАЕТ КРЕМЛЬ

«Я не хочу ему мешать»

В последний день 1999 года, 31 декабря, ровно в 9-30 в Кремле началась встреча Ельцина с Путиным. Как ожидалось, как сообщали информагентства, во время этой встречи президент и премьер должны были обсудить «финансово-экономические и политические итоги года, ситуацию на Северном Кавказе, а также перспективы взаимоотношений исполнительной и законодательной власти» (имея в виду результаты только что прошедших думских выборов)...

Однако спустя два с половиной часа в телеобращении к россиянам Ельцин заявил, что досрочно уходит в отставку.

Объясняя это свое решение, совершенно неожиданное для абсолютного большинства его сограждан, он сказал, что «долго и мучительно» размышлял над ним. Не потому, что держался за власть: расхожее утверждение, будто он любыми путями будет за нее держаться, - это, по словам Ельцина, «вранье». Просто он хотел, чтобы все произошло, как того требует Конституция, - чтобы президентские выборы состоялись вовремя - в июне 2000 года.

- Это было бы очень важно для России, - сказал Ельцин, - мы создаем важнейший прецедент цивилизованной добровольной передачи власти, передачи ее от одного президента России другому, вновь избранному.

И все же, по словам Ельцина, он решил уйти раньше положенного срока:

- Я понял, что мне необходимо это сделать. Россия должна войти в новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми умными сильными, энергичными людьми, а мы - те, кто стоит у власти уже многие годы, - мы должны уйти.

Тут Ельцина подвели спичрайтеры, помогавшие ему при составлении текста: в действительности новому веку и новому тысячелетию предстояло начаться только еще через год - в 2001-м. Но больно уж, видимо, хотелось, чтобы все прозвучало покрасивее, подраматичнее.

Дальше у Ельцина следовало признание, в какой именно момент он окончательно решил уступить место Путину. Это произошло после думских выборов:

- Посмотрев, с какой надежной и верой люди проголосовали на выборах в Думу за новое поколение политиков, я понял - главное дело своей жизни я сделал, Россия уже никогда не вернется в прошлое, Россия всегда теперь будет двигаться только вперед. И я не должен мешать этому естественному ходу истории, полгода еще держаться за власть, когда у страны есть сильный человек, достойный быть президентом, и с которым сегодня практически каждый россиянин связывает свои надежды на будущее. Почему я должен ему мешать, зачем ждать еще полгода?! Нет, это не по мне, просто не по моему характеру.

Сегодня, как мы знаем, «сильный человек» остановил движение России в направлении «только вперед», во многом возвращает ее «в прошлое». Ельцин ошибся в своих надеждах...

В завершение своего выступления президент попросил прощения у россиян:

- Я хочу попросить у вас прощения за то, что многие наши с вами мечты не сбылись, за то, что нам казалось просто, а оказалось мучительно тяжело. Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним махом, одним рывком сможем перепрыгнуть из серого застойного тоталитарного прошлого в светлое богатое цивилизованное будущее. Я сам в это верил. Одним рывком

не получилось. В чем-то я оказался слишком наивным, где-то проблемы оказались слишком сложными... Я ухожу, я сделал все, что мог... Мне на смену приходит новое поколение, поколение тех, кто может сделать больше и лучше.

Ельцин сообщил, что подписал указ о возложении обязанностей президента России на председателя правительства, который будет исполнять эти обязанности в течение трех месяцев - до новых выборов. Сказал, что всегда был уверен «в удивительной мудрости россиян», а потому не сомневается, какой выбор они сделают в конце марта 2000 года.

Почему он ушел

Близкие к Ельцину люди утверждают: прежде всего, он был озабочен тем, чтобы передать власть человеку, при котором Россия продолжала бы двигаться в том же направлении, в каком ее двигал и он (собственно, Ельцин сам об этом сказал в своем последнем обращении к россиянам). Пока он не нашел такого человека и не убедился, что серьезных препятствий на его пути в президенты нет, он не уходил с президентского поста, хотя мог бы уйти и раньше, чем 31 декабря. Опасения на этот счет в его окружении были: весну, лето, начало осени 1999-го Ельцин провел в состоянии необычайного психологического напряжения. Как рассказывают, из-за всякого рода конфликтов, нападок, которым он подвергался (одна только история с импичментом чего стоила!), «внутри у него все клокотало».

Главным толчком, побудившим Ельцина досрочно уйти в отставку, стали, повторяю, декабрьские выборы в Думу - успешное выступление «Единства». Об этом вскользь сказано и в его прощальном телеобращении. Успех новорожденного политического движения, как полагал Ельцин, означал, что дорога в Кремль для его преемника, - имя которого уже прочно связали с «Единством», - открыта. Для него это было своего рода внутренним освобождением: «Все, я нашел человека! Мы выиграли!»

И настроение у него переменилось. Ельцин обрел уверенность: с Путиным он «попал в десятку». Наступило душевное спокойствие.

Реакция Путина

Если быть совсем точным, досрочно уступить свое место Путину Ельцин решил еще до думских выборов, незадолго до них, когда, в общем-то, стало ясно, что «Единство» добивается высокого результата, выходит на второе место. Во всяком случае, Путину он сказал об этом своем желании на их встрече в своей загородной резиденции 14 декабря (выборы, напомню, состоялись 19-го). Правда, не уточнил, когда именно он собирается покинуть Кремль.

Путин не ожидал досрочного ухода Ельцина. Да и вообще такое решение - уйти раньше срока - не было характерно для Бориса Николаевича. Но он-таки его принял, это решение. Главным аргументом, скажу еще раз, послужил удачный старт недавно созданного и быстро ставшего «пропутинским» «Единства».

Ну и, кроме того, Ельцин, конечно, просто устал... Это не вызывает сомнения.

Что касается Путина, он, надо полагать, к этому времени психологически уже был готов к тому, что займет ельцинское место, и, по-видимому, был рад, что томительный период ожидания закончился, ситуация становилась более определенной. Хотя каких-то внешних проявлений этой его радости никто не заметил.

Более того, он вроде бы даже был удручен приближающейся довольно резкой переменой в своей судьбе. Первая его реакция была: «Думаю, я не готов к этому решению, Борис Николаевич». Такая реакция «обескуражила» Ельцина...

Об этом своем разговоре с президентом Путин рассказал на встрече с Волошиным, Юмашевым и Татьяной Дьяченко. По словам его собеседников, он действительно был довольно сильно удручен. Однако все четверо пришли к заключению, что отставка президента состоится где-нибудь весной 2000 года, так что

всерьез говорить об этом рано. Никто не мог предугадать, что это произойдет в ближайшие недели.

Вторая «предотставочная» встреча Ельцина и Путина состоялась утром 29 декабря. Как только преемник вошел в его кабинет, президент, по его словам, сразу почувствовал, что он, Путин, «уже другой - более решительный, что ли».

Ельцин сказал своему гостю, что решил уйти 31 декабря...

О чем говорили Ельцин и Путин

О чем говорили Ельцин и Путин во время двух последних (перед ельцинским уходом) встреч? Широко распространен и прочно вбит в человеческие головы миф, будто главной темой их разговоров была тема бытового обустройства и гарантий безопасности, неподсудности Ельцина и членов его семьи после ухода президента. Будто бы Ельцин запросил у Путина соответствующих гарантий, а Путин пообещал их предоставить. Люди информированные - те, кому вполне можно верить, - утверждают, что никаких таких разговоров не было: мол, не царское это дело - говорить о таких пустяках; как все должно сложиться в дальнейшем для экс-президента, ясно было и без всяких разговоров, все это подразумевалось само собой.

Но не было будто бы в разговорах двух мужей и несравненно более важной темы - о сохранении курса, о том, что Путин, став президентом, продолжит движение по той дороге, которую проложил Ельцин. Единственно, что вроде бы можно отнести к этой теме, это обращенные к Путину и всеми уже услышанные слова Ельцина: «Берегите Россию!»

Ясно, однако, что эти слова можно повернуть как угодно.

Не было и обсуждения кадровых вопросов. Юмашев:

- Все разговоры о том, что Ельцин будто бы просил сохранить на своих постах каких-то чиновников, - например, Касьянова, Волошина, Рушайло - полная чушь. Ни о ком он не просил: «Оставьте, кого считаете нужным».

После решающего разговора и сообщения президента, что он твердо решил уйти в отставку, Путин, с разрешения Ельцина, переговорил с силовиками - сказал, что после ухода своего предшественника он их всех оставит на своих местах (что он и сделал).

Что касается указа о бытовом обустройстве и неприкосновенности ушедшего главы государства, который, собственно, и стал основанием для того мифа, о котором говорилось выше, он возник сам собой в силу элементарной практической необходимости. Никакого документа, который бы регламентировал детали перехода власти от одного президента к другому в ту пору не существовало. Так что после того, как Ельцин подписал указ о собственной отставке, ему уже можно было не выделять ни денег на существование, ни даже подавать машину, чтобы он мог покинуть Кремль... В этом деле царил простой и примитивный порядок: если нет указа или хотя бы устного распоряжения действующего (или исполняющего обязанности) главы государства, ни одна машина ФСО не сдвинется с места, ни один сотрудник этого ведомства не будет привлечен к охране ушедшего руководителя...

По этой причине и появился этот пресловутый указ (после трансформировавшийся в закон) о гарантиях экс-президенту.

Естественно, этот указ (а после закон) касался не только Ельцина, - но и любого другого российского президента, который в будущем оставит свой пост.

Кстати, разговор о том, что необходимо принять такой вот закон, возникал и прежде - и в 1998-м, и в 1999 году, но все как-то уходило в песок, пока не возникла реальная необходимость в нем.

Гарантии экс-президенту

В этот же день Путин подписал указ о гарантиях президенту, «прекратившему исполнение своих полномочий», и членам его семьи. В указе перечислялись в общем-то обычные для подобных случаев «правовые, социальные и иные» гарантии - пожизненное денежное содержание (75 процентов месячного «вознаграждения»

действующего президента), государственная охрана самому экс-президенту и членам его семьи, проживающим вместе с ним, медицинское обслуживание в том объеме, каким оно было в момент отставки президента, пожизненное пользование одной из госдач, право бесплатно пользоваться правительственной и другими видами связи, содержать за счет бюджета аппарат помощников и т.д.

Этот-то указ, а затем соответствующий закон и породили множество разговоров, впоследствии родивших довольно устойчивое «общественное мнение», что между Ельциным и Путиным был заключен негласный договор: Ельцин уступает Путину свой пост в обмен на твердое обещание, что ни он, ни члены его семьи не будут преследоваться за те «преступления», которые они совершили в бытность Ельцина президентом; мол, Ельцин потому и остановился на Путине как на преемнике, что тот заранее дал ему такое обещание. Иначе чем же объяснить, что указ о гарантиях Путин подписал сразу же в день ухода Ельцина в отставку?

В головы обывателей было твердо вбито убеждение, что указ и закон гарантируют и самому экс-президенту, и всем членам его семьи полную неприкосновенность, - что их нельзя привлечь ни к уголовной, ни к административной ответственности, задержать, арестовать, подвергнуть обыску, допросу... А между тем, дескать, поводов для такого привлечения более чем достаточно.

Убеждение, что президент и его семья наворовали миллионы и миллиарды, сложилось благодаря стараниям политических противников Ельцина, неустанно вещавших в прессе, на телевидении о тех самых зарубежных счетах, о виллах и дворцах, будто бы приобретенных ельцинскими родственниками за границей.

Замки, которых не было

В действительности единственные деньги, помимо президентского и экс-президентского вознаграждения, которые заработал Ельцин, - это гонорары за три его книги, переведенные в десятках стран мира. За первую - «Исповедь на заданную тему»

- вышедшую в 1989-м, он получил около трех миллионов долларов. За вторую и третью - «Записки президента» (1994-й) и «Президентский марафон» (2000-й) - примерно по полтора миллиона. По мерке рядового человека, деньги, конечно, немалые, но если соразмерять с минимальными потребностями нерядовой семьи, не такие уж и большие. Главное же - честно заработанные.

Никакого бизнеса, никакой роскошной недвижимости ни у супругов Ельциных, ни у их дочерей к моменту ухода главы семейства в отставку не образовалось. Хотя всякого рода борзописцы и телекиллеры щедро их всем этим наделили. Особенно много «приобрела» младшая дочь Татьяна - наиболее удобный объект для обливания грязью. Достаточно вспомнить историю с «ее» роскошным домом на Николиной горе: в прессе подробно описывались планы этажей, всевозможных построек на огромном участке... В конце 2001-го Валентин Юмашев и Татьяна Дьяченко поженились. Молодоженам впору было вселиться в эту сверхэлитную виллу. Однако в действительности... никакой виллы не существовало. Это была банальная «утка», высосанная из пальца. Хотя, естественно, многие в нее поверили. Даже кое-кто из знакомых, впервые приглашенных к Юмашевым в гости, бывал уверен, что двигаться надо именно в направлении Николиной горы, и сильно удивлялся, когда узнавал, что ехать туда не следует.

Много - и за рубежом, и у нас - писали о «вилле Татьяны Дьяченко» на Лазурном берегу в Антибе, печатали фотографии... В числе отечественных «разоблачителей» был, например, весьма плодовитый публицист профессор Владлен Сироткин, авторы «Новой газеты»...

Довольно занятной была история с замком в Германии, в городке Гармеш, когда-то принадлежавшем одной из немецких принцесс и будто бы приобретенном младшей дочерью Ельцина. Уж как только не показывали его и по нашему, и по зарубежному ТВ - и с одной стороны, и с другой, и с третьей... Репортеры бродили по округе, заглядывали в местные ресторанчики, показывали завсегдатаям фотографию Татьяны:

«Вы видели эту девушку у вас в деревне?» Кое-кто кивал: да, мол, видел. Ну, раз видел, - значит, так оно и есть: купила ельцинская дочка старинный замок! Ажиотаж был такой, что некоторые телекомпании арендовали квартиры напротив замка в надежде поймать момент, когда дочь российского президента появится в его дверях, просидели в этих «засадах» чуть не год, но так ничего в объектив и не поймали... А объяснение, почему местные жители видели столь интересовавший тэвэшников персонаж, было самое простое: Татьяна, тогда еще Дьяченко, несколько раз приезжала туда с друзьями кататься на лыжах.

Аналогичные «утки» были и про недвижимость в Лондоне - роскошный особняк на Белгрэйв-стрит, где будто бы обитают Юмашевы, - и про другие «палаты каменные», которые, как известно, «не наживешь с трудов праведных»...

Есть, правда, обвинения, которые опровержению не поддаются. Например, - что Татьяна Дьяченко вместе с Анатолием Чубайсом украли десять миллиардов долларов, предоставленных Международным валютным фондом. Опровергнуть это невозможно по той причине, что Чубайс, - это всем известно, - вообще «разворовал всю Россию». Стало быть, и любой, кто с ним водил знакомство, вполне мог прикарманить несколько миллиардов...

Впрочем, как-то, услышав с телеэкрана, что дочь президента Татьяна украла деньги из транша МВФ и положила их в банк Люксембурга, возмущенная Наина Иосифовна предложила подать в суд на клеветника.

− Ты что, хочешь докатиться до их уровня? − рубанул Борис Николаевич.

Больше разговоров о суде не возникало.

Никакая «бумажка» не даст вам гарантии...

В общем, версия о том, что Ельцин, подбирая себе преемника, стремился, чтобы ему и его семейству «на всю оставшуюся жизнь» была обеспечена защита от

уголовного преследования (больно уж много они всего натворили) - миф. Оснований для подобного беспокойства не было.

Но даже если бы у Ельцина и его родственников действительно имелись какие-то серьезные прегрешения, какие-то нелады с уголовным кодексом, - и указ, и закон о гарантиях давали неприкосновенность лишь самому экс-президенту и никому более. Чтобы убедиться в этом, достаточно было заглянуть в упомянутые документы.

Но лень заглядывать. Удобнее поверить слухам, публикациям желтой прессы: дескать, Путин по негласному договору предоставил неприкосновенность всей семье уходившего в отставку президента...

И потом какие реальные гарантии может дать бумажка, особенно в России? Всякий россиянин, а тем паче опытный политик - такой, каковым был Ельцин, - прекрасно знает, что через любой указ, через любой закон в нашем отечестве переступается с легкостью необыкновенной. Так что смешно говорить, будто Ельцин оставил свой пост - высший пост в государстве - в обмен на какие-то «бумажные» гарантии.

Серьезного разговора не было...

Все-таки странно, что во время двух последних встреч уходящего президента и приступающего к исполнению его обязанностей не было никакого серьезного разговора о судьбах России, о ее будущем, о СОХРАНЕНИИ ЕЛЬЦИНСКОГО КУРСА...

В первую их встречу, 14 декабря, Ельцин в основном рассказывал своему преемнику, как он приехал работать в Москву, как ему непросто было начинать эту работу в столице...

«Я когда-то тоже хотел совсем иначе прожить свою жизнь, - по-отечески напутствовал Ельцин Путина. - Не знал, что так получится. Но пришлось... Пришлось выбирать... Теперь вам надо выбирать».

Ответ Путина был дежурно-льстивым:

«Вы очень нужны России, Борис Николаевич. Вы мне очень помогаете. Вот вспомните саммит в Стамбуле. Если бы поехал я - одна ситуация, поехали вы - другая. Очень важно, что мы работаем вместе. Может, лучше уйти в срок?»

Пройдет совсем немного времени, и Путин забудет, что Ельцин был очень нужен России...

Второй разговор, 29-го, был и вовсе «технический», конкретный. Ельцин объяснил Путину, как он планирует «выстроить» предновогоднее утро - как запишет телеобращение, как подпишет указы, передаст Путину ядерный чемоданчик, встретится с патриархом, с силовиками... Вот и все. Ничего особо значительного, особого серьезного, особого важного для будущего страны.

По-видимому, Ельцин считал, что, выбрав Путина своим преемником, он уже четко определил будущее России и как-то закреплять это словесно нет необходимости.

Результаты опросов

(25 декабря 1999 года, 8 января, 30 января 2000 года)

Неожиданная досрочная отставка Ельцина, о которой он объявил 31 декабря, благоприятно сказалась на «президентском» рейтинге Путина - он резко подскочил: по данным Фонда «Общественное мнение», накануне Нового года, 25 декабря, этот рейтинг составлял 45 процентов, а 8 января - уже 55.

Ельцинская «помощь» Путина была тем более заметна, что в декабре, в отличие от сентября – ноября «президентский» рейтинг премьера не демонстрировал особенной тенденции к росту.

Абсолютным, безоговорочным преимуществом Путин стал обладать в январе и в парном голосовании, всех своих основных соперников он уже «побеждал» с разгромным счетом: Зюганова - 70:17, Примакова - 71:15, Явлинского - 75:7, Лужкова - 77:6.

У главных путинских соперников - Примакова и Лужкова - дела вообще пошли скверно. В конце декабря 1999-го Фонд «Общественное мнение» провел традиционный опрос на тему: «Кого из российских политиков, общественных деятелей вы назвали бы человеком года?» Год назад, в конце 1998-го «людьми года», занявшими в опросе два первых места, оказались теперешние соратники (хотя не скажу, что близкие друзья) Евгений Максимович и Юрий Михайлович. Год спустя абсолютным лидером, естественно, стал Путин (в 1998-м его имени вообще не было в списке). Евгений Максимович еще сумел зацепиться за вторую строчку, но с совершенно неприличным, более чем пятикратным отставанием от лидера: у Путина 42 процента, у Примакова - 8. Прошлый серебряный призер столичный градоначальник отъехал на шестое место с жалкими двумя процентами.

Полагаю, такого рода опросы все больше укрепляли бывшего премьера, в недавнем прошлом наиглавнейшего любимца публики во мнении, что на президентских выборах ему абсолютно ничего «не светит», так что нечего и «соваться», нечего смешить публику, наносить урон своему драгоценному имиджу в высшей степени солидного, положительного и рассудительного деятеля. Ибо какой же имидж у человека, с треском проигравшего?

4 февраля Евгений Максимович после долгих колебаний («колебал» он не только себя, но и всех окружающих), наконец сошел с дистанции с шестью процентами рейтинга (у Путина к этому времени было уже 57). Как заметил один из телеведущих, «месяц он молчал, томил своих сторонников, поднимал цену своему решению».

Естественно, один из главных его «убивцев» г-н Доренко позволил себе по этому поводу, как говорит молодежь, «оттянуться по полной программе», сплясать на костях поверженного Голиафа.

- Не хотел бы себе льстить безосновательно, - сказал он в своем персональном эфире, - но мне кажется, Евгений Максимович внял, в том числе, и моим советам. Еще в конце октября я уговаривал его посвятить себя скорее не государственным, а

тазобедренным заботам. Как видите, Евгений Максимович у нас упрямец и раздумывал над моим предложением аж до февраля. Три с лишним месяца упущены понапрасну (в тазобедренном смысле, я имею в виду). Но в конце концов послушался. И то хорошо.

А КРОВЬ ВСЕ ЛЬЕТСЯ И ЛЬЕТСЯ...

Продолжают «мочить их в сортире»

Между тем, грязная война в Чечне, возобновленная Путиным, продолжалась. Продолжалась при одобрении и поддержке большинства российского населения. Мы помним: по опросам Фонда «Общественное мнение, в ноябре и декабре в пользу войны высказывались, соответственно, 65 и 69 процентов граждан. Аналогичный опрос Фонд провел еще раз - 15 января 2000 года. Процент сторонников войны «до победного конца» и противников любых переговоров остался примерно на том же уровне.

Что удивительно, чаще других такое мнение высказывали жители Москвы и Санкт-Петербурга, люди с высшим образованием... И еще: наряду с теми, кто голосовал на выборах за жириновцев и «Единство», - сторонники Союза правых сил.

Как и осенью, две трети опрошенных высказались за то, чтобы российские аойска продолжали двигаться все дальше и дальше вглубь Чечни.

«Российские солдаты добивали больных, раненых, убивали мирных людей, стариков и женщин»

Существует множество свидетельств о том, что тогда происходило в Чечне. Вот свидетельство тридцатидвухлетней жительницы поселка Новые Алды медсестры Асет Чадаевой (в записи сотрудников «Мемориала»):

«Я была свидетелем событий в Грозном, в частности, в поселке Новые Алды с сентября 1999 года по февраль 2000 года.

До 5 февраля 2000 года люди здесь гибли под бомбами, от осколочных ранений. Я свидетельствую: именно «работа» российской авиации доводила хронических больных стариков до инфарктов и инсультов. Люди здесь умирали от пневмонии, они месяцами сидели в сырых подвалах, вследствие чего и гибли. Всего в течение двух месяцев до 5 февраля были нами похоронены 75 человек.

4 февраля, когда люди вышли из подвалов, ходили по дворам, кололи дрова, прибежала девушка с «Окружной» [близлежащий район Грозного] и говорит: «Солдаты идут к вам, я их направила кружным путем, вокруг болота». Я успела предупредить несколько семей. Чтобы солдаты от страха не начали стрелять, я говорила: «По дворам не ходите, по-чеченски не кричите, детей не зовите – еще подумают, что кого-то предупреждаете».

Когда первая группа солдат – разведка – появилась на нашей улице, мой отец, брат и я стояли перед воротами дома. Они идут молча мимо нас, и тут отец мой сказал: «А где ваше «Здравствуйте»?!» Командир их остановился и говорит: «Извини. Здравствуй, старик». Тут из группы выскочил какой-то маленький, подбежал к брату, сдергивает у него одежду с плеча, смотрит, – нет ли следов от ношения оружия. Смешно! Если бы он был боевиком, разве вышел бы сам?

Они нам сказали: «Завтра близко к подвалам не подходите. Вот за нами придут настоящие крутые». Мы толком и не поняли, что нас хотят предупредить.

5 февраля около 12 часов дня я услышала на улице первые выстрелы. Мы с отцом вышли и увидели, как солдаты поджигают дома. Наш сосед чинил крышу, и я услышала, как солдат говорит: «Смотри, Дим, дурак крышу делает», - а тот в ответ: «Сними его». Солдат поднял автомат, хотел выстрелить. Я крикнула: «Не стреляй! Он глухой!» Солдат повернулся и выпустил очередь поверх наших голов.

Тут за нами вышел мой брат, 1975 года рождения, и мы пошли навстречу этим фашистам. Первое, что они крикнули: «Отмечай им, Серый, зеленкой лбы, чтобы стрелять удобнее было». Брату сразу же приставили автомат и спросили: «В боях участие принимал?» Брат ответил, что нет, - тогда они стали избивать его.

На случай, если насиловать будут, я заранее привязала к себе гранату (ее можно было выменять на четыре пачки сигарет «Прима»).

Нам приказали собраться на перекрестке. Я собрала людей с нашей улицы, чтобы всем быть вместе. Только в нашем маленьком переулке детей до 15 лет было десять человек, самому младшему – всего два года. Солдаты опять начали проверять паспорта, один говорит: «Выселять вас будем. Вам коридор, сволочи, давали!?» Все это сопровождалось нецензурной бранью.

Солдат, проверяя мою сумку, увидел там медикаменты и тонометр. Он спросил, кем я работаю. Я ответила: «Медсестрой». Меня подвели к командиру. Он говорил с кем-то по маленькой рации, в ответ на какое-то сообщение начал кричать в нее: «Вы что там, все с ума посходили?!» — далее нецензурно. Неподалеку раздавалась стрельба. Оттуда подбежал огромного роста мужчина в форме, наклонился к командиру, стал что-то говорить, командир в ответ кричал… Было видно, что они сильно возбуждены.

Я боялась, что они, не разобравшись, начнут вокруг стрелять, и чтобы их успокоить, сказала: «Вы не бойтесь, тут некому в вас стрелять, если вы сами друг в друга не начнете». В ответ он сказал: «Если только кто-нибудь выстрелит мне в спину или в кого-нибудь попадут, я всех тут положу, никого не пожалею!»

В это время на скорости подъехал БТР, командир опять начал по рации с кем-то говорить, потом подошел ко мне. Брат выскочил вперед, закрывая меня, но тот говорит: «Я не трону, не бойся. Ты – медработник. Организуй как можно скорее захоронение убитых. Тут ребята в запарке ваших стариков уложили».

Только я отошла от перекрестка, снова раздались выстрелы. Женщины закричали: «Ася, Руслан ранен, перевяжи его!» Руслан Эльсаев (возраст – 40 лет) после проверки

стоял около своего дома, курил. Двое солдат без всякой причины выстрелили в него, одна пуля прошла навылет через легкое, в двух сантиметрах от сердца, другая – попала в руку. Мне чудом удалось остановить кровотечение, но ему срочно была нужна квалифицированная помощь хирурга. Но показать его русским было все равно что убить.

Мы с братом снова вышли на улицу и снова услышали дикие крики: соседка Румиса ведет девочку. Это была девятилетняя Лейла, дочь Кайпы, беженки из села Джалка. Кайпу я несколько месяцев знала, тихая такая женщина. Они жили у Сугаипова Авалу вместе с еще двумя мужчинами – беженцами из Грозного. Лейла в истерике падала, каталась по земле, хохотала и кричала по-чеченски и по-русски: «Маму мою убили!» Брат взял ее на руки, отнес к нам домой, я вколола ей транквилизатор. Она не успокаивалась, кричала, и мы облили ее водой – с трудом успокоили.

Когда я кончила оказывать ей помощь, солдаты уже ушли с нашей улицы. Я побежала во двор Сугаипова - там лежала Кайпа в луже крови, от которой на морозе еще пар шел. Я хотела поднять ее, а она разваливается, кусок черепа отваливается - наверное, очередь из ручного пулемета перерезала ее… Рядом во дворе двое мужчин лежат, у обоих громадные дырки в голове, видимо, в упор стреляли. Дом уже горел, задние комнаты, в первой же горел убитый Авалу. Видимо, на него вылили какую-то горючую жидкость и подожгли. Я подтащила сорокалитровую флягу с водой, не знаю, как подняла, вылила воду. Честно говоря, я не хотела видеть тело Авалу, пусть лучше в памяти останется живой – исключительно добрый был человек. Прибежали соседи, тоже стали тушить пожар. Двенадцатилетний Магомед ходил по двору, повторял: «Зачем они это сделали?!» От запаха крови просто было невыносимо…

Я обратно побежала по центральной улице, там могли в любую минуту выстрелить, нужно было дворами передвигаться. Я увидела Гайтаева Магомеда – он был инвалид, в молодости в аварию попал, у него носа не было, он специальные очки носил. Он лежит, ему прострелили голову и грудь, а эти очки висят на заборе.

Российские солдаты добивали моих больных, раненых мирных людей, стариков и женщин. Лема Ахтаев, 1968 года рождения, чудом остался жив, когда 11 января из миномета попали в их дом – тогда убило троих, а его тяжело ранило. Я его лечила до 5 февраля – в тот день его и другого моего соседа, Ахматова Ису, 1950 года рождения, сожгли. Мы нашли потом кости, собрали их в кастрюлю. И любая комиссия, любая экспертиза может доказать, что это человеческие кости, человеческие ДНК. Но никому дела нет до этих костей, до этих убитых. Первое, что их интересовало, - похоронили ли мы убитых.

Был сожжен также Байгираев Шамхан, его забрали из дома. Российские солдаты зверски убили 80-летнюю Ахматову Ракият [вероятно присутствует в списке HRW (правозащитная организация Human Rights Watch. - **О.М.**) как Ахмадова Рахаш], которую сначала ранили, а потом лежачую добили. Она кричала: «Не стреляйте!» Этому есть свидетели.

Эльмурзаев Рамзан [вероятно в списке HRW присутствует как Экмурзаев Рамзан], 1967 года рождения, инвалид, был ранен 5 февраля днем, а потом ночью умер от перитонита. Братьев Идиговых заставили спуститься в подвал и забросали гранатами. Один остался в живых, другого разорвало на куски [есть в списке HRW].

Гайтаев Магомед [есть в списке HRW] убит возле своих ворот. Всех невозможно перечислить... Всего в тот день мы не досчитались 114 человек, найдено 82 трупа».

...Если кто-то думает, что чеченцы когда-нибудь забудут и простят русским эти подвиги, тот сильно ошибается. Я полагаю, что прощения не будет и через тысячу лет. На административных картах Чечня еще долго может оставаться в составе России, но в сознании ее, Чечни, жителей, переживших все эти ужасы, она, конечно, давно уже вне этих границ.

...Интересно, где сегодня все эти «Димы», «Серые», получившие в Чечне «боевую закалку»? Не исключено, что служат в милиции (там такие нужны), офицерами в армии

(убивают и калечат новобранцев)... Или - примкнули к «браткам»... Тысячи прошли в Чечне эту школу первобытного варварства, этот конвейер подготовки садистов и убийц.

...И еще одно. Так сказать, к портрету много раз упомянутого в этой книге г-на Доренко. Аккурат через неделю после резни в Новых Алдах, 12 февраля 2002 года, телекиллер произнес в эфире такой цинично-кощунственный текст:

- В одном из разговоров с военными в Чечне я однажды посетовал, что, дескать, ужасно дорого стоят снаряды и бомбы, что работа артиллерии и авиации стоит нам очень дорого. «Совсем нет, - раскрыли мне глаза военные, - колоссальное количество снарядов скопилось на складах. Их утилизация и уничтожение - серьезная проблема».

Вот и все. Еще вопросы по поводу того, кто такой Доренко, есть? Вопросов нет.

Концлагерь в Чернокозове

Я уже писал об Андрее Бабицком. Может быть, стоит еще привести несколько фрагментов из его рассказа о том, что с ним происходило в Чечне после его задержания, в частности о печально известном «фильтрационном пункте» в Чернокозове, где он находился до своего «обмена» на будто бы пленных российских солдат. Вот что он рассказывал своему коллеге Петру Вайлю по телефону вскоре после возвращения домой в Москву 29 февраля:

- На мой взгляд, там, в Чернокозове, самый настоящий концлагерь - это то, что называется фильтрационным пунктом. Там бьют чеченцев... При мне там содержалось порядка 130 человек. Это 18 камер, бьют людей с утра до вечера, причем не только бьют, но и пытают... Применяют разнообразные пытки - их перечисление заняло бы очень значительное время...

- Вы говорили в вашем предыдущем интервью, что вам досталась только лишь так называемая «прописка» - какое-то количество ударов дубинками. А почему к вам относились по-другому?

- Именно потому, что выяснилось, что я журналист, а для них, это, видимо, был либо редкий, либо первый такой гость, поэтому, меня просто «прописали» и практически на третий день перевели в «блатную» камеру, где обычно содержатся проштрафившиеся российские военнослужащие, которых не бьют, и которым как-то помогают, и фактически для меня этот срок в сравнении со всеми, кто там постоянно находился, был достаточно вольготным, хотя даже по условиям, насколько я понимаю, обычной российской тюрьмы, эти условия вольготными назвать нельзя. Представьте себе, это камера-одиночка, мы меряли ее с моим сокамерником спичками - метр восемьдесят на метр, и когда нам бросили третьего человека, то мы спать фактически не могли, потому что места не было. Тем не менее, все равно, я могу сказать, что я находился в достаточно комфортных условиях. Остальные чеченцы первое время, пока я находился в Чернокозове, подвергались истязаниям и пыткам... Кормят там один - два раза в день. Два раза - когда не забывает обслуга, один раз, когда она выпивает вместе с местной охраной. Очень большая проблема, - это то, что называется «оправкой». В туалет в лучшем случае можно выйти раз в сутки, в худшем случае - в сутки с половиной и двое суток. Это иногда превращается в чудовищное мучение. Кроме того, практикуется просто элементарное издевательство, когда охрана ходит от камеры к камере и задает самые разные вопросы или заставляет выполнять действительно унизительные для людей указания. Но об унижении никто не думает - все думают о том, чтобы не пытали. Это нужно иметь в виду, потому что первые три дня, пока я там находился, пытки носили совершенно беспрецедентный характер, беспрецедентный в моем представлении, потому что никогда таких чудовищных истязаний над человеческой плотью я не видел. И никогда я не слышал таких кошмарных выражений боли, таких криков, которые выражали эту боль...

Свой рассказ Андрей Бабицкий продолжил на пресс-конференции на следующий день. Он повторил данную им накануне характеристику «фильтрационного пункта» в

Чернокозове, добавив, что это вообще своего рода модель тех порядков, которые пытаются установить во всей Чечне:

- ...По сути дела, Чернокозово - это концентрационный лагерь, того типа, о котором мы знаем и по фильмам про Великую Отечественную войну и по литературе о сталинских лагерях. Это такой механизм истязания тех, кто попадает туда. Я провел там фактически две недели - с 16 января по 2 февраля, - и из тех, кого называют боевиками, в этом изоляторе фактически нет никого. Туда людей просто гребенкой собирают по улицам, из чеченских сел и городов. И этих людей ломают, бьют, пытают, запугивают. Я не знаю, для чего это делается. Надо сказать, что сейчас в Чечне создается очень успешно модель полицейского управления государством. И там, в Чечне, полный, на мой взгляд, бардак, но, тем не менее, полицейская модель работает. Она полностью держится на страхе. Не так важно, эффективны ли те или иные гражданские службы - важно, чтобы работал именно аппарат подавления...

Западу неприятно на это смотреть

Запад так и не смог оказать какое-то существенное умиротворяющее, образумливающее влияние на действия московских властей в Чечне. Более того, по-видимому, и не очень хотел, по возможности брезгливо сторонился. Да, рядовые граждане, общественные деятели, журналисты - те не уставали протестовать, обличать, а вот так называемые «официальные лица», от которых, конечно, зависело гораздо больше... Они, разумеется, тоже критиковали Москву, но предпринять какие-то решительные действия, которые заставили бы ее остановиться, одуматься, - на это они так и не отважились.

Характерный случай произошел осенью 2007 года в Брюсселе. 2 октября в здании Европарламента открылась фотовыставка «Геноцид в Чечне». На ней были представлены 300 снимков, сделанных известными фотожурналистами и показывающих зверства российских военных в этой республике, их чудовищные

преступления перед мирным населением. Перед зрителем предстали останки людей, погибших под бомбами (которые таким способом «утилизировали»), расстрелянных при «зачистках», замученных в «фильтрационных пунктах», то бишь в концлагерях...

По словам тех, кто успел посмотреть фотографии, они были потрясены.

Однако снимки провисели на стендах лишь несколько часов, после чего выставку поспешно закрыли: показывать такое... Европарламентарии решили поберечь свою психику, свои нервы...

Надо сказать, перед открытием выставка уже прошла своеобразную цензуру: сорок четыре снимка, на которые, по мнению «цензоров»-администраторов, вообще невозможно было смотреть без содрогания, закрыли листами черной бумаги. Однако затем, как видим, к этой же категории, были отнесены и все остальные фотографии.

Когда выставку демонтировали, настырные журналисты, не сумевшие вовремя взглянуть на экспонаты, пытались увидеть фотографии, переснять хотя бы некоторые из них, однако бдительные охранники, видимо, получившие соответствующие инструкции, запрещали им это делать, поворачивали фотографии тыльной стороной к фото- и телекамерам.

- Нельзя смотреть! Запрещено! - угрюмо твердили они.

В этом инциденте, как в капле воды, отразилось истинное отношение Запада (западных властей) к тому, что происходит в Чечне: мы, конечно, против, но... в конце концов, разбирайтесь там сами, не впутывайте нас в вашу грязь, не заставляйте нас вместе с чеченцами переживать те злодейства, которые вы там творите!

Ельцин на пенсии

Уже в марте о Ельцине почти ничего не стало слышно (разве что в один из дней мелькнул на модном спектакле). А ведь начал он свою пенсионную жизнь весьма бурно – «знаковой» поездкой в Святую землю на православное Рождество.

Это был вояж не пенсионера, а как бы все еще президента, хотя формально президентский срок Ельцина к тому времени уже неделю как закончился. Огромная, в полтораста человек, свита, почти президентский протокол (некоторые изъятия из него мог заметить разве что наметанный глаз специалиста), почести, полагающиеся лишь первому лицу, небывалый ажиотаж среди журналистов... Прилетел Ельцин на президентском самолете, привез с собой президентский автомобиль, прочую «кремлевскую» технику (за исключением разве что «ядерного чемоданчика»)...

Главное же – собственное тогдашнее самоощущение Ельцина. Было такое чувство, что он как бы запамятовал, что произошло с ним 31 декабря, воспринимает свое отречение от престола как некий сон, который уже почти развеялся. Только так можно было истолковать его тогдашние реплики: «На Святой земле чувствую себя, как святой!», «Я еще в отставке не побывал. Имейте в виду – я еще святой президент!» Или утверждение, сделанное на встрече с Арафатом: дескать, все, что происходит в России, – в его, Ельцина, руках; Путин у него под контролем, и выбирал он его из двадцати человек (откуда взялись эти двадцать, одному Богу известно).

После этого поползли слухи, что Ельцин в самом деле по-прежнему остается президентом: ведь указа о его уходе с высокого поста и о назначении Путина исполняющим обязанности никто не видел. А вся эта предновогодняя процедура передачи власти – всего лишь спектакль, преследующий какие-то тайные политические цели.

В окружении Путина такой поворот событий, по-видимому, произвел переполох: что-то еще «отчебучит» «дедушка»? Надо полагать, было решено как-то укротить выплески его остаточной энергии. Этому, по всей вероятности, и были в основном посвящены разговоры Владимира Владимировича с Борисом Николаевичем после возвращения последнего из Святой земли на грешную российскую.

Возможно, отзвук тех разговоров мы услышали 23 февраля в показавшихся многим странными словах Ельцина, когда он оценивал деятельность своего преемника

и как бы намечал свою будущую роль при нем: «Он (Путин. - **О.М.**) выбрал правильный путь, который был определен еще при мне, и твердо этот путь держит». «Я поддерживаю и буду поддерживать Путина до дня выборов, а затем мы станем ВМЕСТЕ РАБОТАТЬ (выделено мной. – **О. М.**)»

Тут вроде бы отчетливо слышатся увещевания престолонаследника, адресованные отставному монарху: да, да, Борис Николаевич, все будет так, как мы договаривались – вы займете пост, и мы будем «вместе работать»; давайте только подождем до выборов, а то ведь кто-то может все неправильно истолковать.

Какой пост может занять Ельцин – главного президентского советника, пожизненного сенатора, главы российско-белорусского союза, какой-то еще,– совершенно не важно. Может и никакого не занять. Важно то, что, по-видимому, он хотел бы играть роль Дэн Сяопина, неформального лидера, этакого небожителя, остающегося в тени, но определяющего ключевые направления государственной политики. Одним словом – «святого президента». (Восемь лет спустя - в конце 2007-го - такое же неодолимое желание возникло у самого ельцинского преемника).

Не исключено, на каком-то этапе престолонаследник обещал ему что-то подобное, однако, скорее всего, раз за разом, от разговора к разговору объем обещаемого сокращался, как шагреневая кожа...

Можно предположить, что для достижения той же цели - поглощения и погашения нерастраченной ельцинской энергии - пригодилось и еще одно проверенное, безотказное средство – сочинение мемуаров. Сидя на даче, Ельцин надиктовывал своему традиционному литзаписчику Валентину Юмашеву (удалившемуся от нелюбезных ему административных и политических дел) очередную книгу воспоминаний. Условное название – «Полуночные дневники» (в окончательном виде мемуары стали называться «Президентским марафоном»).

В общем, человек был при деле. Некоторое недоумение вызывало, правда, то, что еще в начале января тогдашний пресс-секретарь Ельцина Дмитрий Якушкин говорил,

что ничего не знает о намерениях своего шефа сочинять книгу. Как он предполагал, главное занятие Ельцина в ближайшее время будет заключаться в другом: теперь его шеф много времени станет уделять встречам с различными политиками, государственными деятелями – либо в Горках, либо в Кремле, где ему будет предоставлен кабинет рядом с «главным кабинетом страны». Якушкин: «Это не значит, что он будет вмешиваться в дела, но он будет КАК-ТО РУКОВОДИТЬ (выделено мной. – **О. М.**)».

В реальности получилось как раз наоборот: основным занятием Ельцина в тот период сделались мемуары. Что касается «многочисленных встреч»... Кроме встречи с Путиным и министром обороны Сергеевым, никаких таких «саммитов» вроде бы не было. Возможно, они были кем-то сочтены не очень желательными...

Еще одно тогдашнее вполне пенсионерское занятие Ельцина – создание фонда собственного имени, аналога Фонда Горбачева, с довольно туманными целями – стимулировать «позитивные процессы» в мировой политике. Не исключено, чтобы переплюнуть своего давнего соперника, Ельцин решил собрать в своем фонде не много не мало - «действующих глав государств». С некоторыми из них – Цзян Цзэминем, Жаком Шираком – он к тому времени уже успел побеседовать на эту тему по телефону...

Фонд Ельцина действительно был создан, но, конечно, столь амбициозные первоначальные задачи оказались для него неподъемными...

Если говорить о наших согражданах, к этому времени они окончательно распростились с Ельциным как с политиком, воспринимали его как обычного пенсионера (из анекдотов той поры: «Москва. Кремль. Путину. Володя, когда заплатишь пенсию за январь? Ельцин»). Опрос, проведенный в марте ВЦИОМом, показал: первый президент России пользуется сейчас наименьшим доверием россиян, то есть попросту никаким – он получил ноль процентов.

Что касается отношений первого президента и потенциального второго... Представлялось очевидным, что Путин, став главой государства, - по крайней мере, первое время - будет относиться к своему предшественнику с надлежащим почтением, однако роль Дэн Сяопина вряд ли ему предоставит.

Путин - президент

Президентские выборы состоялись 26 марта. Уже в конце этого дня стало ясно, что Путин побеждает с довольно большим - более 16 процентов - отрывом от следующего за ним вечного коммунистического кандидата в президенты Зюганова.

Что могло помещать победе выбранного Ельциным наследника? Война в Чечне? Да нет, она только способствовала его триумфу. Тогда, может быть, избирателей в состоянии были насторожить такие эксцессы, как весьма подозрительные «учения» в Рязани, похищение и «обмен» журналиста Андрея Бабицкого, его рассказ о происходящем в Чернокозове (это ведь уже не война, это что-то другое)... Нет, не насторожили.

Окончательные итоги выборов были опубликованы 5 апреля. Преимущество фаворита стало еще больше: Путин - почти 53 процента, Зюганов - несколько более 29-ти. На третьем месте оказался Явлинский, обогнавший Тулеева, ранее занимавшего это место, - 5,8 процента.

Никто из остальных восьми кандидатов не преодолел трехпроцентного барьера, так что всем им предстояло вернуть в казну деньги, полученные на предвыборную агитацию...

Интереса ради можно все же перечислить, в каком порядке выстроились эти аутсайдеры: Аман Тулеев (более 2,2 миллиона голосов), Владимир Жириновский (несколько более 2 миллионов), Константин Титов (около 1,2 миллиона), Элла Памфилова (почти 759 тысяч), Станислав Говорухин (около 329 тысяч), Юрий

Скуратов (более 319 тысяч - совсем неплохой результат для героя «кассетного» скандала), Алексей Подберезкин и Умар Джабраилов - оба менее чем по 100 тысяч.

* * *

Итак, Путин - президент...

В «Президентском марафоне» Ельцин пишет, что когда он узнал об этом фактически уже свершившемся событии 26 марта 2000 года, то пришел в восторг:

«Я от волнения не мог усидеть на месте. Победа! Быть может, главная моя победа! Господи, как долго я этого ждал!»

На самом деле это была не главная победа, а главная ошибка его жизни. В результате этой ошибки в российской истории открылась очередная трагическая страница.

ДРЕЗДЕНСКИЙ ШПИОН

«ДЕМОКРАТ», «ЮРИСТ ДО МОЗГА КОСТЕЙ»

«Если бы я знал, что он станет президентом…»

О Путине написано немало книжной продукции - и вполне аллилуйской, и претендующей на объективность. В книге Усольцева «Сослуживец» (Усольцев − псевдоним) будущий российский президент показан с самой лучшей стороны. Но при этом автор не устает повторять, что пишет правду, одну только правду и ничего, кроме правды.

Впрочем, хотя книга не так уж мала - пятнадцать авторских листов, - относящегося непосредственно к Путину в ней, в общем-то, не так уж много. Это притом, что автор просидел со своим сослуживцем вдвоем в одной комнате более двух лет. «Если бы я мог предполагать, - сокрушается Усольцев, - что Володя Путин станет в скором будущем президентом России, я бы вел в Дрездене подробный дневник, который помог бы мне в написании данного текста. Но НИКАКИХ НАМЕКОВ НА БУДУЩИЙ КАРЬЕРНЫЙ ВЗЛЕТ ВОЛОДИ В ДРЕЗДЕНЕ НЕ УСМАТРИВАЛОСЬ (выделено мной. − **О.М.**)»

Возможно, такого фантастического карьерного взлета ни сам он, ни его окружающие не ожидали еще и потому, что Володя, как пишет Усольцев, «был из простой семьи», «никаких влиятельных родственников у него не было». Как известно, наличие таких родственников или хотя бы друзей-покровителей - условие почти стопроцентно необходимое для карьерного продвижения. Таким оно было в Советском Союзе, таковым остается и теперь, в постсоветской России.

Правда, один выдающийся родственник в семье Путиных все же был, - его дед служил поваром у вождя мирового пролетариата товарища Ленина. Однако это, по-своему любопытное, обстоятельство, сами понимаете, никакой подмоги Путину на жизненной стезе уже оказать не могло…

«Симпатичный спортивный блондин»

Путина «органы» «подобрали» сразу же после того, как он защитил диплом на юрфаке Ленинградского университета в 1975 году. Это было, как замечает Усольцев, не совсем обычное кадровое решение: чаще «подбирали» не раньше, чем через два года после окончания вуза.

Деятельность Путина в дрезденской разведгруппе, состоявшей из шести человек, включая начальника, началась в августе 1985 года. Усольцев так об этом пишет:

«Борис (предшественник Путина на дрезденском шпионском посту. - **О.М.**) сразу (после того, как в Берлин, в гэдээровское Представительство КГБ прибыла новая партия «командированных» из «Центра». - **О.М.**) стал уговаривать шефа, что надо подсуетиться и выбрать из всей группы новичков его давнего знакомого по работе в контрразведке в Ленинграде, классного парня, за которого Борис ручается, что лучшего в группе новичков просто быть не может. Борис напирал очень сильно, и Лазарь Лазаревич («шеф» разведгруппы. − **О.М.**) «подсуетился». Так в нашей группе появился симпатичный спортивный блондин Володя Путин, воинское звание − майор».

«Симпатичный спортивный блондин» - это первое, что и сейчас можно сказать о бывшем российском президенте, ныне премьере. Думаю, этому своему имиджу он во многом обязан тем, что столь большая часть российского населения его поддерживала, голосовала за него на выборах, не особенно задумываясь, что, собственно говоря, этот спортивный блондин творил во вверенной ему стране.

Усольцев нас уверяет, что «Володя Путин пришел в КГБ за героической романтикой». Никакой такой романтики ни в Ленинграде, ни в Дрездене он не нашел, - на семьдесят процентов работа тамошних «романтиков разведки» состояла из «писанины», - но все же, как пишет его сослуживец, «находил в своем труде определенное удовлетворение».

Основное, чем надлежало заниматься Путину в Дрездене, - искать «талантливых, убежденных в правоте социалистических идеалов молодых людей», то есть своего рода сырье, из которого в дальнейшем могут получиться агенты-нелегалы. При этом он отдавал себе отчет в том, что, скорее всего, все его труды закончатся сдачей в архив всех наработанных им материалов.

Тем не менее, он «добросовестно выполнял» свою часть этой «разведработы». А позже, будучи уже без пяти минут президентом, в книге «От первого лица» изображал ее как вполне солидную, фундаментально налаженную. На вопрос, в чем же все-таки заключалась его работа в ГДР, Путин ответил так:

- Обыкновенная разведдеятельность: вербовка источников информации, получение информации, обработка ее и отправка в центр. Речь шла об информации о политических партиях, тенденциях внутри этих партий, о лидерах - и сегодняшних, и возможных завтрашних, о продвижении людей на определенные посты в партиях и государственном аппарате. Важно было знать, кто, как и что делает, что творится в МИДе интересующей нас страны, как она выстраивает свою политику по разным вопросам в разных частях света. Или - какова будет позиция наших партнеров на переговорах по разоружению, например.

Что касается Усольцева, то по его свидетельству, вся тамошняя «солидная» и «разносторонняя» деятельность лубянских шпионов была, по существу, имитацией деятельности.

«Если быть честным, - пишет он, - то это была видимость разведработы, игра в разведку. Если бы какой-нибудь американский шпион проник в оперсостав КГБ и попал бы в какую-нибудь разведгруппу в ГДР, он был бы несказанно изумлен тем, что грозный КГБ на самом деле играет в бирюльки и никакой опасности для своих противников не представляет».

В статье, появившейся в октябре 2004 года в немецком журнале «Цицеро», приводятся слова Усольцева: за пять лет работы в Дрездене - с 1985-го по 1990 год - Путин сумел завербовать всего двух агентов. Один из них, будучи впоследствии арестованным в объединенной Германии, выдал, по крайней мере, пятнадцать агентов КГБ, в том числе большинство тех, кто работал на дрезденское подразделение.

Впрочем, к этому утверждению Усольцева, наверное, следует отнестись с осторожностью: он уехал из Дрездена в октябре 1987 года и вряд ли мог доподлинно знать, что происходило там позже.

«Это все байки, этого не могло быть!»

Путин не слишком вдохновлялся, когда его коллега, - а это уже были перестроечные годы, - начинал с возмущением говорить о позорном прошлом и не слишком привлекательном настоящем «органов».

И рассказам о былых фантастических зверствах Чека, ГПУ**,** НКВД, МГБ Путин не слишком верил. Усольцев, уроженец Сибири, рассказал ему как-то о вполне реальном случае, который услышал от ветеранов госбезопасности. Во времена Ежова начальник Минусинского райотдела НКВД получил команду подготовить арест и расстрел четырехсот китайцев. На каком основании это следовало осуществить, было совершенно непонятно. «Ужаснувшись» этой команде (по-видимому, до той поры он с такими делами не сталкивался), человек отправился к начальству в Красноярск, чтобы уточнить, нет ли тут какой ошибки. По прибытии в краевой центр он был арестован и сам в тот же день расстрелян. Надо полагать, в назидание другим: выполняй приказ, не задавай лишних вопросов! Расстреляли, естественно, и четыре сотни ни в чем не повинных китайцев. Так в то время обеспечивалась «госбезопасность»… Так вот Путин не поверил этому рассказу. Категорически заявил сослуживцу, что «такого не могло быть, это, мол, ваши сибирские байки».

Это довольно странное неверие. Странное неведение. О том, что в тридцатые годы по городам и весям нередко рассылалась разнарядка, где сколько «шпионов» и «вредителей» следует арестовать и расстрелять, - факт общеизвестный. И вот человек, сам работающий в «органах», который, наверное, не хуже других должен быть осведомлен об их истории, вдруг проявляет такое поразительное незнание…

«Он понимал, что никогда не станет генералом»

То, что никаких признаков будущего путинского президентства не предугадывалось, Усольцев в разных вариантах повторяет не однажды:

…«Володя совершенно не стремился к карьере и не «суетился» перед начальством».

…«Володя не имел никаких признаков карьериста. Это был обычный трудяга-конформист, смирившийся с системой».

…«Уровень притязаний в карьере у Володи был вполне реалистичный. Он понимал, что никогда не станет генералом, и никакого рвения в своей карьере не проявлял. Работал добросовестно и не более того».

Жизненная философия, жизненное кредо Володи Путина в ту пору, о которой пишет Усольцев, в основном были направлены в противоположную от карьеры, от активной общественной и государственной деятельности сторону:

«…Володя дал полную волю своим индивидуалистическим установкам: жить для семьи, для своих дочурок, извлекая из сложившейся ситуации оптимум. Когда все население России, особенно из так называемого «красного пояса», поймет, что, думая, прежде всего, о себе, каждый принесет и себе, и обществу намного больше пользы, чем приносит, убиваясь «на благо общества»?»

И еще:

«…Большой мир с большой политикой, к которым мы имели некоторое косвенное отношение, особо его (Володю. - **О.М.**) не занимал. Намного важнее для него была семья».

«Не думай о человечестве, - поучал он своего сослуживца, - а думай о себе… Нам не дано ничего изменить, и жить нужно для себя».

Не правда ли, прекрасное жизненное кредо в устах человека, который через не слишком долгий срок сделается президентом России? Что если бы Володя Путин действительно не пошел бы в большую политику и посвятил себя целиком, без остатка семье, собственной частной жизни? Думаю, для «блага общества» такой вариант был бы, в самом деле, не худшим.

Усольцев потешается над публикациями, посвященными Путину, где содержится утверждение, будто «головокружительная карьера Путина не столь уж неожиданна, поскольку заранее тщательно спланирована». «Никаких планов карьеры, -

вновь и вновь пишет он, - ни у Володи, ни у неких могущественных сил в КГБ - ФСБ - СВР, которые «внедрили своего человека» в пирамиду власти… не было».

Обилие таких публикаций и раздражает, и радует Усольцева, поскольку, как он пишет, «это обстоятельство повышает ценность моей книжки - самого правдивого изложения этого таинственного периода в биографии второго российского президента».

Не очень скромно, конечно, но, по крайней мере, станем надеяться, что преднамеренной грубой лжи, и в больших количествах, в книжке Усольцева действительно не содержится. Хотя желание автора представить своего героя как героя сугубо положительного, в общем-то, налицо.

«Человек с глубинными демократическими взглядами»

Хотя заступление Путина на высший российский государственный пост и было для автора «Сослуживца» - как, впрочем, и для многих, - весьма неожиданным, он изо всех сил пытается нас уверить, что о лучшем президенте не стоит и мечтать.

«Мне хочется сказать всем россиянам, - пишет Усольцев, - РАЗДЕЛЯЮЩИМ ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ УБЕЖДЕНИЯ И ПОДДЕРЖИВАЮЩИМ ПРАВЫЕ ПАРТИИ (выделено мной. - **О.М.**), что мой сослуживец вовсе не сторонник бюрократического капитализма, опирающегося на штыки задобренной армейской верхушки. По типу латиноамериканской хунты. Мой сослуживец вынужден решать сложнейшую задачу наведения элементарнейшего порядка в бурлящем котле беззакония, казнокрадства и беспрецедентной преступности. В таких условиях без таких, как он, стражников не обойтись. Это - неизбежно. И слава Богу, что во главе государства находится именно В.В. Путин, ЧЕЛОВЕК С ГЛУБИННЫМИ ДЕМОКРАТИЧЕСКИМИ ВЗГЛЯДАМИ (выделено мной. - **О.М.**)».

Ничего, кроме усмешки, эта характеристика сегодня не вызывает. Книжка Усольцева вышла в начале 2004 года. К этому времени «глубинные демократические взгляды» Путина уже вполне проявились. Столь же наглядными сделались и результаты

его деятельности по наведению «элементарнейшего порядка»: такого беззакония, как при нем, в России не было, наверное, ну, по крайней мере, с момента кончины «гениалиссимуса» Сталина. Что же до казнокрадства, его масштабы прежним российским чиновникам и вовсе не снились.

«Юрист до мозга костей»

Особый интерес вызывает утверждение Усольцева, будто его сослуживец - выпускник юрфака - был жутким законником, чуть ли не фанатиком правового подхода ко всем событиям жизни, правовой оценки всего происходящего вокруг.

«Мы констатировали, - пишет Усольцев, - что наша советская юстиция очень далека от права. Я это скорее ощущал, чем знал, а Володя мог сыпать примерами нарушения главных принципов права в нашей стране без остановки… Когда возникал разговор, так или иначе касающийся юрисдикции, ВОЛОДЯ НИКОГДА НЕ УПУСКАЛ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОДЧЕРКНУТЬ, ЧТО ЗАКОНЫ ДОЛЖНЫ НЕУКОСНИТЕЛЬНО СОБЛЮДАТЬСЯ, СМЫСЛ ЗАКОНА В ЕГО БЕЗУСЛОВНОЙ СИЛЕ (выделено мной − **О.М.**)»

Вот бы сейчас устроить встречу Путина и Усольцева. И чтобы Усольцев спросил своего бывшего сослуживца, не видит ли он в сегодняшней России столь же многочисленных, как и в советские времена, примеров нарушения закона и права. Причем нарушения не где-то там внизу, в Богом забытых российских углах, но и на самом верху. А привести эти примеры совсем не трудно. У всех ведь на слуху и антиконституционная отмена губернаторских выборов, и приравнивание «публичной клеветы» на представителей власти, то бишь любой критики в адрес чиновников, к экстремизму, и, если из частностей, - псевдосудебная расправа над Ходорковским, цирковой номер с «аукционной» продажей «Юганскнефтегаза» какой-то подставной, никому неизвестной фирме, и массовое милицейское избиение жителей башкирского города Благовещенска, оставшееся без серьезных последствий для милиции, и

повсеместные пытки в милицейских отделениях (один из самых известных случаев - безжалостное избиение офицера-подводника Пуманэ, закончившееся его смертью), и судебное издевательство над солдатом Сычевым, искалеченным в результате казарменных издевательств… И многое, многое, многое другое.

То, что Володя - «юрист до мозга костей», Усольцев повторяет неоднократно на протяжении всей книги. Вообще «самое главное, в чем России повезло, - пишет он, - это то, что он с отличием окончил юрфак и категория Права является центральным элементом его личности».

Правда, в российской истории были и другие правители-юристы, тоже неплохо учившиеся, по крайней мере, в школе (в гимназии). Вот Ленин, например. Но между Володей Ульяновым и Володей Путиным - большая разница: «право не было у Ленина Правом; у Володи Право - основа сознания».

Все ясно. Все понятно.

В общем-то, когда Путин, став президентом, объявил о необходимости установления в России «диктатуры закона», это, при всей нелепости такого словосочетания, еще можно было признать соответствующим усольцевскому тексту (хотя вопиющие отступления от закона случались уже в пору пребывания нашего героя премьер-министром). Однако в дальнейшем, когда в стране безраздельно воцарилась диктатура беззакония, процитированные выше строки из книги Усольцева могли вызвать разве что грустную улыбку.

Особенно возмущало Путина, как пишет автор, то, что в советской судебной практике те или иные законодательные нормы нередко применяют, как говорится, задним числом. Самый яркий, памятный всем пример - история с «валютчиками», случившаяся в хрущевские времена. Нескольких человек, занимавшихся «незаконными валютными операциями» (а в ту пору элементарный обмен рублей на доллары уже считался «незаконным»), осудили на серьезные сроки в колонии строгого режима. По действовавшему в то время закону. Узнав об этом, тогдашний коммунистический

вождь, по виду добродушнейший Никита Сергеевич Хрущев жутко возмутился и потребовал, чтобы закон немедля пересмотрели и приговорили «негодяев» к высшей мере. Что, разумеется, и было исполнено. Володю Путина эта история страшно волновала. «Ведь эти валютчики, - говорил он, - пошли на преступление, зная, что в худшем случае они отсидят по десять лет, и это они принимали в расчет. Если бы они знали, что получат «вышку», они бы, возможно, на дело и не пошли. Государство их просто обмануло».

«…Для Володи важной была судьба бедолаг-валютчиков, - пишет Усольцев. - Он словно сам себя ощущал на одной скамье с ними. Мне вскоре стало ясно, что Володя - юрист до мозга костей, не приемлющий нарушений принципов права. От Володи я и узнал, что формула «закон обратной силы не имеет» была введена еще в Древнем Риме».

Интересно, почему же этого «юриста до мозга костей», не взволновало и не возмутило, что тот же самый принцип, провозглашенный еще древними римлянами, был начисто проигнорирован нашими служителями Фемиды при суде над тем же руководителем ЮКОСа и его коллегой Платоном Лебедевым: ряд обвинений по неуплате налогов, предъявленных им, как раз опирался на изменения налогового законодательства более поздние, чем те правонарушения, которые они будто бы совершили?

Как должна быть устроена «правильная» власть

Едва ли не на каждой странице книги Усольцева встречаются откровения тогдашнего Володи, которые хочется сопоставить с тем, что делал Володя-президент. Вот автор приводит свой разговор с ним, касающийся «американской угрозы», тогдашней рейгановской затеи с пресловутой программой СОИ, с подготовкой к «звездным войнам». Автор признается, что был обеспокоен этими угрозами, а его коллега «сохранял полное спокойствие».

«- Зря ты волнуешься, - говорил Путин своему сослуживцу. - Нам нечего опасаться.

- А с чего у тебя такая уверенность?

- Да с того, что Рейган там (в США. - **О.М.**) еще мало что значит. Даже если он сойдет с ума, войну американцы не развяжут.

- ???

- Видишь ли, В ШТАТАХ ЕСТЬ ОТЛИЧНО СБАЛАНСИРОВАННАЯ СИСТЕМА ПРОТИВОВЕСОВ, ЗАЩИЩАЮЩАЯ ОТ САМОДУРА ВО ВЛАСТИ (выделено мной. − **О.М.**)… Важнейшие государственные решения там принимаются лишь при согласии конгресса и сената (правильнее было бы сказать: обеих палат конгресса − палаты представителей и сената. - **О.М.**), нередко и Верховный суд проверяет принятые решения на соответствие конституции. Один Рейган чокнуться может, но не весь же Капитолий! А люди там разумные, поймут, что война ничего хорошего не принесет.

- В общем-то, оно так, но какого хрена они с этими «Першингами» и «звездными войнами» выпендриваются? Это ведь все с позволения Капитолия!

- Ну, ты даешь! Это же они нас боятся. У НИХ ЕСТЬ МЕХАНИЗМ ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ БЕЗУМИЯ, А У НАС (выделено мной. − **О.М.**)? Хорошо Горбачев - вроде бы разумный мужик, а вдруг инфаркт и завтра придет какой-нибудь обалдуй из Политбюро? Какая на них надежда? Кто их остановит? Верховный Совет, что ли? Вот американцы и вынуждены демонстрировать: «Только суньтесь!»…

Для юриста Володи все было предельно ясно. А я впервые в жизни услышал об уравновешивании противовесов в государственном механизме, или о балансе ветвей власти».

Ну, действительно, все понимал юрист Володя. Абсолютно все! Остается лишь удивляться, что при таком вот глубоком понимании, как должна быть устроена «правильная» власть, он, став президентом, в одночасье вроде бы все позабыл, сделал

все наоборот: отказался от принципа разделения властей - фактически ликвидировал парламент, подмял под себя судебную систему, губернаторов; пошел и дальше - придушил прессу, стреножил оппозицию… Взамен всего построил пресловутую «вертикаль власти», то есть авторитарную систему управления, когда все решает - ну, может быть, при подсказке ближайшего узкого круга доверенных советников - один человек. Один! Он сам, Володя Путин! А как же «сбалансированная система противовесов, защищающая от самодура во власти»? Наверное, тут, как всегда, действовала уверенность: самодуры - это где-то там, в иных далеких землях; я-то ведь не самодур, - это же все знают и все понимают, - не стану им ни при каких обстоятельствах, так что все могут быть спокойны.

А что если случился бы тот самый инфаркт? Ну да, понятно: президентом у нас был спортсмен и все такое прочее. Но ведь инфаркты случаются и у спортсменов. Или еще: что если у него произошло бы что-нибудь с головкой, то самое - если бы он «сошел с ума» и захотелось бы ему этак играючи нажать на ядерную кнопку? Кто бы его остановил? Кто его «сбалансировал»?

Кстати, тогдашнюю схему володиных рассуждений вполне можно было бы применить и для объяснения многих позднейших действий американцев, укреплявших уже в пору его президентства свою и своих союзников обороноспособность: «Это же они нас боятся. У них есть механизм предотвращения безумия, а у нас?»

Но он словно бы забыл о тех своих давних рассуждениях, не уставал толковать об агрессивности США и НАТО, об их стремлении к мировому господству. Помните: «Товарищ волк слушает и кушает»?

Но речь здесь даже не о самодуре, не о каких-то крайних клинических случаях. Как же это Володе-президенту не приходило в голову, что одному человеку - без парламента, без оппозиции - вообще невозможно принимать правильные решения, касающиеся управления огромной, слабо реагирующей на управленческие сигналы (за

исключением самых глупых и вредных) страной? Это при том, что, если верить Усольцеву, Володя-кагэбэшник дрезденской поры все это как дважды два понимал.

Поклонник Гоголя и Щедрина

Из литературных пристрастий Володи Путина Усольцев отмечает его любовь к произведениям Гоголя и Салтыкова-Щедрина. Будущий президент, например, часто к месту, в каком-нибудь разговоре вставлял полюбившуюся ему реплику гоголевского Собакевича: «Все христопродавцы. Один там только и есть порядочный человек: прокурор; да и тот, если сказать правду, свинья». Что касается другого бичевателя российского жизнеустройства - Салтыкова-Щедрина, − Путин с Усольцевым в задушевных беседах «часто отмечали, насколько злободневной была сатира этого писателя в век брежневского застоя».

Неужто после, став президентом, Володя не видел, как злободневна эта сатира в дни его собственного правления? И неужто он не видел - ослеп? - какими христопродавцами, «порядочными свиньями» он насытил все властные структуры, начиная с собственного президентского окружения?

Непоколебимый сторонник частной собственности

В Дрездене в беседах с приятелем Володя Путин проявил себя как непоколебимый приверженец принципа частной собственности, четко видящий ее неоспоримые преимущества перед собственностью «общественной», которую всегда навязывали людям коммунисты. Эти преимущества советские «бойцы невидимого фронта», дислоцированные в ГДР, могли лицезреть воочию: в отличие от того же СССР, у восточных немцев хватило ума не ликвидировать частников под корень, сохранить в их владении автомастерские, парикмахерские, пекарни, мелкие строительные фирмы, которые пользовались у людей несопоставимо большей популярностью, нежели государственные, поскольку гарантировали качество.

(Кстати, в интервью лондонской «Санди Таймс» 11 марта 2001 года один из бывших агентов, которого «курировал» Володя Путин, утверждает, что его «куратор», когда пришло время расставаться, - это был январь 1990-го, - признался ему, что не хочет возвращаться в Россию: «Его беспокоила сложившаяся там политическая ситуация, и он привык жить в ГДР»).

«…Частная собственность, - говорил, по свидетельству Усольцева, его приятель-сослуживец, - является естественным элементом сути человеческой личности. Каждый из нас ведь стремится иметь в собственности самые ценные для себя вещи. Самые праведные коммунисты никогда не забывали и не забывают свои личные потребности, и они бывают у них очень даже не слабые. И ЧАСТНЫЕ ФИРМЫ РАБОТАЮТ ВСЕГДА ЛУЧШЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ (выделено мной. – **О.М.**) Если пытаться создать право без учета этого естественного человеческого свойства, толку не будет, и мы это видим воочию».

По словам Володи, стремление работать на себя и на своих потомков, а не на абстрактное «общество» - это закон природы. Если он нарушается, если человека заставляют трудиться ради «общественных» интересов, он будет «тянуть лямку для видимости да пьянствовать, что мы и видим вокруг».

Все понимал Володя Путин (хотя, разумеется, эти свои взгляды нигде публично не афишировал). Интересно, куда делось это понимание, когда при Путине-президенте началась широкая кампания деприватизации, огосударствления предприятий, когда право собственности стало повсюду попираться прожорливыми чиновниками, когда вместо частных компаний везде, как грибы после дождя, стали возникать неэффективные, неповоротливые монстры − госкорпорации-монополии?

Тайный единомышленник Сахарова и Солженицына

Еще одна забавная вещь: дрезденский Володя Путин - не забудем, сотрудник КГБ, - сочувственно относился к диссидентам и правозащитникам, по крайней мере,

наиболее известным, о которых, среди прочего, они с Усольцевым вели свои вечерние разговоры. Так, Сахаров, которого в то время, в начале перестройки, все еще всячески поносили, особенно его «друзья» из КГБ, был для Володи Путина «абсолютно понятен». По мнению будущего президента, «академик был просто последовательным до конца, отстаивая основы цивилизованной жизни - права человека и демократию». Так же было и с Солженицыным: он пользовался у Путина «особым почтением».

Куда это все девалось (если было в действительности, если Усольцев ничего тут не приукрашивает), когда Путин въехал в Кремль? При нем преследования правозащитников и диссидентов, постепенно нарастая, почти достигли уровня брежневских и андроповских времен. А утверждение, будто российский президент считает права человека и демократию «основами цивилизованной жизни», опять-таки можно было воспринимать разве лишь как шутку.

Борис Немцов однажды точно заметил: если слову «демократия» предшествует некий эпитет, - значит, это не демократия. Так вот при Путине перед этим словом снова появился эпитет: прежде, при коммунистах, был - «социалистическая», теперь - «суверенная». То есть какая-то особенная, не такая, как на Западе и повсюду в нормальных странах, «учитывающая российскую историю и российские традиции». Какие же это традиции - Ивана Грозного и Малюты Скуратова, что ли? Да, были на Руси такие «демократы». И еще много подобных им было. А вот подлинных демократических традиций что-то я не припомню. Отсутствовали они в российских пределах.

Правда, с Солженицыным Путин-президент подружился − время от времени встречался, доверительно беседовал, награждал, − но к тому моменту сам Солженицын был уже совсем не тот, что во времена «Архипелага ГУЛАГа» и советской опалы.

«Царь - хороший, бояре - плохие»

Как уже говорилось, к моменту, когда Усольцев заканчивал свою книгу, в путинской России уже появилось бессчетное число признаков тотального свертывания и удушения демократии. Но Усольцев уверен: нет, не может быть, чтобы это была целенаправленная политика «хорошего парня», «демократа», «юриста до мозга костей»! В таких случаях стандартное объяснение происходящего: во всем виноваты высокопоставленные подхалимы и ж…лизы, желающие угодить начальнику. В общем, как говорится, «царь - хороший, бояре - плохие». В этом все дело.

Вот, например, сняли с эфира сатирические программы Шендеровича. Причем здесь президент? Усольцев убежден, что Володя Путин «с симпатией и удовольствием» смотрел эти программы. Это «магнаты СМИ» перестраховались: как бы на фоне неслыханной популярности президента, «граничащей с идолопоклонством», сатира Шендеровича не показалась кому-нибудь «неадекватно резкой» и даже несправедливой, как бы не вызвала у кого-нибудь раздражения. Поэтому взяли и сняли. Так что вместе со всеми и Володя пострадал. Как телезритель. Лишили его любимых передач. Бедный, бедный Володя!

Последнее напутствие бывшего дрезденского сослуживца-шпиона своему другу, естественно, касается самого главного:

«Володя, оставайся собой и не забывай Право. По-моему, ты всегда понимал, что Право реализуется лишь в обществе СНГ (Свободных Независимых Граждан), в котором государство исполняет скромную роль слуги...»

Не услышал Володя-президент этого смиренного напутствия, посланного из Чехии, из «деревеньки Г.», где тогда, в июне 2003-го, проживал его бывший коллега. Вновь, как это почти всегда бывало в нашем отечестве, упорно принялся наш очередной правитель ставить на первое место полицейско-бюрократическое

Государство, а номинально «свободным, независимым» гражданам отводить роль бессловесных рабов.

УНИЧТОЖЕНИЕ СВОБОДЫ СЛОВА

Главная задача − прибрать к рукам СМИ

Путин начал прибирать к рукам средства массовой информации, − прежде всего, негосударственное телевидение, − уже довольно скоро после своей инаугурации. Разумеется, в открытую о своих намерениях он нигде не говорил − напротив, вновь и вновь повторял слова о том, что независимая пресса – необходимый элемент демократии. Но это была дежурная риторика.

В частных разговорах с некоторыми из тех, кто с ним мог общаться неформально, он, как я слышал, свое желание стреножить телевидение объяснял примерно так:

− Вы хотите, чтобы к концу моего президентства они сделали из меня то же самое, что сделали из Бориса Николаевича?

Надо признать, наши телевизионщики, в самом деле, славно потрудились, чтобы прочно запечатлеть в сознании российского обывателя образ Ельцина как алкаша, клоуна, недееспособного недотепу…

Но в действительности, конечно, Путин ставил для себя задачу более широко: все управление государством должно вестись из одного командного центра, то есть из Кремля, а потому и все самые значимые СМИ, − опять-таки, в первую очередь, телевидение, − должны подчиняться Кремлю, и никому другому.

Начало атаки на ТВ

Операцию по укрощению телевидения решили начать с НТВ, − пожалуй, наиболее «вольнодумствующей» телекомпании. В качестве зацепки избрали солидный − в несколько сот миллионов долларов − долг перед «Газпромом», который в ту пору имелся у «Медиа-Моста» (глава холдинга Гусинский взял этот кредит для создания спутникового телевидения). Сам кредитор никаких претензий должнику вроде бы не предъявлял, − существует договор, намечены сроки выплаты денег, − но… нажать на тогдашнего главу «Газпрома» Вяхирева для Кремля было делом совсем нетрудным.

В операции по захвату «Медиа-Моста» впервые была опробована схема, которая не раз будет использоваться и в дальнейшем. Единым фронтом тут выступили Кремль, Генеральная прокуратура, суд. Впрочем, Кремль оставался в тени, так сказать, в качестве «певца за сценой». Но, на самом деле, конечно, не в качестве певца, а в роли главного дирижера.

13 июня 2000 года Гусинского арестовали и отправили в Бутырку. Санкцию на арест дала Генпрокуратура − в рамках уголовного дела, пока еще вроде бы никак не связанного с финансовыми отношениями между «Медиа-Мостом» и «Газпромом»: было объявлено, что Гусинский подозревается в том, что «в результате ряда незаконных действий» он вместе с некоторыми руководителями компании «Русское видео» «безвозмездно изъял из собственности государства имущество на сумму не менее 10 миллионов долларов».

По поводу ареста Гусинского начался большой шум в прессе, нашей и зарубежной, ряд организаций, известных политических деятелей выступили с протестами против этой акции.

Забавно, что Путин, который в тот момент находился в Мадриде, на соответствующие вопросы заявил, что арест Гусинского стал для него «неожиданным событием» и обещал разобраться, в чем тут дело.

Однако еще забавней, что позднее Путин сообщил: он-де никак не может связаться по телефону с генпрокурором Устиновым.

Об этом фантастическом эпизоде, − президент страны не может разыскать генпрокурора, − позже многие не раз вспоминали с усмешкой…

Впрочем, в этот же день Путин выказал достаточно полную осведомленность об отношениях между «Медиа-Мостом» и «Газпромом», сказав, что, по его сведениям, Гусинский «много средств взял под гарантии «Газпрома» и что несколько недель назад он не вернул «Газпрому» очередной кредит в 200 миллионов долларов». «Почему «Газпром» должен тратить деньги на эту проблему, мне непонятно», − заметил Путин. При этом он выразил недоумение в связи с тем, что представители государства в «Газпроме», − а их в правлении компании несколько человек, − не проявляют по этому поводу никакой активности. Надо полагать, имелось в виду, − почему не возражают против нецелевого использования денег.

Тут, пожалуй, стоит упомянуть еще об одном событии. Сразу же после ареста Гусинского, на следующий день, пресс-служба «Газпрома» заявила, что «Газпром» «не имеет никакого отношения к возбужденному прокуратурой уголовному делу».

Вот опять: кредитор не предъявляет никаких претензий к должнику; их по собственной инициативе (точнее, конечно, − по команде Кремля) предъявила Генпрокуратура.

Но, разумеется, после упрека Путина в адрес «Газпрома» его глава Вяхирев, будучи человеком дисциплинированным, сразу же встал по стойке «смирно» и заявил журналистам: он, дескать, «не исключает», что, когда вернется в Москву (он в тот момент находился в Берлине), у него состоится встреча с Владимиром Путиным по вопросу о кредитах «Газпрома» холдингу «Медиа-Мост».

Встреча Путина с Вяхиревым состоялась еще до возвращения газпромовского руководителя в российскую столицу − в том же Берлине, куда Путин приехал из Мадрида.

Короче говоря, глядя на хронологию этих событий, вновь и вновь приходишь к выводу: инициатором «наезда» на «Медиа-Мост» был именно Путин, −

Генпрокуратура начала действовать либо по его прямому указанию, либо по указанию кого-то из руководителей его администрации. При этом главу «Газпрома» Вяхирева даже не посчитали нужным предупредить о начале операции, справедливо полагая, что никуда он не денется, будет делать то, что ему прикажут.

Ельцин не хочет вмешиваться…

Еще одно примечательное событие, относящееся к начальному этапу гонений на «Медиа-Мост»: 16 июля руководители входящих в этот холдинг изданий, телекомпании НТВ и радиостанции «Эхо Москвы» попытались встретиться с бывшим российским президентом Борисом Ельциным, попросили его о такой встрече. Ее целью, как представляли себе журналисты и как публично заявил о том главный редактор «Эха Москвы» Алексей Венедиктов, было − «узнать оценку Ельциным ареста Владимира Гусинского». При этом Венедиктов заметил, что «они не собираются жаловаться Ельцину, поскольку тот не является государственным деятелем».

Это был первый случай обращения к Борису Николаевичу в попытке найти у него какую-то, хотя бы косвенную, защиту от произвола, творимого его преемником.

Ельцин, разумеется, уклонился от этой встречи, полагая, что он не вправе каким бы то ни было образом вмешиваться в такие дела.

Гусинского неожиданно освобождают…

16 июня Гусинского неожиданно выпустили из Бутырки, взяв с него подписку о невыезде, так что пробыл он в СИЗО недолго − всего четыре дня.

После этого, однако, начались допросы, обыски, изъятие документов…

19 июля Генпрокуратура наложила арест на имущество Гусинского − подмосковный загородный дом и землю, на которой он расположен, на все, что находится внутри дома…

Однако 27 июля с Гусинского, опять-таки неожиданно, сняли подписку о невыезде, после чего он выехал за рубеж. Уголовное дело по «Русскому видео» в отношении него было прекращено.

Чем же объяснить этот внезапный, благоприятный для главы «Медиа-Моста» поворот судьбы? Дело стало проясняться лишь некоторое время спустя, когда над Гусинским стали вновь сгущаться тучи. 18 сентября «Газпром» опубликовал заявление, в котором говорилось, что «Медиа-Мост» должен ему 473 миллиона долларов и что 20 июля 2000 года с Гусинским был заключен «конфиденциальный» договор о продаже «Моста» «Газпрому» за 773 миллиона долларов, включая сюда эти самые 473 миллиона долларов долга и сверх того − 300 миллионов «живых денег».

Однако, говорилось в заявлении, 9 сентября Гусинский отказался от этого самого «секретного» договора и начал переводить активы холдинга за границу. В связи с этим «Газпром» (теперь уже сам «Газпром»!) собирается обратиться в Генпрокуратуру…

Руководители «Медиа-Моста» возражали: на данный момент они задолжали «Газпрому» лишь 211,6 миллиона долларов, срок выплаты остальных денег еще не наступил…

Соглашение, подписанное «под дулом пистолета»

В тот же день, 18 сентября, Гусинский сделал сенсационное заявление: по его словам, упомянутое соглашение с «Газпромом» от 20 июля не имеет юридической силы, поскольку он вынужден был его подписать «под давлением»: в обмен на «продажу» «Медиа-Моста» ему гарантировали, что он не вернется в Бутырку, и вообще освобождали от уголовного преследования.

− Если Генпрокуратура может просто так возбудить уголовное дело, а потом его закрыть, то это, совершенно очевидно, факт государственного рэкета, − сказал Гусинский.

В подтверждение этих слов «Медиа-Мост» опубликовал «секретное» приложение к «конфиденциальному» соглашению от 20 июля. Суть этого приложения как раз и заключалась в разъяснении: договор «Медиа-Моста» с «Газпромом» об урегулировании задолженности был подписан фактически в обмен на свободу Гусинского. Впрочем, «гарантии безопасности, защиты прав и свобод, включая обеспечение права свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, свободно выезжать за пределы Российской Федерации и беспрепятственно возвращаться» в этом приложении предоставлялись не только Гусинскому, но и другим акционерам «Моста» (словно бы эти права и свободы не гарантированы российской Конституцией).

Такое «секретное» приложение-примечание-разъяснение живо напомнило пресловутый пакт Молотова − Риббентропа.

Под приложением стояли подписи не только представителя одной из договаривающих сторон − руководителя «Газпром-Медиа» Альфреда Коха, но и представителя власти − министра печати Михаила Лесина, видимо, как гаранта, что Гусинский и его коллеги теперь действительно не будут преследоваться.

Это был, конечно, уникальный документ: ты нам отдаешь свою собственность, а мы тебя выпускаем из тюрьмы! Не знаю, понимали ли это Лесин и Кох, когда подмахивали бумагу. Впрочем, они, по-видимому, в тот момент были озабочены лишь одним − поскорее решить задачу, поставленную перед ними Путиным. Другое их мало занимало.

Естественно, после этих заявлений в прессе поднялся большой шум: что это такое, как можно на государственном уровне заключать такие действительно рэкетирские соглашения! Но никаких серьезных практических последствий этот шум, как и дальнейшие акции общественности, обращения к Путину и т.д., не имел. Дело было сделано, НТВ и другие СМИ, входящие в «Медиа-Мост», перешли во владение «Газпрома», то есть фактически под руку государства.

Путин как «юрист до мозга костей», безусловно, мог бы сказать тут свое веское слово, повлиять на ход событий, но если он что-то в таком роде кому-то и говорил (в том смысле, что, ребята, больно уж топорно вы все делаете), ни к каким реальным последствиям это не привело. Поскольку, как уже говорилось, было понятно, что за всеми этими событиями стоит никто иной как сам Путин.

Вслед за НТВ − ОРТ

С Березовским и ОРТ поступили еще проще. Изображать «спор хозяйствующих субъектов» не потребовалось. По словам Бориса Абрамовича (которым можно верить), в конце августа 2000 года «высокий чин» в Администрации президента (надо полагать, Волошин, больше некому) предъявил ему ультиматум: в течение двух недель передать «в управление государству» контролируемый им, Березовским, пакет акций ОРТ «или отправиться вслед за Гусинским». «Президент сам хочет управлять ОРТ», − будто бы сказал ему этот «высокий чин».

Вот такая бесхитростная экспроприация. Если в случае с НТВ зацепились за долги медиа-холдинга, придали делу хотя бы видимость законности, то в случае ОРТ никакой такой маскировки не было: отдай и все, и катись к такой-то матери!

Сам Березовский полагал, что причиной предъявленного ему ультиматума стало недовольство Путина тем, как ОРТ освещало события, связанные с аварией подводной лодки «Курск». В действительности, конечно, «Курск», скорее всего, стал лишь последним толчком, побудившим Путина принять меры к отъему первого канала у Березовского. Если бы не было «Курска», отняли бы и так, поскольку, как уже говорилось, была намечена четкая линия на то, чтобы поставить под полный контроль Кремля все центральные телеканалы. Вслед за НТВ наступила очередь ОРТ.

Какое-то время Березовский еще трепыхался − взывал к самому Путину, к общественному мнению.

− Президент Путин сконцентрировал в своих руках всю политическую власть в России, − заявил он на одной из встреч с журналистами. − Он сделал это быстро и, мне кажется, очень неразумно. Остался последний шаг, по существу. Это − концентрация информационной власти в его руках. Я считаю, что если здесь не будет ему поставлен заслон, то дальше пропасть неминуема. На этот счет есть сколько угодно исторических примеров.

Березовский попробовал передать контролируемый им пакет акций ОРТ в управление журналистам и «другим представителям творческой интеллигенции», однако, в конце концов, Кремль установил полный контроль и над первым каналом.

Вольница ельцинских времен закончилась.

Информация должна быть… безопасной!

Следующим шагом на пути стреноживания прессы было принятие «доктрины информационной безопасности России». В этой доктрине декларировались четыре «основные составляющие национальных интересов». Среди них была и такая: «Информационное обеспечение государственной политики, связанное с доведением до российской и международной общественности ДОСТОВЕРНОЙ (выделено мной. − **О.М.**) информации о госполитике России, ее официальной позиции по социально значимым событиям российской и международной жизни».

Таким образом, чиновники присваивали себе монопольное право определять, какая информация достоверная, а какая недостоверная. Если ты даешь «недостоверную» информацию, − стало быть, наносишь урон безопасности страны. Информационной безопасности. Стало быть, ты становишься кем-то вроде диверсанта…

Путин - «враг прессы»

В конце апреля 2001 года организация «Репортеры без границ» опубликовала список так называемых «врагов прессы». В этот черный список попали руководители тридцати стран, где, по мнению этой влиятельной международной организации, хуже всего обстоит дело со свободой слова. Попал в него и Путин - вместе с президентами Белоруссии и Ирака Александром Лукашенко и Саддамом Хусейном, кубинским лидером Фиделем Кастро, китайским руководителем Дзянь Дземином, духовным лидером афганских талибов муллой Омаром…

Хорошая компания.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОВЕТСКОГО ГИМНА

«Союз нерушимый республик свободных…»

В начале декабря 2000 года Госсовет - непонятная, не предусмотренная Конституцией властная структура - по предложению Путина принял решение о российской государственной символике: флаг - «триколор», герб - двуглавый орел… Однако самое примечательное: в качестве основы для российского гимна приняли музыку Александрова, то есть музыку советского гимна.

Это, пожалуй, был первый, наиболее заметный шаг Путина по возвращению в советское прошлое. Полностью туда вернуться он, я думаю, никогда не планировал, но отдельные, по крайней мере, символические фрагменты рухнувшей империи, по-видимому, считал полезным оттуда позаимствовать ради восстановления «имперского величия» доставшейся ему в полновластие державы.

Полезным это было для Путина и с точки зрения текущей политической конъюнктуры: опросы показывали, что большинство российского населения поддерживает идею восстановления советского гимна. Последовать воле большинства - значит еще более повысить свой рейтинг, укрепить свою популярность.

Протесты демократов

Демократическое меньшинство, естественно, протестовало. В Думе против александровского гимна выступили СПС и «Яблоко». По словам лидера думской фракции СПС Бориса Немцова, Путин совершил «крупномасштабную ошибку», поддержав музыку бывшего гимна СССР в качестве мелодии нового гимна России, и

эта ошибка «будет иметь крайне неприятные для страны последствия - раскол общества, пусть и на очень неравные части».

5 декабря в «Известиях» появилось протестующее письмо деятелей литературы и искусства. По словам авторов, никакой новый текст (нового текста еще не было) не сможет стереть намертво приставшие к музыке Александрова слова, прославляющие Ленина и Сталина. До того, как Сталин выбрал эту мелодию для государственного гимна, она была «Гимном партии большевиков», напоминали авторы обращения.

«Затея возвратить в государственный обиход музыку бывшего советского гимна вызывает у нас отвращение и протест, - говорилось в письме. - Глава государства должен ясно осознавать, что миллионы сограждан, включая голосовавших за него, никогда не станут уважать гимн, попирающий их убеждения и оскорбляющий память жертв советских политических репрессий».

Письмо подписали Олег Басилашвили, Владимир Васильев и Екатерина Максимова, Александр Володин, Галина Волчек, Валентин Гафт, Кирилл Лавров, Евгений Миронов, Ольга Остроумова, Глеб Панфилов, Андрей Петров, Борис Стругацкий, Валерий Тодоровский, Мариэтта Чудакова, Михаил Чулаки, Юрий Шевчук и группа «ДДТ», Родион Щедрин, Майя Плисецкая и другие.

С аналогичным письмом выступил Союз писателей Москвы. «Происходит невероятное, дикое, - писали авторы, - нас, свободный народ, хотят заставить снова славить Сталина. Уступая силам реванша, президент Путин соглашается восстановить сталинский государственный гимн - с подгонкой слов под двуглавого орла. О таком подарке сторонники большевизма и не мечтали… Восстановление гимна СССР в качестве официального символа Российской Федерации для страны, потерявшей на большевистском опыте над народами десятки миллионов граждан, - кощунство…»

«Мой организм отторгает эту музыку»

Из хора протестующих голосов можно, пожалуй, выделить еще три - писателя-сатирика Михаила Жванецкого, телеведущего Владимира Познера и председателя комиссии по реабилитации жертв политических репрессий академика Александра Николаевича Яковлева.

Жванецкий:

- Это первый раз, когда я категорически не согласен. Я думаю, всякий раз, когда будет звучать этот гимн, будет происходить как будто какое-то выделение желудочного сока. Произойдет какое-то отторжение организмом этой музыки. Я не знаю, как это будет происходить, но вот уже сейчас начинается этот протест. Я уже себя почувствовал как при советской власти. Вот сейчас я уже почувствовал какое-то такое напряжение внутри, где уже что-то начинается то, что со мной было раньше.

Познер:

- Я не понимаю президента, не понимаю его совершенно! Как ни крути, этот гимн ассоциируется с Советским Союзом. С Советским Союзом! Президент говорит: неужели ничего там не было, кроме лагерей и террора? Было. Но были и лагеря, и террор. Также и в гитлеровской Германии, кроме концлагерей и газовых камер, тоже кое-что было. Это не довод. Это во-первых. Во-вторых, вообще неприлично брать гимн - музыку, слова на которую были вместе сочинены двумя авторами, - а потом отнимать, вынимать оттуда слова авторов и всовывать другие. То есть, вот перчатка, а рука теперь будет другая. Это просто неприлично. И в-третьих. Люди, которые говорят, что музыка не бывает политической, делают ошибку. Скажем, «Дойчланд, Дойчланд, юбер алес» - это политическая музыка, из-за того, когда это было рождено и на какие слова. И ничего после этого сделать нельзя. Я бы мог еще очень много чего сказать. Для меня абсолютно однозначный довод, что это никогда моим гимном не будет, что я никогда

петь это не буду. И более того, я не буду вставать под этот гимн, потому что для меня это оскорбление в отношении всех тех, кто в ту эпоху совершенно несправедливо был уничтожен, бежал из страны. И до сих пор в нее не возвращается.

Как подумаешь: каким храбрым был Познер в конце 2000 года. Просто не верится.

Александр Николаевич Яковлев:

- Так не уважать свое прошлое, так не иметь христианского чувства покаяния - это значит, еще раз подтвердить, что мы в очень затяжном духовном кризисе, начиная с 1917 года. Никак не можем прийти в себя и никак не можем сделать шаг к человечеству… Я, пока жив, музыку эту - она, может быть, и хорошая, даже скорей хорошая, да разве в этом дело? - ни петь не буду, ни вставать под нее не буду. Это не мой гимн. Это гимн чужой страны не по названию даже, а другой страны по содержанию. Мы - новая страна, мы - свободная Россия, мы хотим быть свободными людьми. Да как же это можно? А в личном плане это как будто вот ну плюнули в лицо и сказали, что ты не человек свободной страны и вовсе не свободный человек. Потому что кому-то плевать на твое согласие или несогласие, ты вообще ничего не решаешь.

Поддержка конформистов

Кремль без труда покрыл карту, брошенную демократами, собственной картой. Другая группа деятелей культуры, - видимо, по прямому заказу или по намеку властей, - выступила с контрписьмом, в котором выражался «одобрямс» сталинскому гимну.

«Предложенный главой государства «пакетный» вариант решения проблемы (флаг, герб и гимн. - **О.М.),** - говорилось в этом письме, - имеет, по крайней мере, одно очевидное преимущество, - соединяя в символике государства три символа разных

эпох, президент восстанавливает преемственность всей российской истории. Этот исторический компромисс может стать основой для укрепления гражданского согласия, так необходимого нам сегодня».

Под этим письмом стояли подписи людей, которые либо уже и раньше не однажды позволяли себе всякого рода не очень демократические выступления, либо в своей административной деятельности прямо зависели от благорасположения Кремля, либо в силу возраста и болезней, видимо, уже плохо ориентировались в происходящем. Среди прочих, за гимн проголосовали Тереза Дурова, Александр Калягин, Игорь Моисеев, Татьяна Доронина, Геннадий Хазанов, Георгий Жженов, Вячеслав Тихонов, Юрий Соломин, Зураб Церетели, Карен Шахназаров…

Выяснилось, что и патриарх Алексий II не против советского гимна (ранее в прессе появилось утверждение, что он против). Как заявил представитель православной церкви, его святейшество «никогда не отвергал возможность возвращения мелодии старого гимна, - он только говорил, что тема государственной символики должна не раскалывать общество, а объединять его».

Иными словами, все тут зависело от того, какой гимн считать «раскалывающим», а какой «не раскалывающим». Кремль утверждал, что советский гимн - не раскалывает, а объединяет общество. Противники этого гимна, - что раскалывает. Даже и не будучи сторонником того или иного варианта гимна, а рассуждая просто логически, без труда можно было придти к заключению: уже один тот факт, что людям напомнили о советском гимне, вновь поднял в российском обществе постепенно затухавшую волну противостояния; пока об александровском гимне людям не напоминали, пока в качестве гимна звучала «Славься!» Глинки, никакого особенного противостояния на «державно-музыкальной почве» не было. Если бы патриарх следовал этой простой логике, он, придерживаясь собственного принципа

«раскалывает - не раскалывает», должен был бы как раз воспротивиться советскому гимну. Однако он, как и в других подобных случаях, предпочел поддакнуть Кремлю.

Ельцин - против

Против возвращения советского гимна выступил Борис Ельцин.

- Я категорически против возвращения гимна СССР в качестве государственного, - сказал он в пространном интервью «Комсомольской правде». - Хрущев выкинул из гимна строчки об «отце народов», а мелодию оставил. При Брежневе опять что-то заменили в стихах, а теперь, значит, будет новая текстовка? Нет, такими вещами не шутят.

Это был уже второй случай, когда Ельцин публично выступил с критикой своего преемника. Ранее в интервью американской телекомпании Си-Би-Эс он сказал об «ошибке Путина», допущенной в тот момент, когда произошла катастрофа с подводной лодкой «Курск». По словам Ельцина, президент не должен был продолжать свой отпуск на Юге. То же самое он повторил и в упомянутом интервью «Комсомольской правде». По его словам, Путин ошибся, когда в августе после катастрофы подводной лодки «Курск» остался в Сочи на отдыхе, а не вернулся в Москву.

- В драматические моменты от главы государства ждут не технических советов и указаний, а человеческого сострадания, - сказал Ельцин. - Владимиру Владимировичу стоило выйти к народу со словами объяснения и сочувствия.

Увы, слова сострадания, объяснения и сочувствия, обращенные к народу, вообще не соответствовали путинскому стилю правления. Этим, в частности, его стиль отличался от ельцинского стиля.

Впрочем, пожурив Путина, Ельцин вновь подтвердил, что он не разочаровался в нем, что его ожидания, касающиеся преемника, «полностью оправдались».

По словам Ельцина, они регулярно встречаются с Путиным, тот заезжает к нему в гости перед работой по два раза в месяц, чтобы рассказать о делах и выслушать советы, - и «это правильно и полезно».

- Я прямо говорю президенту о его ошибках… - сказал Ельцин. - Правда, я знаю, что Путин всегда будет поступать по-своему, но именно это качество Владимира Владимировича − абсолютная внутренняя независимость, самостоятельность − и заставило меня в свое время сделать выбор в его пользу.

Такие относительно частые контакты первого и второго российского президента были только на первых порах. В дальнейшем они постепенно затухли. А когда и случались, были малосодержательными, дежурными. Путину явно не хотелось выслушивать советы и критику пенсионера, а Ельцину - давать советы, которые никак не воспринимаются.

«Допускаю, что мы с народом ошибаемся…»

Защищая свое решение вернуться к гимну на музыку Александрова, Путин вновь и вновь ссылался на то, что оно поддерживается большинством народа.

- Допускаю, что мы с народом ошибаемся, - говорил он, - но я хочу обратиться к тем, кто не согласен с этим решением. Я прошу вас не драматизировать события, не возводить непреодолимых барьеров, не жечь мостов и не раскалывать общество в очередной раз.

Вот опять - будто бы не он раскалывает общество, вытаскивая из нафталина советскую символику, а те, кто против этого возражает, кто с этим не согласен.

В случае с гимном Путин начал «обкатывать» идею, к которой он в дальнейшем станет обращаться не раз: дескать, нам следует гордиться российской историей, всей, без каких-либо изъятий, в российской истории не было совсем уж провальных моментов, в каждом периоде было и плохое и хорошее.

Еще слова по поводу гимна:

- Если мы согласимся с тем, что нельзя никак использовать символы предыдущих эпох, в том числе эпохи советской, то мы тогда должны признать, что целые поколения наших сограждан, наши матери и отцы прожили бесполезную, бессмысленную жизнь, что они прожили эту жизнь напрасно. Я не могу с этим согласиться ни головой, ни сердцем. В нашей истории уже был период времени, когда мы все переписали заново. Мы можем поступить таким образом и сегодня - можем заново переписать и флаг, и гимн, и герб, - но вот тогда-то уж точно нас можно будет назвать Иванами, не помнящими родства.

Ну да, быть Иванами, не помнящими родства, конечно, нехорошо, но почему бы в таком случае не заняться энергично восстановлением памяти о миллионах расстрелянных и сгинувших в сталинско-бериевских лагерях? Почему не вытащить на свет Божий имена десятков тысяч их палачей, не придать их имена анафеме и не принести громогласное искреннее покаяние за все содеянное бесчеловечной коммунистической властью? Почему вместо этого надо восстанавливать гимн, прославляющий самого мерзкого палача, какого только знала российская история, прославляющий его людоедский режим? Почему вместо того, чтобы раскрыть все архивы, рассказать всю правду о гнуснейшем периоде российской истории, четко отделить то хорошее, что тогда было, от самого мерзкого (после чего уж действительно

можно было бы гордиться хорошим), - почему вместо этого опять скрывать, замазывать и приукрашивать мерзость и при этом призывать «гордиться» этой сокрытой и приукрашенной мерзостью?

* * *

Кстати, по поводу слов Путина «Допускаю, что мы с народом ошибаемся»… Анатолий Чубайс в ответ на эти вроде бы «убойные» слова прямо заявил:

- Да, Владимир Владимирович, это как раз тот случай, когда вы с народом ошибаетесь.

Ельцин в том самом интервью «Комсомольской правде» поддержал Чубайса:

- Чубайс хорошо сказал по этому поводу. Президент страны не должен слепо следовать за настроением людей. Он, напротив, обязан активно влиять на них.

По словам Чубайса, «компенсировать советский гимн» Владимир Путин может только перезахоронением тела Ленина.

Путин не откликнулся на призыв Чубайса, - ничего компенсировать не стал. Советский гимн как звучал, так и звучит над российскими просторами, а Ленин как лежал, так и лежит в Мавзолее.

«Политика его не интересовала»

Можно ли считать, что Путин в самом деле испытывал какую-то ностальгию по советскому периоду российской истории, что он по зову сердца стремился вернуть Россию в то благословенное время? Вряд ли. В своей книге «Сослуживец» Усольцев

пишет, что майор КГБ «Володя-малый» не был ни ярым сторонником, ни, разумеется, активным противником коммунистического режима. Как уже говорилось, политика вообще стояла у него где-то далеко-далеко от круга его непосредственных жизненных интересов, в центре которых была его семья.

«Большой мир с большой политикой, к которой мы имели некоторое косвенное отношение, - пишет автор «Сослуживца», - Володю особо не занимал. Намного важнее для него была семья. Он как-то особенно нежно и предупредительно относился к своей молодой жене Люде и самозабвенно любил маленькую дочурку Машеньку. Вскоре после прибытия в Дрезден в семействе Путиных родилась вторая дочка, Катенька… Пожалуй, стоит отметить как особенность Володи, чем он отличался от всех нас, его исключительную привязанность к своим дочуркам. Приходя на обед, он не торопился сразу к столу, а прежде всего шел к Машеньке с Катенькой. Он охотно уклонялся от всяких экскурсий и коллективных мероприятий, иногда посылая на них свою жену Люду. Сам же он принимал вахту няни, находя в этом удовольствие».

Из окна служебной комнаты, где трудились два советских шпиона - Путин и Усольцев, - виден был двор детских яслей.

«Володя периодически, когда улучал свободную минутку для отдыха от писанины (из этой писанины, напомню, в основном и состоял труд дрезденских Штирлицев. - **О.М.**), высматривал своих дочек и обычно произносил: «А вот и Машенька. Ага, а вот и Катенька». Он улыбался, и настроение его явно взлетало вверх».

В общем, скажу еще раз, никакого принципиального несогласия с существовавшей советской действительностью, которое побудило бы его к каким-то активным протестующим действиям, у Володи не было.

«Почти все мы, поступавшие на службу в «вооруженный отряд партии», - пишет Усольцев, - были воспитаны этой же партией и были отравлены ее пропагандой. Будучи

порядочными людьми, не имели мы понятия о таких вещах, как, например, права человека. Существовавший порядок вещей казался нам вполне нормальным. Если в нем что-то нам и не нравилось, то казалось это все мелочью».

«Кое-что в советской действительности ему все же не нравилось»

Кое-что Володе Путину действительно не нравилось, и в частных разговорах, разговорах наедине он даже позволял себе говорить об этом вслух. Поскольку Володя, по аттестации Усольцева, был «юристом до мозга костей», не нравилось ему, в частности, как уже говорилось, вольное обращение с законами, которое позволяли себе коммунистические правители.

«С отчетливо видной болью, горячо и страстно, что для сдержанного Володи в общем-то совсем не характерно, − вспоминает Усольцев, − Володя как-то рассказал мне о посещении следственной тюрьмы в Ленинграде - знаменитых «Крестов». Там, где царский режим предполагал содержать подследственных поодиночке, в «либеральные» брежневские времена теснились не менее десятка заключенных по подозрению, то есть еще не признанных преступниками людей. В жуткой тесноте, испытывая тяжелейшие муки, многими месяцами и даже годами сидели бедолаги, совершившие зачастую малозначительные прегрешения. Вот эта несуразность больше всего возмущала Володю».

Считается, что Путин - горячий поклонник Андропова, сторонник стиля и методов его правления. Свидетельство Усольцева не подтверждает это:

«На очередном политзанятии шеф с ностальгией и с сожалением вспомнил не доведенную до конца андроповскую кампанию (когда ради «укрепления дисциплины» в рабочее время проводились облавы в кинотеатрах, магазинах, на рынках для выявления

и наказания прогульщиков. - **О.М.**). Вот тогда бы и перестройка не понадобилась! Мы с Володей тут же отреагировали в междусобойном разговоре, что шеф наш не настолько уж и мудр, раз поддерживает такую явную глупость. Володя видел в андроповской кампании много больше негативного, чем даже я. Для него была она прежде всего очередным беззаконием, а на нарушениях самих основ права ничего путного создать не удастся».

«Конформист-диссидент»

Вообще-то в той характеристике, которую Усольцев дает «Володе-малому», есть кое-какие противоречия. С одной стороны, всем сослуживцам Усольцева, стало быть, и Володе Путину, как мы помним, существовавший тогда порядок вещей казался «вполне нормальным»; если что-то в нем и не нравилось им, то «казалось это все мелочью», с другой, - и это мы тоже видели, − у Володи было немало достаточно серьезных претензий к этому самому «социалистическому» порядку, он вообще был убежден в неоспоримых преимуществах капитализма перед коммунизмом.

Усольцев признается, что после володиных вольнодумных откровений об этих преимуществах и он сам стал склоняться к тому, что «капитализм выглядит симпатичнее коммунизма, от которого повеяло могильным холодом».

«Хотя я еще и оставался в плену коммунистической догмы, - пишет Усольцев, - но отрицательных эмоций к Володе в связи с его обнажившимся антикоммунизмом я не испытал».

Ну вот, «обнажившийся антикоммунизм». А вы говорили, что коммунистические порядки Володя, как и другие его сослуживцы, считает нормальными, что претензии у него есть только к мелочам.

Впрочем, «обнажившийся» володин антикоммунизм обнажился разве что для Усольцева. Для кого еще, - неизвестно. В целом же Володя, естественно, продолжал придерживаться своего универсального принципа - «не высовываться», не говорить открыто о своих глубинных убеждениях. Напротив, на людях он всегда говорил то, что надо. Не смущаясь поддерживал, например, разговоры о «сионистском влиянии» на академика Сахарова… Впрочем, странно было бы, если бы он, сотрудник КГБ, находящийся на оперативной работе за границей, повел себя как-то иначе. Усольцев:

«В этом был весь Володя: зачем наживать неприятности, плюясь против ветра?»

С подачи шефа, его даже избрали секретарем парторганизации разведгруппы.

Что касается володиных «диссидентских премудростей», Усольцев считает, что Володя набрался их еще в Ленинграде, работая в 5-й службе КГБ, ориентированной на борьбу с «идеологической диверсией». Усольцев:

«Похоже, в этой борьбе на участке фронта, где оборону держал Володя, верх одержали «идеологические диверсанты».

Я-то не думаю, что от своих «идеологических противников» Путин подцепил какую-то особую «заразу диссидентства». Убеждения в том, что коммунизм есть абсолютно нежизнеспособная утопия, в Стране Советов придерживались многие, кто хоть немного был способен здраво размышлять и анализировать происходящее. Но это убеждение не мешало им добросовестно делать свое дело и «не высовываться», то есть, в конечном счете, служить коммунистическому режиму. Усольцев называет своего сослуживца «конформистом-диссидентом». Не знаю, насколько вообще оправданно в применении к Путину слово «диссидент», но уж в любом случае упор здесь надо делать на первом слове − на слове «конформист»: ну да, он способен был немного приподняться над средним мыслительным уровнем своих коллег-гэбэшников, но это

никак не отражалось на его поведении. И, думаю, никак не проявилось бы и в дальнейшем, если бы коммунистическая власть сохранилась.

Так или иначе, из воспоминаний Усольцева следует как минимум, что Путин вовсе не испытывал какой-то особой душевной, сердечной привязанности к советскому коммунистическому режиму, так чтобы эта сердечная привязанность заставила его, когда он стал президентом, волочить страну назад ко временам, когда этот режим существовал. Вместе с тем, он, без сомнения, испытывал привязанность к идее имперского, державного величия страны (хотя об этом в разговорах двух дрезденских «сокамерников» вроде бы речи не было; я, по крайней мере, этой темы в книге Усольцева не встретил). А поскольку никакой другой «великой державы», «великой империи», кроме Страны Советов, перед путинским мысленным взором не открывалось, то он и решил максимально приблизить подведомственную ему страну к этому образцу. Максимально, но не полностью. Полагая, что рубеж, где надо остановиться, для него достаточно ясен: этот рубеж в его представлении обозначала капиталистическая, рыночная экономика, которой чурались и чураются коммунисты, но которую признает единственно возможной, жизнеспособной сам Путин.

Кроме того, ностальгия по утраченной советской империи, которую испытывали и испытывают у нас многие, остается хорошим подспорьем для какого-то, пусть уже и не очень надежного, объединения народных масс. А необходимость такого объединения под своей дланью испытывает всякий политик, оказавшийся у власти.

Но уж на границе «демократия - отсутствие демократии» Путин точно не предполагал останавливаться в своем возвратном движении. Он легко переступил эту границу в сторону Совка, поскольку его очевидным убеждением было, что РОССИЙСКИЙ НАРОД ДО ДЕМОКРАТИИ НЕ ДОЗРЕЛ.

В ХОД ИДУТ «ДЕМОКРАТИЗАТОРЫ»

Кровавое побоище в Сочинском аэропорту

Пожалуй, одно из первых самых ярких свидетельств того, насколько неукоснительно при новом президенте будет соблюдаться священное Право, было представлено в октябре 2000 года в городе Сочи − в том самом, где, как мы теперь знаем, в 2014 году, на радость всей России, будет проходить зимняя Олимпиада. С момента инаугурации Путина тогда минуло лишь пять с половиной месяцев.

Все началось 20 октября примерно в полдень. В кафе сочинского аэропорта под названием «Анжелика» заглянули, как писала «Новая газета» со ссылкой на местную прессу, «трое посетителей, предположительно сотрудников охраны президента России» (напомню, что в одном из сочинских районов − Бочаров ручей − расположена резиденция президента; там как раз в этот момент находился Путин). Потом, впрочем, число заглянувших было уточнено: посетителей было не трое, а четверо.

− Ребята спортивные такие, крепкие, в штатском. Трезвые на вид, − рассказывала одна из свидетельниц происшествия. − Время было обеденное. Все места в «Анжелике» оказались занятыми. Они подсели за столик к двум женщинам. И стали требовать «кофе по-быстрому». Мол, торопимся на самолет и ждать не можем. Хотя времени до их московского рейса было еще часа полтора-два.

− Мужики, тут вообще-то очередь, - попробовал им объяснить кто-то из местных…

− Нас ваши очереди не касаются! − вроде так ответили крепкие на вид. − Слово за слово − и началась драка. Кто кого первым ударил, я не видела. Но свидетелей было много. Так что разобраться, кто виноват, будет легко...

Однако, как писал корреспондент «Новой газеты» Сергей Золовкин, «в банальной потасовке почему-то все оказалось запутанным и таинственным»: в местных

правоохранительных органах об этой драке и о более серьезных событиях, которые за ней последовали, странным образом никто ничего не знал…

А дальнейшие события были такие: уже вскоре после той драки в «Анжелике» к кафе на двух машинах − джипе и микроавтобусе − подлетели люди в камуфляже, тяжелых ботинках и масках. Часть из них оцепила кафе, остальные ворвались внутрь. Послышались стоны, хрипы. «Один из местных сумел выскочить наружу, прошмыгнуть через кольцо охранения и забежать во двор штаба управления аэропорта. Там его настиг человек в маске, подсечкой повалил на землю...»

Из рассказа одного из пострадавших во время того налета (цитируется опять-таки по «Новой газете»):

− Ворвались сразу восемь-десять человек в защитной форме без опознавательных знаков… У двоих из оцепления, по-моему, были даже автоматы наперевес. Все остальные − с дубинками... Я лично не принимал никакого участия в драке, которая произошла минут за тридцать до этого. Мы с другом и его женой там случайно оказались. Родственника встречали. К другу, который сидел лицом к входу, сбоку подскочил мужик в маске. Друг только приподнялся, хотел что-то спросить − и получил ботинком в пах. Упал головой о бетон. Его жена кинулась на помощь. Но «маска» оттолкнула ее так, что женщина отлетела к столику спиной и сильно ударилась об его край затылком. Со словами «Получи, чернож...й!» меня кто-то сзади трижды ударил по пояснице. По-моему, дубинкой. Я упал. И получил ботинком по голове... Когда пришел в себя, человек десять кое-как поднимались. У некоторых на лице была кровь. Кто-то за голову держался...

Продолжение − в ночном клубе

Дальнейшие, уже ночные, события (в ночь с 20 на 21 октября) Сергей Золовкин описывает, опираясь на рассказы нескольких очевидцев, которые просили их не

называть, и на свидетельство Александра Фроленкова, владельца популярного сочинского молодежного клуба «Экипаж-2000».

Около полуночи возле клуба появились «двадцать пять здоровенных лбов», которые, по свидетельству охраны, вместо того, чтобы купить входные билеты, «вытащили красные корочки с государственным гербом и отчетливой надписью «Служба безопасности президента».

Александр Фроленков самолично убедился в том, что пришельцы − именно из этой службы, увидев в качестве сопровождающего их Дмитрия Космина, своего давнего знакомого из местного подразделения ФСО.

«В дальнейшее трудно поверить, − пишет Золовкин. − Однако десятки людей наблюдали за хулиганством, выглядевшим примерно так.

0 часов 10 минут 21 октября. В зеркальном зале найт-клуба бесцеремонные гости сдвинули семь столов. И водрузили на них пятнадцать заказанных бутылок водки с ящиком сока «для запивки». На просьбу администратора заплатить «входные» двухметровый лейтенант спокойно ответил: «Зачем, когда мы уже здесь?» Еще через пять минут этот же верзила со товарищи собьют с ног и пока еще легко попинают трех местных парней. Вся «вина» потерпевших заключалась в том, что они подозрительно близко подошли к шеренге столов.

0 часов 30 минут. Встревоженный хозяин клуба в самых корректных выражениях пытается выяснить, в чем проблема.

− Да ни в чем, − глумится один из пьяных офицеров. − Мы сюда прилетели, чтобы − научить вас бояться. За водку не заплатим. Но морды всем набьем.

Свою угрозу амбал подкрепил несколькими ударами в корпус и голову Фроленкова.

По своему сотовому Александр Михайлович запросил подкрепление. Но дежурный местного ОМОНа лишь развел руками: «Нас здесь сейчас всего шестеро. А

их − двадцать пять». В Центральном райуправлении внутренних дел участливо посоветовали обратиться в ФСБ. К оперативникам из местной «девятки».

За последующие пятнадцать минут разбушевавшаяся президентская рать почти до бессознательного состояния избила еще добрый десяток ни в чем не повинных людей.

Жертв находили даже в туалетах.

1 час 20 минут. Из городского УВД, что через дорогу, наконец-то прибыли два автоматчика в бронежилетах. И дежурный офицер с пистолетом. Но наряд оценил обстановку и резонно не применил оружие. Ведь незадолго до этого один из избитых по имени Саша на крыльце пальнул из своего «газовика» в небо. После чего сразу шесть боевых стволов, выхваченных эсбэшниками из-под мышек, едва не изрешетили бедолагу. Разъяренные охранники схватили Сашу за руки и за ноги. И били об оконную решетку с такой силой, что несчастный получил множественные переломы на лице и теле. Сейчас парень в реанимации...

В ту безумную ночь едва не погиб и сын одного из главных борцов с местной организованной преступностью. Этот светловолосый молодой человек вместе с двумя коллегами по ночной группе оперативно-сыскного отдела на свою беду заглянул на дискотеку в любимой вязаной шапочке. К чему и придрался один из эсбэшников.

Оперативник и его коллега еще успели показать свои удостоверения. А также громко представиться. Но это не помогло. Последовал мощный удар в лицо, перебивший парню челюсть и сломавший переносицу.

Документы и оружие у милиционеров были отобраны. Сбитых с ног сотрудников ОСО сотрудники СБ заковали в наручники. И пристегнули к решеткам. Избивали ребят с таким озверением, что у потерявшего сознание сына начальника РУОПа для восстановления дыхания пришлось потом выкачивать из носоглотки кровь.

Третий осошник успел сделать несколько предупредительных выстрелов из своего табельного «Макарова». И вынужден был отступить. Только после этого мастера

кулачного боя немного пришли в себя. Но по дороге к своим автомобилям президентские охранники успели уложить на асфальт еще нескольких случайных прохожих».

И − тишина…

«И вот после всего этого и многого другого, − пишет корреспондент «Новой газеты» − могильная тишина на всех верхних этажах провинциальной правоохранительной системы!

− Похоже, что ко многим в Сочи действительно вернулся страх, − с горечью подытожил нашу встречу Александр Фроленков. − Безнаказанность и неподконтрольность столичных визитеров не только дискредитирует президента. Но и грозит всем нам диктатурой мясников».

Сергей Золовкин еще какое-то время продолжал расследовать сочинские события. «С момента кровавых побоищ в сочинском аэропорту и в некоторых увеселительных заведениях курорта никто из «силовиков» и отцов города открыто не промолвил ни слова… − говорилось в статье журналиста от 9 ноября 2000 года. − Одни трясутся за свою карьеру, другие − за свою жизнь. Я говорю о многих невинно избитых. Всего их, по приблизительным подсчетам, свыше трех десятков. Подавляющее большинство тех, с кем мне довелось побеседовать, совершенно не верят, что «президент отдаст под суд хоть кого-то из своего самого ближнего круга охраны».

Тем не менее, в «Новой газете» появлялись новые свидетельства и о том, что случилось 20 октября в аэропорту, и о том, что произошло в ночь на 21-е в ночном клубе «Экипаж-2000».

«Местный бизнесмен Сахалат 20 октября хотел отправить с оказией письмо в Казань. Он выпил чашку кофе в «Анжелике» и вышел на улицу. Успел отойти метров на сорок. Обернулся на крики. По его словам, рослые молодые мужчины были без масок и в особой черной амуниции.

– Человек десять – пятнадцать выскочило из джипа и микроавтобуса «Фольксваген»… - Кто-то из них был вооружен дубинками, кто-то автоматом с оптическим прицелом. Ни у кого ничего выяснять не стали. Били всех подряд. Молча и страшно били. По лицу, телу, ногам... Чаще всего с первого удара сбивали на землю. И потом лежачих пинали. Досталось не только мужчинам, но и женщинам. Даже какому-то ребенку лет семи крепко попало. Он с мамой был около кафе. И заплакал слишком громко. Какой-то амбал с пистолетом в руке дал ему пинка. Мальчик упал лицом вниз... Так продолжалось минут пять. Еще минут через десять «скорая» подъехала. Большие лужи крови были вокруг кафе и внутри. Кого-то погрузили в машину и увезли. Остальных врачи перевязывали. Раненых лично я видел человек семь – восемь. В их числе был даже какой-то иностранец...

– Я знаю этого грека. Он через Ростов возвращался к себе домой в Афины, – добавил другой свидетель. – Греку где-то лет за семьдесят. Старикан обедал в кафе. И угодил «под раздачу». Ему дубинкой разбили голову. Я сам видел, как деда, который весь был в крови, родственники еле дотащили до посадки...

Про бойцов «невидимого фронта» все подробнее рассказывают и в ночном клубе «Экипаж-2000». Кассирша этой молодежной дискотеки подтвердила, что вместо приобретения входных билетов за 125 рублей высокорослые атлеты в штатском предъявляли удостоверения сотрудников президентской охраны. Когда они приступили к избиению всех, кто попадался под руку, женщина обратила внимание на самого старшего по возрасту: «Было такое ощущение, что этот седовласый по рации координирует действия всех остальных...»

Все это происходило, напомню, осенью 2000 года. А книга Усольцева «Сослуживец», где автор упорно аттестует своего дрезденского друга «Володю-малого» (в их разведгруппе был еще и «Володя-большой») «юристом до мозга костей», вышла в Москве в начале 2004-го. Странно, что автор как бы ничего не слышал ни о сочинском

кровавом побоище, случившемся к тому моменту уже более трех лет назад, ни о других подобных событиях.

Впрочем, может, и не слышал: он ведь в ту пору, как уже говорилось, проживал в какой-то чешской «деревеньке Г.»

Ни какого-либо серьезного расследования сочинских событий, ни судебного разбирательства по их поводу не проводилось…

ТРАГЕДИЯ НА ДУБРОВКЕ

Чеченские боевики прерывают спектакль…

Одно из «ярких» трагических событий, которыми было ознаменовано путинское правление, - захват и «освобождение» заложников в Доме культуры подшипникового завода на Дубровке в Москве (еще его называют - театральный центр). 23 октября 2002 года группа чеченских боевиков, неведомо как проникшая в один из густонаселенных районов российской столицы, в камуфляже, с полным вооружением и взрывчаткой, вторглась в здание, когда там шел мюзикл «Норд-ост» по роману Каверина «Два капитана», и объявила заложниками зрителей и актеров - всего более 750 человек.

Как обычно в таких случаях, действия властей были топорными, нацеленными не столько на спасение невинных людей, сколько на уничтожение захватчиков. Никаких серьезных переговоров с боевиками не велось. Время от времени в здание добровольно входил лишь кто-то из известных деятелей, журналистов, о чем-то беседовал с Мовсаром Бараевым, - там звали чеченского главаря, - но всем было

понятно, что удовлетворить требования налетчиков их собеседники не в состоянии: соответствующими полномочиями они не располагают.

Одной из тех, кто на свой страх и риск вошел в захваченный чеченцами театральный центр и попытался вступить с ними в переговоры, была Анна Политковская. Человек, представившийся как старший среди боевиков, сообщил ей, что его группа, хоть и признает Масхадова президентом Ичкерии, но «воюет автономно», независимо от него. Таких в Чечне называли «индейцами». Собеседник передал Политковской требования боевиков: во-первых, Путин должен объявить об окончании войны в Чечне, во-вторых, в подтверждение серьезности своего обещания в течение 24 часов вывести из Чечни часть войск. После этого все заложники будут отпущены.

Однако ни ФСБ, ни Министерство внутренних дел этими требованиями не заинтересовались. По-видимому, к тому времени решение о штурме уже было принято.

На третий день осады утром в зрительный зал был пущен газ, который, по замыслу властей, должен был усыпить всех находившихся в центре, после чего спецназовцы «Альфы» и «Вымпела» штурмом взяли здание.

Однако многие, «уснувшие» под воздействием газа, так и не проснулись…

Живых и мертвых сваливали в одну кучу

Сначала было объявлено, что погибли десять - двадцать заложников. Затем московский мэр Юрий Лужков увеличил эту цифру до тридцати. Поскольку это был лишь небольшой процент заложников, ряд западных лидеров аттестовали операцию российских спецслужб как «впечатляющий успех».

Между тем журналисты, оказавшиеся возле театрального центра через несколько минут после штурма, сразу же насчитали более сотни тел, сложенных возле здания…

Все, кто наблюдал за процедурой «спасения», обращали внимание на то, что и живых, и мертвых, выносили из здания кое-как, без носилок, держа за руки и за ноги, и тут же сваливали в кучу. После выяснится, что находившихся без сознания, но еще живых людей нельзя было класть на спину, - многие погибли, задохнувшись из-за западания языка.

Впрочем, сразу же возникло подозрение, что многих выносимых из ДК мертвых пытаются выдать за живых. Сотрудник еженедельника «Версия» Андрей Солдатов, который в момент штурма находился в одной из квартир дома напротив театрального центра, так описывал увиденное:

«7.20. С площадки перед входом отъезжает первый автобус с заложниками. Через несколько минут из здания выносят какие-то тряпки и начинают набрасывать на тела. Надежды, что под козырьком (здания) среди мертвых могли быть раненые, уже не остается. Судя по тому, сколько места заняли тела, их там человек сто пятьдесят.

Наш коллега, служивший в спецназе и сам принимавший участие в освобождении заложников, вдруг кричит: «Они рассаживают в автобусы трупы, смотрите сами - они валятся с сидений». И передает нам бинокль. Действительно, людей затаскивают в салон автобуса недвижимыми, и они в странных позах застывают на сиденьях… В это время по телевизору корреспондент НТВ, который, судя по съемке, находится за углом на 1-й Дубровской, говорит, что видит проходящие перед ним автобусы с заложниками, у них «синие лица».

Единственное, чем можно объяснить организованный столь странным образом вывоз тел - это желание выдать погибших при штурме за скончавшихся впоследствии в

больницах и тем самым опять-таки приуменьшить число погибших в результате самого штурма. Как в большинстве подобных ситуаций, во главе всего стояла ложь. Не ложь во спасение, а ложь во спасение собственной шкуры.

Сказки про «безопасный» газ

Главное же - власти, «как партизаны», хранили молчание насчет того, какой именно газ был применен и какое средство - антидот - должны использовать врачи, чтобы нейтрализовать его воздействие. Тут опять сохранение «военной тайны» власти сочли делом более важным, чем спасение людей.

Поначалу официальная пропаганда представляла дело так, что люди в основном пострадали от «шока» и «стресса», пережитого во время штурма, и лишь позднее, после того, как о том сообщили зарубежные журналисты, были вынуждены признать, что многие заложники стали жертвами газа. Всего по официальной версии погибло около ста двадцати заложников, однако, в действительности, как утверждалось в ряде публикаций, эта цифра была значительно больше. В конце концов вроде бы сошлись на цифре около ста тридцати. Однако к жертвам я бы отнес не только погибших, но и тех, кто остался в живых, но в результате штурма обрел какое-то тяжелое заболевание, - причем, возможно, не одно. Таковых тоже были десятки…

Такой вот «впечатляющий успех».

Обосновывая необходимость штурма, официальная пропаганда поначалу дудела о том, что его, дескать, начали лишь после того, как боевики стали расстреливать заложников. В дальнейшем, однако, выяснилось, что расстрелов не было…

Еще один звучавший в ту пору пропагандистский мотив: мол, захват театрального центра связан не с чеченской войной, - что было очевидно, - а с

международным терроризмом. Один из прокремлевских телесоловьев Алексей Пушков даже изрек, что трагедия на Дубровке - «это наше 11 сентября».

Впрочем, войну в Чечне уже задолго до того стали представлять как борьбу с пресловутым международным терроризмом, так что ничего нового тут не было.

Награды и тумаки

Хотя было вполне очевидно, что операция спецслужб на Дубровке, учитывая огромное количество погибших заложников, - это полный провал, власти продолжали настаивать, что, напротив, это большой успех. Многие ее участники получили награды. В частности, звания Герой России вроде бы (по какому-то секретному указу) удостоился глава ФСБ Патрушев. И наоборот, репрессии обрушились на журналистов, которые пытались восстановить истинную картину происшедшего. В некоторых редакциях, - например, в уже упомянутом еженедельнике «Версия», - прошли обыски, допросы сотрудников. Телеканал НТВ был обвинен в том, что он будто бы показал в прямом эфире первые минуты штурма, тем самым подвергнув опасности спецназовцев (боевики или их сообщники могли смотреть телевизор), хотя на самом деле соответствующие кадры были показаны в записи, с существенной задержкой во времени. Недовольство властей вызвало и то обстоятельство, что репортеры телеканала предоставили слово родственникам пострадавших заложников, которые, естественно, крыли эти самые власти на чем свет стоит…

«Люди погибли от обезвоживания»

Спустя несколько дней власти раскрыли-таки, какой газ был применен при штурме ДК, - фентанил, или, как еще уточняюще писали, - смесь из производных фентанила. Об этом сообщил министр здравоохранения Юрий Шевченко. При этом он опять-таки уверял, что сам по себе этот газ к смерти привести не может; все дело, однако, в том, что во время штурма воздействию «спецсредств» подверглись люди, которые находились в тяжелых условиях, мало двигались или долго не двигались вообще, испытывали дефицит кислорода, страдали от обезвоживании, долго голодали.

- Именно эти факторы привели к летальному исходу у части заложников, - сказал Шевченко.

Спрашивается, а что же, заранее-то не было известно, при каких «факторах» будет применяться «безопасный» газ? И какая разница - погиб ли человек от фентанила «самого по себе» или от фентанила, наложившегося на гипоксию и обезвоживание?

…Политковская, ссылаясь на информированные источники в Кремле, утверждала, что газ, который использовался при штурме, выбрал из нескольких вариантов лично Путин. Не знаю, действительно ли это так, но в любом случае общий план штурма он, безусловно, утверждал. Он же несет и прямую ответственность за его трагические последствия - за то огромное число жертв среди заложников, которыми этот штурм увенчался.

По телевизору показали трогательную картинку: Путин посещает одну из московских больниц, где лежат те из бывших заложников, которым повезло больше, чем другим, - в более или менее сносном состоянии…

Да, «старший брат» всегда заботится о вас.

«Самый человечный человек»

В своей книге «Сослуживец» Усольцев рассказывает, как остро переживал дрезденский «Володя-малый» вранье московских властей, уверявших в апреле 1986 года, что в Чернобыле ничего серьезного не произошло. А то, что это вранье, у него не было сомнений:

«…Если газеты говорят о беде, небезопасной лишь для районов, непосредственно прилегающих к Чернобылю, то считать следует, что опасность грозит в радиусе, в десятки раз превышающем тридцатикилометровую зону отчуждения».

«И вновь в наших разговорах возникает тема преступного утаивания властями правды», - пишет автор.

Преступное утаивание правды… Позднее, - и в случае Дубровки, и в других подобных случаях - наш верховный властитель не моргнув глазом прибегал к этому утаиванию. Что, так изменился человек? Или на самом деле он всегда был таким, а мемуарист Усольцев просто припудривает портрет своего сослуживца? Сам он уверяет, что его книга о Путине «самая правдивая». В конце ее он даже сообщает, что пишет свои воспоминания накануне серьезной операции на сердце, операции с неизвестным исходом, так что вроде бы уже перед Богом готов предстать человек, а в таких случаях не врут…

И еще об удивительной правдивости и человеколюбии «Володи-малого». Немецкие друзья - сотрудники гэдээровского Министерства безопасности («Штази») - время от времени возили советских шпионов на разные экскурсии, в том числе в Бухенвальд, причем в этот бывший нацистский концлагерь - неоднократно. И всякий раз эта экскурсия производила на «Володю-малого» потрясающее впечатление:

«Мы все тяжело переживали увиденное. Однако более других переживал увиденное в Бухенвальде «Володя-малый»… Его потрясение бросалось в глаза сразу».

Почему же такое потрясение Володя, став президентом, не испытал после трагедии на Дубровке? Почему он не вспомнил о Бухенвальде с его газовыми камерами, когда приказывал пустить газ в здание театрального центра, захваченного боевиками?

Почему позже он не был потрясен случившимся в Беслане? Почему допустил, как говорят, применение танков и огнеметов при штурме тамошней школы №1, хотя ясно было, что это ведет к гибели сотен детей и взрослых?

Почему, наконец, не испытывал шока, узнавая о массовых похищениях, пытках, бессудных казнях сотен мирных жителей в Чечне, творимых там в том числе и «федералами»?

Я готов поверить Усольцеву, что в пору своего дрезденского шпионства Володя был именно таким − совестливым, гуманным, остро переживающим всякую несправедливость, как о том пишет автор мемуаров. С годами и особенно при таком стремительном, при таком фантастическом карьерном росте человек может меняться. Но чтобы до такой степени…

ХОДОРКОВСКИЙ, ЛЕБЕДЕВ И ДРУГИЕ

Арест Платона Лебедева

Еще одна приметная «историческая веха» путинского президентства - гонения на Михаила Ходорковского и ограбление нефтяной компании ЮКОС, которую он возглавлял.

2 июля 2003 года был задержан глава МЕНАТЕПа Платон Лебедев, чье имя на годы будет связано с именем Ходорковского. На следующий день печально знаменитый Басманный суд (термин «басманное правосудие» с некоторых пор, при Путине, стал синонимом разнузданного беззакония) дал санкцию на его арест. Лебедева задержали, не посчитавшись с тем, что в момент задержания он находился в больнице: «опасный преступник». Его обвинили в том, что девять лет назад, в 1994 году, он похитил 20 процентов акций предприятия «Апатит», принадлежавших государству. Все дело закрутилось после того, как в прокуратуру обратился депутат Госдумы Владимир Юдин. Собственно говоря, этого человека и можно считать первоначальным инициатором всего в дальнейшем разросшегося и разбухшего дела Лебедева - Ходорковского.

В общем-то, было достаточно ясно, что арест Лебедева - это начало атаки на Ходорковского: Лебедев был тесно связан с главой ЮКОСа. Да и сам Ходорковский сразу же признал, что «наезд» на Лебедева - это начало гонений на него самого.

Позже немало слов будет сказано по поводу того, какими, собственно, мотивами руководствовался Путин, начиная поход против нефтяного олигарха (то, что все тут исходило от самого президента, ни у кого не вызывало сомнений). Но уже на следующий день после ареста Лебедева английская газета «Файнэншл Таймс» написала, каковы, по ее мнению, главные из этих мотивов: «Похоже, что арест Лебедева − это предупреждение Ходорковскому со стороны Кремля, желающего, чтобы он оставался вне политики». Что же именно не нравилось Кремлю? Газета напоминала, что некоторое время назад глава ЮКОСа объявил о финансовой поддержке двух основных

либеральных партий, - «Яблока» и СПС, - которые, как предполагалось, будут противостоять прокремлевским партиям на предстоящих парламентских выборах; кроме того, Ходорковский намекал, что намерен баллотироваться в президенты, - возможно, в 2008 году…

Он не хочет покидать Россию

Признаки того, что главный интерес властей связан не с Лебедевым, а именно с Ходорковским, обнаружились довольно скоро. Уже 4 июля глава ЮКОСа был вызван на допрос в прокуратуру, пока еще в качестве свидетеля по делу Лебедева…

Почему все же начали с Лебедева, а не с самого Ходорковского? Возможно, план заключался в том, что, услышав предупредительный выстрел, Ходорковский быстро покинет Россию - отправится куда-нибудь в Англию или Израиль вслед за Гусинским и Березовским. Не исключено, что авторам этого плана такой вариант казался более предпочтительным: будет меньше шума, а пропагандистский навар окажется тем же самым или даже больше - вот видите, человек сам признал, что у него рыльце в пуху, быстренько, при первых же сигналах тревоги, смылся за границу. Однако Ходорковский прямо заявил, что не намерен уезжать из России.

- Я в ближайшее время не собираюсь покидать Россию, - сказал он на встрече с журналистами. - Сегодня я должен был ехать на переговоры в Лондон, но решил остаться…

Забавно, что Ходорковский в этот момент еще пытался «обелить» Путина, исключить его из числа своих преследователей, так сказать, оставить ему возможность для маневра и даже, если понадобится, для отступления.

- Стилистика работы нашего президента такова, что он старается не вмешиваться в происходящий процесс, - сказал Ходорковский. - При всем своем сложном характере Путин является человеком откровенным в таких вопросах. Он прямо высказывает свои претензии, а мы стараемся, чтобы эти претензии не разрастались.

Это «обеление» в дальнейшем нисколько не помогло Ходорковскому. Хотя Путин высказывался о его деле довольно скупо, постоянно кивая на прокуратуру и суд, - дескать, все решают они, - то упорство, с которым олигарха преследовали многие годы, предъявляя ему все новые и новые обвинения, само по себе ясно говорило: никто, кроме президента, за всем этим стоять не может.

Что касается прокуратуры и суда, тогдашний вице-спикер Госдумы Владимир Лукин так охарактеризовал их роль в этом «процессе века» (по крайней мере, таковым он стал для России):

- То, что одновременно возбуждено несколько дел против одной компании, свидетельствует о том, что это действия судебно-правовых «девушек по вызову».

Лукин также обратил внимание на весьма странное обстоятельство: прокурорско-судебная машина со всей мощью обрушилась лишь на Ходорковского и Лебедева (именно они стали их главной мишенью), хотя, в общем-то, их деятельность в девяностые годы мало чем отличалась от того, что делали все остальные:

- Вдруг оказывается, что у нас крупные деятели капитализма все прекрасные и порядочные, а непорядочным является только какой-то один крупный или несколько крупных деятелей одной корпорации, и сразу находится три-четыре уголовных дела. Только у очень наивного человека это не может возбудить подозрения, что если такие дела затевают, то это кому-нибудь нужно, значит, ЮКОС кому-то чем-то очень помешал.

Кому помешал ЮКОС, было предельно ясно, однако обстановка в стране была уже такова, что даже самые отчаянные вольнодумцы предпочитали изъясняться иносказательно.

Бывшие фарцовщики все-таки набрались храбрости

Лукина спросили, почему коллеги Ходорковского и Лебедева не выступают в их защиту, - в конце концов, через какое-то время такое может случиться и с каждым из них.

- Для этого надо обладать политическим и гражданским сознанием, - сказал Лукин, - а наши олигархи - это в основном еще плохо забывшие свое недавнее прошлое фарцовщики, и психология у них соответствующая: если меня сегодня не трогают, то все это не так уж важно.

Все же крупный бизнес, хоть и робко, но попытался вступиться за коллег. Через пару недель после начала событий президент Российского союза промышленников и предпринимателей Аркадий Вольский на одном из совещаний в Кремле передал Путину письмо РСПП с призывом «принять меры к прекращению недальновидной кампании, развязанной в стране теми силами, для которых стабильность несет в себе угрозу» (вот опять иносказание - мол, все это происки каких-то «темных сил»). Однако Путин отмахнулся от полученной просьбы, сказав, что он «не занимается этим делом».

Впрочем, он присовокупил к этому мудрые слова о том, что прежде чем сажать людей, подозреваемых в экономических преступлениях, в тюрьму, надо доказать их вину. Ни до, ни после этого никто в деле МЕНАТЕПа и ЮКОСа не придерживался этого мудрого и справедливого правила: людей сначала сажали, а потом уж пытались

что-то доказать. И «юрист до мозга костей» Путин не настаивал на его неукоснительном соблюдении.

Боевая операция «захват Ходорковского»

25 октября 2003 года в 5-00 по местному времени самолет Ту-134, на котором Ходорковский летел из Нижнего Новгорода в Иркутск, приземлился в Новосибирске для дозаправки. Его сразу же отбуксировали на дальнюю стоянку, подальше от посторонних глаз. Там авиалайнер окружили какие-то грузовики с включенными фарами (было еще темно). Подъехали два автобуса, откуда выскочили вооруженные люди в камуфляже, а также спецназовцы в черной форме. Они ворвались в самолет с криками «ФСБ! Оружие на пол, будем стрелять!» Было такое ощущение, будто идет освобождение заложников, захваченных террористами. Никакого сопротивления отважным воинам, естественно, оказано не было. Ходорковский спокойно проследовал за людьми, осуществлявшими эту жутко опасную для них операцию.

В этот же день глава ЮКОСа был доставлен спецрейсом в Москву. Где − это тоже произошло 25-го − все тот же Басманный суд выдал санкцию на его арест.

Ходорковского обвинили в ряде преступлений, в том числе в хищении «путем мошенничества в крупном размере», в уклонении от уплаты налогов, в «злостном неисполнении вступившего в законную силу решения суда», причинении имущественного ущерба собственникам «путем обмана», в неоднократной подделке официальных документов. Как заявили в Гепрокуратуре, «на сегодня» сумма ущерба, нанесенная Ходорковским и Лебедевым, составляет более миллиарда долларов. Позже эта цифра будет не раз увеличиваться и, в конце концов, достигнет каких-то фантастических значений − в десятки миллиардов долларов, − сопоставимых, как

писали, с размером российского стабилизационного фонда. Таких финансовых преступлений, по-видимому, не знала не только российская, но и вся мировая история.

«Власть подорвала доверие к бизнесу и к самой себе»

Устрашающий арест Ходорковского многими был воспринят как сигнал всем предпринимателям - затихнуть и «не рыпаться», проявлять полное послушание. Представлялось, что, возможно, это первый шаг к пересмотру итогов приватизации. Последствия этого были бы катастрофичными. Надо было выбирать - действительно залечь на дно и не подавать голоса или все-таки попытаться воспротивиться самодурству властей. РСПП предпринял такую попытку, выступил с заявлением.

«Эскалация действий власти и правоохранительных структур по отношению к российском бизнесу, - говорилось в нем, - в последнее время резко ухудшила атмосферу в обществе. Подорвано доверие бизнеса к власти и, фактически, прерван их диалог. Под жернова правоохранительных структур попадают именно те бизнесмены, которые пошли на публичное раскрытие информации о своих компаниях и прозрачную уплату налогов».

Член бюро РСПП Анатолий Чубайс от себя добавил:

- В сложившейся ситуации многие компании пересматривают свою бизнес-стратегию и отказываются от инвестиционных решений, имеющих большое значение для страны. Остановить такое развитие событий может только ясная и недвусмысленно высказанная позиция президента России Владимира Путина, а ее отсутствие приведет к необратимым последствиям, которые, в частности, могут выразиться в резком ухудшении бизнес-климата и в непривлекательности России для зарубежных партнеров.

В заявлении, с которым выступила партия «Либеральная Россия», ситуация оценивалась более резко:

«Из политической биографии России никогда не вычеркнуть сам позорный факт ареста ведущего предпринимателя страны и одного из лидеров мирового бизнеса Михаила Ходорковского… События вокруг ЮКОСа полностью вписываются в логику политической конструкции, которую президент Путин стал возводить сразу же, как получил власть в России. Это логика построения авторитарного государства».

Отрицательно, хотя, разумеется, весьма осторожно, отозвался и об аресте Платона Лебедева и, позже, об аресте Михаила Ходорковского председатель правительства Михаил Касьянов, сказав, что, по его мнению, человека, которого обвиняют в экономических преступлениях, не следует заключать под стражу. Однако некий неназванный «источник» агентства «Интерфакс» в правительстве уже без всякой осторожности заявил, что арест Ходорковского можно расценивать как очередной «успех» Генпрокуратуры в «долгой и упорной борьбе за разрушение отечественных финансовых рынков и позиционирования России как инвестиционно привлекательной страны».

Позиция Касьянова и некоторых его подопечных в истории с Ходорковским, по-видимому, стала одной из причин, почему Михаил Михайлович вскоре был отправлен в отставку и заменен безропотным Фрадковым.

После ареста Ходорковского российский финансовый рынок действительно обрушился, и тому же Касьянову пришлось прилагать немалые усилия, чтобы восстановить его.

Путин требует «прекратить истерику»

Путин откликнулся на призывы сказать свое слово. Выступив на заседании правительства, он потребовал прекратить «истерику и спекуляции» в связи с делом ЮКОСа и призвал правительство не втягиваться в дискуссию по поводу ареста Ходорковского. При этом Путин успокоил бизнесменов: дескать, никакой кампании по «раскулачиванию» предпринимателей, по пересмотру итогов приватизации не будет.

«Юрист до мозга костей» коснулся и правовой стороны дела:

- Лишить человека свободы, даже на время предварительного следствия, может только суд. Если в данном конкретном случае сделано именно это, то я исхожу из того, что для этого у суда были основания.

Гарант Конституции сделал вид, будто ему неведомо, какие у нас суды, будто он не знает, что в нынешней России редкий судья осмелится ослушаться даже и местное начальство, а уж если какой-то приказ - хотя бы и в форме мягкого пожелания, просто намека - поступит с самого верха, - такого служителя Фемиды и вовсе не сыщешь.

Путин также сказал, что в связи с арестом Ходорковского к нему с просьбой о встрече обратились руководители РСПП и «некоторые политические деятели», однако «никаких встреч, никакой торговли по поводу деятельности правоохранительных органов не будет».

Как говорится, все, точка. Всем стало ясно, что ни на какой благоприятный поворот в деле Ходорковского, ни на какое снисхождение олигарху рассчитывать не приходится. Горькую чашу ему придется испить до конца.

* * *

30 октября в отставку ушел один из тех, благодаря кому Путин стал президентом - глава его администрации Александр Волошин. Отставка, по-видимому, была непосредственно связана с арестом Ходорковского. Мало того, что Волошин, как и Касьянов, был против такого рода репрессивных мер, - его даже не предупредили, что главу ЮКОСа собираются арестовать. Это был своего рода щелчок по носу, знак пренебрежения. Впрочем, надо полагать, его потому и не предупредили, что знали: он против. Как бы то ни было, оставаться на своем посту для Волошина становилось делом бессмысленным...

Они обвиняют…

Процесс над Ходорковским и Лебедевым начался 16 июня 2004 года. Хотя он занял довольно много времени − почти год, − с самого начала было ясно, что обвинительный приговор и тому, и другому уже предрешен…

Интересны фигуры следователей и прокуроров, которые вели дело ЮКОСа. Вот как описывал один из журналистов внешность и манеру поведения гособвинителя Дмитрия Шохина**:**

«Это худощавый человек маленького роста и неприметной внешности… Материалы дела Шохин оглашает ровным и монотонным голосом, целиком зачитывает все имеющиеся в многотомном деле документы, включая, например, часовой «Обзор отрасли добычи и переработки фосфатов», оценивающий запасы апатитового концентрата в Марокко и Иордании.

Интересны также купюры, которые Шохин делает в читаемых документах. Так, в один из дней процесса прокурор декламировал вслух записи из ежедневника неизвестного автора, изъятого в офисе МЕНАТЕПа, - комментировал даже рисунки и

чертежи, до последней стрелки в схеме. Опустил он лишь одно слово, крупно нарисованное во всю страницу и обведенное рамкой: «Пиво».

После того, как прокурор на процессе четырежды зачитал один и тот же документ из досье обвинения, адвокат Ходорковского Генрих Падва обвинил его в умышленном затягивании процесса. На самом деле это многократное дублирование, по-видимому, было связано с тем, что документы подшивались в дело не в хронологическом порядке, а по мере изъятия их из офисов ЮКОСа во время обысков…»

Еще одна приметная (или неприметная) фигура - следователь Генпрокуратуры по особо важным делам Салават Каримов. Это тот самый следователь, который еще до ЮКОСа прославился в деле «Медиа-Моста» - о нем была речь выше. Как уже говорилось, глава этой компании Владимир Гусинский, посаженный в Бутырку, получил свободу лишь после того, как согласился продать свой холдинг. Стало быть, и Каримов, санкционировавший такой обмен, - «юрист до мозга костей».

Оба они - и Шохин, и Каримов − в конце 2004-го были отмечены Путиным: первый получил из его рук Орден Почета, а второй оказался в президентском списке удостоенных звания «Заслуженный юрист Российской Федерации».

…По данным на конец 2004 года, ЮКОС «не доплатил» по налогам более 25 миллиардов долларов. Спрашивается, как могли не заметить такие недоимки разнообразные контрольные органы, много раз проверявшие нефтяную компанию? Чего стоят их проверки? Понесли ли они какое-то наказание за такие фантастические «недосмотры»? Вопрос, конечно, риторический: никто никаких наказаний не понес. Напротив, кое-кто из них, наверное, тоже получил поощрения, поскольку задним числом принял участие в подсчете этих будто бы уворованных ЮКОСом немыслимых миллиардов.

Комедия с продажей «Юганскнефтегаза»

19 декабря 2004 года на аукцион было выставлено крупнейшее предприятие ЮКОСа «Юганскнефтегаз». Невооруженным глазом было видно, что этот аукцион - абсолютно фиктивная процедура. Предприятие за девять с лишним миллиардов долларов (а реальная цена его была гораздо больше) приобрела никому не ведомая компания «Байкалфинансгруп», внеся при этом залог в 1,7 миллиарда. Как выяснилось, эта компания зарегистрирована в Твери по адресу Новоторжская, 12-б. Однако никакого офиса «Байкалфинансгруп» по этому адресу найти не удалось. В этом здании помещалась рюмочная под названием «Лондон», салон сотовой связи, туристическое агентство и продуктовый магазин. Ничего не известно было о таинственной компании ни властям Твери, ни администрации Иркутска, расположенного, как известно, неподалеку от Байкала, ни даже министру финансов Кудрину, хотя компании, способные оперировать миллиардами долларов, можно было пересчитать по пальцам, и все они вроде бы были на виду.

Однако Путин, оправдывая эту аукционную комедию, заявил, что «Юганскнефтегаз» приобрели «физические лица, долгие годы работающие в энергетической сфере».

Вскоре госкомпания «Роснефть» выкупила у собственников «Байкалфинансгруп» стопроцентную долю в этой таинственной компании и стала фактическим владельцем «Юганскнефтегаза» (более 76 процентов акций). Все прояснилось, все встало на свои места. Компания, которая, согласно экспертным оценкам, стоила от 14 до 22 миллиардов долларов досталась «Роснефти» за 9,35 миллиарда…

«В России царит не «диктатура закона», как любит говорить президент Владимир Путин, а «закон тайги», то есть право сильного, - писала по поводу всей этой псевдорыночной комбинации немецкая «Ди Вельт».

«Афера года»

В конце каждого года, как водится, подводят его итоги, называют важнейшие события, дают им оценку. «Аферой года» назвал продажу «Юганскнефтегаза» советник президента по экономическим вопросам Андрей Илларионов (не правда ли, сам по себе парадокс: советник президента - и вдруг такие слова).

- До этого видели такую игру среди наперсточников, а сейчас - среди госкомпаний, - сказал он.

Соответственно, «загадкой года», по словам Илларионова, стало - «где они возьмут деньги?» «Они» - это «Байкалфинансгруп» и «Роснефть». Ни у той, ни у другой таких миллиардов нет. Единственно, откуда они могут их получить, - это из госбюджета. Таким образом, получится, что государство само себе платит задолженность по налогам, начисленную на ЮКОС. Кстати, хотя эта нефтяная компания и не признала миллиардные долги, которые ей насчитали, тем не менее, она начала по ним платить. Но это, по словам Илларионова, «уже никого не интересовало».

Забавно, как в Кремле, хоть и неофициально, отреагировали на выступление Илларионова.

- Это его личная точка зрения, - сказал один из кремлевских чиновников. - У нас уже был один такой, который перечил президенту по делу ЮКОСа, и где он теперь?

Под словами «один такой», по-видимому, имелся в виду бывший премьер Михаил Касьянов, тоже протестовавший против ареста Ходорковского и отправленный в отставку в феврале 2004-го.

Другой чиновник сослался на базовое образование президента и его советника:

- Президент - юрист, а Илларионов - экономист. Думаю, что юристы лучше разбираются в том, что такое «афера»

Ну да, мы ведь знаем: Путин - «юрист до мозга костей».

Приговор судьи читали неторопливо

Приговор в Мещанском суде начали зачитывать 16 мая 2005 года. Вообще-то собирались начать еще 27 апреля, но после, видимо, решили, что не стоит это делать перед праздниками, особенно перед пятидесятилетним юбилеем Победы, когда в Москву, как ожидалось, прибудут главы многих государств.

Сразу же после того, как судьи приступили к чтению, подтвердились предположения (впрочем, не требовавшие большой проницательности), что он − обвинительный: приговор практически слово в слово повторял обвинительное заключение, вплоть до арифметических ошибок, которые в нем содержались. Кстати, на них еще на ранней стадии процесса указывала сторона защиты, но суд не обратил на эти замечания ни малейшего внимания, как, впрочем, и на все другие выступления адвокатов. Суду с самого начала было ясно, куда грести.

Еще за несколько дней до чтения приговора один из самых компетентных российских экономистов научный руководитель Высшей школы экономики Евгений Ясин заявил по «Эху Москвы»:

− Прокуратура может рассчитывать на быстрое решение суда в свою пользу, независимо от доказанности обвинений… Есть твердая позиция, что Ходорковского и Лебедева ни в коем случае нельзя выпускать на свободу. Это чисто политическое дело, не имеющее никакого отношения к правосудию.

Впрочем, суд не особенно торопился. 16 мая, вопреки закону, чтение приговора было прервано еще до окончания рабочего дня, в 14-40, и перенесено на следующий день. То же самое повторилось и 17 мая. Как полагал адвокат Ходорковского Юрий Шмидт наиболее вероятной причиной, почему суд пошел на это нарушение Уголовно-процессуального кодекса, было желание властей снизить интерес общественности и прессы к процессу: «все разумные расчеты» показывали, что при нормальном чтении оглашение приговора никак не могло бы продлиться более трех дней, а вот при таком, растянутом, оно грозило занять недели две; естественно, при этом снижение общего интереса к суду было почти неизбежным.

Вот как описывал обстановку в суде в первый день чтения приговора присутствовавший в зале суда член Европарламента Милан Хорачек:

«В своей жизни я уже принимал участие в судебных процессах. Мне приходилось бывать и свидетелем, и обвиняемым… Но то, что я увидел в Мещанском суде, стало для меня шоком. Для прохода в здание мне пришлось пройти сквозь строй милиционеров. Внутри здания − еще около двадцати вооруженных охранников. Подсудимые сидят в тесной металлической клетке, словно дикие звери. Перед клеткой − еще пять конвоиров. На мой взгляд, это является приговором до суда.

Зал суда представляет собой тесное и душное помещение. Присутствующие на процессе вынуждены находиться вплотную друг к другу, словно селедки в бочке. Окна в зале суда закрыты, видимо, чтобы мы не могли слышать выкрики сторонников Ходорковского, митингующих на улице. Впрочем, иногда их выкрики долетают до участников процесса.

Судьи читают приговор по очереди. Первая из судей читает очень быстро и тихо. Вторая − медленно, но еще тише. Чтобы что-нибудь разобрать, приходится постоянно напрягаться. За три часа чтения судьи зачитали лишь малую часть приговора. В ходе процесса судьи явно отдают предпочтение заявлениям представителей обвинения…»

Перед зданием суда срочно потребовалось менять асфальт

Перед зданием суда проходили пикеты не только сторонников, но и «противников» Ходорковского, причем последние, в отличие от первых пользовались абсолютным благорасположением милиции.

Формально сторонникам тоже было разрешено проводить пикеты, но это только формально. Когда, например, 23 мая пикетчики пришли на указанное им место, то увидели, что власти согнали туда разнообразную строительную технику − бульдозеры, асфальтоукладчики, грузовики… При этом никаких работ не велось: рабочие в оранжевых жилетах просто сидели, стояли, играли в нарды… Только поодаль от этого места двое вскрывали асфальт…

Милиция разрешила пикетчикам расположиться лишь метрах в полуторастах от здания суда − на узком тротуаре, обнесенном металлическими заграждениями. Вдоль заграждений плотной стеной лицом к пикетчикам стояли милиционеры и омоновцы…

Несмотря на все это демонстранты все же высказали то, что хотели высказать. Они скандировали: «Свободу Ходорковскому! Свободу политзаключенным! Свободу народу!». На заборе вывесили плакаты: «Приговор Ходорковскому − отмена права собственности в России», «Сегодня он, а завтра − все мы».

Напротив, «противникам» Ходорковского были созданы все условия для их «волеизъявления». Слова «противники» и «волеизъявление» я беру в кавычки из-за больших сомнений, что это действительно были противники и что они действительно выражали какую-то свою волю. По крайней мере, часть из них привозили «организованно» − на автобусах. Эти «пикетчики» стояли молча, держали плакаты, отпечатанные одинаковым профессиональным способом. На вопросы, каким образом они узнали о предстоящей акции и как им удалось прорваться через тройной кордон ОМОНа, «пикетчики» угрюмо бормотали, что им «не положено» отвечать ни на какие вопросы. Впрочем, на вопрос, кто такой Ходорковский, некоторые неуверенно

отвечали: «Кажется, МММ...»

«Противникам» Ходорковского легко удавалось проникать и туда, куда даже адвокаты и родственники Ходорковского попадали с великим трудом, после долгих объяснений с милицией и проверок-перепроверок документов.

«Было такое впечатление, что судят Бен Ладена»

Адвокат Юрий Шмидт признавался, что в принципе в советское время он видел в суде и вокруг суда еще и не такое.

− Единственно, с чем я не сталкивался за сорок пять лет своей работы, - говорил он, − это с такой истерикой власти и нагнетанием страстей вокруг пусть и необычного, но все же хозяйственного дела, не связанного с насильственной преступностью, с террором, посягательством на жизнь и так далее… Складывалось впечатление, что судят не Ходорковского и Лебедева, а Шамиля Басаева с Усамой Бен Ладеном, а вся Москва переполнена воинственными ваххабитами и вооруженными бандами. Когда видишь эти сотни омоновцев, милиционеров с собаками, тройной кордон оцепления, металлоискатели, перекрытое движение по Каланчевской улице, хочется спросить: «Для чего все это?»… Скорее всего, этот спектакль рассчитан на легковерных простаков, которым в течение длительного времени внушали, что на скамье подсудимых сидят действительно опасные преступники.

Многие задавали себе вопрос, зачем вообще было держать в заключении до суда человека, который не представляет ну абсолютно никакой опасности для окружающих, и который, если бы хотел сбежать, давно бы сбежал, еще до ареста.

Такой дотошный, авторитетный юрист, как бывший член Конституционного суда Тамара Морщакова, ссылалась тут на мнение конституционалистов, правовиков разных

областей, специалистов по налоговым правонарушениям, юристов из области уголовно-социального права − американских, английских, немецких:

− Все они говорят одно: по обвинениям, связанным с нарушением прав собственности или нарушением интересов государства в налоговых отношениях, да, нужно привлекать к уголовной ответственности, но нельзя себе представить, чтобы при этом государству потребовалось годы держать человека в предварительном заключении… Между тем неоднократная постановка вопроса перед органами, которые вели это уголовное преследование, об изменении меры пресечения ни к чему ни разу не привела.

«Прокуратура − некомпетентна»

Когда чтение приговора только началось, руководство ЮКОСа (то, что еще оставалось на свободе) выступило с заявлением, в котором призвало российское правительство (!) прекратить нападки на ЮКОС, «которые, как представляется, имеют единственной целью полное уничтожение компании, являвшейся одним из признанных лидеров российского делового сообщества».

«Все обвинения в нарушениях со стороны менеджмента и мошенничестве со стороны компании являются лживыми, необоснованными и недоказуемыми», − говорилось в заявлении.

Авторы напоминали, что российские государственные контрольные органы регулярно проводили проверки в компании. При этом никаких существенных замечаний ЮКОСу ни разу предъявлено не было. Более того, начиная с 1999 года, ЮКОС проверялся авторитетной международной аудиторской компанией «Прайс Уотерхаус Куперс». Этот аудитор всегда подтверждал, что финансовая отчетность нефтяной компании полностью соответствует российским и международным стандартам. Но вот теперь те российские организации, которые не находили в

деятельности ЮКОСа никаких особых нарушений, вдруг предъявили ей обвинения за те действия, которые они проверяли…

Среди прочего, авторы обращали внимание на абсурдность ситуации, когда людей в уголовном порядке преследуют «ЗА НЕДОСТАТКИ, ВЫЗВАННЫЕ ПРАВИЛЬНЫМ И ЗАКОННЫМ ПРИМЕНЕНИЕМ РОССИЙСКИХ ПРИНЦИПОВ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА И НАЛОГОВОЙ ПРАКТИКИ» (выделено мной. − **О.М.**) То есть вину за недостатки, допущенные кем-то другим, − если такие недостатки действительно имеются, − переносят на тех, кто не имеет к ним никакого отношения. Еще более абсурдна ситуация, когда такого рода уголовные обвинения выдвигаются прокуратурой, «КОТОРАЯ ПОЧТИ ИЛИ ПОЛНОСТЬЮ НЕ РАЗБИРАЕТСЯ В БАЗОВЫХ ПРИНЦИПАХ БУХГАЛТЕРСКОГО УЧЕТА (выделено мной. - **О.М.**)»

Это заявление, как уже говорилось, было сделано в начале оглашения приговора, но к концу его стало совершенно ясно, что «почти или полностью» некомпетентны не только следователи и прокуроры, но и судьи, которые поверили обвинениям, представленным некомпетентными прокурорами.

И то сказать, откуда же прокурорам и судьям, которые, надо полагать, впервые отважились взяться за такое дело, набраться компетентности? Тут, конечно, есть выход − отказаться от участия в деле, но… Что о тебе может подумать начальство? «Чистеньким хочешь остаться»?

Заявление ЮКОСа заканчивалось словами: «Компания надеется, что Российская Федерация признает: уничтожение НК ЮКОС не пойдет на пользу стране ни в краткосрочной, ни в долгосрочной перспективе». Однако обвинителей Ходорковского и Лебедева мало заботила польза страны.

«Все доводы защиты − надуманные»

То, что приговор будет обвинительным, как уже говорилось, стало ясно уже вскоре после начала его чтения. Так что, по словам Юрия Шмидта, оглашение мотивировочной его части перестало представлять какой-либо интерес. Разве что адвокатам, с чисто профессиональной точки зрения, могло быть любопытно, каким образом суд ухитрится опровергнуть бесспорные и неопровержимые аргументы защиты. Но суд и не пытался ничего опровергать. Ему это было совершенно не нужно.

Тактика суда была очень простая. Доказывается, например, вина Ходорковского и Лебедева по будто бы незаконному завладению акциями АО НИУИФ (научная организация с малоудобоваримым названием − Научно-исследовательский институт по удобрениям и инсектофунгицидам). «Доказательство» идет жутко многословное, описывается огромное число обстоятельств, не имеющих абсолютно никакого отношения к существу обвинения. Цитируются многочисленные постановления, инструкции, уставные документы различных организаций. Этим как бы создается впечатление: вот, мол, какое обилие доказательств, подтверждающих справедливость обвинения.

Защита же, напротив, представила по этому эпизоду вполне убедительные суждения, доказывавшие несостоятельность обвинения. В частности, было показано, что приобретение акций АО НИУИФ являло собой вполне нормальную финансовую операцию, ДОПУСКАВШУЮСЯ ДЕЙСТВОВАВШИМ В ТО ВРЕМЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ. Было доказано также − показаниями свидетелей, документами, − что после продажи 44-процентного пакета акций предприятие «обрело новое дыхание» и в последующие годы стало процветающим, одним из немногих, сохранивших свой научный потенциал и высокую рентабельность. Однако суд совершенно непостижимым образом ухитрился и показания свидетелей, и представленные документы истолковать как доказательства вины подсудимых.

Вообще все доводы адвокатов суд безапелляционно объявлял надуманными и необоснованными, не утруждая себя никакими объяснениями.

Еще один пример. Адвокаты указывают на то, что при одном из обысков, проведенных следователями, были допущены многочисленные нарушения УПК. Судья Ирина Колесникова сначала добросовестно зачитывает аргументы адвокатов (вот она, объективность!), а затем, не моргнув глазом, сообщает, что суд не принимает во внимание эти аргументы защиты, так как «они надуманны, необоснованны и не соответствуют действительности».

Это вызывает громкий смех в зале. (Реакция на этот смех, разумеется, − стандартная для российских судей, особенно судей-женщин, демонстрирующих «мужскую твердость характера»: Колесникова грозно предупреждает, что удалит из зала нарушителей тишины).

− Можно по–разному оценивать доказательства адвокатов, но просто называть их надуманными − это верх цинизма, − заявил по этому поводу еще один адвокат Ходорковского Евгений Бару.

Судей не интересовали ни доводы защиты, ни документы, которые она требовала приобщить к делу. Кажется, ни разу судьи не согласились на такое приобщение. Между тем, УПК опять-таки ясно предписывает: все, что защита предлагает приобщить к материалам дела, должно приобщаться как «имеющее значение для дела». Об этом в одном из интервью напомнила та же Тамара Морщакова.

«Памятник басманному правосудию»

31 мая Мещанский суд приговорил Михаила Ходорковского и Платона Лебедева к девяти годам колонии общего режима.

Когда судья спросила Ходорковского, понятен ли ему приговор, он ответил:

- Приговор понятен, - поставлен памятник «басманному правосудию».

Комментарии адвокатов Ходорковского и Лебедева были однозначны. Карина Москаленко:

– Это расправа…

Елена Липцер:

– Данный приговор невозможно оценить с правовой точки зрения…

Роберт Амстердам:

– Приговор, вынесенный Ходорковскому, будет доведен до каждого западного лидера и всего европейского сообщества. Они посадили будущее России на девять лет... Они проголосовали за коррупцию и продолжение авторитаризма.

Докладчик Парламентской Ассамблеи Совета Европы Сабина Лойтхойзер-Шнарренбергер:

– В деле против обвиняемых руководителей концерна ЮКОС, который за время процесса был практически разорен, победили враги правового государства и независимого правосудия. Процесс, проводившийся со многими правовыми нарушениями, и избранная судом мера наказания являются безжалостным актом мести по отношению к человеку, который открыто высказывался против политики, проводимой российским президентом Путиным.

Бывший российский премьер Михаил Касьянов уже не был так осторожен в оценке процесса, как в пору своего премьерства. Еще до того, как чтение приговора было завершено и названы сроки отсидки для Ходорковского и Лебедева, он назвал этот процесс «судебным фарсом».

− Дело Ходорковского подвело Россию к переломному моменту,− сказал Касьянов, − а приговор может означать прохождение точки невозврата.

…Позже кассационная инстанция - Мосгорсуд - «скостила» тому и другому по году, удовольствовавшись цифрой восемь.

Конечно, Ходорковский не ангел…

Конечно, Ходорковский не ангел, каким его пытаются представить некоторые его фанаты. В этом можно убедиться, проследив с какой неуемной изобретательностью, ловкостью он строил свою финансово-промышленную империю, присоединяя к ней все новые и новые предприятия и компании, оттирая конкурентов, уничтожая − не физически, разумеется, − наиболее строптивых из них, уклоняясь от налогов. Представление о масштабах этой его деятельности можно получить хотя бы по книге американского журналиста Дэвида Хоффмана «Олигархи». Он долго работал в России и накопал много деталей из биографий здешних нуворишей.

«В начале своей бурной банковской карьеры, - пишет Хоффман, - Ходорковский создал офшорную финансовую систему. МЕНАТЕП открыл филиалы в офшорных зонах Швейцарии, Гибралтара, стран Карибского бассейна и в других местах, где можно было легко спрятать сотни миллионов долларов. Став совладельцем ЮКОСа, Ходорковский перевел свои деньги в эту офшорную финансовую систему… Всякий раз, когда нефть ЮКОСа отправляли из России за границу, ее продавали через офшорные торговые компании, которые контролировал Ходорковский. Доходы от продажи нефти накапливались за пределами России, где им не грозили налоги и риски, существовавшие внутри страны».

Но дело не ограничилось лишь сокрытием доходов.

«Чтобы освободить ЮКОС от цепкой хватки кредиторов и миноритарных акционеров, Ходорковский разработал сложный план перевода нефтяной компании опять-таки в офшорную зону. Запутанная система передачи акций рассеяла бы акции ЮКОСА и дочерних компаний по всему свету и не позволила бы другим установить, где он их спрятал. План был еще более дерзким, чем перевод доходов от продажи нефти за границу. Ходорковский переводил в офшорную зону целую компанию. План состоял в том, чтобы оставить миноритарным акционерам и западным кредиторам одну только вывеску, скрыв акции компании на маленьких отдаленных островах в Атлантическом и Тихом океанах».

Представление о том, как Ходорковский избавлялся от миноритарных акционеров, можно получить на примере одного из них - американского финансиста Кеннета Дарта. Ему принадлежали сравнительно небольшие пакеты акций в дочерних компаниях ЮКОСа - «Юганскнефтегаз», «Самаранефтегаз» и «Томскнефть», стоившие, однако, десятки миллионов долларов. Чтобы уменьшить стоимость акций, принадлежавших Дарту, Ходорковский решил выпустить десятки миллионов новых акций. Так, по «Юганскнефтегазу» дополнительно к уже имевшимся сорока миллионам акций было выпущено еще почти 78 миллионов. В результате доля акций Дарта, составлявшая чуть меньше тринадцати процентов, сократилась бы до менее чем пяти процентов… То же самое намечено было проделать и с двумя другими компаниями.

Но такого рода решения должны приниматься на общих собраниях акционеров. Вот как они проходили:

«16,23 и 30 марта 1999 года были проведены три экстренных собрания акционеров каждой из дочерних нефтеперерабатывающих компаний. Собрания проводили в роскошном дореволюционном особняке в центре Москвы по адресу: Колпачный переулок, дом 5. Раньше это здание принадлежало комсомолу, а затем в нем

разместилась штаб-квартира МЕНАТЕПа. У ворот особняка акционеры предъявляли свои документы клерку. Некоторым из них было разрешено войти, но представителя Дарта Джона Папеша не пропустили. Ему предъявили распоряжение суда, подписанное местным судьей всего за несколько дней до этого. Распоряжением суда акции Дарта были заморожены на основании какой-то юридической формальности. Папеш остался не у дел. На собрании тут же было принято решение о выпуске 77 миллионов новых акций, что резко понизило стоимость пакета акций Дарта. «Это - российский вариант «беловоротничковой преступности», - возмущался позже Папеш. - Это - «красноворотничковая преступность». Выпуск огромного количества акций был одобрен и на двух других собраниях, причем к еще более необычной уловке прибегли на заранее запланированном собрании акционеров «Томскнефти». Когда миноритарные акционеры прибыли к особняку в Колпачном переулке, то увидели объявление, в котором сообщалось, что собрание состоится в маленьком городке к югу от Москвы и начнется через два часа. Бросившись к машинам, они помчались по указанному адресу. Там они обнаружили старый дом, в котором шел ремонт. Поднявшись по временной лестнице без перил, они увидели комнату с семью стульями, столом и двумя экземплярами повестки дня собрания. Строители сказали, что «собрание» закончилось двадцать минут назад».

Дополнительные акции упомянутых нефтедобывающих предприятий были проданы никому не известным офшорным компаниям, зарегистрированным на Багамский островах, на острове Мэн и в прочих экзотических местах. Как подозревали, - и, наверное, не без основания, - эти компании-пустышки принадлежали самому Ходорковскому.

Как он отделывался от кредиторов

Безо всякого труда Ходорковский отделался от долгов после августовского дефолта 1988 года:

«Банк «Уэст Мерчант»… предоставил банку МЕНАТЕП Ходорковского кредит в размере 135 миллионов долларов. Согласно одному хорошо информированному источнику, Ходорковский поехал в Германию и сказал руководителям контролирующего банка «Уэст ЛБ», что он не сможет вернуть долг банка МЕНАТЕП из-за экономического кризиса в России: в результате кризиса банк МЕНАТЕП разорился. Один из представителей немецкого банка в недоумении развел руками, заметив, что у нефтяной компании ЮКОС, принадлежащей Ходорковскому, дела идут неплохо. Почему он не может вернуть свой долг? Но Ходорковский убедительно сыграл небольшой спектакль. И западные банки уступили хитрому русскому… То же самое произошло с японским банком «Дайва»…»

Многое, − а может быть, и все − в действиях Ходорковского, наверное, не подпадало под уголовные статьи - его юридические консультанты были достаточно квалифицированны, чтобы предупреждать шефа о всякого рода подводных камнях. Можно предположить, что его действия заслуживали лишь морального осуждения. На эту мысль наталкивает попытка того же Кеннета Дарта подвести Ходорковского «под статью».

«Когда Дарт узнал об офшорном гамбите Ходорковского с дочерними компаниями ЮКОСа, он начал следить за перемещениями акций по всему свету. Адвокаты Дарта подавали иски в таких офшорных зонах, как Маршалловы острова, Британские Виргинские острова и остров Мэн, пытаясь остановить Ходорковского. Адвокаты и частные сыщики Дарта провели уникальное расследование и составили подробную, сложную схему, демонстрировавшую истинную, по их мнению,

разветвленную структуру корпорации Ходорковского. Схема представляла собой переплетение стрелок и квадратов, изображавших подставные компании, связи собственности и перемещение акций с Кипра в Средиземном море на остров Ниуэ в Тихом океане. В нижней части схемы находились помеченные звездочками названия офшорных зон с указанием их местонахождения, которые Ходорковский намеревался использовать в качестве новых «баз» для своих нефтедобывающих дочерних предприятий. Схема, хотя и выглядела внушительной и подробной, не была полной; на самом деле офшорная империя Ходорковского простиралась еще дальше…»

Несмотря на все эти гигантские розыскные усилия Дарту так и не удалось разоблачить Ходорковского, Он, правда, добился в шести судах в офшорных зонах, что передача акций, дополнительно выпущенных Ходорковским, будет временно остановлена. Но этим дело и ограничилось. В конце концов, американец вынужден был заключить компромисс со своим противником, продав свои акции «за неназванную сумму».

В России тоже предпринимались попытки вывести Ходорковского «на чистую воду». Я имею в виду - предпринимались на серьезном экспертном уровне, не на уровне мало что понимающих прокуроров и басманных судов. Председатель Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг Дмитрий Васильев, как и Дарт, попытался выяснить, действительно ли офшорные компании, куда переводились дополнительно выпущенные акции, фактически контролируются Ходорковским.

«Но проникнуть в офшорные зоны Васильев был не в состоянии, - пишет Дэвид Хоффман. - Скромный бюджет комиссии не позволял рассылать по всему свету юристов в поисках неуловимых акций ЮКОСа… ЮКОС был крупной нефтяной компанией, а Федеральная комиссия по рынку ценных бумаг была слабой организацией… У нее не было полномочий, необходимых для проведения

расследования; все, что она могла сделать, - это попросить о предоставлении информации. Никто, включая российские государственные учреждения, не ответил на поставленные вопросы и не оказал помощи в расследовании. Министерство топлива и энергетики и Государственная налоговая служба их проигнорировали. Тем не менее Васильев упорно повторял, что «расследование не будет остановлено». 21 июля Васильев объявил, что передаст материалы для проведения уголовного расследования в правоохранительные органы… В тот же день ЮКОС ответил гневным заявлением, обвинив Васильева в том, что он встал на сторону «известного спекулянта» Кеннета Дарта. За этим последовали другие меры давления. 18 августа вице-президент ЮКОСа…, возбудил против Васильева уголовное дело. Он обратился с жалобой на Васильева в Генеральную прокуратуру, обвинив его в клевете… Это было предупреждение… 17 октября, не получив ни от кого поддержки, разочарованный и обескураженный Васильев решил не продолжать борьбу и ушел из комиссии. «Система не защищает инвесторов», - горько заявил он… Ходорковский победил».

Как видим, в 1999 году ни прокуроры, ни другие правоохранители никак не реагировали на призывы расследовать деятельность ЮКОСа. Не было команды. А четыре года спустя команда поступила…

Ясно, что Генпрокуратура, взявшаяся в 2003-м «распутать» «преступную деятельность» ЮКОСа, не располагала ни экспертами такого уровня, как сотрудники Дарта или как Дмитрий Васильев и его коллеги, ни теми возможностями, которыми располагал тот же Дарт. Но Генпрокуратуре и не надо было располагать ничем таким. Заранее было ясно, что все - или почти все - ее обвинения суд признает обоснованными, и Ходорковский получит, сколько требуется. Его судили - и осудили! - совсем не за те дела, которые действительно можно было бы поставить ему в вину… Если бы вина действительно подтвердилась.

«Законы должны неукоснительно соблюдаться…»

Нынче невозможно без усмешки читать те места в книге Усольцева «Сослуживец», где он до небес превозносит преданность «Володи-малого» закону, праву:

«Володя никогда не упускал возможность подчеркнуть, что законы должны неукоснительно соблюдаться. Смысл закона в его безусловной силе…»

Полно, действительно ли это тот самый Володя Путин, при котором наплевательское отношение к закону стало повсеместным и масштабы которого вряд ли уступали советским?

Кстати, автор книги не мог не заметить этого наглого и повсеместного попрания законов при Путине-президенте: книга-то вышла в начале 2004-го, уже достаточно ясно было, что к чему. Но, винит он в этом не своего бывшего сослуживца «Володю-малого», а недозревшее до правового сознания и мышления российское общество.

«…Я отчетливо вижу (в путинской России. - **О.М.**), - пишет он, - неослабевающее торжество клановости, кумовства, произвола без заметных признаков усиления роли Закона. Это азиатское свойство нашей Родины чуждо ее теперешнему президенту, это я знаю точно. И если Закон в России еще не стал Законом, не следует торопиться с выводами, что в этом виноват президент Путин. Закон может стать Законом, когда граждане начнут ощущать себя гражданами, ответственными за себя и готовыми соблюдать закон, а не обходить его. И становление такого Гражданина требует немалого времени. С учетом этого можно считать, что России все-таки повезло: на вершине власти оказался человек, поклоняющийся Праву… Ему и карты в руки, чтобы придать России импульс в сторону общества законопослушных граждан».

Ну да, России страшно повезло, что ее возглавил такой жуткий законник. Таких законников страна со времен Сталина не знала.

Правда, иногда у автора «Сослуживца» вроде бы возникает сомнение: действительно ли Володя Путин таков, каким он его описывает:

«Я иногда спрашиваю себя, тот ли это человек, которого я когда-то знал. Узнаю ли я в неординарном государственном муже своего бывшего собеседника?»

Но Усольцев торопится отринуть это сомнение: конечно, «все мы меняемся со временем, но что-то ведь и остается неизменным…»

«Мне кажется, - пишет Усольцев, - что неизменными качествами Володи должны остаться его трезвый подход к жизни и приверженность Праву».

Разумеется, фанатичная приверженность Праву, если она у человека была пятнадцать лет назад, должна в той или иной мере сохраниться и пятнадцать лет спустя. А вот если даже следов ее нет, стало быть, и прежде ее не было. Либо автора память подвела, либо володины разговоры были одними лишь разговорами…

НОВЫЕ РУССКИЕ ОЛИГАРХИ

Рыбкин обличает Путина

Расправа над Ходорковским вроде бы должна была показать, что Путин - противник олигархов, что он собирается держать их в узде, а возможно, и вообще «раскулачить». Однако тревоги миллиардеров насчет их всеобщего «раскулачивания» не подтвердились. Преследованиям, как Ходорковский, Березовский, Гусинский, подверглись лишь немногие - в основном те, кто не устраивал власть по каким-то

политическим причинам. Большинству же, вытянувшемуся по стойке «смирно», было дозволено продолжать свою деятельность.

Появились и новые олигархи - так сказать, олигархи путинского призыва. Среди них - Геннадий Тимченко, Юрий Ковальчук (вообще-то обычно говорят о двух братьях Ковальчуках − Михаиле и Юрии, − но старший, Михаил, больше упоминается как труженик науки, хотя, наверное, и он владеет немалым состоянием).

Об их существовании широкая общественность узнала в 2004 году благодаря Ивану Рыбкину. В ту пору Рыбкин баллотировался в президенты и в ходе предвыборной борьбы (впрочем, вполне безнадежной) 2 февраля опубликовал в «Коммерсанте» на правах рекламы открытое письмо (для небольшого текста была выкуплена целая газетная полоса), где приводились эти имена (при этом и сам Путин причислялся к олигархам). В название было вынесено: «Путин не имеет права на власть в России. Люди, очнитесь!» Среди прочего в нем говорилось:

«Я, − да и не только я, − обладаю множеством конкретных свидетельств участия Путина в бизнесе. Известный Абрамович, стоящие в тени Тимченко, братья Ковальчуки и другие отвечают за бизнес Путина. Акции НТВ, Первого канала, «Сургутнефтегаза» и многих других акционерных обществ принадлежат компаниям и лицам, над которыми может осуществлять контроль лично Путин. Я утверждаю: сейчас именно В.В.Путин − самый крупный олигарх в России».

В интервью, которое через несколько дней Рыбкин дал «Московским новостям», были такие слова:

− Кто же у нас «тузеет»? А «тузеет» бизнес ближайших друзей Владимира Владимировича Путина − старинных друзей еще по детству, по школе, по университету. Два брата Ковальчука, Михаил и Юрий, и Геннадий Тимченко.

Вот откуда-то новый глагол появился − «тузеет».

Как видим, Рыбкин говорит не только о деньгах путинских друзей, но и о собственном состоянии Путина. С тех пор эта тема затрагивается в прессе постоянно, причем тут неизменно фигурирует имя Тимченко. Так, 12 ноября 2007 года в немецкой «Ди Вельт» было опубликовано интервью политолога Станислава Белковского, в котором, среди прочего, было и такое утверждение:

− Путин − это тоже крупный бизнесмен. Он контролирует 37 процентов акций «Сургутнефтегаза»… Кроме того, он контролирует 4,5 процента акций «Газпрома». В компании Gunvor, торгующей нефтью, Путин через своего представителя Геннадия Тимченко имеет 50 процентов.

Поскольку там у самого Тимченко, по-видимому, что-то около 50 процентов, даже меньше (основывали они эту компанию на паритетных началах с компаньоном-шведом Торбьерном Торнквистом, потом подключился кто-то третий, но у того акций меньше), стало быть, надо понимать так, что все тимченковские акции на самом деле принадлежат Путину.

Главный российский нефтеторговец

Нефтяной торговлей Геннадий Тимченко занялся еще в советские времена. Однако в пору путинского президентства эта торговля приобрела гигантские масштабы. За десять лет благодаря компании Gunvor, совладельцем которой он, как уже сказано, является, Тимченко стал одним из главных игроков мирового нефтяного рынка и миллиардером.

В 2007 году выручка кампании Gunvor составила 43 миллиарда долларов, в 2008-м планировалось получить 70 миллиардов. Больше продают только швейцарская Glencore и голландская Vitol (правда, некоторые отодвигают Gunvor на четвертое место, ставя на третье еще одну компанию из Нидерландов − Trafigura Beheer).

Что касается личного состояния Тимченко, в начале 2007 года оно оценивалось цифрами − от 9,5 до 14,4 миллиардов долларов.

Впрочем, цифры приводятся разные. Осенью 2007 года польский журнал «Впрост» опубликовал список самых богатых людей Восточной Европы. В нем присутствовал и Тимченко, состояние которого было оценено в 20 миллиардов долларов.

Удивительное везение

Ясно, что бизнес перевозчика и продавца нефти в первую очередь зависит от того, с кем из добытчиков нефти ему удается установить деловые связи. Долгое время большинство российских нефтяных компаний пользовались в основном услугами уже упомянутой швейцарской компании-трейдера Glencore, однако с какого-то момента «по какой-то непонятной причине» эти компании стали переориентироваться на Gunvor, активно сотрудничать именно с ней. С этого времени и начался резкий рост ее оборотов.

Среди клиентов Gunvor − «Сургутнефтегаз», «Газпромнефть», «Роснефть», ТНК-ВР, то есть крупнейшие российские нефтяные компании. Каким-то образом Геннадию Тимченко удалось прилепиться именно к ним.

Вообще предпринимательской деятельности Геннадию Тимченко постоянно сопутствовало какое-то необъяснимое везение. Например, нередко он получал нефть по удивительно низким ценам. Так, в 2002 году разница между среднемировой ценой на российскую нефть и ценой, которую уплатила «Сургутнефтегазу» посредническая фирма «Кинэкс» − ее в ту пору контролировал Тимченко − составила более пяти

долларов за баррель. В результате за четыре года − с 1999-го по 2003-й − глава «Сургута» Владимир Богданов потерял миллиард долларов.

С чего бы это такая нерасчетливость у одной из самых хватких «акул российского капитализма»?

Каким-то образом Геннадию Тимченко удается избегать разнообразных бюрократических препон, о которые постоянно спотыкаются другие российские предприниматели (эти препонами и преградами утыкан весь их скорбный путь). Так, после шумной истории с переносом памятника Воину-освободителю в Таллинне Кремль решил отомстить Эстонии и неожиданно затеял «ремонт» железной дороги, по которой российская нефть поставлялась на эстонские экспортные терминалы. У конкурентов Тимченко поставки действительно замедлились, однако сам он почти не испытал трудностей.

До некоторых пор Тимченко имел два гражданства – России и Финляндии. В 1999-м от российского гражданства отказался. Для другого такой шаг привел бы к тяжелым последствиям: визг в прессе («Предатель! Эмигрант! Отщепенец!»), стопорение сотрудничества с российскими фирмами, − однако для Тимченко никаких таких последствий не было.

Секрет везения

Конечно, может так случиться, что своими успехами предприниматель обязан собственным талантам, однако многие журналисты, эксперты убеждены, что феноменальные достижения Тимченко на ниве бизнеса объясняются прежде всего его давними связями с Путиным (собственно говоря, первым об этом, как мы видели, сказал Рыбкин).

Нефтеторговец и второй российский президент − ровесники. Утверждается, что в восьмидесятые Тимченко, как и Путин, служил в Первом главном управлении КГБ, хотя, по-видимому, тогда они еще не были знакомы. Познакомились они, надо полагать, в 1991 году, когда Путин был председателем Комитета по внешним связям мэрии, а Тимченко часто посещал это учреждение по своим бизнес-делам.

Тогда-то, считают многие, и были созданы предпосылки для будущих феноменальных успехов в ту пору скромного, ничем не приметного предпринимателя Геннадия Тимченко. Его зародившимися тогда связями, дружбой − назовите как хотите − с будущим российским президентом можно объяснить и благоволение к нему ведущих российских нефтяных компаний, и выгодные контракты, и низкие цены на продаваемую ему нефть, и предупредительное отношение к нему со стороны российской бюрократии.

− Все знают, чей он друг, – говорит Александр Темерко, бывший сотрудник ЮКОСа. – Люди охотно работают с теми, против кого не пойдет никто.

Кстати, в этой книге уже шла речь о продаже главного предприятия ЮКОСа − «Юганскнефтегаза» − на липовом аукционе в в декабре 2004 года. «Юганск» приобрела тогда некая никому не известная, явно подставная фирма «Байкалфинансгруп». Так вот, по одной из версий за этой фирмой, наряду с ближайшим сотрудником Путина Игорем Сечиным и главой «Роснефти» Сергеем Богданчиковым, стоял как раз Геннадий Тимченко и его компаньоны. Это-то и позволило Путину заверить общественность, что «Юганскнефтегаз» приобрели «физические лица, долгие годы работающие в энергетической сфере».

Жутко удачливый банкир

Еще один «крестник» Ивана Рыбкина − Юрий Ковальчук. Начало его знакомства с Путиным также, по-видимому, относится к 1991 году. В ту пору он был президентом акционерного общества «Центр перспективных технологий и разработок» и вице-президентом Ленинградской ассоциации совместных предприятий (ее работу курировал глава городского комитета по внешним связям Владимир Путин).

В 1996 году Путин и Ковальчук вошли в число учредителей дачного кооператива «Озеро». Вроде бы событие малозначимое по государственным масштабам, но в этом кооперативе собралось довольно много людей, в дальнейшем занявших высокие государственные посты, а также преуспевших в бизнесе.

В 2000-м Юрий Ковальчук стал зампредом совета директоров банка «Россия», а в 2004-м − председателем этого совета. В банке ему принадлежит более 30 процентов акций.

Опять-таки с некоторых пор и это учреждение пошло в быстрый рост. Начиная с 2005 года банк «Россия» стал буквально обирать одну из ведущих российских компаний «Газпром», присоединять к себе его структуры. Собственно говоря, «Газпром» почему-то сам добровольно, стал их ему отдавать. В 2005-м в собственность банку передали «дочку» «Газпрома» − страховую кампанию «Согаз», чьи активы составляли 13 миллиардов рублей и превышали собственные активы банка (10 миллиардов).

Владимир Милов, в прошлом заместитель министра энергетики, говорит, что «Согаз» был передан банку «Россия» по прямому указанию Путина:

− Я и еще несколько горячих голов предлагали реформу «Газпрома». А нам отвечали: давайте лучше распродадим непрофильные активы… «По «Согазу» после президентских выборов (2004 года) было принято окончательное решение − утвердить продажу стратегическому инвестору… Путин сказал: банк «Россия», и все. Греф (министр экономического развития и торговли), Шаронов (его первый зам) и другие ребята были поражены. Меня это тоже возмутило…

С этим удивлением и возмущением никто, разумеется, не посчитался.

После этой трансформации, как по мановению волшебной палочки, активы «Согаза» стали стремительно увеличиваться. Покупка этой компании обошлась банку «Россия» примерно в 120 миллионов долларов, но уже через пару лет ее стоимость оценивалась в полтора − два миллиарда.

«Вывести одну из крупнейших страховых компаний России из-под контроля «Газпрома» по смехотворной цене, «накачать» ее доходами за счет заключения договоров с госкомпаниями − такова, похоже, была стратегия группировки Путина в отношении «Согаза», − писали Борис Немцов и Владимир Милов в своей брошюре-докладе «Путин и «Газпром».

В 2006 году под управление структур банка «Россия» перешли пенсионные резервы пенсионного фонда «Газфонд» общим объемом свыше шести миллиардов долларов. В конце 2006-го − начале 2007 года на эти деньги были выкуплены более 50 процентов акций «Газпромбанка», ставшего к концу 2007 года вторым банком страны по размеру активов

Вместо Гусинского и Березовского − Ковальчук

Аналогичным образом − за счет фантастически дешевого приобретения активов «Газпрома» и его «дочки» «Газпром-медиа» − Юрий Ковальчук создал медиа-холдинг «Национальная медиагруппа».

Немцов и Милов:

«В ходе многочисленных внутренних разменов активов случилось так, что из-под прямого контроля «Газпрома» исчез крупнейший в России медиа-холдинг «Газпром-

медиа» (в его состав входят телеканалы НТВ, ТНТ и другие медиа-активы). Акции холдинга были переведены на баланс «Газпромбанка» еще до того, как контрольный пакет акций банка достался «Газфонду», то есть попал в бизнес-империю банка «Россия» и Юрия Ковальчука. В июле 2005 года «Газпром» получил за эти активы от «Газпромбанка» всего 166 миллионов долларов. Однако уже через два года, после того как «Газпром-медиа» в составе активов «Газпромбанка» перекочевал под контроль банка «Россия», вице-премьер Дмитрий Медведев заявил, что стоимость активов «Газпром-медиа» − 7,5 миллиардов долларов. Получается, что «Газпром» отдал эти активы в десятки раз дешевле реальной стоимости!»

Захват гигантского холдинга «Газпром-Медиа» Борис Немцов называет «крупномасштабной аферой друзей Путина». По его словам, в сравнении с ней залоговые аукционы девяностых годов выглядят «образцом честности и прозрачности».

Помимо «Газпром-медиа» в руках банка «Россия» оказались и другие крупнейшие медиа-активы – телекомпании Рен-ТВ и «Санкт-Петербург – Пятый канал», самая читаемая в стране газета «Комсомольская правда», десятки теле- и радиокомпаний и газет. В 2005-2007 годах медиа-группа выиграла конкурс на право вещания в 41 регионе России, затем получила частоты еще в 29 регионах.

Удивительное везение.

Помните, как отнимали телеканалы у Гусинского и Березовского? А теперь гигантский негосударственный медиа-холдинг оказался в руках уже у нового олигарха − Юрия Ковальчука. Стало быть, Путин озабочен не тем, чтобы телевидение и радио не концентрировались в частных олигархических руках, а тем, чьи это руки.

Олигархи, олигархи, кругом олигархи…

Вроде бы Путин собирался встать на пути тех олигархов, которые пытаются просочиться в политику, но факты говорят о другом. Как свидетельствует американский журнал «Форбс» (сентябрь 2008 года), российский парламент (а что это как не политическая площадка?) – самый богатый в мире. Общее состояние членов обеих палат составляет 41 миллиард долларов. Всего в Госдуму и Совета Федерации выбрано и назначено 12 миллиардеров.

На первом месте среди богачей – член Совета Федерации от Республики Дагестан Сулейман Керимов (17,5 миллиарда долларов). За ним следует еще один член верхней палаты Глеб Фетисов (3,9 миллиарда). Третий − депутат Госдумы Андрей Скоч (3,3 миллиарда).

Всего же в России, по данным журнала «Форбс», 87 миллиардеров. Она тут − вторая в мире после США.

В 2008 году «Форбс» впервые признал миллиардером путинского друга Юрия Ковальчука − 1,9 миллиарда долларов. Поменьше, конечно, чем у Геннадия Тимченко, но тоже кое-что.

Вот такая непримиримая борьба с олигархами.

ДУБИНКОЙ ПО ГОЛОВЕ

На словах и на деле…

На словах Путин не однажды выступал за то, чтобы гражданам не чинились препятствия в проведении митингов и демонстраций. Да, собственно, не только на словах: в апреле 2004 года, например, он воспротивился принятию Думой

законопроекта, ограничивающего соответствующие права граждан (ретивые думцы уже приняли его в первом чтении).

- Кому это нужно сегодня: в условиях нашей действительности ограничивать права и свободы граждан на демонстрации и шествия? Не должно быть никаких ограничений, с этим связанных, - заявил Путин на совещании в Кремле.

Однако на деле полицейщина достигла при Путине таких масштабов, каких Россия не знала с советских времен.

«Долой полицейское самодержавие!»

Протесты против этой полицейщины происходили регулярно. Так, в конце июля того же, 2004-го, года несколько молодых «яблочников» провели на Лубянке акцию «Против полицейского самодержавия». На ребятах были черные футболки с красной надписью «Долой Большого Брата!», а под ней - перечеркнутый портрет «лица, похожего на Путина». Демонстранты развернули плакат «Долой полицейское самодержавие!», скандировали лозунги: «Лубянку под снос, режим под откос!», «Долой Большого Брата!», «Долой власть чекистов!» Текст листовки, которую они успели разбросать, гласил:

«ХВАТИТ! Долой полицейское самодержавие!

Конец июля 1826 года. В Санкт-Петербурге казнены лидеры декабристского восстания. Декабристы - патриоты и граждане своей страны, - вышли на площадь вместе с товарищами, противопоставив себя полицейскому режиму абсолютной монархии. Они хотели жить по Конституции, по закону - и за это власть приговорила их к смерти.

С 1826 года мало что изменилось. Александр III, Сталин, Андропов - все эти вожди внесли свой существенный вклад в укрепление полицейской диктатуры в России.

С приходом к власти Владимира Путина Россия все больше становится похожа на карикатурное тоталитарное государство, описанное в романе Дж. Оруэлла «1984». Путин стал настоящим Большим Братом, успешно реализуя три основных лозунга оруэлловской антиутопии. В современном российском варианте они звучат так:
Чечня: война - это мир!
Призыв: свобода - это рабство!
Смерть бесплатному образованию: невежество - сила!

Власть продолжает бессмысленную кровавую войну в Чечне. Разжигает межнациональную рознь. Разлагает российскую армию.

Власть рушит систему бесплатного образования. Загоняет студентов в казармы. Продает наше культурное достояние прикормленным бизнесменам.

Власть уничтожает институты гражданского общества. Громит оппозиционные партии. Кирзовым сапогом втаптывает в грязь свободу слова.

Власть множит полицейские дубинки. Натравливает спецслужбы на неугодных. Фабрикует политические уголовные дела.

Настало время сказать «ХВАТИТ!»

Мы готовы противопоставить полицейской системе путинского авторитаризма и власти коррумпированных чиновников свою гражданскую позицию, стремление бороться за свою свободу и готовность выйти на улицу.

Мы объявляем о намерении организовать акции гражданского неповиновения и прямого давления на власть, о намерении начать широкую общественную дискуссию о

будущем России, о намерении сменить политический режим РФ любыми законными средствами.

Мы не боимся конфронтации с властью. Наши отцы дали нам право голоса, и будет очень сложно заставить нас замолчать».

Шариками с красной краской ребята забросали барельеф Андропова на стене охранительного ведомства.

Акция длилась не более тридцати секунд. Возникшие, как из-под земли, омоновцы повалили демонстрантов на асфальт, выкрутили руки, доставили на допрос в ОВД «Мещанский». «Допрос» закончился тем, что двое участников акции были госпитализированы, причем один из этих двоих, девятнадцатилетний Алексей Кожин, - в тяжелом состоянии: его избил во время допроса следователь старший лейтенант ФСБ Дмитрий Стрельцов (это имя упоминалось в пресс-релизе «Яблока»).

Как видим, хотя ребят и доставили «по принадлежности» в милицейское отделение, допрашивали их фээсбэшники - все как в лучшие сталинские времена.

Второй оказавшейся в больнице демонстранткой была девушка Ирина Воробьева, двадцати одного года.

Оно, конечно, нехорошо проводить «несанкционированные» (то есть не прошедшие процедуру уведомления и согласования) акции, а тем более забрасывать краской, портить казенное имущество, однако реакция властей тут, как и во множестве других подобных случаев, была совершенно неадекватной и незаконной. И «юрист до мозга костей», фанатичный приверженец права лучше других должен был бы знать, в чем ее незаконность.

Единственный аргумент - дубинка

В последние годы правления Путина российская оппозиция не раз проводила так называемые «марши несогласных». Никакой угрозы режиму эти немноголюдные марши, естественно, не представляли. Однако смертельно напуганные «оранжевыми революциями» в республиках СНГ кремлевские правители что есть мочи дули на воду - не колеблясь, обрушивали на «несогласных» милицейские дубинки, а суды послушно выносили им обвинительные приговоры, основанные лишь на показаниях тех же самых «стражей порядка», кто этими дубинками и орудовал.

В апреле 2007 года такой экзекуции подверглись «марши несогласных» в Москве и Петербурге.

14 апреля для подавления московского «марша несогласных» в столицу свезли ОМОН из многих российских регионов. В «операции», кроме того, участвовали внутренние войска, младшие чины ФСБ в штатском, сотрудники частных охранных предприятий, а также внезапно восставшие из пепла (после советских времен) дружинники. Уже накануне на центральных площадях города разместились милицейские автобусы и автозаки. Было такое ощущение, что город на осадном положении.

Возле Пушкинской площади, где был намечен сбор, по словам очевидцев, «все свободные пятачки на поверхности были густо утыканы милицией». Сама площадь − оцеплена. Новопушкинский сквер занят «нашистами» и «молодогвардейцами» из «Единой России».

Появившегося здесь лидера Объединенного гражданского фронта Гарри Каспарова схватили и увезли в неизвестном направлении (после выяснилось − в ОВД «Краснопресненский»).

Омоновцы набросились и на Михаила Касьянова, но охрана и сочувствующие отбили его.

Дворами Касьянова вывели на Страстной бульвар.

− Вы видели, как сейчас меня пытались задержать, − сказал Касьянов. − Слава богу, вы же меня и спасли, поддержали. Спасибо вам. Видите, что происходит. Кто может объяснить, какая причина? Мы пришли спокойно, никого не трогая… Граждане имеют право двигаться по улицам города. А нам не дают просто прийти на Пушкинскую площадь. Сумасшествие, которое овладевает властью, просто за пределами нормального понимания. Как вы видите, она боится любого протеста, несогласия…

Колонна «марша» двинулась из района Пушкинской площади (сама она, как уже говорилось, была оцеплена) по бульварам в сторону Тургеневской площади. Ей приветственно сигналили проезжавшие мимо автомобили. Основной лозунг, который выкрикивали демонстранты − «Россия без Путина!»

На Рождественском бульваре демонстранты попали в ловушку, устроенную ОМОНом и внутренними войсками: блюстители порядка перекрыли колонне возможность двигаться и вперед, и назад.

«Засверкали дубинки, повалились флаги и люди, − писал потом репортер «Новой газеты». − Количественный перевес омоновцев не оставил демонстрантам у дома номер 13 никакой другой альтернативы, как бежать в переулки и оттуда по несколько человек просачиваться на Тургеневскую площадь. Били жестоко … У козырька метро «Чистые пруды» толпу вдавливали под землю…»

По словам советницы Гарри Каспарова Марины Литвинович, ОМОН обрушивал свою ярость не только на участников марша, но и на тех, кто никакого отношения к ним не имел:

- Они шли по своим делам, а их просто хватали и увозили.

Одним из свидетелей расправы был депутат Госдумы Владимир Рыжков.

- Чувствуя свою безнаказанность, - рассказывал он, - они (омоновцы. - **О.М.**) зверели еще больше.

«Долой гэбистский режим!»

Аналогичные события произошли на следующий день, 15 апреля, в Петербурге. Хотя потом сообщалось, что здесь все вроде бы прошло спокойнее, чем накануне в Москве, на самом деле все было как раз наоборот − действия ОМОНа были еще более жестокими и бессмысленными.

Как писала пресса, в Питер для разборок с демонстрантами были свезены тысячи омоновцев и солдат внутренних войск из Карелии, Новгорода, Республики Коми, из других мест. Их разместили возле здания ТЮЗа еще за два дня до начала «марша» (впрочем, проводить непосредственно марш власти не разрешили − дозволили только митинг). Иногородние правоохранители жили в своих автобусах и грузовиках, питаясь сухим пайком. Как невесело шутили журналисты, видимо, их специально не кормили, чтобы были злее.

Пионерская площадь, на которой власти разрешили «несогласным» провести митинг, с утра обнесли заграждениями, оставив лишь один вход − через шесть (!) КПП, оснащенных металлоискателями. Вокруг заграждений стояли омоновцы и солдаты, все окрестные улицы были запружены милицией. Над площадью летал милицейский вертолет.

В отличие от московской акции, носившей в общем-то политический характер, здесь было много в и неполитических требований «местного» свойства − протестов против городской «точечной застройки», обмана дольщиков, намыва берегов Финского залива… Но были и политические лозунги: «Нет кремлевскому произволу!», «Коррумпированная власть превратила народ в социальных рабов», «Разыскивается гарант Конституции». Один из участников митинга держал воздушный шарик с

надписью: «Я против бандитов во власти». На куртке другого была нашивка: «Долой гэбистский режим!» Еще у одного на высокой шапке была надпись: «Хочу жить по закону. Имею право: Конституция РФ».

Сам митинг, в общем-то, прошел спокойно. Все началось, когда его участники стали расходиться: исход людей был провокационно квалифицирован как запрещенное «шествие». Правоохранители набросились на расходившихся с дубинками. Одному из организаторов митинга бывшему депутату городского законодательного собрания Сергею Гуляеву сломали руку. «Скорая» забрала его из отдела милиции, куда он был доставлен. В ту же самую больницу, что и Гуляев, вся в крови, была доставлена Ольга Цепилова, член федерального бюро «Яблока»: омоновец ударил ее дубинкой по лицу, когда она пыталась заступиться за какую-то старушку. У Ольги был сломан нос, она получила тяжелое сотрясение мозга.

Людей, возвращавшихся с митинга больше часа гоняли туда-сюда по аллее на Загородном проспекте, при этом сотни людей были задержаны, посажены в заранее подготовленные автобусы, снятые с обычных городских рейсов и отправлены в отделы милиции. Многие получили серьезные травмы.

Омоновский беспредел

«Новая газета (Санкт-Петербург)» так описывала омоновский беспредел, творившийся в эти часы в северной столице:

Один из участников акции, Эдуард, не принадлежащий ни к какой партии, получил двое суток ареста за то, что − как рассказывают свидетели, − спросил у омоновцев: «Зачем вы задерживаете людей?» − «Сейчас узнаешь!» − ответили те…

Максим Филандров, гражданин Франции, экс-представитель Европейского Союза в Северо-Западном регионе:

− Около трех часов дня я гулял в садике у Британского консульства, ждал своего приятеля, англичанина. Неожиданно на меня налетели сзади и повалили на землю. Били

дубинками, выкручивали руки, потом поволокли в машину. Двести метров протащили... Знаете, я с 1976 года бываю в России, но так − чтобы лицом об асфальт − со мной еще не случалось никогда… Я связался с консульством Франции. Предъявил милиции консульскую карточку. А сотрудник правоохранительных органов засунул ее себе в задний карман и сказал, что «это не документ». «За что вы меня задержали?» − спрашивал я, но милиционеры мне ничего не отвечали. Рядом со мной ехали еще трое мужчин. Им также не объясняли, почему они задержаны. Уже там, куда нас доставили, − в Центральном РУВД Петербурга − вдруг выяснилось, что мы здесь из-за «неповиновения сотрудникам милиции»... Сейчас у меня, по-моему, вывихнуты оба плеча и от ударов в грудь я задыхаюсь. На 20-00 меня еще не осматривали врачи, − пока я все еще нахожусь в милиции».

Задерживали и избивали журналистов, хотя им загодя были розданы жилеты с опознавательной надписью «Пресса». «Новая газета (Санкт-Петербург)»:

«Первым получил увечья фотограф Европейского фотоагентства (EPA) Анатолий Мальцев − ему досталось дубинкой по голове. Милиция также пыталась задержать корреспондента информационного агентства «Фонтанка.ру» Алексея Яушева и корреспондента радиостанции «Эхо Москвы» Кирилла Манжулу − несмотря на то, что они оба были в пресс-жилетах, сделанных по инициативе губернатора Валентины Матвиенко. От омоновских дубинок пострадал и фотокорреспондент «Делового Петербурга» Андрей Кульгун, также одетый в «спасательный» жилет прессы. Был задержан и препровожден в 38-й отдел милиции корреспондент журнала «Город» Антон Мухин. В результате «работы» милиции после «марша несогласных» были задержаны и журналисты «Новой газеты» Алексей Дьяченко (Петербург) и Елена Костюченко (Москва).

Алексей Дьяченко:

− Около 15-30, когда уже все закончилось, я шел по Загородному проспекту. Фотографировал площадь, расходившихся участников митинга. Увидел автомобили

ОМОНа из другого региона (67 − Смоленск). Решил их тоже сфотографировать. Тут же выскочили пятеро омоновцев. Запихнули меня в автобус. Спросили, кто я такой и что здесь делаю.

− Журналист «Новой газеты»...

− Ну, если ты журналист, я − Чингачгук, − пошутил один из них.

Я вздохнул:

− Понимаю...

Как же их это разозлило! Мне нанесли несколько ударов в грудь и по голове.

Отобрали и разбили диктофон. Вытащили флэшку и стерли с нее все содержимое. Затем меня выпихнули из автобуса. Я напоследок попросил вернуть журналистское удостоверение.

− Так иди! − захлопывая дверцу, отмахнулся омоновец.

− Мне надо отчитаться перед редакцией: где мои документы?

Тогда он вытащил ксиву и демонстративно разорвал.

Я обратился в ближайший травмпункт на улице «Правды». Зафиксировал травмы. Получил справку. Написал и оставил в 38-м отделе милиции заявление с просьбой «разобраться».

Московская журналистка Елена Костюченко, корреспондент службы информации «Новой газеты», пострадала вообще ни за что. Девушку просто выхватили из толпы у станции метро «Пушкинская».

− Это было уже после марша, − рассказывает Елена, − складывалось впечатление, что людей просто брали по одному, без повода, наугад...

Елену Костюченко задержали и доставили во 2-й отдел милиции Адмиралтейского района... Сотрудники милиции заявили, что дальнейшую судьбу задержанной москвички определит суд…»

«Путин не виноват, виноват Нургалиев»

Что знаменательно, жесткие, или, если хотите, жестокие, действия милиции вызывали возмущение даже у людей, вроде бы призванных всячески оправдывать действия путинской администрации. Так, после разгона маршей в апреле 2007 года в Москве и Петербурге председатель Совета при президенте РФ по развитию институтов гражданского общества и правам человека Элла Памфилова заявила:

- То, как поступала милиция, это просто безобразие… Что меня возмущает, о чем я говорю со всеми начальниками: не нравится кому-то Удальцов, Литвинович (организаторы и участники маршей. - **О.М.**), кто угодно, но у них есть право выражать свою политическую позицию цивилизованными методами.

Правда, Памфилова, как и подобает правозащитнице «при президенте», постаралась выгородить Путина: мол, приказ о разгоне митингов, как она считает, отдал не он. В то же время, по словам Памфиловой, президент сейчас должен наказать «не просто рядовых сотрудников, которые проявили себя безобразно, показали свою несостоятельность... но и их руководителей».

- Одно дело, если их учат воевать с бандитами и с экстремистами, - сказала Памфилова, - и другое дело, когда идет мирная толпа. Это безобразие!

Как заявила Памфилова, «после таких событий» министр внутренних дел глава МВД Рашид Нургалиев должен подать в отставку как человек, «который, не смог обеспечить реформирование милиции и сделать то, что он обещал, когда приходил на этот пост».

Ну да, приказы о разгоне митингов и демонстраций отдает не президент: не царское это дело. Однако, взгромоздившись на вершину «вертикали власти», которую он сам же и возвел, Путин сам себя сделал ОТВЕТСТВЕННЫМ ЗА ВСЕ, ЧТО

ПРОИСХОДИТ В СТРАНЕ. В таковом качестве он и должен был бы немедленно прогнать со своего поста этого самого министра внутренних дел (по своей воле эти джентльмены редко уходят). Но не прогнал ни в этом, ни во множестве других подобных ситуаций. По-видимому, Нургалиев вполне его устраивал.

Правда, кое-какие перемещения среди милицейского начальства, по крайней мере, московского, после событий 14 − 15 апреля Путин осуществил: сменил руководство столичного ОМОНа. Но смена получилась весьма своеобразная: новым командиром московских омоновцев он сделал полковника Хаустова, который во время апрельских драматических событий, будучи исполняющим обязанности командира ОМОНа, отвечал как раз за тот участок Пушкинской площади, откуда манифестанты начали шествие; то есть после избиения участников марша и простых прохожих этот милицейский чиновник получил повышение; точно так же был повышен в должности и полковник Гостев - Путин сделал его начальником управления обеспечения общественного порядка ГУВД Москвы; между тем при разгоне «марша несогласных» Гостев был ответственным за так называемую «первую зону», куда входили центральные московские площади, то есть опять-таки руководил омоновской экзекуцией.

«Зачистка» в Благовещенске

Нельзя сказать, чтобы путинский режим жестоко расправлялся лишь со своими политическими противниками. Уже говорилось о зверском избиении сочинцев, вроде бы никак не проявлявших своей оппозиционности в октябре 2000 года. Немало было и других подобных случаев. Один из самых известных - массовая «зачистка» в башкирском городе Благовещенске в декабре 2004-го. Вроде бы не Чечня, где это

страшное слово - «зачистка» - с некоторых пор стало синонимом ни с чем не сравнимого ужаса, - но вот поди ж ты…

За несколько дней в этом городе милиция и ОМОН арестовали от пятисот до тысячи граждан, в большинстве своем - абсолютно ни в чем не виновных. Многие из них были жестоко избиты. В основном задерживали и избивали молодежь в возрасте от пятнадцати до тридцати. В городе фактически был введен комендантский час: все, кто появлялся на улице после восьми вечера, оказывались в кутузке…

Собственно говоря, что стало поводом для этой расправы? Вроде бы повод: незадолго до «зачистки» какие-то дебоширы избили нескольких милиционеров… Действительно неприятное происшествие. Но на этот случай, не правда ли, существуют предусмотренные законом процедуры: поиск виновных, арест, суд. Однако башкирские правоохранители, как и многие другие их российские коллеги, не стали утруждать себя такими глупостями, как дознание, следствие, предъявление доказательств в суде - принялись хватать всех подряд. На милицейском языке это называлось «профилактическая операция».

Есть множество свидетельств того, как проводилась эта «профилактика». Вот как описывала ее «Новая газета»:

«Кошмар пришел в Благовещенск 10 декабря, во Всемирный день защиты прав человека (знаменательное совпадение! - **О.М.**) Сорок человек в масках и камуфляжной форме прибыли на специальном «КамАЗе» и автобусе «ПАЗ» в центр города.

Вооруженный дубинками и автоматами десант высадился на центральной улице города и стал врываться в кафе и игровые салоны, забирая подряд всех мужчин. Любого, кто осмеливался возражать, немедленно и демонстративно избивали. По свидетельствам очевидцев, людей штабелями запихивали на заднюю площадку автобуса и отвозили в здание милиции, пишет издание.

Восемнадцатилетнего Сашу Кулакова забрали прямо на улице. Он с девушкой шел в клуб.

- Когда нас привезли в милицию, то я своим глазам не поверил, - рассказывает Саша, - люди стояли вдоль стен в фойе, коридорах и даже на лестницах. Нас отвели в подвал и тоже поставили лицом к стенке.

Если следовать букве закона, подобная «профилактика» проходит в Уголовном кодексе под названием «пытка». Все, кто прошел через это даже без побоев, не могли на следующий день подняться с постели, - мышцы сводило судорогой.

После пыток людей, как рассказывают сами задержанные, уводили на фотографирование и снятие отпечатков пальцев, затем предлагали подписать пустые протоколы. Если кто-то отказывался, его немедленно отводили в специальную комнату, где били резиновыми дубинками…

Дениса Соколова увезли на «скорой» прямо из «темной» комнаты, - парень держался до последнего и потерял сознание во время экзекуции. Алексея Расчесова отделали еще в автобусе так, что пробили ему мочевой пузырь. По утверждению оперировавшего его доктора Салимгареева, парень останется инвалидом на всю жизнь.

О женской категории «зачищенного» Благовещенска милицейские источники умалчивают. По свидетельству очевидцев, девушек заставляли раздеваться догола прямо на глазах ОМОНа. После публичного обыска девушек отводили в еще одну комнату, на втором этаже…

Все это происходило в присутствии сотен задержанных, в присутствии сотрудников местного РУВД.

Сегодня по квартирам избитых и изнасилованных людей ходят милиционеры и сотрудники городской администрации и, ухмыляясь в лицо, спрашивают: «Правозащитники завтра уедут, а вам здесь жить! Ну что, будете писать заявления?»

Такую вот «диктатуру закона» установил в России Путин.

Могут возразить: но ведь не он же лично приказал избивать и насиловать. Ну да, наверное, опять не он. Но, без сомнения, он должен был бы адекватно прореагировать на этот чудовищный бандитизм так называемых правоохранителей. На самом деле никакой адекватной реакции не последовало, будто ничего такого особенного и не произошло. Наказали - как всегда в таких случаях, довольно мягко, символически - нескольких «стрелочников»…

И еще. Думаю, многие из этих зверей в милицейской и омоновской форме прошли соответствующую школу в Чечне. Именно там, не боясь начальственного окрика, а напротив, ожидая всяческого поощрения, они научились избивать и насиловать.

К учреждению этой чеченской школы насилия и бесправия, как мы знаем, Путин имел самое непосредственное отношение.

Единственная надежда - Страсбург

Не находя защиты от произвола в собственной стране, многие россияне пытались ее найти в Европейском суде по правам человека в Страсбурге. В результате наше отечество оказалось на одном из первых мест, откуда поступают обращения. В большинстве случаев это были жалобы на «злоупотребления» милиции и коррупцию судов. Разумеется, Страсбургский суд не в состоянии был рассмотреть десятки тысяч

«российских» жалоб, - успевал справиться лишь с десятками из них, но при этом в большинстве случаев суд признавал виновными российские власти.

Большую известность получила, например, история нижегородца Александра Михеева, которого ложно обвинили в изнасиловании и убийстве женщины. Следователи добились от него признания нехитрым способом, - подключая электрические контакты к мочкам ушей (кстати, такую пытку истязатели называют «звонок Путину»). Не выдержав пыток, Михеев выбросился из окна СИЗО, сломал себе позвоночник и оказался парализован. А спустя несколько дней его «жертва» объявилась целой и невредимой. Против милицейских заплечных дел мастеров, хочешь - не хочешь, пришлось возбуждать уголовное дело. Его неоднократно закрывали, пытались все спустить на тормозах… Все же в сентябре 2005-го двух милицейских следователей приговорили к небольшим срокам заключения. Зато кое-кто из числа других, причастных к этому делу, напротив, получил повышение по службе.

Страсбургский суд, рассмотревший дело Михеева, признал незаконными действия российских властей, потребовал от них выплатить Михееву компенсацию… Хотя вряд ли деньги вернут ему потерянное здоровье.

Несчетное число случаев такого рода происходило, естественно, в несчастной Чечне. Один из них приводится в отчете «Мемориала». В январе 2005-го высокогорное село Зумсой непонятно по какой причине стало объектом «спецоперации» - подверглось бомбежке, после которой возле него с вертолетов высадился десант. «Федералы» в масках обшарили все дома в поисках неизвестно чего, как считают жители - в поисках ценностей. Покидая село, они забрали с собой Ваху Мухаева, его 16-летнего сына Атаби и еще двух человек. С тех пор никто их не видел. Потеряв надежду что-либо узнать о судьбе похищенных от российских властей, брат Мухаева Мехти и другие родственники подали иск в Страсбургский суд…

«Ты тоже можешь исчезнуть»

Как вы понимаете, бесчисленные случаи обращения россиян в этот суд весьма неприятны для этих самых властей. Власти, особенно «на местах», стараются сделать все, чтобы сократить поток жалоб, - нет, не проводя по ним собственное объективное разбирательство, а - всеми способами запугивая жалобщиков.

По сведениям Европейского правозащитного центра в Лондоне, - они были оглашены в марте 2006 года, - с 2001 года до момента публикации этих данных как минимум пять человек, направивших жалобы в Страсбург, были убиты, десятки – похищены милицией и подвергнуты избиениям и пыткам. Юрист российской правозащитной организации «Правовая инициатива» Андрей Николаев, сообщил, например, о таком случае. В январе 2001 года одна из жительниц Грозного подала в Страсбургский суд иск по поводу исчезновения своего старшего сына Исы, арестованного российскими военными во время проверки паспортов. И вот в ноябре

2005-го, - по-видимому, когда суд приступил к рассмотрению этого иска, - сотрудники грозненской прокуратуры вынудили младшего сына этой женщины, Руслана, написать письмо тогдашнему генпрокурору Устинову с просьбой закрыть дело.

- Они сказали, что могут устроить и мое исчезновение, – рассказывал Руслан правозащитникам.

Из Москвы его написанное под угрозами заявление переслали в Страсбург…

Однако Европейский суд по правам человека не только не закрыл дело, но добавил в обвинительное заключение пункт о запугивании свидетеля: в Страсбурге хорошо известны нравы, царящие в России.

Обращение Мехти Мухаева в Страсбургский суд также едва не стоило ему жизни. В одну из ночей накануне нового, 2006-го, года его дом обыскали, а его самого увезли. В январе юристу «Мемориала» Зарете Хамзатхановой удалось найти его в местном СИЗО. По ее словам, он едва держался на ногах. Как рассказал Мухаев, его пытали одиннадцать дней. «Меня били, подвергали действию электрошока, угрожали, что я исчезну», – говорилось в его письменных показаниях.

Одной из причин гонений на неправительственные организации, которые Кремль развернул в последние годы, служит как раз то обстоятельство, что некоторые из этих организаций - в частности, те, которые получают финансирование из-за рубежа, - помогают россиянам найти дорогу в Европейский суд. В январе 2006 года Путин подписал закон, ужесточавший контроль над ними со стороны чиновников. Среди прочего, «иностранные» НПО обязывались пройти перерегистрацию по новым правилам, − в результате чего многие из них, оказавшиеся неспособными преодолеть возведенные этими правилами бюрократические барьеры, попросту прекратили свою деятельность… Что другое, а придушить кого угодно всевозможными правилами,

постановлениями и законами российское чиновничество ох как умеет. Ему только дай команду.

Все критикующие начальство – экстремисты

В июле 2006 года Путин подписал поправки к закону «О противодействии экстремистской деятельности». Понятие «экстремизм» в нем безмерно расширялось. В частности, экстремизмом теперь предлагалось считать деятельность, направленную на «осуществление массовых беспорядков… по мотивам идеологической, политической… ненависти либо вражды, а равно по мотивам ненависти либо вражды в отношении какой-либо социальной группы», «публичную клевету в отношении лица, замещающего государственную должность Российской Федерации или государственную должность субъекта Российской Федерации».

Стало быть, под определение «экстремизм» отныне попадали не только, допустим, действия «лимоновцев», проникших в приемную Администрации президента, но и организация шествий, митингов с лозунгами против власти, против правящей бюрократии, участие в этих шествиях и митингах. Ведь власть, правящую бюрократию вполне можно отнести к «социальной группе» − это понятие довольно неопределенное.

Более того, к экстремизму теперь можно было отнести любую критику того или иного высокопоставленного чиновника, любое выступление оппозиционного политика, в котором он обвинял представителей власти в коррупции или в нарушении прав и свобод граждан, расценив эту критику как клевету. Правда, квалифицировать соответствующую публикацию или выступление в таковом качестве должен был суд, но за этим у нас, как известно, дело не станет…

Вспоминается анекдот советских времен. В колхоз приезжает иностранная делегация. Картина неприглядная: дороги разбиты, машины буксуют в грязи, на фермах

− дерьма по колено… После отъезда гостей инструктор райкома набрасывается на председателя чуть не с кулаками: «Ты что же, сукин сын, дороги не поправил, на фермах не навел порядок! Они же такое про тебя напишут!» − «Та нэхай клевещуть» − спокойно отвечает председатель.

Так и здесь: что бы ты ни сказал про начальство, − все будет клевета.

По-новому расшифровывалось и понятие «экстремистские материалы»: как говорилось в «поправленном» законе, − это «предназначенные для обнародования документы либо информация… призывающие к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающие или оправдывающие необходимость осуществления такой деятельности». Так что опять-таки любые статьи, заметки, интервью, где содержалась критика власти, чиновников, любые пропагандистские, предвыборные материалы оппозиционного свойства можно теперь было отнести к экстремистским, а тех, кто так или иначе причастен к их созданию и распространению, − к экстремистам.

Как видим, новый закон со всех сторон обкладывал всех оппозиционеров, всех несогласных, всех чем-то недовольных: не моги супротив нас слова сказать − засудим!

Естественно, людей, которые попадали в категорию «экстремистов», теперь ожидали более суровые наказания, нежели те, которые полагались, допустим, просто «хулиганам» или «клеветникам» (наиболее часто используемая еще с советских времен квалификация для всякого рода оппозиционеров и диссидентов; помните частушку про Владимира Буковского: «Обменяли хулигана на Луиса Корвалана»?)

НЕСЧАСТНЫЕ ДЕТИ БЕСЛАНА

Они приехали на военном грузовике…

Утром 1 сентября 2004 года группа боевиков захватила школу №1 в городе Беслан в Северной Осетии. По рассказам очевидцев, после традиционной торжественной линейки во двор школы въехал какой-то военный грузовик с кузовом, закрытым брезентом, из которого выскочили люди в камуфляже и масках. Стреляя, они рассекли надвое собравшуюся во дворе толпу. Тех, кто оказался ближе к школе, - взрослых и детей, - боевики загнали внутрь здания. После этого принялись выгружать из машины какие-то ящики. Позднее выяснилось, что в них были боеприпасы - гранаты, самодельные взрывные устройства, противопехотные мины.

Начались тревожные часы ожидания развязки…

Местные жители, чьи близкие оказались в руках боевиков, более всего опасались скоропалительного штурма школы, как это уже не раз бывало в России раньше в подобных ситуациях. Один из местных милиционеров, у которого в школе остался сын, даже заявил:

- Если в Москве прикажут начать штурм, я сам убью того, кто отдаст такой приказ…

Был ли позже отдан такой приказ и кто его отдал, так и осталось неизвестным. По официальной версии в своей самой драматичной фазе события развивались стихийно.

Власти, как всегда, врут

Как обычно, власть изо всех сил старалась приуменьшить масштабы трагедии. Сначала сообщалось, что захвачено от двухсот до трехсот заложников. Потом эта цифра возросла до 354. То, что называлась именно такая цифра, а не «круглые» 350 или 360, по-видимому, должно было говорить, что все подсчитано со скрупулезной точностью.

Думаю, мало кто верил этим цифрам: все уже привыкли к тому, что в подобных ситуациях власть беспардонно врет.

На самом деле в заложниках оказался 1181 человек.

Вскоре после захвата школы Путин заявил, что главная задача властей - спасти жизнь и здоровье людей, оказавшихся в заложниках, и все их, властей, действия «будут посвящены и подчинены исключительно этой задаче».

Увы, как и во многих других подобных случаях, решить эту «главную» задачу властям не удалось. Весь вопрос в том, была ли возможность ее решить. И было ли в самом деле желание найти такое решение.

Чего они требовали

Чего требовали боевики? Во время самих событий для широкой публики это осталось неизвестным: ей сообщили, что никаких требований террористы не выдвигали, - передали в оперативный штаб «пустую кассету». Однако несколько позже, когда все уже было позади, Шамиль Басаев опубликовал на одном из интернет-сайтов письмо, где взял на себя ответственность за ряд громких терактов, в том числе за Беслан, и, среди прочего, сообщил, что требовали террористы в обмен на освобождение заложников. В общем-то, они требовали примерно того же, что и захватчики театрального центра на Дубровке - «немедленно остановить войну в Чечне и начать вывод войск». Допускался и альтернативный вариант - отставка Путина: «Если Путин не хочет мира, мы требуем немедленной его отставки с поста президента». Следующее условие - «Если Путин издает приказ немедленно остановить войну, вывести все войска в казармы и начать вывод войск, мы даем всем воду». Еду заложники получили бы после начала реального вывода войск. И далее: «Как только выводятся войска из

горных районов, мы отпускаем детей до десяти лет. Остальных - после полного вывода войск. Если Путин подаст в отставку, - мы отпускаем всех детей и с остальными уходим в Чечню».

Понятное дело, требования были невыполнимыми, однако они все же были, и это открывало возможность для каких-то переговоров.

- Переговоры с захватчиками необходимо было вести во имя спасения людей, - заявил вскоре после событий депутат Госдумы Владимир Рыжков. - Я сожалею, что этого не было сделано. Более того, оказалось, что нам врали и врут до сих пор официальные власти, которые говорили, что террористы не выдвигали никаких требований, что кассета, которую они передали, была пустая. Это была ложь, которая только провоцировала агрессию со стороны боевиков.

Парламентская комиссия Северной Осетии, расследовавшая обстоятельства теракта параллельно с федеральной комиссией, констатировала, что к исходу второго дня на переговоры с террористами так и не вышел ни один из «значимых» федеральных чиновников.

Отказ от переговоров означал, что заложники фактически были брошены на произвол судьбы и обречены.

«Спонтанный» штурм

Согласно официальной версии, события, приведшие к трагической развязке, происходили в такой последовательности. Около часа дня 3 сентября к школе подъехал автомобиль МЧС, чтобы забрать тела заложников, расстрелянных боевиками (те согласились их отдать). Вроде бы ничто не предвещало обострения обстановки, налаживались какие-никакие - пусть даже такие вот «похоронные» - контакты. Однако

через несколько минут внутри школы раздались два сильных взрыва, после чего и началось то, что можно назвать штурмом.

Власти утверждали, что не собирались штурмовать школу.

- Мы планировали переговоры по мирному освобождению заложников. Именно для этого прибыл в Беслан советник президента Аслаханов, - заявил один из руководителей операции начальник управления ФСБ по Северной Осетии Валерий Андреев.

Насчет того, какие планы действительно были у вершителей российской власти, до сих пор не очень понятно. Аслаханов появился в Беслане, когда все уже кончилось…

До конца невыясненным осталось и то, по какой причине случились те первые взрывы, послужившие сигналом для штурма. В прессе выдвигались разные версии: то ли это боевики подорвались на собственной растяжке, то ли себя случайно подорвала женщина-камикадзе, входившая в состав боевиков, то ли опять-таки случайно сработало одно из взрывных устройств, которые боевики разместили в спортзале школы…

- Нас всех согнали в спортзал, - рассказывала одна из заложниц. - Взрывные устройства были прикреплены скотчем к стенам помещения. Одно из них оторвалось, упало на землю и взорвалось.

Не очень понятно, как эта женщина, находившаяся, надо полагать, как и другие заложники, в состоянии стресса, смогла различить такую деталь, как оторвавшийся где-то скотч. К тому же я не уверен, что и сами боевики, среди которых, наверное, были профессиональные подрывники, стали бы крепить смертоносные устройства к стенам

столь ненадежным способом: в конце концов, опасности они ведь подвергали не только жизни заложников, но и собственные жизни.

Впрочем, уже в первых сообщениях, - например, в сообщении корреспондента НТВ, - говорилось, что взрывы случились не в самом спортзале, а на чердаке над ним. Это существенно меняет дело.

Из-за взрывов сразу же обрушилась часть крыши спортзала, вызвав гибель множества людей.

Воспользовавшись возникшей суматохой, из здания школы выскочили заложники. Террористы стали по ним стрелять. Спецназ открыл ответный огонь. Ситуация осложнялась тем, что в направлении школы начали пальбу также местные «ополченцы» и осетинская милиция, увеличивая хаос и мешая спецназовцам…

…Всего в итоге погибло 334 человека, в том числе 317 заложников. Из них - 186 детей.

Вслед ушедшему поезду…

4 сентября, на четвертый день после захвата бесланской школы, Путин обратился к народу. В его речи содержались покаянные слова, призванные вроде бы обозначить главные причины, почему стала возможной трагедия:

- Мы перестали уделять должное внимание вопросам обороны и безопасности, позволили коррупции поразить судебную и правоохранительную сферы… Наша страна - с некогда самой мощной системой защиты своих внешних рубежей - в одночасье оказалась не защищенной ни с запада, ни с востока… Мы могли бы быть более эффективными, если бы действовали своевременно и профессионально... Мы не

проявили понимания сложности и опасности процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире в целом…Не смогли на них адекватно среагировать. Проявили слабость».

Это констатация, пусть и весьма расплывчатая, причин трагедии. А каковы планы по недопущению подобных трагедий в будущем?

- Мы просто не можем, не должны жить так беспечно, как раньше, - сказал Путин. - Мы обязаны создать гораздо более эффективную систему безопасности, потребовать от наших правоохранительных органов действий, которые были бы адекватны уровню и размаху появившихся новых угроз. В ближайшее время будет подготовлен комплекс мер, направленных на укрепление единства страны.

Уже здесь проскальзывает некоторая несуразица: то, что система безопасности оказалась неэффективной, а правоохранительные органы работают бездарно, - это понятно, иначе как бы могло получиться, что отряд боевиков совершенно беспрепятственно проник в город и захватил огромное число заложников (а ранее, мы знаем то же самое произошло вообще в одном из районов российской столицы, на Дубровке); но причем здесь абстрактно-риторическое «укрепление единства страны»? В огороде бузина, а в Киеве дядька…

Обращение Масхадова

Аслан Масхадов, которому российские власти не позволили принять участие в освобождении заложников, хотя он готов был это сделать, опубликовал обращение, в котором осудил последние террористические акты, предпринятые, как он утверждал, без его ведома и вопреки его воле.

«Захват школы в Беслане, взрыв двух российских самолетов и теракт смертницы в Москве, - говорилось в обращении, - вызывали безусловное осуждение руководства

Чеченской Республики Ичкерия. Мы заявляли и заявляем, что не может быть никаких оправданий террору против ни в чем не повинных граждан».

В то же время, Масхадов писал о том, каковы, по его мнению, истинные причины этой террористической войны:

«Но было бы бесчестно по отношению к погибшим, и безответственно по отношению к живым, если бы, осудив убийц, мы не назвали политических причин трагедии и не попытались, пусть и без особой надежды на успех, в очередной раз призвать мир осудить политику, в результате которой такие трагедии становятся не только возможными, но и неизбежными… Президент Путин в своем выступлении пытался возложить ответственность на внешние силы. В действительности же, причиной трагедии в Беслане и всего бесконечного цикла насилия в Чечне и вокруг нее является политика самого Путина, режим которого виновен в самых массовых преступлениях против человечности в Европе со времен второй мировой войны».

«Никаких переговоров с ублюдками!»

6 сентября Путин встретился в Ново-Огареве с зарубежными журналистами и учеными, изучающими Россию. Разговор шел о Беслане. Среди прочего, Путину задали вопрос, не собирается ли он все-таки, несмотря на неоднократные прежние отказы, вести переговоры с чеченской стороной, после Беслана начать такие переговоры.

В ответ Путин заявил, что у людей, которые призывают к переговорам с чеченскими лидерами, «нет совести».

- Почему бы вам не встретиться с Усамой бен Ладеном, не пригласить его в Брюссель или в Белый дом, не вступить в переговоры, не спросить, чего он хочет, и не дать ему это, чтобы он оставил вас в покое? Почему вы этого не делаете?.. - обратился

он к журналисту, задавшему вопрос. - Если вы считаете невозможным иметь дело с этими ублюдками, так почему мы должны говорить с людьми, которые убивают детей?.. Ни у кого нет морального права советовать нам говорить с убийцами детей. Маргарет Тэтчер, с которой я не раз встречался, сказала: «Человека, который выходит на улицу убивать других людей, следует убить».

Здесь Путин говорит, что не желает вести переговоры с чеченскими лидерами (прежде, напомню, он такие переговоры все же вел), но, без сомнения, такая же внутренняя установка довлела над ним и тогда, когда он отказался вести переговоры с рядовыми боевиками, захватившими бесланскую школу. Будь это иначе, он дал бы указание своим подчиненным - руководителям операции по «освобождению» заложников - все-таки наладить какой-то диалог с захватчиками, с тем чтобы действительно - не на словах, а на деле, - спасти детей, или, по крайней мере, свести до минимума число жертв.

Путин категорически отрицал, что между российской политикой в Чечне и событиями в Беслане есть какая-то связь. Любимая его песня: чеченская война тут не при чем - во всем виноват «международный терроризм».

Кстати, по утверждению английской «Гардиан» (ее корреспондент присутствовал на встрече), Путин признал, что российские военные в Чечне нарушают права человека, но, как и пытки в иракской тюрьме «Абу-Грейб», эти нарушения «не санкционированы сверху».

Думаю, есть все-таки разница между отдельными случаями пыток в упомянутой иракской тюрьме, которые получили скандальную огласку и быстро были пресечены американским командованием, и повсеместным их распространением на чеченской территории во время обеих чеченских войн. Совершенно несопоставимы масштабы этих злодеяний.

По поводу пыток и других мерзостей, совершаемых федеральными войсками и их местными союзниками на Северном Кавказе, Путин философски заметил:

- На войне случаются отвратительные вещи, имеющие собственную логику.

Ну да, на войне, как на войне. Однако цивилизованное человечество, остро переживая эти «отвратительные вещи», давно уже стремится все-таки как-то им противодействовать, а не констатировать философски их неизбежность. Никаких таких особенных усилий в этом направлении Путин не предпринимал. Хотя и мог бы.

По школе стреляли из огнеметов?

Правозащитники, родственники погибших обвинили власти в том, что при штурме школы использовались танки, огнеметы - из-за этого-то число погибших и оказалось столь велико. В официальных сообщениях ничего об этом не говорилось. Однако уже в середине октября член федеральной парламентской комиссии, расследовавшей события в Беслане, Аркадий Баскаев признал, что тяжелое вооружение действительно использовалось.

- Действительно, были танки, огнеметы, гранатометы, - сказал Баскаев, выступая на Би-Би-Си, - однако когда, в какой момент применялись эти средства, - когда там осталась только группа боевиков или это было чуть раньше, мы пока не знаем.

Парламентская комиссия так этого и «не узнает». Однако матери детей, погибших во время штурма школы в Беслане, не желали смириться с этим «незнанием». Они пытались докопаться до истины независимо от официального расследования. Женщины были уверены, что в их гибели виноваты не только боевики, но и официальные власти; поэтому они, власти, и не желают говорить всей правды о Беслане.

- Мы хотим знать, кто нас предал… - заявила в июне 2005 года Сусанна Дудиева, возглавившая комитет «Матери Беслана»… - 3 сентября власти начали в бесланской школе операцию по уничтожению террористов, а не по спасению детей… У нас есть свидетели, которые рассказывают, каким образом был начат штурм – действиями извне. Другие видели, как российские войска били из огнеметов по крыше спортзала, где находились заложники. Известно, что большинство детей сгорели в спортзале, когда на них упала горящая крыша.

Ответственность за гибель заложников в Беслане матери погибших возлагали не только на местные власти, но и на президента.

- Мы знаем, что Путин тоже виноват в случившемся. Он – президент страны, где произошел этот акт терроризма и идет война в Чечне.

Такого мнения придерживались большинство родственников погибших.

- Я считаю, что настоящих виновников нужно искать во власти и в ФСБ, которые спровоцировали террористов, дали им доехать до Беслана, а потом даже не попытались спасти детей, – заявил Руслан Тибиев. – Моя жена сгорела заживо в спортзале, по которому российские спецназовцы выстрелили из огнемета. Из огнемета!

Тибиев сообщил западным журналистам, что в домах, окружающих школу, он нашел десять огнеметов и гранатометов, использовавшихся при штурме. Лишь после того, как он при свидетелях передал часть этих находок прокурору, официальное следствие начало признавать, что это оружие действительно применялось.

Доклад Савельева

Версия, согласно которой штурм начался не из-за какой-то случайности, а был заранее спланирован, в дальнейшем получила довольно основательное подтверждение. В конце августа 2006 года, накануне дней памяти о жертвах трагедии в Беслане, на одном из интернет-сайтов был опубликован доклад члена парламентской комиссии по расследованию теракта в Беслане депутата Юрия Савельева. Этот документ представлял собой как бы «особое мнение» члена комиссии, не совпадавшее с ее официальными выводами (правда, к тому моменту они еще не были обнародованы). По утверждению автора, первый и второй взрывы в спортзале, а также пожар - с этого, собственно говоря, в школе и началась кровавая мясорубка, - произошли не из-за того, что террористы привели в действие взрывные устройства, установленные ими в спортзале, а действительно, - как это многие утверждали и раньше, - были спровоцированы выстрелами из огнемётов и гранатомётов с пятиэтажных домов напротив школы.

В своем докладе Савельев не ограничивался суждениями о двух первых взрывах, - он делал и другие утверждения, представлявшие бесланские события в несколько ином свете, чем они представлялись в официальных сообщениях. Вот некоторые из этих утверждений:

1. Достоверная информация о предстоящем теракте в Беслане была как минимум за три часа до захвата школы.

2. В штабах - конфликт: штурмовать или вести переговоры.

3. Глава республики Дзасохов предлагал заменить детей восемьюстами чиновниками администрации и депутатами. Ему под угрозой ареста запретили ходить на переговоры.

4. Штурм не был спонтанным.

5. Решающая фаза трагедии началась 3 сентября 2004 года в 13-03 тремя практически одновременными выстрелами из огнеметов и гранатометов по спортивному залу школы.

6. Из гранатометов и огнеметов по школе стреляли многократно в то время, когда в ней находились заложники.

7. По школе также стреляли из танков и вертолетов в то время, когда в ней находились заложники.

8. Официальная парламентская комиссия, обладая этими сведениями, целиком одобрила действия оперативного штаба.

Главный вывод, вытекающий из доклада Савельева: штурм школы в Беслане был спровоцирован и начат российскими спецслужбами, применившими огнеметы и гранатометы, по команде из оперативного штаба. При этом власти представили этот штурм как «вынужденный»: он, дескать, начался лишь после того, как «боевики подорвали спортзал».

Дзасохов сделал все, что мог

После бесланских событий немало упреков было адресовано главе республики Дзасохову: он не предотвратил… он не убедил… он не сделал то да это… Наверное, отчасти эти упреки были справедливы - во всем, что случилось, есть немалая доля и его вины. В то же время Дзасохов, по-видимому, был единственным из высокопоставленных чиновников, кто по-настоящему пытался найти какой-то наиболее приемлемый, наименее кровавый выход из положения. Вот что говорилось по этому поводу в докладе Савельева:

«Реальные попытки наладить контакт с террористами (торг, переговоры и т.п.) исходили исключительно от правительства Северной Осетии и лично Александра Дзасохова. Он прибыл в Беслан 1 сентября в 10-30 утра. В 11-40 Дзасохов первый раз разговаривает по телефону с Путиным. О подробностях разговоров (с Путиным Дзасохов будет говорить еще несколько раз за эти три дня) известно мало. Тем не менее, можно предположить, что президента информируют обо всех деталях, в том числе и о предполагаемом количестве заложников, и о требованиях террористов. В свою очередь, по словам Дзасохова, Путин просит сделать «все возможное для освобождения заложников».

Однако уже в первые часы теракта речь заходит о выполнении требования террористов, звучавшего на протяжении всех трех дней, - чтобы в школу пришли президент Ингушетии Зязиков, глава Северной Осетии Дзасохов, детский врач Рошаль и присоединенный к этому списку чуть позже советник Путина Аслаханов. Реакция Москвы на эти требования - категорически негативная. Поступает приказ любыми способами (вплоть до ареста) остановить Дзасохова (по-видимому, имеется в виду - не допустить, чтобы он встретился с террористами. - **О.М.**). Зязиков также не появится в Беслане все эти три дня и впоследствии, оправдываясь, сошлется на указание из Москвы. Аслаханов опять-таки будет утверждать, что он вылетел в Беслан, как только получил соответствующее разрешение (было, правда, уже слишком поздно - Аслаханов прибыл в Беслан около 17-00 3 сентября, то есть после штурма). Таким образом, можно сделать вывод, что реальному налаживанию переговоров помешала Москва, не допустившая приезда в Беслан высокопоставленных переговорщиков (за исключением доктора Рошаля, который официальным лицом не являлся).

Кроме того, надо учесть, что тот же Дзасохов не имел доступа в неофициальный центр управления контртеррористической операцией, который образовали заместители Патрушева, начальник Центра специального назначения (ЦСН) ФСБ, представители

центрального аппарата ФСБ, других федеральных спецслужб, а также сотрудники Администрации президента».

Несмотря на противодействие Москвы, Дзасохов все же сумел предпринять какие-то конкретные шаги.

«Именно глава Северной Осетии предложил отпустить задержанных по подозрению в нападении на Назрань ингушей, сидевших на момент теракта во Владикавказском СИЗО, - говорилось в докладе Савельева. - Дзасохов позвал на переговоры братьев Гуцериевых и Руслана Аушева (как известно, Аушеву удалось вывести из школы и спасти двадцать шесть заложников, в том числе малолетних детей. - **О.М.**) Дзасохов предложил террористам (через Гуцериева) обменять детей-заложников на восемьсот человек, в том числе чиновников регионального правительства и депутатов местного парламента (этому также воспрепятствовала Москва. - **О.М.**)

По личной просьбе Дзасохова и Мамсурова (председателя парламента Северной Осетии - **О.М.**) криминальные авторитеты Чечни и Ингушетии выходят на боевиков по мобильной связи. Дзасохов, наконец, несколько раз разговаривает с Ахмедом Закаевым, требуя от последнего привлечь к переговорам Аслана Масхадова».

В конце концов, с Масхадовым удалось договориться: он приедет в Беслан и войдет в школу. Ему гарантировали безопасность. Однако всего лишь спустя час после этой договоренности начался штурм…

«Приказ о штурме мог отдать только Путин»

Со своим «особым мнением» выступил еще один член парламентской комиссии по расследованию теракта в Беслане - депутат Госдумы от КПРФ Юрий Иванов. В

общем-то, оно совпадает с мнением Юрия Савельева. Однако Иванов сконцентрировал свое внимание на том, какую роль в бесланских событиях сыграл Путин. Он обвинил президента в том, что тот лично отдал распоряжение начать обстрел бесланской школы из гранатометов (огнеметы депутат почему-то не упоминал).

- Взрывы в школе были спровоцированы спецслужбами, они стреляли из гранатометов, - заявил Иванов 5 февраля 2007 года на встрече с западными журналистами.

По словам Иванова, российское руководство не хотело допустить, чтобы в переговоры с боевиками вступил лидер чеченских сепаратистов Аслан Масхадов, опасаясь, что ему удастся уговорить их сдаться. Если бы это случилось, сказал Иванов, Путин «потерял бы лицо».

Вместе с тем, как писала западная пресса, Иванов уверен: спецслужбы не стали бы штурмовать школу, не получи они приказ свыше.

- С моей точки зрения, - заявил депутат, - приказ мог отдать только один человек - президент России Путин. Авторитарная система в России такова, что никакой региональный начальник не возьмет на себя приказ о начале штурма такого масштаба.

Во имя «укрепления безопасности»

Одна из главных мер, необходимость которой будто бы вытекала из бесланских событий, оказалась совершенно неожиданной: Путин отменил прямые выборы глав регионов, заменил их фактическим назначением этих чиновников. Спрашивается, какое отношение такая мера имела к укреплению безопасности и борьбе с террористами? Вроде бы абсолютно никакого. Ладно бы еще главной виновницей в массовой гибели детей была признана республиканская власть… Тогда можно было бы сказать: вот

видите, население выбирает черт знает кого, отсюда и происходят все беды. Однако, как уже говорилось, именно глава Северной Осетии проявил себя в Беслане вполне достойно, в отличие от многих других руководящих чиновников. Дело, разумеется, было в другом: Путин просто вознамерился использовать очередной трагический случай на Северном Кавказе как повод для достройки любимого своего детища - «вертикали власти». Психологически это было очень удобно: россияне пребывают в шоке от случившегося в Беслане, и мало кто станет задумываться, какая, собственно говоря, связь между укреплением безопасности и заменой выборов региональных руководителей их назначением из Кремля - раз заменяют, значит так оно и надо, начальству видней.

…Довольно символично, что закон, меняющий порядок избрания губернаторов, фактически заменяющий выборы назначением, Путин подписал 12 декабря 2004 года - в День Конституции, когда этот день в последний раз был выходным. Предпринятое Путиным превращение его в рабочий день, как и подписание упомянутого закона, в общем-то, идущего в разрез с Конституцией, ярко показывало его пренебрежительное отношение к Основному закону.

ВЫБОРНЫЙ ФАРС

А ведь когда-то он думал по-другому…

Путин вроде бы не сразу пришел к решению осуществить одно из главных своих деяний на президентском посту - отмену губернаторских выборов.

На пресс-конференции в середине июля 2001 года он заявил, что руководителей российских регионов надо избирать, а не назначать, и он не собирается менять существующий порядок вещей. Правда, при этом Путин сделал оговорку: «на каком-то этапе мы, может быть, с этим поспешили, может быть, не следовало спешить и переходить к избранию руководителей регионов; но если уж это сделали, то возвращаться назад, я считаю, было бы еще большей ошибкой».

- Во-первых, население привыкло к тому, что оно у себя в регионе само определяет, кто будет на этой территории первым лицом. Во-вторых, избранный руководитель, хочет он или не хочет, несет огромную моральную ответственность лично перед избирателями, и это очень важный фактор. Наконец, в-третьих, Российская Федерация - многонациональное государство, в составе России много национальных образований - республик, округов и так далее. Мы должны учитывать это обстоятельство, мы должны думать об этом.

Ну что ж, все правильно. Совершенно верно рассуждал товарищ. Вместе с тем из его речей было видно, что уже тогда в мозгу его сидело: возможно, выборность губернаторов и не стоило вводить. Почему? Ну, это ежу ясно: избранный губернатор несет ответственность, прежде всего, перед избравшим его населением, а не перед Кремлем; кремлевскому же начальнику очень хотелось, чтобы все было наоборот.

К этому времени Путин уже ввел не предусмотренную Конституцией систему федеральных округов - поставил над губернаторами неких супергубернаторов - своих полпредов. Но этого, как видим, ему оказалось мало.

Бывший советник Ельцина по юридическим вопросам Михаил Краснов так отозвался об этом путинском нововведении - назначении губернаторов:

- Я не ожидал от него подобного шага. Нарушается не только активное и пассивное избирательное право - налицо непосредственное вмешательство в

компетенцию субъектов Федерации. Сразу из трех статей Конституции следует, что формирование региональных органов власти является исключительной прерогативой самих субъектов Федерации. Центр может участвовать в обсуждении исключительно общих принципов - правил игры - построения власти, но не в формировании ее органов, как того сейчас хочет Путин.

«Одномандатные» выборы тоже отменяются

Параллельно с отменой губернаторских выборов Путин задумал еще одну отмену - отмену выборов по одномандатным округам. Необходимость ее тоже как бы вытекала из бесланской истории.

Истинная цель этой меры была, конечно, совершенно другой, причем предельно прозрачной: оппозиционные партии, которым - прежде всего стараниями властей - не удавалось преодолеть пятипроцентный (пока еще) барьер и попасть в Думу при голосовании по списку, все-таки проводили какое-то число своих представителей за счет победы в одномандатных округах. Теперь же их собирались лишить и такой возможности. Тем самым укреплялась монополия партии власти, партии правящей бюрократии - «Единой России».

Устранение опасного конкурента

При Путине вообще выборы стали постепенно терять свое истинное предназначение - предоставлять людям возможность выбирать тех, кого они хотят, - и, в конце концов, превратились в обыкновенный фарс.

Еще один шаг по разрушению выборного законодательства был предпринят летом 2006 года - на выборах всех уровней в избирательных бюллетенях была отменена графа «против всех». К этому времени власть уже наловчилась снимать

неугодных кандидатов, оставляя лишь угодных ей, теперь же - отменой упомянутой графы - она лишила людей последней возможности выразить свой протест. Процент голосования за «кандидата» «против всех» часто бывал довольно высоким. На выборах в Госдуму по одномандатным округам в 1999 году он даже «победил» в восьми регионах, а в 1999-м - в трех. Понятно, что это делало менее убедительной победу ставленника власти (а победителем теперь, как правило, становился такой ставленник). Власти это было совершенно не нужно…

Кстати, власть еще, видимо, беспокоило и то обстоятельство, что, по опросам, на предстоящих президентских выборах 2008 года «против всех» собирались голосовать около 18 процентов граждан, в то время как занявший второе место Дмитрий Медведев получал лишь немногим более десяти процентов. Между тем, по закону, если протестное голосование превышало число голосов, поданных за фаворита, выборы признавались недействительными…

Выборы состоятся, даже если придет один избиратель

В стремлении свести к минимуму значение выборов власти к концу 2006 года вошли во вкус. В ноябре Комитет Госдумы по конституционному законодательству и государственному строительству, - надо полагать, по звонку из Кремля, - рекомендовал отменить порядок, по которому выборы признавались состоявшимися лишь в том случае, если к урнам пришло хотя бы какое-то минимальное число избирателей.

Деятели оппозиции пытались протестовать против этого безумного и наглого шага.

Лидер СПС Никита Белых:

- Я просто в шоке от этого предложения. Если оно будет принято, выборы превратятся в откровенный фарс… В ходе своих поездок по стране я убедился, что интерес избирателей к выборам крайне низок, а в случае принятия предлагаемой поправки процесс полного отстранения народа от власти можно будет считать завершенным.

Зампред «Яблока» Сергей Иваненко:

- Отмена минимального порога явки избирателей на выборах окончательно уничтожит выборную систему. В этом случае было бы честнее просто перейти к назначению не только губернаторов, но и депутатов, чтобы не портить людям выходной день - день выборов в Госдуму и другие органы. После этого шага Россия автоматически будет зачислена в список тех стран мира, в которых демократией даже не пахнет.

Другой зампред «Яблока», будущий председатель этой партии Сергей Мирохин:

- Партия власти уже не знает, что еще можно придумать, чтобы избавиться от конкурентов. Административный ресурс используется на сто процентов, теперь они правят и законы под себя.

Один из лидеров Российского народно-демократического союза (РНДС) Ирина Хакамада:

- Эта поправка, в случае ее принятия, окончательно превратит избирательную систему в стране в недемократичную. Избиратели просто поймут, что их участие в выборах абсолютно бессмысленно, и проголосует считанное меньшинство… Поправки в избирательное законодательство, которые принимались в последние годы - это крышка гроба, в который власти укладывают процедуру демократических свободных выборов. А эта поправка - последний гвоздь, который собираются вбить в эту крышку.

Председатель РНДС, экс-премьер России Михаил Касьянов:

- Принятие этой поправки будет означать, что власть окончательно утрачивает какие-либо моральные ограничители и готова лишить нас права на участие в выборах.

Эти протесты, разумеется, никак не повлияли на намерения власти. В декабре 2006 года нижний порог явки на любых выборах был отменен.

Таким образом, в принципе, исход выборов теперь могло бы решить лишь голосование начальства. А, если идти еще дальше, - голосование одного человека. Но власти не смущала абсурдность такой ситуации.

В избирательное законодательство была внесена также норма, согласно которой во время предвыборной агитации нельзя критиковать конкурентов - надо, дескать, лишь излагать собственную программу. Опять-таки норма весьма диковинная, сводящая на нет предвыборную борьбу.

Наконец, чтобы укрепить верховенство «Единой России» в Госдуме, планка которую необходимо было преодолеть партии, чтобы попасть в нижнюю палату, была повышена с и так не маленьких пяти процентов набираемых голосов до семи. С этой же целью партиям было запрещено объединяться в предвыборные блоки…

«Верните народу выборы, гады!»

23 ноября 2006 года в Москве состоялась довольно экстравагантная акция протеста против разрушения властью выборного законодательства. Двое молодых людей - координатор движения «Да!» Мария Гайдар (дочь Егора Тимуровича Гайдара) и лидер молодежного «Яблока» Илья Яшин, - используя альпинистское снаряжение, повисли под Большим Каменным мостом, напротив Кремля, и развернули плакат: «Верните народу выборы, гады!»

Снять ребят удалось лишь через некоторое время при помощи службы МЧС.

После того, как они были задержаны милицией, Мария Гайдар заявила, что так они решили выразить свой протест против отмены минимального порога избирательной явки и запрета на критику кандидатов во время избирательных кампаний.

Понятное дело, эта отчаянная акция также никак не повлияла на тех «гадов», против которых она была направлена.

Власти идут «вразнос»

Своего апогея попрание всяких выборных приличий достигло в конце второго президентского срока Путина - в частности, во время думской избирательной кампании осени 2007 года. Пожалуй, наиболее ожесточенной атаке Кремля и его присных подвергся Союз правых сил. Причина: СПС стал резко критиковать власть, «Единую Россию» и лично Путина.

Против оппозиционной партии принялись применять самые изощренные и разнузданные «черные технологии». От имени СПС рассылали электронный «спам», содержащий компьютерный вирус, предлагали людям явиться в центральный офис партии, где им будто бы выдадут дисконтные карты, предоставляющий огромные скидки в аптеках и магазинах (нетрудно представить возмущение избирателей, узнававших, что таких карт не существует), от имени СПС заключались договора с

агитаторами, которых опять-таки приглашали придти за оплатой в тот же офис и в тот же самый день, многим по домашним адресам рассылались счета, где требовалось срочно внести пожертвования на избирательную кампанию СПС, людям звонили посреди ночи, призывая голосовать за эту же партию, от имени СПС распространялись фальшивые листовки, призывавшие не обращать внимания на то, что агитаторы СПС (видимо, все до одного) больны СПИДом, и не бояться вступать в общение с ними… Короче, фантазия провокаторов не знала границ.

Во многих местах проводились аресты, обыски, нападения на агитаторов, шантаж по отношению к людям, сочувствующим партии, поджигались квартиры и офисы…

По поводу всех этих провокаций СПС направил жалобу в Центризбирком и Генпрокуратуру. Однако никакой реакции, естественно, не последовало.

Чем наглее ложь, тем скорее ей поверят

В сущности, в кампанию против СПС были втянуты бюрократия и «правоохранительные органы» по всей стране. Пермская прокуратура вдруг обнаружила какой-то «теневой штаб» СПС, а в нем документы «о расходовании на агитационные цели около полутора миллионов рублей неучтенных денежных средств вне контроля территориальной избирательной комиссии»… Избирком Томской области приостановил распространение предвыборной агитационной газеты местного отделения СПС: газета, дескать, публикует материалы, «противоречащие законодательству». Что же это за материалы? Оказывается, - критические статьи о милиции и «сравнения Гитлера и действующей власти», что «не соответствует основам конституционного строя и является глумлением над исторической памятью нашего народа». Губернатор Амурской области Колесов вызвал к себе руководителя местного избирательного штаба СПС ректора Амурского университета Андрея Плутенко и прямо, ссылаясь на

«пожелания» из Администрации президента, потребовал, чтобы местное отделение партии фактически свернуло свою деятельность (не смело бы набирать более четырех процентов голосов)…

Потоки ругани обрушили на СПС гостелеканалы. Среди прочего, «агитаторы, нанятые СПС» из разных мест с телеэкрана опять-таки жаловались, что им не заплатили, ветераны войны клеймили эту партию за то, что она снова «желает вернуться во власть»...

Возможностей для ответа Союзу правых сил практически не предоставлялось, − их лидеры были занесены в так называемые «стоп-листы». Кажется, один-единственный раз на втором канале дали слово председателю Политсовета партии Никите Белых, который попытался опровергнуть наветы, однако после его выступления по тому же телеканалу снова пошел сюжет, где утверждалось, что СПС «обманывает избирателей»…

Центральные газеты печатали заказные пасквили на партию. Материалы же СПС опять-таки отказывались публиковать − даже за деньги…

В Омске, Красноярске, Перми, Ижевске, Москве и еще двух десятках регионов были арестованы десятки миллионов (!) экземпляров агитационных материалов СПС. В Подольске была заблокирована типография, печатавшая эти материалы. Рекламные фирмы получили «рекомендацию» не сотрудничать с оппозиционной партией…

Дошло до того, что в Омске в знак протеста против ареста тиража своих предвыборных листовок партийные активисты вынуждены были объявить голодовку. При этом у одного из голодающих, председателя местной организации СПС, случился инфаркт…

В кандидаты не пускать!

Как уже говорилось, используя выборное законодательство, которое она деформировала «под себя», власть без труда отстраняла от участия в выборах неугодных ей кандидатов. Так, в январе 2008 года Центризбирком отказался зарегистрировать как кандидата в президенты бывшего российского премьера Михаила Касьянова. Отказался на том основании, что Касьянов будто бы представил слишком много «недостоверных и недействительных» подписей в свою поддержку. «Недействительными» считалась подписи, если в предоставленных сведениях об их сборщике обнаруживалась та или иная неточность или был какой-то - пусть совершенно незначительный - огрех в оформлении подписного листа. Ясно, что каких-то неточностей и огрехов невозможно избежать, когда в короткий срок требуется собрать два миллиона (!) подписей. Власть умышленно воздвигла этот неодолимый барьер, чтобы неугодные ей люди не могли попасть в число кандидатов.

Вообще-то, Касьянов вряд ли представлял сколько-нибудь серьезную опасность для ставленника Кремля - Дмитрия Медведева, - однако Кремль не хотел допустить даже того, чтобы в ходе предвыборной агитации со страниц газет, а главное из телерадиоэфира из уст Касьянова летели бы всякого рода неприятные для него, Кремля, слова. Зачем это допускать, если без малейшего труда можно не допустить?

Отторгнув Касьянова, власть оставила лишь тех претендентов на трон, которые ее вполне устраивали: своего выдвиженца, уже упомянутого Дмитрия Медведева и не имеющих никаких шансов на победу псевдооппозиционеров Зюганова и Жириновского, а также вытащенного ею откуда-то из безвестности некоего Андрея Богданова, назначение которого было - обеспечить страховку для Медведева на тот случай, если Зюганову и Жириновскому - мало ли что им взбредет в голову! - вздумается вдруг «сняться» с выборов (если бы Медведев остался в списке один, выборы были бы признаны недействительными).

Голосуй, не отходя от станка!

Тот факт, что результат президентских выборов - впрочем, как и предшествующих думских, - был полностью предрешен, доставил власти не только минуты удовольствия, но и принес некоторые хлопоты. Возникла угроза, что люди просто не пойдут на выборы: зачем ходить, если все заранее известно? Чтобы избежать этой неприятной ситуации, снова был на полную катушку запущен административный ресурс. Операторов мобильной связи обязали рассылать своим клиентам сообщения с призывом исполнить свой гражданский долг - придти 2 марта на выборы. На предприятиях и учреждениях начальство заставляло сотрудников брать открепительные талоны и голосовать по месту работы: при таком голосовании под бдительным оком администрации было практически невозможно уклониться от выполнения «гражданского долга». Таким же образом заставляли голосовать студентов в вузах. На рынках торговцев призывали «для собственного удобства» тоже брать открепительные талоны и опускать бюллетени, не отходя слишком далеко от своего торгового места… А что, в самом деле удобно: а то ведь надо сворачивать торговлю, куда-то ехать… Если же свое «удобство» не соблюдешь, этого самого торгового места, глядишь, можно ненароком и лишиться…

В общем, все было устроено, «как в лучших домах Лондона и Парижа».

АНТИГРУЗИНСКАЯ ИСТЕРИКА

Российских офицеров заподозрили в шпионаже

Одна из самых фантастических историй в российской политике путинского периода - беспрецедентная антигрузинская истерика, затеянная осенью 2006 года. Это была истерика, не только продиктованная какими-то политическими соображениями (думаю, вполне иррациональными), но и явно окрашенная личным неодолимым раздражением Путина, связанным со словами и действиями его грузинского коллеги Михаила Саакашвили.

Поводом для этой истерики послужил арест в Грузии четверых офицеров из Группы российских войск в Закавказье, заподозренных в шпионаже и причастности к диверсиям. Вроде бы случай вполне тривиальный: мало ли где наших шпионов (или только попавших под подозрение в шпионаже) арестовывают, мало ли кого мы арестовываем. Существуют ведь стандартные правовые, юридические процедуры - следствие, суд… Если офицеры невиновны, их отпустят, если виновны, - накажут по закону. Но этот случай был представлен российскими властями и российской пропагандой как неслыханная провокация, неслыханное оскорбление и поругание достоинства и чести России.

Путин обвинил Грузию в «государственном терроризме и захвате заложников», даже усмотрел в этом «правопреемство с политикой Берии». Еще одно его обвинение, ставшее к тому времени уже традиционным - если не для самого Путина, то для российского агитпропа, - дескать, действиями грузинского руководства управляют спонсоры из-за рубежа.

На грузин - тамошних и здешних, - не имеющих абсолютно никакого отношения к инциденту с российскими военными, как говорится, спустили всех собак.

«Наш ответ Чемберлену»

В качестве «ответной меры» на арест подозреваемых в шпионаже Россия начала что-то вроде экономической блокады Грузии. Министерство транспорта заявило, что приостанавливает авиационное, автомобильное, морское и железнодорожное сообщение с ней, Министерство связи, - что прекращает доставку почты, в том числе и почтовых переводов. Президент «Российских железных дорог» Якунин рекомендовал «отказаться от закупок в Грузии запчастей для электровозов»… И т.д. и т.п.

Не желая дальнейшего обострения ситуации, Тбилиси дал задний ход, передал задержанных офицеров представителю ОБСЕ, а тот позволил им с миром вернуться в Москву.

Однако Кремль не принял этот примирительный жест. Истерика раскручивалась и раздувалась дальше. Ощущение было такое, что российские власти полностью утратили чувство меры, попали под гипноз собственных, каких-то базарных замашек. «На местах» с готовностью, с энтузиазмом восприняли команды и намеки «центра». И пошло, и поехало… Страна, у которой ксенофобия заложена едва ли не в генах, охотно восприняла поощрение этой ксенофобии с самого «верха». Многими - хотя, разумеется, не всеми, - забвению было предано, что с грузинами нас связывают столетия искренней, братской дружбы…

Начались «наезды» на граждан с фамилиями на «дзе» и «швили», независимо от их реального гражданства. В переходах метро, в других многолюдных местах милиция занялась энергичной проверкой документов у людей, похожих на грузин, хотя, наверное, и до этого без проверок редко обходилось: граждане «кавказской национальности» у наших стражей порядка всегда на особом подозрении…

Само собой, гонениям подверглись нелегалы из Грузии. Федеральная миграционная служба принялась задерживать по стройкам грузинских гастарбайтеров с

намерением выслать их на родину. Однако осуществить такое намерение было не так-то легко, поскольку в Грузию ничего уже не ехало, не летело и не плыло…

Неожиданно обнаружилось, что в России страсть как много криминальных авторитетов грузинской национальности. Пресекли, например, деятельность культурно-развлекательного центра «Кристалл»: как стало известно по милицейским оперативным данным, она контролируется какими-то нехорошими «выходцами из Грузии». Точно так же оперативным путем установили, что Гостевой дом «Тбилиси» уже несколько лет «незаконно используется в коммерческих целях грузинской стороной».

Куда ж, спрашивается, смотрели все эти несколько лет?

«Цинандали», «Гурджаани» и другие отвратительные напитки

Внезапно выяснилось, что числившиеся всегда среди лучших грузинское вино и прочие алкогольные напитки - очень плохие. Пришлось изымать из продажи сотни тысяч бутылок…

Принялись закрывать грузинские рестораны, где, естественно, подавалось это вино…

Милицейские сотрудники признавались, что сверху им спущено устное указание действовать в отношении грузинских организаций «максимально жестко, обращать внимание даже на мелкие нарушения, на которые раньше закрывали глаза». Собственно говоря, чтобы применить «санкции», даже и нарушений никаких не требовалось: на некоторых столичных рынках были отмечены случаи, когда к торговцам подходили проверяющие, брали разрешение на торговлю и, если фамилия продавца оказывалась грузинской, документ просто рвали…

Кстати, в эти дни Путин в одном из своих выступлений заявил о необходимости разобраться, кто торгует на рынках, - кто там «коренной» национальности, кто «некоренной», - так что гонения на продавцов-грузин вполне соответствовало этому руководящему указанию.

Дошло до того, что в Москве по школам стали составлять списки детей с грузинскими фамилиями - чтобы выявить их «нелегальных» родителей…

- Когда я об этом узнала, мне стало страшно. Я сразу подумала, что, если моего ребенка будут так унижать, придется отсюда уехать, - сказала корреспонденту «Коммерсанта» одна из женщин «с грузинской фамилией» (ее дочь, родившаяся в Москве, к этому моменту училась в третьем классе).

- Началась чистка, - добавила эта женщина, - Как с евреями и поляками во времена фашизма, людей опять делят на первый и второй сорт.

В один из дней перед посольством Грузии состоялся «стихийный» митинг грузин под лозунгами «Грузины России против враждебной политики Саакашвили», «Мы не дадим сломать многовековую дружбу двух православных народов», «Мы не желаем быть заложниками в России из-за политики правительства Грузии»…

Один из участников митинга рассказал корреспонденту «Эха Москвы», что ночь перед митингом он провёл в милиции вместе с несколькими десятками задержанных, как и он, соплеменников. Надо полагать, там им и разъяснили популярно про «враждебную политику Саакашвили».

«Наехали» даже на Церетели…

Под каток антигрузинской компании попали грузинские спортсмены, писатели, артисты. Отменили, например, намеченное на начало ноября выступление в Москве Грузинского национального балета «Сухишвили-Рамишвили». Проданные к тому времени билеты пришлось возвращать…

Не обошли вниманием и знаменитостей - в их числе писателя Бориса Акунина (Чхартишвили). Нашли у него какие-то нарушения в уплате налогов (универсальный инструмент, позволяющий «наехать» практически на любого гражданина).

- Что-то вдруг они так внезапно заинтересовались... - сказал Акунин, выступая по «Маяку». - И даже не на уровне налоговой инспекции, что было бы нормально, а на уровне управления по налоговым преступлениям… Я, правда, никаких вызовов, повесток из этой организации не получал, но они довольно интенсивно треплют директора издательства, который издает мои книжки про Эраста Фандорина. Я даже в этой связи начинаю опасаться, не сорвется ли выпуск очередной книжки, которая очень активно находится в работе.

«Зацепили» даже скульптора Зураба Церетели, - казалось бы, абсолютно «неприкасаемого» и непотопляемого, - тоже по поводу налогов. Не уберегла грузинского ваятеля от неприятностей даже давняя тесная дружба с московским мэром.

Надо полагать, «наезд» властей на людей знаменитых должен был показать всему миру: вот, мол, перед законом у нас все равны, даже такие вот известные деятели; так что не возмущайтесь, если мы берем за шиворот какого-нибудь безвестного гастарбайтера, нелегально прибывшего к нам из солнечной Грузии.

Доходило до прямой уголовщины. 21 октября около десятка неизвестных совершили в Москве налет на галерею Марата Гельмана, где проходила выставка грузинских художников. Избили охрану и самого владельца галереи, сорвали со стен несколько выставленных картин и истоптали их ногами…

Что это было? Даже если в роли вандалов выступали обычные хулиганы, а не посланцы спецслужб - это мало что меняет: атмосфера антигрузинской истерии, раздутой властями, легко настраивала на агрессивный лад индивидов с неустойчивой психикой.

Повернули «штыки» в обратную сторону

Когда-то Лермонтов написал:

И Божья благодать сошла
На Грузию. Она цвела
За гранью дружеских штыков,
Не опасаяся врагов.

С некоторых пор большая Россия на долгие годы сделалась союзницей и защитницей маленькой Грузии, до той поры страдавшей от набегов недружественных соседей. И вот теперь русские «штыки» повернулись против самой Грузии. Повернулись без какой-то серьезной причины, из-за блажи одного-единственного человека.

До прямого военного столкновения дело, правда, не дошло (хотя осенью 2006 года уже открыто говорилось и о его возможности), однако традиционные дружеские отношения двух стран, двух народов, боюсь, были надолго испорчены.

* * *

Эти строки, как понимает читатель, были написаны до августа 2008 года. В этом августе, уже за пределами прямого президентского правления Путина (которому, собственно, и посвящена эта книга), разразилась-таки настоящая война между Россией

и Грузией. То есть произошло то, что еще с десяток лет назад и представить себе было невозможно. Ну да, наверное, российским «ястребам», которые давно, еще с начала девяностых, питали по отношению к Грузии агрессивные намерения, провоцировали ее, подталкивали к каким-то необдуманным действиям по отношению к Абхазии и Южной Осетии, помог сам грузинский президент, − нанеся удар по Цхинвали. Лучшего подарка для Путина и его команды нельзя было и вообразить. Российская армия, видимо, заранее подготовленная к такому развитию событий (некоторые ее части, как утверждают, к моменту грузинского удара по Цхинвали даже прошли уже через пограничный Рокский тоннель), не только отбила удар, но и оккупировала чуть ли не половину Грузии…

Вот так бездарно была перечеркнута одна из лучших страниц российской истории − страница многовековых добрых отношений с одним из южных соседей.

ИСТОРИЯ ПО-ПУТИНСКИ

«Исторические факты должны воспитывать чувство гордости»

В конце 2003 года Путин принялся непосредственно за «писаную» российскую историю. Кто-то из советников, видимо, подсказал ему, что, мол, пора обуздать вольницу, возникшую еще в девяностые годы, в изложении и интерпретации исторических событий, особенно событий относительно недавнего прошлого.

В тот момент что-то вроде скандала возникло вокруг школьного учебника Игоря Долуцкого «Отечественная история XX века». Стало известно, что Министерство образования и науки собирается снять с него гриф, разрешающий использовать его в

школьном преподавании. Как полагал автор, все дело заключалось в некоторых суждениях, приведенных в учебнике, в частности, - в словах литературного критика и историка Юрия Буртина, писавшего, что в России после избрания Путина произошел государственный переворот, следствием которого стал режим личной власти, авторитарной диктатуры Путина. Еще одной «крамольной» цитатой было высказывание лидера «Яблока» Григория Явлинского, по словам которого, уже в 2001 году в России оформилось полицейское государство. Вслед за этим автор давал задание ученикам: попытайтесь либо опровергнуть, либо подтвердить изложенные точки зрения.

На встрече с учеными-историками Путина попросили прокомментировать ситуацию вокруг учебника Долуцкого. В ответ он развернул целую концепцию, как, по его мнению, следует преподавать историю.

- Современные учебники для школ и вузов, - сказал Путин, - не должны становиться площадкой для новой политической и идеологической борьбы… В этих учебниках должны излагаться факты истории, они должны воспитывать чувство гордости за свою историю, за свою страну…

Нетрудно видеть - первая часть фразы противоречит второй: историк действительно должен излагать факты, но вот вопрос - все ли факты вызывают «чувство гордости за свою историю, за свою страну»? Вызывают ли чувство гордости массовые аресты и расстрелы сталинской поры? И тут приходится определиться: либо правдиво излагать факты, либо стараться воспитывать у школьников чувство гордости. Без сомнения, Путин, а вслед за ним легионы послушных чиновников и учителей отдавали предпочтение «воспитанию гордости».

- Конечно, неплохо, что у нас появилось большое многообразие литературных трудов… - продолжал Путин. - Мы продолжим радоваться тому, что ушли от

однопартийности и моноидеологического освещения истории нашей страны. Это большое достижение. Однако нельзя допустить впадания в другую крайность. В свое время историки напирали на негатив, так как была задача разрушить прежнюю систему. Сейчас у нас иная, созидательная, задача. При этом необходимо снять всю шелуху и пену, которые за эти годы наслоились.

В общем, есть факты, и есть задача воспитания чувства гордости. Если факты таковы, что никакой гордости они не вызывают, а, напротив, вызывают отвращение, - тем хуже для фактов. О каких-то из них можно умолчать, сказать вполголоса, другие, наоборот, - выпятить и вознести до небес. Собственно говоря, на этом и строились почти вся историческая наука и преподавание истории в советское время. Теперь предлагалось вернуться к этой «методологии».

Министерство снимает гриф с учебника Долуцкого

Выступая по «Эху Москвы», Игорь Долуцкий напомнил:

- Есть идущее от Чаадаева понятие о патриотизме: я не могу любить родину с запертыми устами и закрытыми глазами, я обязан говорить ей горькие истины - я вижу такие горькие истины.

Напомнил Долуцкий и о другом мыслителе - Льве Троцком, «который призывал не путать любовь к Отечеству с любовью к очередному партийному секретарю».

В данном случае можно было бы сказать: не путайте любовь к России с любовью к очередному российскому президенту.

Многие учителя - и не только учителя - поддержали Долуцкого. Забавно, что в числе других его вроде бы поддержал даже такой консервативный политик, как Геннадий Райков, председатель думской группы «Народный депутат».

- Историю должен писать историк, и политик не должен вмешиваться в это дело… - сказал он, выступая в программе той же радиостанции. - Когда политик вмешивается в историю, он ее неизбежно извращает на свой вкус, а история - это факты и констатация. Политики думают по-разному, и их мысли по истории могут писаться в их мемуарах, в их книжках, а историю должен писать историк.

Однако чиновники Минобрнауки, разумеется, проигнорировали мнение строптивых историков, а также их защитников и беспрекословно выполнили наказ Путина: учебники - «не место для политической борьбы». В конце ноября Федеральный экспертный совет министерства отозвал министерский гриф с учебника Долуцкого, то есть как бы рекомендовал школам более не использовать этот учебник.

Почему это было сделано, объяснил замминистра Виктор Болотов. Впрочем, при этом он специально оговорился, что выступает не как высокопоставленный министерский чиновник, а как нежно любящий своих детей отец:

- Если говорить не с позиции заместителя министра, а с позиции родителя, то я бы не хотел, чтобы мои дети изучали историю страны по учебнику, в котором весь ход развития России предстает в каком-то болезненно-надрывном ключе. Из учебника складывается впечатление, что в истории России не было ни одного светлого момента, не было ничего хорошего.

Что ж, до боли знакомая песня. Ну, зачем детишкам, с их неокрепшей психикой, рассказывать о неприятном? Лучше говорить только о подвигах и победах.

Вслед за замминистра Болотовым на «родительской» методике преподавания отечественной истории настаивал и директор департамента государственной политики в области образования того же министерства Исаак Калина:

- Стиль учебника по истории России должен быть родным, как рассказ бабушки. И формировать позитивное отношение к своей стране. Я позволю себе простое сравнение. Вот если бы вы хотели, чтобы историю вашей семьи знал ваш сын, то по каким материалам вы предложите ему это изучать? Изучать по рассказам, мемуарам бабушки и прабабушки или по протоколам участкового милиционера или участкового врача, где равнодушно описаны все огрехи и болезни вашей семьи? Я очень хочу, чтобы историю моей страны мои внуки изучали по учебникам, которые написаны не в логике участкового милиционера, а в логике бабушки и прабабушки, которая старается сформировать у моих детей и внуков позитивное отношение к семье, если даже и были трудные моменты в жизни.

Вот ведь какие заботливые, какие нежные родители трудятся, оказывается, у нас на высоких постах в Министерстве образования и науки! Историки, рассказывающие о «неприятном», - это для них все равно, что участковые милиционеры. Гораздо лучше излагать детям родную историю в стиле бабушкиных сказок.

«Страна с непредсказуемым прошлым»

Экзекуцией над учебником Долуцкого дело не ограничилось. Напротив, это было лишь начало. Министерство образования пообещало пересмотреть все 107 (!) учебников истории, которые в тот момент использовались в российских школах, с тем, чтобы на выбор учителям оставить лишь три из них для каждого класса.

Кроме того, министерство пообещало разработать «единую концепцию объективного отношения к наиболее критическим периодам российской истории».

Мы прекрасно знаем, что подразумевалось под «объективным» изложением истории в советские времена.

«Переписывание истории было важным компонентом большевистского проекта по переустройству мира, - писала тогда американская «Вашингтон Пост» - На протяжении десятилетий коммунистического правления СССР был страной с непредсказуемым прошлым. Коммунистическая идеология постоянно изменяла ход российской, да и мировой, истории. Событиям давнего и недавнего прошлого давали новую интерпретацию, искажали или вообще вычеркивали их на благо марксистской теории, чтобы гарантировать политическое господство коммунистической партии.

Горбачевская перестройка в значительной степени привела к возвращению истории. Горбачевская политика гласности повлекла за собой лавину разоблачений, тайных и страшных сюжетов из тоталитарного прошлого… За речами и газетными статьями, свободными от цензуры, последовали архивные исследования, научные монографии и новые школьные учебники. Чувство освобождения было искренним… В конце восьмидесятых годов казалось, что антикоммунистические настроения разделяют большинство россиян.

Даже когда первая волна энтузиазма спала, когда суд над КПСС не привел ни к каким существенным результатам, а коммунистическая оппозиция консолидировала силы, президент Борис Ельцин оставался символом победы над советским прошлым. Но, похоже, эта символика не нравится Владимиру Путину. Он вернул старый советский гимн, заказанный Иосифом Сталиным, и вновь обратился к стилю и методам коммунистического руководства. Пересмотр истории был только вопросом времени…

Общая идея Путина ясна. Он призывает к возвращению патерналистского государства, где фактически отсутствует политическая конкуренция, а возможность выражать независимое мнение ограничена. Министр образования все понял и пообещал, что он не оставит места для «псевдолиберализма, направленного на искажение истории».

«Самый правильный» учебник истории

Первым шагом по устранению «перегибов» в изложении исторических событий и «каши» в учительских головах призвана была стать «Новейшая история России.1945 - 2006 годы. Книга для учителя» под редакцией некоего Александра Филиппова, появившаяся летом 2007 года и охватывавшая, как видно уже из названия, самый «горячий» период недавней российской истории.

По утверждению газеты «Коммерсант», «книгу для учителя» заказали непосредственно в Администрации президента. Оттуда же пришли и указания, какие оценки следует давать ведущим историческим деятелям обозреваемого периода: «Условно такие: Сталин - хороший (утвердил вертикаль власти, но не было частной собственности); Хрущев - плохой (ослабил вертикаль); Брежнев - хороший по тем же критериям, что и Сталин; Горбачев, Ельцин - плохие (развалили страну, однако при Ельцине возникла частная собственность); Путин - лучший управленец (укрепил вертикаль власти и частную собственность)».

Забавно, не правда ли: Сталин - хороший, Ельцин - плохой, Путин - лучший… Вот вам и вся история. Вот вам и вся историческая наука. Пишите свои диссертации, господа историки! Но при этом не забывайте про спущенные вам ориентиры.

Одним из центральных пунктов этой «книги для учителя» стала очередная (сколько их уже было!) попытка обелить фигуру «хорошего» Сталина, которого-де очерняют разные нехорошие люди. Сначала предпринимался осторожный заход на эту тему:

«Личность Иосифа Сталина является одной из самых противоречивых в политике и истории нашей страны. Для одних он герой и организатор победы в годы Великой Отечественной войны. Для других - воплощение зла».

Авторы явно склонялись к первой точке зрения. Они называли генералиссимуса «самым успешным» из советских лидеров, а организованный им невиданный дотоле террор и репрессии, создание по всей стране концлагерей и расстрельные «чистки» оправдывали как меру, которая, дескать, была необходима для создания «великой страны».

Авторы «книги для учителя» вновь воспроизводили брошенную кем-то когда-то и давно набившую оскомину фразу: «Сталин получил страну с сохой, а оставил с атомной бомбой».

Как известно, секрет устройства атомной бомбы было украден у ненавистных Соединенных Штатов, а ресурсы на ее изготовление получены опять-таки, как и в большинстве других подобных случаев, за счет нещадной эксплуатации собственного народа, выжимания из него последних соков. Вот и вся тайна самого великого сталинского достижения.

Нашлись у авторов похвалы и для коммунистического режима, властвовавшего в нашем отечестве в течение семидесяти лет:

«Советский Союз не был демократией, но он был ориентиром и примером лучшего, справедливого общества для многих миллионов людей во всем мире. На

протяжении семидесяти лет внутренняя политика западных стран корректировалась в пользу прав человека под немалым воздействием СССР, гигантской сверхдержавы, осуществившей социальную революцию и победившей в самой жестокой из войн».

Ну да, СССР был «ориентиром и примером»… От такого «ориентира и примера», как черт от ладана, шарахались все, у кого была голова на плечах.

Национальная идея наконец найдена!

Весьма интересна была последняя глава книги «Суверенная демократия». Она касалась деятельности Путина. В ней безоговорочно одобрялось все, за что осуждали эту деятельность люди демократических убеждений и в России, и в мире. В частности, одобрялась развязанная Путиным компания по преследованию Михаила Ходорковского и нефтяной компании ЮКОС, отмена губернаторских выборов, затеянная Путиным бессмысленная кампания вражды с одним из самых старых, самых верных наших братьев и союзников - Грузией…

Подчеркивая важность главы о суверенной демократии, вышеупомянутый Александр Филиппов сказал в интервью английской «Таймс»: дескать, одной из причин появления книги стало то обстоятельство, что суверенная демократия до сих пор не обрела в представлении людей статус национальной идеи и, соответственно, не предлагается в школах в таковом качестве. Как можно было понимать, теперь вот это упущение ликвидируется: найденную, наконец, «национальную идею» учителя с родительской заботливостью должны будут внедрять в головы ребятишек.

Презентация «книги для учителя» состоялась в июне 2007 года на прошедшей в Москве Всероссийской конференции преподавателей гуманитарных и общественных наук. Присутствовали министр образования и науки Фурсенко и первый зам главы

администрации президента, главный кремлевский идеолог Сурков. Такого высокого представительства на презентации какого-либо учебного пособия не было никогда. Надо полагать, это должно было подчеркнуть исключительную важность данного произведения.

С делегатами конференции встретился и Путин. На встрече он много говорил о патриотизме и роли истории и обществоведения в воспитании молодого поколения. А также опять - о роли современных учебников в гуманитарной сфере образования.

- Практически нет пособий, которые глубоко и объективно отражали бы события новейшей истории нашего Отечества, - посетовал Путин.

Ну, вот теперь, когда дан ход новому пособию, будет и объективность, и глубина.

«В других странах было еще хуже»

Еще одна книга, появившаяся в ту пору и написанная в том же духе, - «Обществознание: глобальный мир в XXI веке» под редакцией Леонида Полякова. По его словам, это пособие предлагает «современную идеологию» и учит, как «воспитать у молодого человека гражданскую и патриотическую позицию». Среди прочего, в этом пособии также восхвалялась придуманная в Кремле суверенная демократия:

«В последнее время значимым элементом концепции государственной безопасности становится суверенная демократия. Это означает, что Россия не просто признает такие ценности, как свобода, права человека, частная собственность, выборность и подотчетность народу органов власти, но и считает их неотъемлемо присущими российскому многонациональному народу. Однако принципиальным моментом является то, что органы власти формируются исключительно российской нацией. Тем самым Россия отказывается уступать даже часть своего национального

суверенитета в обмен на экономические и технологические преференции или же в ответ на обещание принять Россию в полумифический «клуб подлинных демократий».

Я думаю, ни один, даже самый выдающийся мыслитель не уразумеет из этого посыла, какая все-таки связь между демократией и национальным суверенитетом. В огороде бузина, а в Киеве дядька…

Примечательно, что Путин одобрительно отозвался об этих руководствах по преподаванию истории. Говоря о наиболее «спорном» периоде нашего недавнего прошлого, он, правда, признал, что чистки, проведенные Сталиным в 1937 году, были ужасными, но при этом добавил, что «в других странах еще пострашнее было». По поводу неслыханных репрессий сталинского периода заявил: «У нас не было таких черных страниц, как нацизм».

Такая вот «теория относительности»: у нас при Сталине было ужасно, но в Германии при Гитлере - еще ужасней. Хорошее утешение, не правда ли? К тому же надо еще разобраться, где на самом деле было пострашней - сколько своих безвинных соотечественников уничтожил Гитлер и сколько - Сталин.

Тут, пожалуй, стоит вспомнить то место в книге Усольцева, где он пишет, что его коллега «Володя-малый» не поверил его рассказу о беспричинном расстреле четырехсот китайцев в тридцатые годы: это, мол, все «ваши сибирские байки». Как-то стороной прошла мимо сознания Володи эта чудовищная часть российской истории, не сильно его задело. Надо полагать, еще и поэтому впоследствии, став президентом, он не особо жаловал ее освещение в учебниках.

После путинского высокого одобрения еще громче полилась из уст авторов песня о том, что отечественную историю надо представлять в розовом, а не в мрачном свете. Павел Данилин, написавший ту самую главу про суверенную демократию в «книге для учителя», заявил в интервью «Комсомольской правде»:

- Поймите, наша цель была сделать первый учебник, где российская история выглядела бы не унылой чередой несчастий и ошибок, а предметом гордости за свою страну. Учителя должны преподавать историю именно так, а не смешивать Родину с грязью...

После встречи с Путиным в Ново-Огареве, надо полагать, опять-таки вдохновленный его поддержкой, отвечая на критику со стороны учителей, Данилин развязно написал в своем блоге:

«Ну что же, раз пошла такая пьянка... Я действительно написал шестую главу для «Новейшей истории России 1945 - 2006 годы. Книги для учителя»... На мой взгляд, написана хорошо и качественно (непонятно, глава или вся книга? - **О.М.**) Вы сколько угодно можете поливать меня грязью, а также исходить желчью, НО УЧИТЬ ДЕТЕЙ ВЫ БУДЕТЕ ПО ТЕМ КНИГАМ, КОТОРЫЕ ВАМ ДАДУТ, И ТАК, КАК НУЖНО РОССИИ (выделено мной. - **О.М.**) Те же благоглупости, которые есть в ваших куцых головешках с козлиными бороденками, из вас либо выветрятся, либо вы сами выветритесь из преподавания. Позволить, чтобы историю России преподавал русофоб, говнюк или попросту аморальный тип, нельзя. Так что от скверны надо очищаться. А если не получается, то очищать насильно».

Все-таки великая вещь - поддержка высокого начальства. Тридцатилетний «историк», один из авторов откровенно конъюнктурного произведения, оказывается, лучше всех других знает, что значит преподавать детям историю так, «как нужно для России».

Кстати, Данилин был одним из авторов не только пособия по новейшей истории, но и книги под доносным названием «Враги Путина», вышедшей в издательстве «Европа», возглавляемом небезызвестным Глебом Павловским.

Академия наук одобряет…

«Учебные пособия» под редакцией Филиппова и Полякова одобрила и Академическая образовательная ассоциация гуманитарного знания. Попробовала бы не одобрить после одобрения Путина. Решение об одобрении принимали сопредседатели ассоциации - академик Александр Чубарьян и ректор МГУ Виктор Садовничий, а также секретарь Совета при президенте России по науке, технологиям и образованию Джахан Поллыева (по совместительству - спичрайтер Путина) и уже цитированный директор одного из департаментов Министерства образования и науки Исаак Калина. На их основе был написан учебник, которому, надо полагать, надлежало стать чем-то вроде сталинского «краткого курса» истории ВКП (б).

Впрочем, похвалы Сталину, расточаемые Филипповым и Поляковым (точнее «группой товарищей» - авторов пособий), вроде бы так и не достигли ушей школьников. В окончательном виде в учебнике «История России. 1945–2007», созданном опять-таки по заказу Администрации президента, исчезло оправдание сталинских репрессий - глава «Споры о роли Сталина в истории», вызвавшая резкий протест всех нормальных людей, не вошла в него. Последняя глава теперь называлась не «Суверенная демократия», а «Новый курс России». Правда, и в ней все более или менее приметные, - «резонансные», - события восьми лет путинского правления излагались в духе официальной кремлевской пропаганды. Одиозная отмена прямых губернаторских выборов объяснялась тем, что, мол, исполнительная власть в регионах продемонстрировала свою неготовность действовать в кризисных ситуациях, - например, в Беслане. Хотя на самом деле, как мы видели, абсолютную бездарность показала как раз центральная власть. Посадку Ходорковского и разгром ЮКОСа авторы обосновывали тем, что благодаря этому были «окончательно похоронены надежды олигархов на сохранение своего контроля над российским государством». В действительности олигархи-бизнесмены ельцинской поры никогда не имели контроля

над государством, так что и сохранять было нечего, а вот пришедшие им на смену новые олигархи - олигархи-чиновники, олигархи-чекисты - действительно установили тотальный контроль над ним.

Вслед за академиками Чубарьяном и Садовничим свое «одобрямс» высказал и уже упомянутый ученый секретарь профильного академического отделения Андрей Петров. По его словам, учебник «в итоге получился вполне нормальным».

- То, что основные моменты по последнему двадцатилетию заданы Администрацией президента или кем-то еще, это неплохо, - сказал ученый секретарь в эфире «Эха Москвы». - Потому что должен быть и такой тоже взгляд в государственной школе, где обучение происходит за государственный счет.

Ну, понятно: кто платит, тот и заказывает музыку.

Кстати, многие из тех, кто критиковал «исторические изыскания» Филиппова, Полякова и К°, напоминали, что, если следовать логике, история вообще начинается в тот момент, когда завершается правление того или иного царя, генсека или президента, и, уж тем более, последние годы жизни страны не должны включаться в школьный курс истории. Авторы «революционных» пособий посчитали иначе. Впрочем, «исторические потуги» Кремля и нанятых им авторов опять-таки были всего лишь возвратом к советской традиции: прекрасно помню, как и в школе, и в институте нам вдалбливали в голову рассказ о «неслыханных достижениях» и сталинской, и хрущевской поры, в то время как и Сталин, и, позже, Хрущев были еще живы и при власти.

Наконец, «самый правильный» учебник по новейшей российской истории получил и официальное одобрение Российской академии наук. Заместитель председателя экспертного совета РАН по учебной литературе член-корреспондент академии Андрей Сахаров (имя-то какое!) сообщил, что совет рекомендовал учебник

«Истории России 1945-2007» для 11 класса «как в основном соответствующий научным представлениям».

В общем, Академия наук, в свое время холуйски лизавшая одно место Сталину и его присным (правда, при другом, естественно руководстве), и на этот раз податливо «прогнулась» перед властями - благожелательно отнеслась к историческим изысканиям околокремлевских «историков».

Евгений Евтушенко когда-то написал об отступничестве одного из ученых − современников Галилея: «Он знал, что вертится Земля, но у него была семья…» Без сомнения, Чубарьян, Садовничий, Сахаров, Петров тоже знали, в какую сторону вертится российская история и каковы на самом деле «соответствующие научные представления», но собственное благополучие, благополучие семьи было для них дороже.

Не заставила себя ждать и Госдума - в срочном порядке приняла поправки к закону «Об образовании», обязывающие учителей преподавать только по рекомендованным учебным пособиям. То бишь - рекомендованным, в конечном счете, Кремлем.

Третий Рим или второй Константинополь?

В попытке представить историю в выгодном для себя свете Кремль углубился даже и в несравненно более далекие времена, нежели сталинская эпоха. В конце января 2008 года телеканал «Россия» показал фильм «Гибель империи» - о некоторых особенностях истории Византии. Он представлял собой что-то вроде иллюстрированной лекции. Лектором был настоятель московского Сретенского монастыря архимандрит Тихон Шевкунов - как говорят, духовник Путина. В фильме проводилась историческая

параллель между противостоянием Византии и западного мира, с одной стороны, и сегодняшними отношениями России и Запада, - с другой. Зрителю навязывалась мысль, будто бы Запад «генетически предрасположен» ненавидеть и Византию, и ее духовную наследницу – Россию.

Английский журнал «Экономист» так излагал основную идейную канву фильма:

«Богатая и высококультурная столица Византии, Константинополь, вызывала зависть у темных и агрессивных варваров с Запада, которые разграбили этот город во время Четвертого крестового похода в 1204 году. Современный западный капитализм, утверждает отец Тихон, построен на основе трофеев, добытых при разграблении Византии, и еврейского ростовщичества.

Согласно этой версии, первой ошибкой Византии было доверие к Западу (его в фильме олицетворяет фигура в длинном плаще и зловещей венецианской маске с длинным носом) и уступка «командных высот» экономики – торговли и сбора таможенных пошлин – западным предпринимателям и алчным олигархам.

Отец Тихон описывает достижения византийского императора Василия II, который приходился крестным отцом русскому князю Владимиру. Василий подавил сепаратистов и посадил в тюрьму олигархов. Но даже у великих императоров бывают слабые преемники. (Фильм был сделан до того, как Путин избрал преемником Дмитрия Медведева).

Употребление в фильме современных слов и образов настолько бросается в глаза, что российский зритель не может не уяснить его морали. Вместо того чтобы держаться за свои традиции, Византия попыталась провести реформы и модернизацию, как требовал Запад, и дорого за это заплатила. Самое ужасное, что Запад заразил Византию вредоносными индивидуалистическими идеями, которые подорвали ключевые ценности империи, и народ утратил веру в своих правителей».

Серьезные ученые оценили этот фильм как сумбурное, отрывочное и некомпетентное изложение тысячелетней истории Византии, а распространение тогдашних исторических коллизий на современную действительность посчитали неуклюжими, не имеющими отношения к подлинной истории. Однако на многих простых зрителей, - а именно на них он и был рассчитан, - фильм, по-видимому, произвел должное пропагандистское воздействие: вот видите, с каких давних времен коварный и безнравственный Запад чинит козни против святой Руси!

«Отца Тихона и российское государственное телевидение мало заботит тот факт, что Российская империя больше всего приобретала тогда, когда открывалась Западу, а не когда отгораживалась от него, - писал далее «Экономист». - Византия всегда была для России источником православной веры, но мало кто из российских царей ориентировался на Византию как на политическую модель. Москву небезосновательно называли третьим Римом, а не вторым Константинополем. Как одобрительно говорит отец Тихон, изучение Византии довелось воскресить только Сталину – а «он знал, у кого учиться». Но манипулирование историей опасно тем, что ее трагедии могут повториться…

Российские правители часто прибегают к историческим параллелям для оправдания своих действий. Путин проявил интерес к истории с самого начала своего президентства, когда восстановил сталинский гимн в правах государственного. В прошлом году Путин поддержал школьный учебник, в котором жестокое правление Сталина оправдывается как необходимое зло… Теперь через посредство фильма «Гибель империи» российскому президенту посылают скрытый призыв: не слушайте Запад, оставайтесь у власти, закройте границы страны!»

ОТ «ЧАСТИЧНОЙ СВОБОДЫ» - К НЕСВОБОДЕ

«Фальшивая демократия»

То, что за время правления Путина ситуация со всеми человеческими правами и свободами ухудшилась, ухудшилась резко, было видно невооруженным глазом. О том же самом говорили и социологические замеры, которые регулярно проводят международные правозащитные организации.

Десять лет назад, в 1998-м, оценивая тогдашнюю ситуацию в мире, организация «Фридом Хаус» с удовлетворением заявила, что число людей на планете, живущих в свободном обществе, впервые превысило число людей, чьи права ущемляются. «Фридом Хаус» разделила все страны на три категории: свободные (они составляли 48 процентов от общего числа государств мира), частично свободные (28 процентов) и несвободные (26 процентов). Россия попала в число частично свободных.

Однако при Путине, уже в 2004 году наше отечество, по оценке той же организации, съехало в разряд несвободных.

В своем ежегодном докладе «Свобода в мире», опубликованном в начале 2008 года, в конце путинского правления, «Фридом Хаус» продолжала относить Россию к несвободным странам. Ей был присвоен одни из самых низких баллов: за политические права − шесть по семибальной шкале, а за гражданские свободы – пять (наихудший показатель − семь).

(Впрочем, в предыдущем отчете «Фридом Хаус» при оценке гражданских свобод Россия вообще получила минимально возможный балл, - эту самую семерку, − на уровне Кубы, Ливии и Северной Кореи).

По оценке авторов доклада, к началу 2008-го 90 стран (47 процентов) считались свободными, 60 (31 процент) − частично свободными; к несвободным же были

отнесены 43 страны (22 процента) − меньшинство; в него-то под руководством Путина и умудрилась попасть Россия; здесь она расположилась рядом с такими странами, как Пакистан, Таиланд, Бахрейн, Иордания, Нигерия и Кения.

(Впрочем, к категории несвободных Россия - впервые после девяностых - была причислена еще в 2004 году).

По словам авторов доклада, правление Путина оказало отрицательное влияние не только на Россию, но и на бывшие республики Советского Союза. Используя нефть и газ, российские власти оказывают давление на страны, к политике которых они относятся неодобрительно, − на республики Балтии, на Грузию, на Украину и, напротив, щедро помогают авторитарным режимам Центральной Азии, таким как Узбекистан.

Перед этим, в сентябре 2007-го, был еще один доклад «Фридом Хаус», где также говорилось, что ситуация с соблюдением прав человека в России за последние годы ухудшилась. «Россию более нельзя считать демократической страной по всем принятым критериям», – таков был вердикт доклада.

В начале 2008 года свой ежегодный доклад о ситуации с правами человека в различных странах опубликовала также организация «Хьюман Райтс Вотч». Ее общий диагноз, касающийся России, таков: Россия объявляет себя демократической страной без каких-либо на то оснований.

В число «фальшивых демократий» правозащитники, наряду с Россией, включили те же самые Пакистан, Таиланд, Бахрейн, Иорданию, Нигерию и Кению.

Удавка для прессы

Восемь лет назад, в начале 2000 года, намерения Путина в отношении прессы вызывали еще только беспокойство. Сотрудник «Фридом Хаус» Леонард Сасман в

интервью «Свободе» (конец марта 2000-го) сказал, что серьезные опасения у этой организации вызывают три обстоятельства: то, что Путин установил прямой контроль над деятельностью Министерства печати, что он с необычайной легкостью ввел, по существу, глухую цензуру на сообщения из Чечни (сюда укладывалась и история с Андреем Бабицким) и, наконец, намерение властей взять под свой контроль Интернет.

Последнее намерение пока, слава Богу, в полной мере не реализовалось, хотя, я думаю, все еще впереди. Что касается чиновничьего контроля над СМИ и, в частности, цензуры в Чечне, они как были тогда введены, так действуют и поныне, соединенные со многими другими мерами властей, нацеленными на ограничение свободы прессы.

По итогам 2007 года «Фридом Хаус» поставила Россию на 164-е место из 195 (здесь страны расположены по мере ухудшения ситуации от начала к концу списка). Причем тенденция такова, что дела со свободой слова в нашем отечестве год от года все хуже и хуже: по сравнению с предыдущим, 2006 годом, Россия опустилась здесь на шесть строчек.

Примерно такую же оценку дала России и другая международная организация - «Репортеры без границ». В октябре 2007 года по уровню свободы прессы она поместила Россию на 144-е место из 169. Здесь она оказалась между Йеменом, где дела обстоят чуть лучше, и Тунисом, где все еще хуже.

Давались и просто качественные оценки, как обстоят в России дела с основными политическими свободами. Накануне президентских выборов в России, которые должны были состояться в марте 2008 года, организация «Эмнисти Интернэшнл» опубликовала доклад под названием «Российская Федерация: ущемление свободы выражения мнений», где делался вывод, что в России год от года все больше, «планомерно и методично» ограничиваются основные свободы: все меньше места для инакомыслия, независимых СМИ и независимых неправительственных организаций. Чаще всего преследуются и запугиваются «правозащитники и правозащитные

организации, получающие зарубежное финансирование», − их обвиняют в «непатриотичности» или даже в шпионаже.

Один из разделов доклада был посвящен ситуации со свободой слова. По заключению его авторов, в России «остается все меньше и меньше места для независимой журналистской деятельности»; более того, журналисты, придерживающиеся независимой точки зрения, сталкиваются с запугиванием и судебным преследованием.

Разумеется, властные чиновники, кремлевская пропаганда отвергали уничтожающую критику, которую направляли в адрес российских властей международные правозащитные организации: дескать, все эти организации политически ангажированы. Однако любому человеку, у кого есть глаза, кто видел, что происходит в России, было совершенно ясно, что в принципе все эти оценки верны. Неточности могли быть разве что в каких-то цифрах, рейтингах, баллах, но они, кончено, не меняли общей картины.

Что касается политической ангажированности, - нашим чиновникам вообще трудно представить, что где-то в мире могут быть независимые организации, неподконтрольные ни «вышестоящему начальству», ни власти денежного мешка.

Масштабы коррупции − фантастические

Одна из самых тяжелых российских проблем - коррупция. При Путине ее масштабы разрослись фантастически. Фонд ИНДЕМ провел два фундаментальных исследования на эту тему − в 2001 и в 2005 годах, − и зафиксировал колоссальный рост коррупции. Если в 2001 году на взятку среднего размера можно было купить 30 квадратных метров жилья по среднероссийским ценам, то в 2005 − уже 209 метров, что значительно больше площади двухкомнатной или даже трехкомнатной квартиры.

По подсчетам ИНДЕМа, уже в 2005-м коррупционный рынок в России составлял примерно 300 миллиардов долларов (в 2001-м эта цифра была менее 40 миллиардов). С тех пор он, без сомнения, значительно вырос.

Как считали эксперты фонда, для того, чтобы уровень коррупции в России снизился до уровня, например, Швеции, нужна систематическая работа в течение ста лет. На самом деле никакой такой систематической работы в России не велось − одни только грозные заявления, декларации и «протоколы о намерениях». Правда, время от времени затевались какие-то отдельные «воспитательно-показательные» процессы над той иной командой взяточников, которые широко и победно освещались в прессе. При этом, однако, всегда было подозрение, что это вовсе не начало праведной борьбы с преступниками, как пытались нас уверить, а просто сведение счетов одних коррумпированных чиновничьих группировок с другими или же вовсе дежурный предвыборный пиар.

− Каждые четыре года (с началом предвыборной кампании) мы заново начинаем бороться с коррупцией, − иронизировал президент фонда ИНДЕМ Георгий Сатаров, когда Дума в очередной раз достала из-под сукна законопроект, цель которого − установить контроль над доходами высокопоставленных чиновников и их родственников.

− Ключевая проблема, связанная с ростом коррупции в России, - сказал Сатаров, - это бесконтрольность бюрократии… Это проблема политической системы. Бюрократия стала монопольно властвующей силой и не имеет внешних механизмов контроля, которые обычно осуществляются через политическую конкуренцию, через наличие оппозиции, наличие свободной прессы, спокойно работающих общественных организаций. Ничего этого у нас сейчас нет.

Всего этого, добавлю, страну лишил Путин, заменив все это теми самыми традиционными пустыми декларациями о необходимости усилить борьбу с коррупцией.

«Усиливать» борьбу он опять-таки требовал от самой бюрократии, но, по словам Сатарова, не может бюрократия вытаскивать сама себя за волосы из болота.

Пессимистически оценивали положение с коррупцией и зарубежные эксперты. Международная организация «Трансперенси Интернэшнл», измеряющая уровень коррупции в различных странах, по итогам 2007 года поставила Россию на 143-е место из 180 (уровень коррупции опять-таки растет от начала списка к концу). Это приблизительно такой же уровень, как в Хорватии и Венесуэле. Больше брали взяток только в таких наших бывших братских республиках, как Азербайджан, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Таджикистан, и в Африке.

Контролер к вам приходит, чтобы разрушить ваш бизнес

Забавную картину преобразования коррупции ельцинского периода в «путинскую» коррупцию нарисовал в «Новой газете» Кирилл Рогов:

«Сегодняшняя российская коррупция по духу и характеру своему решительно отличается от коррупции 1990-х. Отличается даже внешне. Многочисленные силовики и контролеры, окучивающие сегодня бизнес, выглядят совсем иначе, чем в девяностые. Они приходят в кашемировых пальто, у них дорогие часы на руке, холеные, уверенные в себе. Сегодняшний российский силовик или контролер выглядит совершенно как преуспевающий, средней руки бизнесмен…

В девяностые годы бизнесмены покупали чиновников. Покупая чиновника, бизнесмен обеспечивал себе большую свободу в ведении бизнеса, позволявшую зарабатывать больше денег. Он покупал себе конкурентное преимущество − доступ к ресурсам, собственности, возможность снизить издержки. И именно он, бизнесмен, был главным бенефициаром сделки. Чиновник же, по сути, кормился при его столе. Сегодня главный герой коррупционной сделки, как правило, - чиновник. Он приходит со знанием того, как разрушить ваш бизнес или нанести ему значительный материальный

урон. И за определенный процент от суммы этого урона с достоинством уходит восвояси. Или указывает, кого надо взять в долю, чтобы спасти дело…

С другой стороны, выплаченный откат не открывает теперь перед бизнесменом новых возможностей. Все работают примерно одинаково, используя одни и те же хитрости и схемы. И откупиться от наезда − это уже не способ улучшить конкурентные позиции, но всего лишь способ минимизации потерь. То есть чистое изъятие доли прибыли…

При Путине российское государство из полуолигархического стало превращаться в полицейско-олигархическое. То есть такое, в котором наибольшая доля ренты сосредотачивается в руках людей, осуществляющих репрессивные функции.

На прощальной пресс-конференции Владимир Путин обмолвился, что устал от проблемы коррупции. Этой оговоркой он стремился отделить в нашем представлении эпоху своего правления от системы «огосударствленной» коррупции, ставшей ярчайшей приметой этой эпохи. На самом же деле в созданном им политическом и управленческом механизме репрессии и коррупция − две главные, сопряженные друг с другом шестерни, обеспечивающие дееспособность этого механизма».

Одним словом, рыночная экономика, которая родилась и успешно начала свой рост в девяностые годы при Ельцине, во время путинского правления попала под тяжелейший пресс чиновничьего рэкета, оказалась спеленатой его удушающей сетью. По уровню экономической свободы международная организация «Херитидж Фаундэйшн», подводя итоги 2007 года, дала России 134-е место из 165 возможных. Главной причиной экономической несвободы эксперты этой организации посчитали именно высокий уровень российской коррупции.

В какой «восьмерке» самое подходящее место для России

Бывший советник Путина по экономическим вопросам Андрей Илларионов, ставший одним из самых непреклонных критиков путинского режима, не устает доказывать, что России не место в «большой восьмерке» (G8). Особенно активно он это доказывал перед саммитом «восьмерки» в Петербурге в 2006 году. Согласно исходным договоренностям, в состав «восьмерки» (поначалу - «семерки») должны входить ведущие демократические и индустриально развитые страны мира. Если говорить конкретнее, критерии, которым должна отвечать каждая из стран, таковы: демократическая политическая система, значительные масштабы экономики, высокий уровень экономического и государственного развития, полная конвертируемость национальной валюты, членство в ВТО, Организации по экономическому сотрудничеству и развитию, Международном энергетическом агентстве, приверженность целям и принципам международного сотрудничества. Сегодняшняя Россия, писал Илларионов, отвечает лишь одному критерию - масштабу экономики в пересчете на паритет покупательной силы: в 2005 году ее ВВП был на десятом месте в мире. Во всем остальном наше отечество не отвечает требованиям «восьмерки»: российский рубль не стал полностью конвертируемым, Россия не входит ни в ВТО, ни в Организацию по экономическому сотрудничеству и развитию, ни в Международное энергетическое агентство… Главное же, Россия - не демократическая страна. С 2004 года она перестала быть политически свободной. Далее Илларионов приводил оценки международных организаций по итогам 2005 года: по уровню политической свободы «Фридом Хаус» ставила нашу страну на 168-е место среди 192 стран мира, по показателю коррупции «Трансперенси Интернашнл» Россия находилась на 126-м из 159 мест, по показателю фаворитизма правительственных решений она была 88-й из 108 стран, по уровню независимости судебной власти – 84-й из 102 стран (два последних показателя определяются Всемирным экономическим форумом).

Весьма забавным образом Илларионов «сформировал» несколько других, гипотетических «восьмерок», куда Россию можно было бы включить уже на полных

правах. По ВВП на душу населения «восьмерка» была бы такой: Россия, Саудовская Аравия, Ботсвана, Венесуэла, Уругвай, Таиланд, Мексика, Оман. По уровню средней годовой инфляции за последние пять лет: Россия, Мозамбик, Гвинея, Иран, Нигерия, Эритрея, Гаити и Венесуэла. По уровню политических и гражданских свобод: Россия, Чад, Ирак, Иран, Пакистан, Оман, Руанда, Сомали. По темпам разрушения базовых институтов современного государства и гражданского общества за последние 15 лет: Россия, Непал, Белоруссия, Таджикистан, Гамбия, Соломоновы острова, Зимбабве, Венесуэла.

Чтобы наглядней иллюстрировать деятельность российских властей, Илларионов придумал понятие «афера года». Как уже говорилось, в 2004-м «аферой года» он назвал продажу «Юганскнефтегаза» - главного актива ЮКОСа, доставшегося в итоге - после манипуляций с подставной фирмой - компании «Роснефть». В 2007-м «аферой года» стали выборы в Госдуму. Илларионов весьма убедительно показал масштабы фальсификации в пользу «Единой России» на этих выборах - сравнил графики явки на избирательные участки и графики голосов, полученных будто бы «Единой Россией». Из этих графиков ясно следовало: при повышении явки резко повышается процент голосов, полученных «Единой Россией», и падает уровень поддержки всех остальных партий. Такое, понятно, могло быть только при масштабном вбросе бюллетеней в пользу «партии власти».

«ВО ВСЕМ ВИНОВАТЫ ПРОКЛЯТЫЕ ДЕВЯНОСТЫЕ»

Сплясал на костях Учителя

21 ноября 2007 года, в преддверии выборов в Госдуму (Путин тогда возглавил избирательный список «Единой России) российский президент выступил в Лужниках на «форуме» своих сторонников.

Выступление было обставлено в этаком американском стиле − как предвыборное шоу, как теплая, без церемоний, встреча «простого парня из Техаса» с такими же простыми парнями и девицами − его горячими поклонниками. И одет был Путин по-простецки − без галстука, в черной «водолазке» под серым пиджаком. В гуще поклонников мелькали плакаты типа «Чукотка − за Путина!», «Золотая Колыма − за Путина!»… Все за Путина. Ясное дело, раз сторонники.

Имея в виду предстоящие думские и президентские выборы, Путин сообщил собравшимся, что в следующие несколько месяцев в России «произойдет полное обновление высшей государственной власти». Полное обновление − дело серьезное. (Если бы только оно действительно произошло!) Но при грядущем «обновлении» необходимо, по словам Путина, решить главную задачу: «сохранить преемственность курса − курса на стабильное, устойчивое развитие страны» и «гарантировать от политических рисков рост благосостояния и безопасность Отечества».

Пожалуй, впервые за свое президентство Путин четко обозначил, кого он считает своими врагами. А враги его − как раз те, кто в своей явной разрушительной деятельности и тайных помыслах посягают на этот самый его курс, создают эти самые «риски» для роста народного благосостояния и безопасности страны. Это те люди, кто хочет видеть Россию «слабым, больным государством», кому хочется, чтобы в России было «дезорганизованное и дезориентированное…, разделенное общество», за спиной которого можно было бы − тут следовал переход к традиционному путинскому фольклору – «обделывать свои делишки, чтобы получать коврижки». Естественно, − «за наш с вами счет».

Врагов этих Путин, понятное дело, видит не только за рубежом…

− К сожалению, находятся еще внутри страны те, кто «шакалит» (опять фольклор! − **О.М.**) у иностранных посольств, иностранных дипломатических представительств, рассчитывает на поддержку иностранных фондов и правительств, а не на поддержку своего собственного народа.

Тут вспоминается знаменитая басня Михалкова, классика бескомпромиссной борьбы с космополитизмом сталинских времен: «Я знаю: ЕСТЬ ЕЩЕ (совсем, как у Путина. − **О.М.**) семейки, / Где наше хают и бранят, / Где с умилением глядят/ На заграничные наклейки, / А сало русское едят».

− Конечно, всем нам хорошо известны наши проблемы, − сказал Путин. − Но есть те, кто спекулирует на них…

Здесь-то и следовал перечень тех, со стороны кого приходится слышать эти спекуляции.

− Со стороны тех, кто в течение десятилетий руководил Россией, а в конце 80-х годов оставил людей без самых элементарных услуг и товаров: без сахара, без мяса, без соли, без спичек. И своей политикой, безусловно, подготовил распад Советского Союза. Или спекуляции со стороны тех (внимание! - **О.М.**), кто еще каких-то десять лет назад контролировал ключевые позиции и в Федеральном Собрании, и в Правительстве. Это те, кто в 90-е годы, занимая высокие должности, действовал в ущерб обществу и государству, обслуживая интересы олигархических структур и разбазаривал национальное достояние. Это они нас учат жить сегодня, это они сделали, между прочим, коррупцию главным средством политической и экономической конкуренции. Это те, кто из года в год принимал несбалансированные, безответственные абсолютно бюджеты, обернувшиеся в конце концов дефолтом, обвалом, многократным падением жизненного уровня граждан нашей страны.

Как видим, через запятую с коммунистами, правившими страной в течение десятилетий, Путин, не моргнув глазом, поставил и политиков, находившихся у власти «в лихие девяностые».

Одним словом, главные враги Путина, как выяснилось, − «это все те, кто в конце прошлого века привел Россию к массовой бедности, к повальному взяточничеству – к тому, с чем мы боремся до сих пор».

И вот эти-то изверги и супостаты опять рвутся к власти.

− Они хотят взять реванш, вернуться во власть, в сферы влияния. И постепенно реставрировать олигархический режим, основанный на коррупции и лжи. Они врут и сегодня. Ничего они никому не сделают. В том числе и пенсионерам, которых они многократно обворовали в прежние годы. Вот сейчас еще на улицы выйдут. Подучились немного у западных специалистов, потренировались на соседних республиках, теперь здесь провокации будут устраивать. В общем, я думаю, что ни у кого нет сомнений: эти господа могут только одно, если вернутся к власти, – обворуют опять миллионы людей, набьют себе карманы, но сделают это с присущим им обычно блеском и цинизмом. В этом никто не сомневается.

К позорному столбу хозяин Кремля пригвоздил также тех деятелей, «кто в самый трудный период террористической интервенции против России предательски призывал к переговорам, а по сути, к сговору с террористами, с теми, кто убивал наших детей и женщин».

В сущности, в этой своей лужниковской речи Путин впервые ясно и откровенно (правда, не называя по имени) отрекся от своего предшественника и Учителя, от человека, который привел его за руку во власть и без которого он близко к ней, к этой власти, не подступился бы, − от Бориса Ельцина, навешал на него «всех собак»,

обвинил во всех бедах, постигших Россию на крутом изломе ее судьбы − в девяностые годы.

«Это все мы, мы сделали!»

Путин сделал вид, будто не понимает, что именно в тот судьбоносный период − в конце восьмидесятых, в начале девяностых (да и не только в начале) − в России произошла Великая социальная революция, страна была освобождена от коммунистической диктатуры, в ней свершился переход от одного, тупикового, общественного строя − «социализма» − к совершенно другому, который раньше именовали капитализмом. Этот последний, если его не искажать и своекорыстно не деформировать, открывал дорогу для движения вперед…

Казалось бы, азбучная истина: время революции − всегда тяжелое время, время хаоса, разброда, сумятицы… Прежние, «предреволюционные», правители и их сторонники в эту пору изо всех сил, не останавливаясь ни перед чем, сопротивляются переменам, из-за чего хаос и разброд усиливаются. Растут и страдания народа. Но это-то для них, для бывших, как раз и хорошо. Это как раз то, что надо. В России любимым лозунгом коммунистов в тот период − в революционные девяностые − был, мы помним, лозунг «Чем хуже, − тем лучше!» Лучше потому, что легче настроить мало что понимающего обывателя против тех, кто проводит реформы (жизненно необходимые реформы): «Смотрите, вот кто виноват во всех ваших бедах! Это они освободили цены! Это они обесценили ваши вклады! Это они разграбили Россию!»

После, когда самые тяжелые годы остались позади, противники осуществленных − в общем-то благодатных, хотя и тяжелых, − перемен, чтобы восстановить и увеличить свой политический капитал, естественно, не щадя голосовых связок, продолжали слать проклятия в адрес извергов-реформаторов, науськивая на них толпу: «А? Что мы

вам говорили? Посмотрите, что с вами сделали эти негодяи! Оставили вам без накоплений в сберкассе, без бесплатных путевок, без всего!»

Про то, что эти «накопления» уже в 1991-м фактически представляли собой пустые цифири, за которыми ничего не было, никто из этих обличителей людям, естественно, не объяснял.

Эстафету этих проклятий от коммунистов и приняли Путин и его присные. Тоже все просто: те, ельцинисты, вас ограбили, а мы сегодня, такие хорошие, таки замечательные, хоть и медленно, хоть и с трудом, но налаживаем вашу жизнь. Хотя на самом деле только самый тупой не понимает: жизнь в 2000-е немного (немного!) улучшилась вовсе не благодаря каким-то неимоверным усилиям путинских властей, а просто благодаря тому, что экономическая машина, с неимоверным трудом и при тотальном саботаже налаженная как раз в девяностые годы, мало-помалу заработала, стала давать отдачу.

Кстати, заработала она уже в конце девяностых, еще до путинского воцарения.

Ну, и разумеется − напоминать об этом уже стало банальностью − Путину неслыханно повезло с ценами на нефть: если при Ельцине цена на нее не превышала 11 − 12 долларов за баррель, при Путине − сиганула за полторы сотни долларов и продолжает расти.

Другое дело, что народу от этих безумных денег мало что доставалось, но народ наш − неприхотливый, не избалованный большими доходами, рад был и тем крохам, которые перепадали ему с барского стола.

А вы-то где были в «проклятые девяностые»?

«Забыл» Путин и о другом, − что он сам был среди тех, кто стоял у власти в «проклятые девяностые». Сначала на региональном, питерском, впрочем, тоже достаточно высоком, уровне, а затем и на еще более высоком – в Москве. Чего же, спрашивается, изображать невинность, делать вид, что ты тут совсем-совсем не при чем, что тебя тогда во власти вовсе не было? Или даже так − что ты во власти был, но всеми силами противился ее «разрушительной» деятельности, стремился свергнуть «олигархический режим, основанный на коррупции и лжи». Да нет, и был тогда Путин во власти, причем, как мы знаем, достаточно близко к Ельцину − на посту первого зама руководителя Администрации президента, потом − на посту директора ФСБ и одновременно секретаря Совета безопасности, еще позже − премьер-министра, − и что-то не слышно было, чтобы он, не щадя живота своего, сопротивлялся «антинародным» действиям этой власти, их «губительному» вектору. Не было такого.

Кстати, и с олигархами ельцинский преемник дружбу всегда водил сердечную…

Да и не только Путин занимал в «проклятые девяностые» достаточно высокие посты, осуществлял по России государственную, муниципальную власть, во всем поддакивал власти центральной, в меру способностей проводил ее политику, а потом вдруг «прозрел», влился в армию поносителей той «ужасной эпохи», стал тут в кильватер новоявленному «спасителю отечества». Многие высокопоставленные федеральные чиновники, губернаторы, мэры, руководители республик, депутаты, вполне преуспевавшие при Ельцине, мигом сделались его бескомпромиссными обличителями и критиками, словно бы они вот только сейчас, только что возникли из небытия и начинают вместе с Путиным с чистого листа писать новейшую, правильную, российскую историю.

Кстати, насчет тех, «кто в самый трудный период террористической интервенции против России предательски призывал к переговорам, а по сути, к сговору с

террористами, с теми, кто убивал наших детей и женщин». Под этой жуткой интервенцией, по-видимому, понимается вступление басаевского отряда численностью в 650 человек на территорию Дагестана в августе 1999 года, после которого и началась вторая чеченская война. Настойчивые призывы к переговорам, да и сами переговоры, начались, как известно, в 1996-м, во время президентской предвыборной кампании, и завершились осенью мирными Хасавюртовскими соглашениями, которые были подкреплены в мае 1997-го Московским договором между Россией и Чечней. Переговоры продолжались и в дальнейшем при всех тогдашних премьерах − Черномырдине, Кириенко, Примакове, Степашине… Да и при самом Путине, причем уже после того как начался «самый трудный период террористической интервенции против России». Стало быть, всех этих премьеров, а заодно и Ельцина, без согласия которого никаких переговоров, разумеется, не было бы, можно отнести к «предателям».

Тоже какая-то неувязка получается…

Примечательно, что открытую атаку против своего предшественника Путин начал через несколько месяцев после его кончины. При жизни Ельцина как-то все же не решался на это. Стеснялся.

ГДЕ БЫЛА ОШИБКА…

«ТАК ПРОВИДЕНИЮ БЫЛО УГОДНО»

Президент-гэбист

Как все-таки Ельцин умудрился так промахнуться? Ведь столько сил было положено, чтобы отстоять демократию на земле российской! И август 1991-го, и октябрь 1993-го, и июль 1996-го (выборы)… Это, конечно, крайние моменты. Но и в промежутках тоже было не легче. И так вот просто взять и все отдать человеку, который развернет страну в обратном направлении!

Прежде всего, непонятно, как могло не насторожить Ельцина гэбистское прошлое Путина. Для многих именно это - главное недоумение. Одна моя знакомая, узнав, что Путин стал ельцинским преемником, так прямо и рубанула: дескать, это назначение - грубая ошибка. Она, мол, не знает, что за человек конкретно Путин, зато хорошо знает другое: в КГБ не может быть хороших людей.

То, что Бориса Николаевича не насторожило это путинское прошлое, тем более удивительно, что он - партийный функционер, прошедший все ступеньки советской карьерной лестницы, - лучше других знал, что представляло собой это ведомство.

Автор книги «Сослуживец» Владимир Усольцев, сам бывший гэбэшник, естественно, уверен, что былая принадлежность Путина к КГБ не давала оснований испытывать какую-то настороженность, это был не минус, а как раз плюс для такой страны, как Россия:

«Я радовался володиному взлету и восторгался государственным гением Бориса Николаевича. Россия устала от бестолково проводимых реформ. В стране, где подавляющее большинство населения имеет рабскую психологию, демократия запросто может обратиться в еще более грозную охлократию, чем в Белоруссии. Как сделать так, чтобы и демократию удержать, и продолжать наращивать гражданский потенциал в обществе, и реальную угрозу повторения печального белорусского опыта предотвратить? И Провидению было угодно, чтобы в критическое время вблизи Ельцина оказался подходящий человек: чекистское прошлое Володи было для рабской массы большим плюсом априори… Убедившись, что Володя, вопреки своему прошлому, является сторонником демократии и либерализма (ох, непросто в этом

убедиться! - **О.М**.) и что он вполне способен толково работать, Ельцин сделал исключительно удачный выбор преемника».

В общем, из всего этого пассажа - независимо от воли автора - следует: Путин стал президентом прежде всего благодаря «рабской психологии» «рабской массы», то бишь «подавляющего большинства населения». Такие вот «дифирамбы» одного бывшего сослуживца другому. Усольцев хотел в очередной раз восхвалить Путина, а вышло… Черт знает, что вышло.

Главный козырь - обаяние

Снова и снова задаешь себе вопрос, почему именно на Путине Ельцин остановил свой выбор, какие к тому были предпосылки. Усольцев отвечает на него просто:

«Я абсолютно убежден в том, что именно его уникальное обаяние в глазах пожилых людей оказало решающее влияние на его карьерный рост с того момента, как он попал в поле зрения Ельцина. В искусстве чиновничьей административной работы Володя едва ли имел преимущество перед другими приближенными Бориса Николаевича. Но в обаянии он намного превосходил их всех».

Как можно понять из воспоминаний Усольцева (впрочем, и из других свидетельств тоже), одним из главных козырей Путина всегда было это самое обаяние:

«Володя умел быть вежливым, приветливым, предупредительным и ненавязчивым. Он был способен расположить к себе кого угодно, но особенно это ему удавалось… в отношениях со старшими, годящимися ему по возрасту в отцы».

Но не только Ельцина «обаял» в общем-то ничем не примечательный Володя:

«И население России поддалось этому обаянию. Я не встречал в публицистике прямого указания на этот аспект взлета феноменальной популярности никому не известного человека. Вся журналистская рать мусолила все мыслимые и немыслимые причины этой загадки, боясь или будучи неспособной признать, что обычный чиновник может быть намного обаятельнее их самих. И не следует приписывать володин успех

исключительно имиджмейкерам и пиаровцам из его избирательного штаба. Все избирательные технологии хороши для малосимпатичных политиков. Органически обаятельные люди производят сами по себе выдающийся эффект».

В какой-то степени население России действительно можно понять. Не так уж часто судьба баловала его правителями хотя бы внешне привлекательными. В основном это была публика закатных лет, рыхлая, обрюзгшая, с расплывшимися от нездорового образа жизни физиономиями. И вот вдруг - такой молодой, сухопарый, спортивный, с хорошо поставленной мимикой, жестикуляцией, речью. Без сомнения, эти природные володины дарования в дальнейшем шлифовались и оттачивались наемными имиджмейкерами (думаю, не стоит это оспаривать, это тоже было). Правда, что касается ораторских способностей, Усольцев тут замечает: Володя в основном силен в диалоге. Монологи у него получаются хуже: «выступить с трибуны с красивой импровизацией, наподобие того, как это делал его шеф Собчак, ему, скорее всего, не удалось бы». Но диалог - тоже ведь немало: российское население знавало вождей, которые, говоря с ним, населением, вовсе не отрывались от писаного текста, да и вообще с трудом выговаривали слова (сколько анекдотов на этот счет было сочинено про Брежнева). Со временем, заматерев, Путин тоже стал все чаще прибегать к выступлениям «по бумажке», но при этом все же старался время от времени прерывать чтение и тоже как бы импровизировать, подобно Собчаку (думаю, большая часть этих импровизаций были домашними заготовками).

Кстати, в интервью «Известиям» в марте 2003 года, еще до выхода книги, Усольцев (здесь он представился как Владимир Артамонов) признался, что такие путинские перлы, как «мочить в сортире», были неожиданны для него - ничего подобного от своего сослуживца он в Дрездене не слышал.

Мысль об уникальном обаянии Володи Путина Усольцев на разные лады повторяет много раз. В одном месте она звучит у него как итог всего рассказанного о герое:

«Ну а теперь читатель, наверное, согласится со мной, что такой симпатяга закономерно не оставил конкурентам из ближайшего ельцинского окружения ни малейших шансов в необъявленном соревновании за симпатии уходящего на покой Бориса Николаевича. Хоть и не был Володя выдающимся экономистом, юристом, социологом, он победил. Оказался он самым симпатичным из единомышленников Ельцина в самых главных воззрениях на будущее России и ее место в мире - свободное демократическое общество с капиталистической экономикой, интегрированное в семью развитых стран».

Забавное дело: Усольцев, по-видимому, ощущает комизм ситуации, когда президента великой страны выбирают в значительной степени лишь по внешним данным, и торопится «осерьезнить» этот выбор. Вот, дескать, стояла пред очами Ельцина некая шеренга потенциальных преемников - все надежные ребята, единомышленники-демократы, - а уж из этого ряда Борис Николаевич и выбрал самого симпатичного. Тут уже, как говорится, комар носа не подточит, тут уже не остается места для иронических усмешек.

Случайный президент

Итак, решающую роль при выборе Путина преемником сыграло обаяние. Но ведь, чтобы продемонстрировать его, надо было еще «попасться на глаза» Ельцину. Еще из того известинского интервью Усольцева-Артамонова:

«..Он никогда не планировал быть большим начальником. Жизнь в Дрездене показала абсолютно точно, что он был доволен и счастлив своей судьбой, он жил ради семьи…»

Снова, как видим, этот пассаж о володиной непритязательности в части карьерных устремлений. Но главное далее:

«…Это случайность забросила его наверх, но, когда он туда попал, я сразу сказал, что он будет президентом. Я не ошибся. Потому что у него потрясающий талант нравиться».

Итак, не одно только обаяние, «потрясающий талант нравиться» вытолкнули наверх Володю Путина. Свою роль тут сыграло и просто случайное стечение обстоятельств, благодаря которому обаятельный Володя попался Ельцину на глаза. Усольцев и это повторяет неоднократно.

«Восхождение Путина на вершину власти - дело случая, - пишет Усольцев в книге. - Вполне возможно, что такой невероятный поворот событий случился впервые в истории человечества… В России, несомненно, найдется множество выдающихся личностей, превосходящих его (Путина. - **О.М.**) и по образованию, и по интеллекту, и по организационным способностям».

Что ж, объяснение вполне определенное, логично вытекающее из всего книжного текста - то, что Ельцин увидел Путина и получил возможность поддаться его обаянию, произошло случайно. Здесь вроде бы можно и остановиться, поставить точку. Однако это объяснение, естественно, принижает образ героя, чего автор никак не желает. Поэтому он пускается в глубокомысленные философские рассуждения:

«Но во всякой случайности есть проявление своей глубинной закономерности. Случайно оказавшись в нужное время в нужном месте, Путин превзошел потенциальных соперников вокруг Бориса Николаевича незаурядной КОМПЛЕКСНОСТЬЮ (выделено мной. - **О.М.**) своих в общем-то обычных, если брать по отдельности, качеств и особенно своим уникальным шармом…»

Как заурядные качества, будучи собранными вместе, могут образовать незаурядный комплекс, - это, наверное, одному автору известно.

САПЕР ОШИБАЕТСЯ ЛИШЬ ОДНАЖДЫ

Был ли Ельцин демократом?

Первое, что приходит в голову: может быть, он и сам, Ельцин, не был так уж крепок в своих демократических убеждениях? В конце концов, кто он сам по своей «генетике», по своему жизненному опыту? Коммунист, партработник. Может быть, весь этот демократический налет - это так, сверху, что-то неглубокое, неосновательное? Что вообще им двигало, когда он взялся проводить демократические реформы? Обо всем этом беседую с Егором Гайдаром - человеком, который бок о бок с Ельциным начинал эти реформы.

Знал ли Гайдар Ельцина? Да, он долго с ним работал в разных качествах, бесконечное число раз общался, причем в самых различных ситуациях, в том числе и кризисных. Но при этом его ответ на вопрос, знает ли он Ельцина, лишен самоуверенности и безапелляционности.

- Мне кажется, - говорит Гайдар, - что я его неплохо понимал. Тем не менее, должен сказать, что именно потому, что я его неплохо понимал, для меня он оставался человеком поразительно загадочным. В общем, я бы сказал так: я думаю, что я лучше других знал, что я его не знаю.

Такой вот парадоксальный ответ.

Как-то в 1996 году, незадолго до президентских выборов, бывший пресс-секретарь Ельцина Вячеслав Костиков заявил, что Ельцин никогда не был демократом. Гайдара тогда попросили прокомментировать эти слова. Он сказал, что в тот период, когда он работал с Борисом Николаевичем, у него не было оснований сомневаться, что он демократ. А как Гайдар ответил бы на тот же вопрос сегодня (в момент нашего разговора), спустя десять лет: Ельцин демократ или нет?

Мой собеседник говорит, что ответил бы точно так же. И даже усиливает свой положительный ответ: в то время, когда он, Гайдар, работал с Ельциным, у него не только не было оснований сомневаться, что Борис Николаевич убежденный демократ, но у него было твердое убеждение, что демократия для Ельцина - это не игрушка, а очень серьезная ценность.

- По-моему - подчеркиваю, по-моему, - говорит Гайдар, - он воспринимал себя как человека, который принес России свободу. И для него это было очень ценно.

- Ельцин действительно принес России свободу, - естественно, соглашаюсь я. - Вполне очевидно, однако, что между этой его исторической миссией и его же, скажем так, генетикой, воспитанием, жизненным опытом, в общем, - его человеческой сущностью постоянно происходил конфликт.

- Конечно, такой конфликт был, - подтверждает Гайдар. - Потому что Борис Николаевич происходил из совершенно другого общества, другой эпохи. Но при этом он был поразительно ярким и талантливым человеком…

Как известно, в советское время яркость, талантливость вовсе не помогали подняться наверх. Напротив, эти качества приходилось скрывать, чтобы не выделяться на общем сером фоне. А вот «яркий и талантливый» Ельцин сумел добраться до самой вершины коммунистического Олимпа - стал первым секретарем столичного горкома партии, кандидатом в члены Политюро.

Гайдар объясняет это так:

- Советская политическая элита, как говорится, ПРОСТО ПРОМОРГАЛА ЕГО ПОЯВЛЕНИЕ НА ПОЛИТИЧЕСКОЙ СЦЕНЕ И ВОЗНЕСЕНИЕ НАВЕРХ (выделено мной. - **О.М.**) Потому, что в это время она уже была очень склеротичной, очень деинтеллектуализированной.

Проще говоря, - поглупевшей, утратившей политическое чутье. Как можно было проглядеть такого политика в тоталитарной стране, где вроде бы все всегда были

уверены: подобных неординарных политиков не было, нет и быть не может? Это просто поразительно!

«Ему удалось то, что не получилось у Кромвеля»

Итак, Егор Гайдар считает Ельцина убежденным демократом. Однако я напоминаю ему, что его, Гайдара, отношение к Борису Николаевичу несколько раз круто менялось: в январе 1996 года, после того как Ельцин отправил в отставку с поста первого вице-премьера Анатолия Чубайса, Гайдар заявил о полном разрыве с президентом, добавив, что не может себе представить таких обстоятельств, которые побудили бы его восстановить их отношения; потом, во время встречи с Ельциным тет-а-тет в конце февраля того же года, Егору Тимуровичу, по его словам, показалось, что он увидел перед собой прежнего Ельцина - Ельцина конца 80-х - начала 90-х годов; в дальнейшем, где-то в конце апреля 1996 года, Гайдар призвал «Демвыбор», который он тогда возглавлял, голосовать за Ельцина, хотя прежде был против этого. Я полагаю, перечень одних только этих колебаний Егора Тимуровича (а были и другие) несколько противоречит той однозначной оценке, которую он дает Ельцину сегодня.

Гайдар признает, что в прошлом не всегда оценивал Ельцина так, как оценивает сейчас:

- Опыт показывает, что в политике лучше никогда не говорить «никогда». В этом ракурсе надо смотреть и на то, что я говорил в январе 1996 года… Кстати, непосредственным поводом для этого была не отставка Чубайса, а события в Первомайском… Знаменитые ельцинские слова о «38 снайперах»… Так вот, когда я все это смотрел по телевизору - про «38 снайперов», - мне действительно показалось, что я больше никогда политически не смогу поддерживать Ельцина. Но политика такая вещь… Я потратил массу усилий, чтобы найти и выдвинуть какого-то альтернативного демократического кандидата. Избираемого. Уговаривал Бориса Немцова, который тогда был весьма популярен, стать таким кандидатом. Вел переговоры с Явлинским о

нашей совместной поддержке Немцова… Но к апрелю стало ясно, что у нас нет другого выбора, кроме как поддержать Бориса Николаевича Ельцина. И я никогда не пожалел, что сделал такой выбор. Реальной альтернативой Ельцину тогда был лишь Зюганов, поддержать которого, понятно, мы никак не могли.

То, что демократы в ту пору решили голосовать за Ельцина, опять-таки еще не говорит о том, что сам Ельцин был убежденным демократом - просто у демократов, как видим, в тот момент не было другого выбора.

О том, что Борис Николаевич не принадлежал к числу таких уж последовательных демократов, говорят не только чьи-то субъективные оценки и мнения, но и реальные факты. Взять хотя бы затеянную им войну в Чечне и один из самых позорных ее эпизодов - бессмысленное уничтожение Первомайского, убийство заложников (раз уж речь зашла о «38 снайперах»).

- Тем не менее, - говорит Гайдар, реагируя на мое напоминание об этой стороне ельцинской деятельности, - я считаю его исторической фигурой. Причем очень необычной в мировой истории. Это человек, который начал революцию, политически пережил ее, не допустил в ходе ее полномасштабной гражданской войны, сохранил власть в процессе тяжелейшего перехода от старой экономической системы к новой, передал эту власть человеку, которого он сам выбрал и поддержал. Честно говоря, я не помню других таких примеров в истории. Кромвелю такая передача власти не удалась. Кстати, и Ленину тоже…

Ленину много чего не удалось. А что удалось, - лучше бы не удавалось… В принципе, я согласен со всеми из перечисленных Гайдаром заслуг Ельцина, кроме одной, последней - о ней-то, об этой «заслуге», а точнее, о главной ельцинской ошибке и идет сейчас речь...

Что было для него главным?

- Вот вы говорите, - обращаюсь я к своему визави, - что Ельцин чувствовал себя человеком, который принес России свободу, гордился этим. Вы уверены, что в этой гордости на первом месте стоит именно «свобода», а не «принес России»? Разве не могло им двигать просто мессианство. Оно ведь движет многими политиками, госдеятелями. Человек возлагает на себя миссию - что-то принести стране, миру. А что именно, - не так уж важно. Неважно и то, что получится в итоге. Вот Путиным, по-видимому, тоже движет мессианство: он полагает, что несет России нечто более ценное, чем свобода, - порядок (как он его понимает), утраченное имперское величие. Однако порядка не получается, получается род анархии - тотальная коррупция, какой, по-видимому, не было в российской истории. Возможно, и Ельцину просто-напросто хотелось принести России что-то такое этакое. Вообще у политика, помимо вечного стремления обрести и удержать власть, должна быть какая-то понятная людям «благородная» цель. Такую цель он не всегда может сформулировать сам. Но вот подворачивается человек или группа людей, которые подсказывают ему какие-то идеи. Он берет их на вооружение и - вперед.

Напомню, как Ельцин воспринял идеи Гайдара. По словам Геннадия Бурбулиса, тогдашней правой руки президента, когда стало ясно, что топтание на месте становится губительным для страны, было решено создать несколько параллельных групп, поставив перед ними задачу разработать внятную программу экономических реформ. В этом направлении работали группа Сабурова, группа Гайдара… Продолжались и контакты с Явлинским... Главным основанием для выдвижения Гайдара на роль ведущего реформатора стали итоги работы его группы. Он, так сказать, выиграл конкурс.

Впрочем, сам Ельцин вспоминает об этом несколько иначе. Да, на стол ему легли различные «концепции, программы», из которых надо было выбрать наиболее

подходящую. Да, госсекретарь Геннадий Бурбулис советовал ему остановиться на программе Гайдара. Однако решающими для президента стали иные мотивы:

«Гайдар, прежде всего, поразил своей уверенностью. Причем это не была уверенность нахала или уверенность просто сильного, энергичного человека, каких много в моем окружении. Нет, это была совершенно другая уверенность. Сразу было видно, что Гайдар… очень независимый человек, с огромным внутренним, непоказным чувством собственного достоинства. То есть интеллигент, который, в отличие от административного дурака, не будет прятать своих сомнений, своих размышлений, своей слабости, но будет при этом идти до конца в отстаивании принципов, потому что… это его собственные принципы, его мысли, выношенные и выстраданные. Было видно, что он не будет юлить. Это для меня было неоценимо…»

Всякий, кто когда-либо сталкивался с Егором Тимуровичем, подтвердит, что это совершенно точная его характеристика. Но речь здесь не об этом: вариант реформ, предложенный Гайдаром, Ельцин выбрал не потому, что признал этот вариант лучшим, а по той причине, что ПОВЕРИЛ ЧЕЛОВЕКУ, который его предложил.

Политик должен быть эффективным

- Конечно, Ельцин - талантливый политик, - продолжает наш разговор Егор Гайдар. - А талантливый политик не может существовать, если он не эффективен. То есть если он не умеет мобилизовывать общественную поддержку. Особенно тогда, когда это критически важно. Поэтому, естественно, он должен адресоваться к тому обществу, которое есть. В кругу интеллектуалов мы можем бесконечно дискутировать о ключевых стратегических вопросах развития ситуации в России. У меня есть много знакомых и друзей, которые высказывают крайне интересное для меня и вообще стратегически верное мнение по этим вопросам, но среди них нет ни одного, кто был

бы способен получить такую электоральную поддержку, которую, допустим, получил Ельцин в Москве в 1989 году, - 90 процентов.

Я возражаю моему собеседнику: 90 процентов Ельцин набрал тогда по московскому территориальному округу на выборах народных депутатов; ему противостоял гендиректор ЗИЛа Браков - фигура, поддерживаемая официальными властями: то были первые многопартийные выборы, и, естественно, избиратели с треском провалили кремлевского ставленника Бракова, но это еще не говорит о 90-процентном рейтинге Ельцина. В целом по России поддержка Бориса Николаевич была существенно меньше: ее пик, который пришелся на президентские выборы 12 июня 1991 года, составлял около 57 процентов (чуть раньше, по опросам, у него было 60 процентов).

- Те первые президентские выборы, - возражает мне Гайдар, - проходили в условиях, когда государственный аппарат был не в руках Ельцина. А в руках тех, кто делал все, что можно, чтобы его не избрали. Против Ельцина работала вся государственная пропагандистская машина. Людям рассказывали, какой он пьяница, что он делал во время визита в Вашингтон… Это была мощная пропагандистская машина, которая считалась очень приличной в мире. Она вся действовала против него. И вот когда вся официальная пропаганда, весь государственный аппарат страны, в которой 75 лет существовал тоталитарный режим, работает против тебя, а ты получаешь 57 процентов, - это впечатляющий результат.

Он отвергал коммунистические традиции

Я возвращаю разговор к вопросу о том, что все-таки двигало Ельциным в его реформаторской деятельности - тяготение к мессианству или, прежде всего, действительно желание дать стране свободу, утвердить демократию?

- Он, повторяю, был прирожденный политик, - говорит Гайдар. - Что им двигало как политиком? Стремление к власти, свойственное всякому амбициозному политику, желание изменить страну и решить комплекс очевидных тяжелейших проблем, дать ей новую траекторию развития, сделать ее свободной, сделать ее похожей на наиболее развитые страны. Наверняка это была такая вот сложная смесь мотивов. Я даже не думаю, что он сам смог бы ответить на этот вопрос, - что им двигало в первую очередь. Уж не говоря о том, чтобы это сделали люди, которые с ним много работали и считают, что они его неплохо знают. Но, на мой взгляд, в его мотивах роль чистой идеи о том, что Россия должна быть такой, как развитые, преуспевающие страны, где люди живут намного лучше, чем у нас, - была велика. И еще - он отвергал прошлые коммунистические порядки, альтернативой которым как раз и была демократия. Вот, вы знаете, очень характерный случай, многое расставляющий для меня по своим местам при обсуждении приоритетов Бориса Николаевича Ельцина. Он произошел в 1992 году, где-то весной. Может быть, вы помните, - в ту пору наше правительство очень много ругали за то, что мы не разъясняем смысла своей деятельности, что мы не ведем пропагандистской работы, что у нас нет пропагандистской машины, которая информационно поддерживала бы начатые реформы. Это писали и говорили люди, мнение которых я высоко ценю, в том числе мой отец. Он мне говорил об этом, по меньшей мере, раз десять…

(В скобках напомню: отец Егора Тимуровича Тимур Аркадьевич Гайдар был журналистом. То есть человеком, так или иначе, тоже активно вовлеченным в жизнь страны. По-моему, он тогда не только уговаривал сына разъяснять людям смысл реформ, но и сам предпринимал какие-то практические шаги в этом направлении. Во всяком случае, Тимур Аркадьевич, помнится, звонил, в частности, и мне, призывая присоединиться к некоей группе демократических журналистов, намеренных заняться активной разъяснительной работой, нацеленной, прежде всего, на провинцию, которая вообще плохо понимала, что происходит в стране…)

- … И вот в какой-то момент, - продолжает Гайдар, - я пришел к Борису Николаевичу и поставил перед ним вопрос о создании некоей специальной структуры, которая системно, на регулярной основе занималась бы разъяснением смысла реформ, соответствующей пропагандой… Вообще-то, это не входило в мою сферу компетенции - я отвечал за экономику и социальную политику. И вообще не в традиции России, чтобы пропагандой занималось правительство. Раньше этим занимался ЦК КПСС, потом - Администрация президента. Но вот я счел целесообразным выступить с таким предложением. Какова же была реакция Бориса Николаевича? Он сказал мне примерно следующее: «Егор Тимурович, вы хотите мне предложить воссоздать Отдел пропаганды ЦК КПСС? Так вот при мне этого не будет!» Это о многом говорит. Ведь сколько лжи, клеветы выливалось тогда и на него, и на всех нас! И чтобы он или кто-то по его поручению хотя бы раз позвонил на телевидение, на радио, в какую-то газету и отчитал кого-то даже и за прямую ложь, за прямую клевету, не говоря уже о каком-то просто «нежелательном» для власти выступлении, как это сплошь и рядом бывало при коммунистах (этим чаще всего занимался тот же Агитпроп ЦК)! Не было этого при Ельцине. Так что, еще раз скажу, отторжение от коммунистического прошлого, коммунистических методов управления стояло на одном из первых мест среди мотивов Ельцина. Оно оказывалось доминирующим даже тогда, когда ему предлагали вроде бы что-то достаточно рациональное, но в чем он усматривал ненавидимую им коммунистическую традицию.

Так почему он ошибся?

Напоминаю собеседнику: после выборов 1996 года Ельцин основательно занялся поиском «наследника» - такого человека, который обеспечил бы «преемственность власти и курса», а после дефолта 1998 года почти целиком сосредоточился на этой задаче. Вполне очевидно, говорю, что решить ее Ельцину так и не удалось: при Путине,

как мы знаем, курс был резко изменен. Спрашиваю Гайдара, как он думает, в чем заключалась ошибка Ельцина? Он плохо разбирался в людях или его главной целью было все-таки не обеспечение преемственности курса, а что-то другое?

Гайдар категорически отвергает это «что-то другое»:

- Абсолютно убежден: главным приоритетом для него был вопрос о том, куда пойдет Россия. Главным для него было - обрести уверенность: все, что он делал, это не напрасно, это не будет пересмотрено.

Но это-то, говорю, и оказалось в значительной степени деформировано, изменено…

- Я вам скажу так, - говорит Гайдар, - всякий человек, который имеет дело с Россией на переломных этапах ее развития, сталкивается с рисками когда-то сделать ошибку. Повторяю, я убежден, что Борис Николаевич, в первую очередь, думал о сохранении курса. И по состоянию на конец 2002-го - начало 2003 года мне казалось, что он не сделал ошибки при выборе преемника. К этому времени были проведены фундаментальные позитивные реформы. Была обеспечена частная собственность на землю. Проведена радикальная налоговая реформа, стабилизированы финансы. Было сделано очень много по модернизации трудового законодательства… В общем, казалось, что развитие событий в целом позитивное. Оно идет в том направлении, которое было задано при Ельцине. Нетрудно было убедить себя в том, что мы успешно прошли этот тяжелейший период нашей истории, вышли на путь поступательного развития страны. Это был момент, когда отношение мировых элит - интеллектуальных, политических, финансовых, экономических - к России достигло высшей степени благожелательности. То есть, по крайней мере, на три года Ельцин спрогнозировал действия своего преемника достаточно адекватно. Три года - это немало.

Я возражаю Гайдару, что сказанное им все же относится в основном к экономической сфере деятельности Путина. А вот поле демократии в России уже тогда начало скукоживаться.

Гайдар не согласен:

- Я могу вам сказать за себя. О том, как я видел ситуацию, скажем, весной 2002 года. У меня не было ощущения, что демократия в России скукоживается (это не значит, что я был прав). Да, у меня не было убежденности (и я говорил об этом еще до того, как Путин стал президентом), что он верит, что демократия России нужна, по крайней мере, сегодня. Для меня здесь стоял большой вопросительный знак. Я был убежден, что он хочет, чтобы в России проводилась полезная и ответственная экономическая политика, что он будет реалистом в вопросах внешней политики… Мне кажется, что ему слишком часто рассказывали, как Горбачев был неправ, когда он пытался соединить либерализацию экономики и политики. Я видел риски демонтажа демократических институтов, системы сдержек и противовесов, но именно риски.

Наш разговор, однако, напоминаю я собеседнику, происходит не в 2002-м и не в начале 2003 года, а почти в середине 2006-го...

- Ну, конечно, за время между 2002 годом и сегодняшним днем у меня отношение к происходящему во многом изменилось… - соглашается Егор Тимурович.

Была ли альтернатива Путину ?

В 1996 году, как уже говорилось, перед президентскими выборами, Гайдар, «Демвыбор» долго и мучительно искали альтернативу Ельцину. Так и не нашли ее. А была ли, на взгляд Егора Тимуровича, у самого Ельцина в 1998-м - 1999-м более или менее приемлемая альтернатива при выборе преемника? Был ли человек, по крайней мере, не менее надежный, чем Путин, в том, что касается сохранения курса (тогда казалось, что Путин - надежный), и в то же время избираемый? Подчеркиваю - избираемый. То есть, как минимум способный победить Зюганова. Ведь на всех

тогдашних выборах кандидату, которого поддерживала более или менее вменяемая часть общества, приходилось бороться с Зюгановым, Зюганов неизменно его «подпирал», имея достаточно высокий рейтинг. Если бы «вменяемый» кандидат оказался недостаточно избираемым, недостаточно популярным, - президентом России стал бы коммунист сталинского разлива. Либо же, возможно, с еще большей вероятностью, им сделался какой-то другой неприемлемый кандидат - Примаков, Лужков… Так вот, кто бы, по мнению Гайдара, мог тогда быть кандидатом, альтернативным Путину (а с другой стороны - Примакову, Лужкову, Зюганову)? Черномырдин? Степашин? В принципе могли, наверное, появиться и какие-то иные фигуры. В конце концов, рейтинг Путина за какие-то полгода удалось «раскрутить» почти от нуля до заоблачных высот. По-видимому, и с кем-то другим можно было бы проделать то же самое?

- Ельцин действительно очень много думал о том, кто будет его преемником, - говорит Гайдар, - подходил к этому вопросу серьезно как к ключевому. Причем всегда имел перед глазами набор альтернатив... Как человек с огромным политическим чутьем, он был весьма компетентен в этих вопросах.

Спрашиваю:

- Этот набор приемлемых кандидатов существовал в реальности или он только стоял у Ельцина «перед глазами», то есть был в его воображении, в его размышлениях?

Гайдар отвечает уверенно:

- Он существовал в реальности.

- А фамилии назвать не хотите?

- Не могу. Этот вопрос - к Борису Николаевичу.

(Тогда еще Борис Николаевич был жив).

Впрочем, я и сам знаю, какой набор приемлемых кандидатов (кроме Путина) имелся у Ельцина. О нем, об этом наборе, может догадаться любой человек,

дочитавший мою книгу до этого места. Этот набор был невелик - Черномырдин, Степашин... Хотя, кто знает, может быть, Ельцин держал в голове еще кого-то...

Как бы то ни было, к весне 1999-го из всего возможного набора остался лишь один человек, который и стал реальным преемником.

Он обезвредил максимальное количество мин

Итак, при выборе преемника Ельцин допустил ошибку - обеспечить преемственность курса ему явно не удалось. Какова природа этой ошибки? При всей своей многоопытности, при развитой интуиции, которой он, кажется, очень гордился, Ельцин все же недостаточно хорошо разбирался в людях?

Ответ Гайдара:

- Сапер ошибается один раз. Лидеру, который возглавляет страну в эпоху великой революции, приходится во время своей деятельности обезвредить большое количество мин. Раньше или позже он ошибается... Это относится ко всем революционным лидерам, и к Борису Николаевичу тоже. Так что природа такой ошибки - стохастическая (то есть, как объясняют толковые словари, в основе ее лежит случайность, вероятность. - **О.М.**) Когда ты разминируешь множество мин, вероятность роковой ошибки высока... Что касается того, хорошо ли Ельцин разбирался в людях или не очень хорошо… Из революционных лидеров, которых я знаю в истории человечества, Борис Николаевич сумел разминировать максимальный процент взрывных устройств.

- Следующий мой вопрос, - говорю, - вы, наверное, тоже переадресуете Борису Николаевичу, но я все же хотел бы знать и ваше мнение. Как вы думаете, переживает ли Ельцин сейчас, видя столь серьезные отклонения от намеченного им курса?

- Я знаю ответ на этот вопрос, но я действительно переадресую вас к Борису Николаевичу.

Надо полагать, этот ответ расшифровывается примерно так: «Да, Ельцин переживает. Сильно переживает». Альтернативным ответом мог бы быть, например, такой: «Мне кажется, сейчас Борис Николаевич взял себе за правило никак не вникать в политику, посвятить себя частной жизни». Но такой ответ, наверное, и скрывать было бы незачем.

Я тоже знаю ответ на свой вопрос, но мне хочется понять, что обо всем этом думает Гайдар.

- Можете ли вы себе представить, - спрашиваю, - что в какой-то момент пенсионер Ельцин выступит с резким заявлением, осуждающим курс Путина?

- Тот же ответ.

Гайдар был одним из самых желанных гостей в доме Ельциных. После отставки Бориса Николаевича он бывал у них довольно часто. Как вспоминает дочь Ельцина Татьяна Борисовна, после обеда они с Борисом Николаевичем обычно уходили вдвоем в гостиную и о чем-то «долго-долго» разговаривали, после чего оба выходили довольные. Перед тем, как сесть в машину, Гайдар говорил провожавшей его дочери экс-президента: «Таня, ты не представляешь, что за человек, твой отец! И что он сделал для России!» В свою очередь, и Борис Николаевич, улыбаясь, делился своими впечатлениями от только что прошедшего разговора: «Да-а! Умнейший человек! России повезло. Какое же удовольствие с ним поговорить!»

Так, что, полагаю, и в момент нашей с ним беседы Егор Тимурович был вполне в курсе того, что думает Ельцин о происходящем в путинской России, собирается или не собирается выступать с какими-то резкими заявлениями. Однако не в правилах Гайдара было рассказывать кому-то, о чем он разговаривал с кем-то тет-а-тет, тем более с первым президентом России, разве что – самым близким друзьям (Чубайсу, может быть).

Правда, я нисколько не сомневаюсь, что все эти разговоры прослушивались и записывались. Но это уже другая тема.

Как бы то ни было, ни с каким заявлением - ни с резким, ни с нерезким - Ельцин так и не выступил.

- Тогда вопрос, относящийся непосредственно к вам, − говорю я Гайдару, продолжая нашу беседу. − Сейчас ведь корежится и многое из того, что вы сами сделали и к чему стремились в девяностые годы, - происходит деприватизация, национализация, незаконный захват собственности чиновниками, подмена законов рынка чиновничьим произволом, создание государственных супермонополий, таких, как «Газпром», «Роснефть», «Рособоронэкспорт» (это при том, что у нас существует специальное антимонопольное ведомство). Вы переживаете по этому поводу или взираете на происходящее с философским спокойствием как на неизбежное? Возлагаете ли вы, среди прочего, вину и на Ельцина, который не сумел найти достойного преемника?

- Начну с ответа на второй вопрос, - говорит Гайдар, - вину на Ельцина за это не возлагаю. Ответ на первый вопрос: да, переживаю; мне не кажется это разумным.

«Переживаю, мне не кажется это разумным…» Ничего себе переживания! От таких переживаний не умирают.

- Вы говорите, что переживаете по поводу происходящего… Но в ваших публичных выступлениях, где вы критикуете действия нынешних властей, не слышится личностного мотива. Поймите меня правильно: я вовсе не призываю вас публично рвать на себе волосы, демонстрируя разочарование и отчаяние. Просто мне хочется понять, каковы реальные, не выдуманные, не «литературные» чувства людей, оказавшихся сейчас в таком положении, как Ельцин и вы.

- Позвольте ответить вопросом на вопрос. Как вы думаете, что чувствуешь, когда тебе кажется, что ты уже вытащил свою страну из трясины, а потом видишь, как ее снова туда затягивает?

Вот это другое дело. Это уже ответ.

- Как вы думаете, осознает ли сам Путин, что он совершил по отношению к Ельцину своего рода предательство? Не тяготит ли его это, хотя бы иногда?

Егор Тимурович пожимает плечами:

- Он ведь никогда не приносил присягу на верность курсу тех реформ, которые проводились в России при Ельцине.

- Вы полагаете, они, Ельцин и Путин, не говорили об этом во время двух своих последних встреч незадолго перед 31 декабря 1999 года. Я имею в виду, - разве Путин не обещал Ельцину, что реформы будут продолжены?

- Об этом, на мой взгляд, легче было бы судить тем, кто присутствовал при двух их последних разговорах в 1999 году. Однако, насколько я знаю, Ельцин и Путин говорили наедине.

Это действительно так, но обещания, что при нем, при Путине, страна будет продолжать движение к демократии и рынку, Путин ПУБЛИЧНО произносил не однажды, и до отставки Ельцина, и после. Так что если даже он не обещал это непосредственно Борису Николаевичу в их беседах, - он обещал это ВСЕМУ НАРОДУ.

ПРИЧИНА ОШИБКИ: БОЛЕЗНЬ, СОВЕТЫ ЛОББИСТОВ

Они были абсолютными антиподами

Одно время довольно тесно сотрудничал и часто встречался с Ельциным Борис Немцов. (Кстати, как уже говорилось, он был первым, кого Ельцин, еще летом 1994-го, назвал своим будущим преемником). Немцов тоже не перестает поражаться, насколько несхожи, насколько контрастны фигуры предшественника и преемника - Ельцина и Путина.

- Назначить своим преемником собственного прямого антипода! - говорит Немцов. - Это надо было умудриться! Смотрите... Выбирая между цензурой и свободой

слова, Ельцин безоговорочно был за свободу слова; Путин - за цензуру. Выбирая между бюрократией и частным предпринимательством, Ельцин был за частное предпринимательство; Путин - за бюрократию. Ельцин очень гордился тем, что он установил добрые отношения со странами СНГ, с Европой, с Америкой; Путин же считает своим долгом со всеми поссориться... То есть стопроцентные антиподы! Все другое!

Да, всех ругать, всех обличать, всем угрожать «кузькиной матерью», на всякое слово критики огрызаться, попросту хамить («учите свою жену щи варить!») − это, по мнению Путина и его советников, означает поднимать роль России в мировой политике. Им − Путину и его подсказчикам − представляется, что они тут открывают что-то новое. На самом деле все это, от и до, было пройдено в коммунистические времена (вспомнить хотя бы, как Хрущев в ООН стучал по столу снятым с ноги ботинком) и ничего хорошего стране не принесло − одно только всеобщее недоумение и презрение.

Немцов вспоминает, как Ельцин переживал, когда убили Влада Листьева: он воспринимал эту боль как свою - приехал в Останкино, плакал вместе с журналистами... И сравнить это с тем, как повел себя Путин после убийства Анны Политковской, - на весь мир цинично заявил, что это убийство нанесло его, путинской, власти больший ущерб, чем статьи убитой журналистки...

Среди прочего, Немцов не перестает удивляться и тому, что среди кандидатов в преемники Ельцин мог числить − правда, в разное время − два таких разных типа, как Путин и он, Немцов.

- Вот как у одного человека в одной голове могли уместиться два таких разных преемника? - недоумевает Борис Ефимович. - Кстати, когда меня Клинтон доверительно спросил: «Все-таки, как ты считаешь, что за человек Борис Ельцин?» - я ему ответил, что, безусловно, человек он необычный, хотя бы потому, что у него было два таких разных преемника - Путин и Немцов. И так вот однозначно ответить на этот

вопрос, - как такое могло быть? - думаю, никому не удастся. Могу лишь сказать, что Ельцин был русским человеком.

Русские тоже бывают разные...

Пяти лет оказалось недостаточно

Все-таки главный вопрос: как Борис Николаевич умудрился так ошибиться с преемником?

- Это вопрос сложный, - говорит Немцов, - но у меня версия такая: он был в цейтноте. Он искал себе преемника с середины девяностых (во всяком случае, меня он стал называть своим преемником в 1994 году), но, в конце концов, у него не хватило времени...

- Ничего себе цейтнот - с середины до конца девяностых...

- Я думаю, все дело в том, что в последние годы он себя очень плохо чувствовал. Собственно говоря, это началось со времени выборов 1996 года или даже раньше. Во всяком случае, когда я пришел в правительство в 1997-м, я это сразу заметил. Он постоянно был на лекарствах... Мало работал... И это его болезненное состояние не оставляло его ни в 1998-м, ни в 1999 году... Думаю, он чувствовал, что силы его покидают, энергии уже мало... И мало времени... С выбором преемника приходилось торопиться. Ясно, что он не мог довериться человеку, которого совсем не знал. Путина же он к тому моменту знал уже года полтора... Полагаю, не последнюю роль тут сыграли и олигархи, конкретно - Березовский и Абрамович. Путин дружил с ними. Он даже ходил на день рождения к жене Березовского. Наведывался и к Абрамовичу. В свою очередь, одна из главных советниц Ельцина его дочь Татьяна находилась под очень сильным влиянием этой парочки - Абрамовича и Березовского. И прислушивалась к ним. Вот эта-то дружба Путина и близких Ельцину людей с группой олигархов, мне кажется, и сыграла важную роль в продвижении Путина на роль преемника. Сейчас, когда Путин рассказывает сказки про то, что он, мол, в ту пору

боролся с олигархами, - это просто дешевое вранье. Он с ними дружил. Боролись с ними мы - я и Чубайс: не допустили Березовского к управлению «Газпромом», не позволили Березовскому и Гусинскому установить контроль над телекоммуникациями - над «Связьинвестом». Слава Богу, живы еще люди, которые помнят всю эту историю... Так что, я считаю, причина, почему Ельцин сделал ошибочный выбор, - его болезненное состояние, давление олигархов, давление семьи. Если называть пофамильно, кто в этом участвовал, - это, на мой взгляд, Волошин, Юмашев, Дьяченко, Абрамович, Березовский. Вот, собственно, тот круг людей, каждый из которых, - по-видимому, на своем уровне, в соответствии со своими возможностями - отстаивал кандидатуру Путина.

Таково мнение Немцова. Сам он в ту пору, когда Путин выдвигался на роль преемника, уже не был в кругу людей, близких к Ельцину. Так что его мнение, в общем-то, основано лишь на предположениях и на чьей-то, неизвестно насколько достоверной, информации … Что касается людей, которые в ту пору действительно были близки к президенту − Волошина, Юмашева, Дьяченко, − они категорически отрицают сколько-нибудь значительное влияние олигархов на ельцинское решение о преемнике.

Какие мотивы ими двигали

Спрашиваю Немцова, какие мотивы двигали людьми, которых он, Немцов, считает путинскими лоббистами.

- Я сейчас поясню их логику, - говорит Немцов, - хотя это только моя гипотеза - я же не был в числе тех, кто добивался путинского преемничества. Вот согласно моей гипотезе, мотивы были такие: первое - им нужна была гарантия личной безопасности; второе - они, конечно, хотели, чтобы курс на построение демократии в той или иной форме все-таки был продолжен (они считали, что такой курс позволит им сохранить личное благоденствие) и третье - им требовалось, чтобы на посту президента был

проверенный человек. Почему именно Путина они посчитали достаточно проверенным и надежным? Во-первых, он был сотрудником Собчака, человека авторитетного среди демократов (кстати, и сам Собчак всегда очень хорошо отзывался о Путине). Во-вторых, они проверили Путина на деле Скуратова: им требовалось сместить этого деятеля с поста генпрокурора. Так вот, Путин показал себя человеком этой команды: ему дали задание, - он хоть и не выполнил его сразу (Совет Федерации взял Скуратова под защиту), но ретиво принялся за дело. Третье, - работая на должностях в Кремле, а также директором ФСБ, Путин вел себя очень корпоративно. Очень корпоративно. Всегда поддерживал «генеральную линию» - линию Ельцина и его окружения. Не был замечен в конфликте ни с какими олигархами, - как я уже говорил, дружил с ними. Вообще был очень комфортным, удобным, абсолютно лояльным человеком. Да, скорее всего их смущало гэбэшное прошлое Путина, но смущало не очень сильно, поскольку считалось, что он принадлежит к новой генерации чекистов; к тому же он все-таки с Собчаком работал, был за реформы и т.д. Вот у меня такая версия. Не знаю, насколько она верна, но, по-моему, выглядит она достаточно правдоподобной.

Итак, Борис Немцов разделяет довольно распространенную точку зрения, что одной из главных причин, если не главной, почему на роль преемника был выбран именно Путин, была гарантия безопасности, которую он будто бы дал Ельцину и его ближайшему окружению.

- Да, я считаю, что это важнейшая версия из тех, что имеют право на существование, и, скорее всего, она исторически подтвердится, - еще более уверенно говорит Немцов. - Потому что, если мы посмотрим, как вел себя Путин по отношению к Ельцину, а также к Дьяченко и к Юмашеву, то нетрудно заметить, что вел он себя по отношению к ним очень лояльно. Он их не тронул. Никого.

- А что, он их должен был разорвать, что ли?

- Ну, не разорвать, но что-то там с ними сделать...

- Так и Ельцин с горбачевским окружением поступил точно так же, - никого не тронул.

- Я согласен. Но я просто констатирую то, что произошло. Это сейчас, после кончины Бориса Николаевича, Путин стал позволять себе, на мой взгляд, непристойности, - например, когда он выступал в Лужниках. Там он, можно сказать, просто сплясал на крышке ельцинского гроба...

Лично я не вижу никакой связи между версией о том, что в момент передачи власти Путин будто бы дал Ельцину какие-то гарантии безопасности, и развернувшейся, явно по инициативе Кремля, кампании оголтелой критики девяностых годов и, прямо или косвенно, центральной фигуры того времени − президента Ельцина. А то, что после кончины Бориса Николаевича эта кампания стала сверхоголтелой, тоже нетрудно понять, не бином Ньютона: все-таки при живом-то человеке как-то неудобно было раскручивать эту кампанию вранья на полную катушку. Неловко как-то. В конце концов, Ельцин мог позвонить Путину и сказать что-то, что-то спросить… Наверное, преемнику не хотелось краснеть, даже при телефонном разговоре.

«Скукота, делать нечего. Путина избрали...»

Беспокоиться о своем будущем и думать о каких-то гарантиях стоило разве что Березовскому и Абрамовичу: не все нажитое ими было нажито, мягко говоря, трудами праведными. Однако Борис Абрамович, как мы видели, немало сделал для избрания ельцинского преемника, так что у него не было каких-то оснований для беспокойства. У него не было никаких сомнений, что Путин о нем не забудет и что ему, Березовскому, не нужны какие-то особые заверения в дальнейшем безбедном существовании (вообще-то, как мы видели, Путин действительно «своих» не сдает). Когда же он

убедился, что Путин как президент совсем не тот, за кого он, Березовский, его принимал, Борис Абрамович, как говорится, сам полез на рожон, - пошел войной на нового главу государства. Хотя мог бы, наверное, заботясь о своих личных интересах, о том, чтобы сохранить, те самые полученные будто бы от Путина гарантии, действовать более осторожно.

Борис Немцов так об этом вспоминает:

- Вскоре после инаугурации Путина Березовский ко мне пришел и сказал: «Скукота, делать нечего. Путина избрали, теперь можно балдеть». Я его заверил: «Не бойся, не соскучишься. Скоро тебе мало не покажется». Он тогда дико смеялся. А потом, через некоторое время, смеяться перестал...

Что касается Абрамовича, тот при Путине действительно не только сохранил, но и умножил те жизненные блага, которыми располагал. Но, разумеется, вовсе не благодаря каким-то гарантиям, которые Путин будто бы дал ельцинскому окружению. Совершенно ясно, что Роман Аркадьевич абсолютно самостоятельно нашел путь к сердцу Владимира Владимировича, стал (или остался) одним из его ближайших друзей и доверенных лиц, пользующихся неограниченным благорасположением своего высоко вознесенного друга. Достаточно вспомнить, как государство - не без разрешительной отмашки Путина, разумеется, - заплатило Абрамовичу тринадцать миллиардов долларов за пакет акций «Сибнефти».

Немцов:

- Да, пожалуй, единственный человек в этой команде, который умудрился процветать и при Ельцине, и при Путине, - это Абрамович. Об уровне его близости с Путиным и его влияния на президента можно судить хотя бы по такому факту. В декабре 2007-го, когда преемником назначали Медведева, буквально накануне, Абрамович побывал у Путина в Ново-Огареве. Официальная сводка об их встрече была абсолютно сухой и невыразительной, что-то в таком роде: «Обсуждали социально-экономическое положение Чукотки». Вы можете в это поверить - что в тот важнейший

для России момент этих двух джентльменов действительно обеспокоила ситуация на Чукотке?

Не знаю, тогда, может быть, это было случайное совпадение. В конце концов, почему бы чукотскому губернатору и не поговорить с президентом о подведомственном ему регионе? Но доказательств сердечной дружбы Путина и Абрамовича и без того достаточно.

ЕСЛИ НЕ ПУТИН, ТО КТО ДРУГОЙ?

Они там были «на параллельных курсах»…

Анатолий Чубайс познакомился с Путиным еще в Ленинграде, однако не сказать, чтобы между ними были какие-то тесные отношения. Поначалу они вообще работали в «параллельных» организациях: Путин в мае 1990 года пришел к Собчаку, тогда председателю Ленсовета, стал его советником по внешнеэкономическим вопросам, Чубайс в октябре того же года поступил на службу в Ленгорисполком на должность сначала зампреда, а потом первого зампреда его председателя Александра Щелканова. В июне 1991 года, когда Собчак стал мэром, он назначил Путина своим замом по внешнеэкономическим связям, а Чубайса, в сентябре, − главным экономическим советником. Как говорит Чубайс, должность это была символическая, «отступная». Пробыл он на ней недолго − в ноябре переехал в Москву на работу в правительство. По словам Чубайса, отношения с Собчаком у него были «сложные»…

Вопреки мнению, что Чубайс сыграл значительную роль в карьерном продвижении Путина, сам он говорит, что роль эта была «близка к нулю», хотя относились они друг к другу, по словам Анатолия Борисовича, «вполне позитивно, по-доброму». Впрочем, из его же рассказа можно заключить, что упомянутая роль была и

не такой уж «нулевой» − все-таки оба они, и Чубайс, и Путин, ощущали себя членами одной питерской команды.

Мы беседуем с Анатолием Борисовичем в апреле 2008 года, в конце второго срока путинского президентства.

− В июне 1996 года, − рассказывает Чубайс, − Собчак, как известно, с треском проиграл выборы губернатора. Соответственно, вылетели все. Тогда ведь Путин заявил, что ставший губернатором Яковлев − Иуда. Несмотря на это Яковлев вроде бы предлагал ему вернуться в мэрию, но Путин отказался. Держался стойко… Надо было искать какие-то варианты. Для Леши Кудрина я придумал вариант − возглавить Главное контрольное управление президента. А с Путиным мы что-то долго мучились… Потом появился вариант начальника Управления по связям с общественностью в Администрации президента, на которую и должен был идти Путин Владимир Владимирович. Но как-то это все затянулось… А в это время, как я понимаю, Путину предложил должность начальник Управделами президента Бородин, − возможно, при участии Алексея Алексеевича Большакова, первого вице-премьера в правительстве Черномырдина. А потом уже, когда я забрал Алексея Леонидовича Кудрина в Минфин, − это было уже весной 1997 года, − Леша предложил назначить Путина на оставляемое им место в ГКУ. Я был − за. Но это уже был не мой вопрос…

− Юмашев говорит, что назначить Путина на должность руководителя ГКУ ему предложили именно вы…

− Ну, может быть, и я предложил. Леша мне предложил, я Вале позвонил… Но это все было неформально… Формально я уже не мог никого назначать в Администрации. Я уже работал в правительстве. Так что это было решение Юмашева.

В дальнейшем, после ГКУ, продвижении Путина по карьерной лестнице, Чубайс, по его словам, тоже не участвовал.

Все же, думаю, Анатолий Борисович недооценивает свою роль в восхождении будущего президента на вершину власти. Не исключено, что, не будь его рекомендации,

Путин и не занял бы место начальника ГКУ − заместителя руководителя Администрации президента, должность уже не хозяйственную, которую он занимал у Бородина, а по-настоящему весомую, политическую.

«Степашин сильнее как кандидат»

О том, что Ельцин остановил свой выбор на Путине, Чубайс узнал где-то в конце июля 1999-го.

− А до этого момента, − спрашиваю я Чубайса, − вы никогда не думали, что Путин может стать президентом?

– Скорее, нет, не думал, – не очень уверенно отвечает Анатолий Борисович.

– Насколько я знаю, вы считали, что в президенты следует двигать Степашина?

– Да, это правда. Я отстаивал «вариант Степашина», возражая против «варианта Путина».

– Ваши возражения принимались во внимание?

– Как мы знаем, в результате они не были приняты во внимание.

– Я имею в виду, – принимались ли они во внимание до какого-то момента, до момента принятия окончательного решения?

– Ну, их слышали, они были известны… Но – было принято другое решение.

На самом деле «другое решение» было принято уже давно. Тут, как утверждают коллеги Чубайса, участники этих событий, из памяти Анатолия Борисовича каким-то образом выпало, что Степашин, в общем-то, с вероятностью близкой к ста процентам, с самого начала рассматривался как фигура промежуточная между Примаковым и Путиным; то, что он может стать президентом, считалось маловероятным. Собственно говоря, я уже писал об этом ранее.

Впрочем, может быть, дело не в изъянах памяти Анатолия Борисовича, а в чем-то другом…

– Я не знал, что Степашин рассматривается как временная фигура, тем более с самого начала – со времени назначения его на пост премьера, – говорит Чубайс. – Мне казалось, что на него смотрят не как на временную фигуру, а как на фигуру будущего президента, что именно с такой перспективой он был назначен на пост председателя правительства.

Писал я и о том, что, узнав о решении заменить Степашина Путиным, Чубайс со всей страстью и свойственной ему энергией выступил против этого решения. До сих пор многие считают, что Чубайс возражал против Путина «как Путина». Вот, мол, заранее распознал, что будущее путинское президентство принесет России немало бед. В действительности все было совсем не так.

– Моя позиция была продиктована очень простой логикой: я считал, что мы находимся в настолько драматической политической ситуации, на таком драматическом этапе нашего развития, что задача избрания – самоценна. А это означало, что при оценке фигуры кандидата требования к нему как к кандидату были более важны, чем требования к нему как к будущему президенту: уж совсем раскаленная была обстановка, только что – в мае – чуть-чуть не получили импичмент. За год с небольшим смещался четвертый премьер, назначался пятый. Делегитимизация власти достигла наивысшей точки. Отношение людей к ней было примерно такое: «У вас там во власти какая-то полная каша! Что у вас там происходит? Что творится? Премьеров меняют одного за другим. Только что состоялся дефолт…» Ужасная обстановка. Так что было не до жиру. Не до замечательного, великолепного, идеального президента. Тут главное – избрать бы не Примакова, не Зюганова! Именно в силу этого я считал, что избираемость кандидата – гораздо более важный критерий, чем качества будущего президента. И с точки зрения избираемости, как мне представлялось, Степашин был выше, чем Путин. В то же время я совсем не считал тогда, что Путин хуже как президент.

В общем Чубайс активно боролся за Степашина.

– Во что конкретно вылилась эта ваша борьба, ваша бурная деятельность, имевшая целью воспрепятствовать выдвижению Путина?

– Ну, я переговорил со всеми ключевыми лицами, начиная с самого Путина и кончая Юмашевым…

– Любопытно, что же вы сказали Путину? «Владимир Владимирович, вам не стоит идти в президенты»?

– Я высказал ему свою точку зрения, – сказал, что считаю неправильным, что его выдвигают кандидатом на пост президента, что это рискованно, что мы можем вообще все проиграть.

– И какова была его реакция?

– Он высказался не очень определенно. Смысл его позиции сводился к тому, что он не рвется в президенты, но решение принимает не он. Если оно не будет принято, – значит, не будет, если будет принято, – значит, будет. Примерно такая была реакция.

Попытался Чубайс поговорить и самим Ельциным, убедил Бориса Николаевича принять его для соответствующего разговора. Однако Ельцин к тому моменту, по-видимому, уже все для себя решил.

– Ельцин назначил мне встречу на восемь или на девять утра, а на семь вызвал к себе Степашина и сообщил ему, что отправляет его в отставку. Пока я ехал к Ельцину убеждать его, что Степашина не нужно увольнять, Степашин позвонил мне в машину и сообщил, что он уже уволен – все в порядке!

Кто и что советовал Ельцину

Существует чуть ли не всеобщая убежденность: к тому моменту Ельцин был уже в таком состоянии, что не способен был сделать осмысленный выбор преемника,

Путина подсунуло ему его окружение по каким-то там хитроумным своекорыстным мотивам. Спрашиваю Чубайса:

− Кто из близких Ельцину людей своими советами более всего повлиял на него, когда он принял решение остановить свой выбор на Путине? Юмашев? Татьяна Борисовна? Волошин?

– Мне сама постановка вопроса кажется неправильной. Я не согласен с очень распространенной версией о том, что Ельцин находился под безраздельным влиянием некоего круга близких ему людей – так называемой «семьи». Эта версия, как я знаю, была придумана Игорем Малашенко (напомню: Малашенко был генеральным директором НТВ при Гусинском. – **О.М.**) Надо признать, она оказалась очень эффективной как пиар-оружие, но совершенно не соответствующей действительности. Уж я-то очень хорошо знаю, что такое в чем-то убедить Бориса Николаевича. Это задача такой категории сложности, что лично мне удалось ее решить разве что пару раз за все годы работы…

Да, в последние годы политологи широко используют выдумку Малашенко, касающуюся ельцинской «семьи», используют как твердо установленный факт, так и сяк жонглируют этим термином – «семья» – в своих аналитических выкладках. Вытащи этот термин из фундамента такого анализа, – и весь он рухнет…

В то же время разговор о помощниках и советниках президента – не такой уж бессмысленный. Ведь Ельцин несколько лет, начиная с 1996 года или даже с более раннего срока, обдумывал вопрос о преемнике. В одиночку он вряд ли мог его решить сколько-нибудь приемлемым образом…

– …Да, – продолжает Чубайс, – Ельцин был способен выслушивать аргументы… Правда, при этом не очень любил выслушивать аргументы в защиту какой-то позиции, противоположной той, какую занимал он сам, но тем не менее выслушивал их… Другое дело, что их не любили высказывать те люди, которые имели возможность с

ним говорить. Но, тем не менее, кто хотел, мог это сделать. Ничего, все остались живы. Так что на вопрос, кто больше всего повлиял на него при выборе Путина, могу совершенно определенно ответить: да никто! Вопрос надо ставить по-другому: какие аргументы повлияли в наибольшей степени на этот выбор? В данном конкретном случае должен признать: что касается моих аргументов, – они были неверны. Я-то выступал с той позиции, что Путин неизбираем, что мы его не изберем, а Ельцин прислушался к тем, кто говорил, что он избираем. Кто оказался прав? Я? Нет. Он!

– А кто ему говорил, что Путин избираем?

– Ну, Юмашев, наверное…

– Волошин?

– Волошин, конечно.

− В народных массах широко распространена версия, что президентом Путина сделал Березовский. Играл ли в действительности Борис Абрамович какую-то существенную роль в этой «операции» или его участие ограничилось «раскруткой» Путина в СМИ и, соответственно, в уничтожении его соперников, прежде всего − Лужкова и Примакова, – в частности, при помощи «телекиллера» Доренко?

– Честно говоря, я не помню, какую роль играл Березовский в выборе Путина. В самом деле, не помню. Говорю, как на духу. Но то, что он принял важное участие в «раскрутке» Путина и в его избирательной кампании, – это стопроцентная правда.

Почему все-таки Путин?

Задаю Чубайсу все тот же вопрос, который задаю всем, кто так или иначе был причастен к событиям конца лета 1999 года: почему все-таки Ельцин выбрал именно Путина, ведь Путин к тому времени не проявил себя ни как убежденный демократ, ни вообще как зрелый политик?

− Лично вам, − говорю, − Борис Николаевич не объяснял этого, вы ведь были близки с ним?

– Нет, он мне этого не объяснял. Он же меня не принял. И он знал, что я против. Чего он мне будет объяснять? В это время я вообще в правительстве не работал. Нет, никаких объяснений я на этот счет не получал. Да и было бы странно, если бы он мне что-то объяснял. Но я знал аргументы моих коллег − советников Бориса Николаевича, выступавших за кандидатуру Путина. Аргументы были примерно такие. Путин не состоит ни в одной из группировок. Это очень важно: он ни со мной, он ни с Березовским, он ни с Юмашевым… Он самостоятельный. Сказать, что независимый, было бы слишком сильно, но, по крайней мере, − не включенный. Я им говорил: «У него нет публичности». − Они мне отвечали: «Так это ж прекрасно!» То есть личностно он не был связан с действующей системой власти. Это было новое лицо. Новое! Этого лица не было в системе власти. То, что он связан с КГБ − ФСБ, − это скорее позитив. Потому что есть какая-то силовая компонента: держава, родина и т.д. Работа у Собчака − тоже позитив: демократ, пришел к Собчаку добровольно…

Насчет «добровольно» − не знаю. Может, и не добровольно. Может, было приказано внедриться. Что касается «позитивности» «силовой компоненты», КГБ − ФСБ… Вот ведь какое еще рассуждение было. В реальности эта компонента стала потом гипертрофированной, всеобъемлющей и всеподавляющей.

– Вы сказали, что главным критерием для выбора Путина стала его избираемость. Причем вы считали, что Путин ею не обладает, а Ельцин – что обладает…

– Да, и он, повторяю, оказался прав, а я не прав.

Чубайсу словно бы доставляет удовольствие вновь и вновь признаваться в своей неправоте.

– Но ведь этому критерию – избираемости – могли соответствовать и другие люди…

– Нет. В том-то и дело, что нет. В том-то и дело, что нет. У нас были единицы, о ком можно было бы вести речь при таком подходе.

Я напоминаю:

– У Путина первый измеренный социологами «президентский» рейтинг – его измерили 14 августа 1999 года, через пять дней после назначения Путина и.о. премьера – составлял… всего лишь один процент. 74 процента ответивших сказали, что прежде вообще ничего о нем не слышали… О каких предпосылках избираемости тут можно было говорить?

– Да дело же не в этом! Все начинают с нуля. Только не у всех этот нуль потом превращается в десятки процентов.

Многие полагают, что весьма важную роль в продвижении Путина по карьерной лестнице в условиях молодой демократической России сыграло то самое не раз уже упоминавшееся обстоятельство, что переломные российские годы, с 1990-го по 1996-й, он провел рядом, плечом к плечу, с пламенным демократом первой волны, выдающимся народным трибуном Анатолием Собчаком: можно ли, дескать, найти другое, более убедительное свидетельство демократических взглядов Путина? Лично я думаю, что такое соображение слишком наивно. К тому же, повторяю, не до конца ясно, действительно ли Путин пришел к Собчаку по собственной воле. Наконец, у Собчака будущий российский президент в основном занимался хозяйственной деятельностью и в качестве демократа опять-таки никак себя не проявил… А вообще, если не считать «собчаковского» мотива, все, кого бы я ни спрашивал, какие качества Путина побудили остановиться на нем как на преемнике, говорили мне примерно одно и то же: он показал себя, как деловой, исполнительный, четкий, умеющий точно формулировать свою позицию, до конца отстаивать ее в дискуссиях с оппонентами… Но ведь это все качества достаточно квалифицированного чиновника, пусть даже и высокого ранга. Но это не качества ПРЕЗИДЕНТА ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ СТРАНЫ. И

то, что он не продемонстрировал вот этих демократических качеств до момента своего избрания, на мой взгляд, решающим образом, сказалось после его избрания. Никто не сумел заранее рассмотреть в нем этих качеств просто потому, что У НЕГО ИХ НЕ БЫЛО.

– Вы все про демократию, – с некоторым раздражением говорит мне Чубайс, выслушав эти мои соображения. – У вас весь строй анализа такой: если демократ, то хорошо, а если не демократ, то плохо. Но жизнь чуть-чуть сложнее…

Упрек довольно неожиданный в устах «отца российской демократии», коим, без сомнения, наряду с Ельциным и Гайдаром, в девяностые годы был Анатолий Чубайс.

– …Я вот знаю, например, такой эпизод, характеризующий Путина, – продолжает Анатолий Борисович. – Могу вам его рассказать. В качестве директора ФСБ Путин участвовал в расследовании уголовного дела одного высокопоставленного чиновника, на уровне замминистра. И не просто участвовал, а дело было доведено до суда. В какой-то момент при мне, – я случайно там оказался, – состоялся разговор Путина и, по-моему, кого-то из руководителей президентской администрации. Это было время, когда Путин уже был главным «кандидатом в кандидаты», уже было принято соответствующее решение. Собеседник Путина сказал ему: слушай, надо бы с этим человеком − с замминистра − обойтись как-нибудь помягче, не будем тут устраивать драку, сейчас не до того, сейчас время не то. На что Путин, слегка «потемнев с лица», ответил, что если дело будет остановлено, он уходит в отставку и работать не будет, что он считает этого человека вором и не остановится ни в каком случае. Такая позиция – уж точно не позиция политикана, который хочет к власти прорваться. Зачем ему нужны были эти лишние проблемы? Но вот он так считал…

Президентом демократической страны должен быть демократ

– Сегодня, после восьми лет путинского президентства, – возражаю я Чубайсу, – можно привести кучу примеров противоположного свойства. Почему Путин не снял Илюмжинова, который превратил Калмыкию в собственную феодальную вотчину? Почему он не снял Зязикова, когда этого уже почти стопроцентно требовал весь народ Ингушетии – так он всех «достал»? Почему он никак не мог снять проворовавшегося приморского губернатора Наздратенко – пересаживал его из одного высокого кресла в другое?.. Где его «большевистская принципиальность»?

– Я с вами категорически не согласен. Мы с вами говорим о совершенно разных ситуациях. Одно дело – требования к президенту: вы требуете, чтобы он развернул кампанию по устранению коррумпированных руководителей, и совсем другое – позиция кандидата в президенты, да еще зависящего от людей, с которыми этот кандидат говорит и которые требуют изменить его позицию. Это совсем разные вещи. Я говорю о человеческих свойствах, а вы говорите о политических приоритетах. Вы их считаете коррупционерами – ну, и замечательно, а кто-то не считает их коррупционерами. Это не имеет никакого отношения к тому, о чем я говорю. Я ведь не говорю, что тот замминистра на самом деле был коррупционером, или – не коррупционером. Я вообще не оцениваю человека, о котором идет речь. Я говорю, что перед Путиным старшие товарищи поставили вопрос: слушай, вот этого надо освободить, потому что он хороший! Путин сказал: а я не согласен. При этом в дальнейшем Путин может бороться с коррупционерами или не бороться с коррупционерами, – я вообще не об этом говорю. Я говорю о свойствах личности, которая в такой момент точно проявляется. Если бы для него избрание президентом было абсолютным приоритетом, – да Господи Боже мой, да выпустите этого замминистра хоть завтра! Какой вопрос! Нет, оно не было приоритетом. Вы можете смотреть на это как угодно, а в моем понимании это свидетельство порядочности.

– Я нигде не утверждал, что Путин стремился в президенты, что это было для него приоритетом. Я этого просто не знаю. Я спросил вас, какие качества Путина, на ваш взгляд, побудили Ельцина остановиться на нем как на преемнике. Вы рассказали об одном эпизоде из деятельности Путина на посту директора ФСБ, – эпизоде, который вроде бы говорит о его порядочности. Ну и что? Во-первых, одного эпизода мало, чтобы придти к заключению о порядочности человека, а во-вторых, порядочных людей в России достаточно много (хотя и непорядочных − «выше крыши») – что ж, рассматривать каждого в качестве кандидата в президенты? Наконец, в-третьих, − да, я действительно считаю: президентом демократической страны должен быть человек демократических взглядов (это, по-моему, достаточно тривиальная истина). К моменту появления Путина в большой политике никто не приметил особенной его приверженности демократическим ценностям.

– Я уже сказал, что это вы оцениваете все по критерию демократичности. А я не считаю, что этот критерий единственный.

– Не единственный, но, по-моему, один из главных… Сейчас уже для всех очевидно: Путин-президент отступил от ряда фундаментальных демократических принципов. Эти отступления достаточно многочисленны, − их можно долго перечислять, − начиная от принятия гимна Советского Союза (кстати, вы ведь тоже были против этого), и кончая искажением избирательных процедур, отменой губернаторских выборов и т.д. Короче говоря, преемник весьма сильно отступил от политики предшественника. От такого вывода никуда не денешься… Разве нельзя было всего этого избежать?

− Я отвечу так: нет, нельзя. Путину нельзя было без этого обойтись. Потому что эти элементы политики, которые отвергаются демократами, и мной в том числе, были абсолютно приняты народом, дали Путину фантастический рейтинг, позволили ему обеспечить твердое большинство в парламенте и реализацию всех его решений, всех

предложенных им законов, через восемь лет передать власть тому, кому он счел нужным, и создать себе задел для будущей работы в качестве премьера…

− Мне кажется, − возражаю, − рейтинг ему обеспечили на первом этапе взрывы домов (независимо от того, кто их взорвал) и, как реакция на них, чеченская война, а дальше − высокие цены на нефть.

− Как минимум − и эти цены, и его собственная политика, в частности, те ее элементы, о которых вы упомянули. Причем неизвестно еще, что в большей степени.

− Ясно же, что на народные массы прежде всего действует контраст: девяностые годы, когда плохо платили и зарплату, и пенсию, они связывают с демократами и демократией, а нынешнее время, когда ситуация несколько улучшилась, − не с ценами на нефть, а с Путиным…

− Да народ вообще демократия мало волнует!

− Вы так считаете?

− Конечно. А за Чечню он Путина полюбил по-настоящему.

− Что ж, печально, что у нас такой народ.

− Может, поменяем? − усмехается Чубайс.

− Да, как сказал товарищ Сталин парторгу ЦК в Союзе писателей Поликарпову, когда тот стал жаловаться на беспробудное пьянство и разврат среди своих подопечных: «У меня для тебя других писателей нет». Другого народа у нас нет…

− Вот именно.

− Ну и что Борис Николаевич думал обо всех этих отклонениях его преемника от его же, Ельцина, курса? Встречаясь с ним, вы ведь говорили на эту тему?

Чубайс отвечает примерно так же, как и Гайдар:

− Он мне говорил об этом один на один, и я не хотел бы предавать это огласке.

Мой комментарий к этому ответу − такой же, как к аналогичному ответу Гайдара: Если бы Ельцин отнесся к этим отклонениям хотя бы спокойно, нейтрально, а не с возмущением, − не о чем было бы сейчас умалчивать.

Коррупция, «дедовщина», «басманное» правосудие…

− Значит, вы считаете, что ошибки при назначении Путина не было?

Чубайс оживляется:

− Этот вопрос вы мне еще не задавали. Это новый вопрос.

− Лично я считаю, что Ельцин сделал ошибку.

− Ну, это довольно распространенное мнение, с которым я не согласен, − твердо говорит Чубайс.

− И сам Ельцин, − спрашиваю, − не считал, что он ошибся?

− Он мог считать, что он ошибся, а я так не считаю.

Напомню, что мы с Чубайсом беседуем в апреле 2008 года. Через месяц состоится инаугурация Медведева, и в Кремле произойдет «рокировка».

Наш разговор продолжается. Напоминаю Чубайсу о некоторых – может быть, самых «ярких», − итогах путинского правления.

− Широко распространено мнение, − и среди публики, и среди специалистов (в частности, об этом говорят два фундаментальных исследования Фонда «ИНДЕМ»), − что при Путине немыслимых масштабов достигла коррупция, что она буквально разъедает Россию…

− Коррупция, − возражает Чубайс, − разъедает Россию последнюю тысячу лет, примерно тысячу. Как она ее разъедала, так и разъедает, разъедает, разъедает… Усилилась ли она за последние восемь лет? Скорее, да. Вот так бы я мог ответить на этот вопрос.

− С тем, что у нас на глазах разваливается российская армия, вы тоже не согласны?

− Не согласен категорически. Да, ситуация в армии крайне тяжелая, но корни этой проблемы связаны в гораздо большей степени с кризисом девяностых, как бы обидно для меня это ни звучало, чем с действиями Путина. Другое дело, что Путин не продвинулся далеко в деле восстановления армии. Ее восстановление только начинается. Внутри армии есть огромные, острейшие проблемы, которые Путиным не решены. Да, недопустимо мало за эти годы введено в строй нового вооружения, но… Наконец-то с денежным довольствием порядок наведен, с вещевым довольствием порядок наведен, финансирование госзаказа увеличилось в несколько раз… Благодаря этому началась разработка новых образцов военной техники… Еще во время нашей работы в правительстве была начата разработка ракетного комплекса «Тополь-М». Тогда у нас не было ни копейки денег. Я ходил, повсюду бился лбом, в том числе и у себя скреб по сусекам. На этот комплекс мы все-таки выделили деньги. А теперь на нем основано все перевооружение ракетных войск… Да, многое в армии до конца не восстановлено, но обвинять в этом Путина несправедливо.

− Еще один очевидный изъян путинского правления − так называемое «басманное» правосудие…

− Да, оно существует, это чистая правда.

− Это же ключевой момент всей нашей жизни.

− Согласен.

− Но почему, почему все это видят и никто ничего не делает? Одни только пустые декларации: надо бороться, надо бороться, надо бороться… Здесь опять у Путина не хватает воли? Для начала − взял бы и снял председателя Верховного суда Лебедева…

− Да что Лебедев? Причем здесь Лебедев? Не обижайте Вячеслава Михайловича…

− Анатолий Борисович, ну вот представьте себе, что вы сидите в президентском кресле… Неужели это такой не решаемый вопрос?

− Какой? Заменить Лебедева?

− Для начала хоть бы и Лебедева. Был бы хоть какой-то сигнал: так дальше продолжаться не может! Что-то я ни разу не слышал, чтобы председатель Верховного суда хотя бы раз вслух, громко сказал: судьи − взяточники, повсюду действует телефонное право… Если не можешь справится с этой проблемой, ударь хотя бы в колокол. Может, Путин и услышит.

− Это не решаемая проблема. Вообще сегодня не решаемая. Для решения этой проблемы есть один-единственный инструмент, который называется демократия.

Ага, значит, все-таки в основе всего − демократия!

− Мы уже говорили с вами о многочисленных, хотя и не слишком очевидных, достаточно тонко завуалированных, отступлениях от Конституции… Взять ту же историю с назначением губернаторов…

− С губернаторами Конституция вообще не нарушена…

− …Формально не нарушена: кандидата на пост губернатора предлагает президент, а «выбирает» все-таки местное заксобрание, но – попробуй не «выбери»…

− …Дело в другом − убежденно говорит Чубайс, − в том, что в стране исчезла конкурентная политическая система. Ее не существует. Выборов нет. Разделение властей отсутствует. Но это такая непростая, коварная вещь. Разделения властей нет, потому что Путин популярен. И поэтому «Единая Россия» реально получает власть − именно благодаря Путину. Если бы их «разделили», такой власти у нее близко не было бы.

− Вы уверены, что популярность Путина связана лишь с самим Путиным, а не с тем в значительной степени, что его день и ночь показывают по телевизору?

− Уверен, что он точно так же или почти так же был бы популярен и без этого.

Я в этом совсем не уверен. Мы уже не однажды были свидетелями, как при помощи «ящика» «накачивается» рейтинг того или иного деятеля.

Возвращаюсь все к тому же вопросу:

− Как я понимаю, вы все-таки не можете сказать, какие качества Путина – кроме, ну допустим, порядочности – подвигли Бориса Николаевича на то, чтобы выбрать его преемником?

– Нет, не могу, – покорно соглашается Чубайс. – Это мог бы сказать лишь Борис Николаевич, либо те, кто поддерживал этот выбор. Я-то был по другую сторону баррикады.

Думаю, у Анатолия Борисовича все же есть определенное мнение, почему Ельцин остановил свой выбор на Путине, но по какой-то причине он не хочет предавать его гласности. Что ж, это его право.

Загадочная тактика Путина

Бывший близкий сотрудник Собчака, человек вроде бы более демократических взглядов, чем его основные конкуренты, довольно скоро начал разворачивать корабль в обратную сторону, все дальше уклоняясь от того курса, который придал ему Ельцин. По крайней мере, это касается как раз демократического развития страны. Впрочем, и в сфере экономики откат произошел значительный – на первый план выдвинулись неэффективные госмонополии**,** все так называемое народное хозяйство насквозь пронизали метастазы коррупции…

– Я не согласен, что, став президентом, Путин стал разворачивать корабль в обратную сторону, − твердо говорит Чубайс. − У меня другая позиция. Она состоит в том, что президентство Путина правильно делить на два этапа: первые четыре года и вторые четыре года. Я считаю, что первые четыре года были гораздо более продуктивными и в значительной степени ориентированными на продолжение курса Ельцина, курса реформ. А во вторые четыре года в значительной степени появились иные приоритеты, со многими из которых я не согласен. О чем, кстати, я не раз говорил публично.

– Например?

– Ну, не хочется повторять – гимн, Ходорковский, назначение губернаторов, оценка девяностых годов и т.д. и т.д.

– А чем вы объясняете этот перелом на рубеже первого и второго срока?

– Позицией Путина. Что тут объяснять? Все понятно.

– Что понятно? Человек двигался одним курсом и внезапно изменил его. Кстати, и возвращение советского гимна, и арест Ходорковского случились еще во время первого путинского четырехлетия…

– А кто вам сказал, что политическая линия должна быть задана и прямолинейна, как железнодорожные рельсы?

– Это что-то непонятное… Борис Николаевич Ельцин действительно задал определенное направление движения – к демократии и рыночной экономике, – он и помыслить не мог, что его преемник сойдет с этих «железнодорожных рельсов».

– А чем вы объясните, что на следующем, третьем, этапе Путин выдвинул Медведева в президенты?

– Тому существует, наверное, уже тысяча объяснений. А каково ваше?

– Я не готов объяснять логику Путина – я ее просто не знаю. Но готов напомнить очевидные факты: Медведев человек нового поколения, другой ментальности – уж точно не выросший в КГБ и имеющий совершенно иные культурные корни.

– Все-таки про Медведева – это, наверное, особый разговор…

– Нет, это все то же самое. Тактика и стратегия. Я же говорю: то изменение, которое произошло через четыре года после того, как Путин стал президентом, вы расцениваете как стратегический поворот назад, а я расцениваю как тактический маневр. И привожу аргументы в обоснование своей позиции.

– Какие же это аргументы?

– Для любого президента, а тем более российского, нет более важного решения за время его работы, чем решение о поддержке того или иного кандидата на должность следующего президента. Это решение, как правило, является необратимым. Оно говорит о реальной стратегии президента больше, чем десяток других решений. Именно поэтому решение Путина о поддержке Медведева мне и кажется важным.

– Тактика – это лишь способ достижения стратегической цели. По-моему, достаточно ясно, что стратегическая цель Путина – в той или иной форме восстановить Россию как империю. Ельцину, как ни крути, такая цель в страшном сне не могла присниться. Свергнув коммунизм, он стремился построить свободную демократическую федеративную президентскую республику, которая ни перед кем не кичится своей военной мощью (по большей части, мнимой), своим имперским величием, не задирает постоянно своих соседей, не стремится навязать им свою волю, он стремился построить страну, в которой соблюдаются записанные в Конституции права человека… То есть, что ни говори, радикальная смена стратегической цели налицо. Вот я и спрашиваю: как так могло случиться, что Ельцин сделал своим преемником человека, который радикально изменил его стратегический курс?

– Во-первых, для меня обвинение в стремлении восстановить империю не является обвинением. У меня более сложное, совсем не черно-белое отношение к этой теме. Я как-то высказывался на этот счет, за что и получил от братьев-демократов…

(Имеется в виду известная идея Чубайса о необходимости построения в России «либеральной империи», которую он выдвинул 29 сентября 2003 года, выступая в Инженерно-экономическом университете Санкт-Петербурга. − **О.М.**) Во-вторых, я абсолютно не согласен, что по части «имперскости» Путин радикально пересмотрел стратегию Ельцина.

Как видит читатель, последняя часть нашего разговора с Анатолием Чубайсом довольно туманна. Видит Бог, – не по моей вине. Анатолий Борисович старательно уклоняется от разъяснений, какие же такие тактические соображения побудили Путина на втором этапе своего президентства отклониться о ельцинского курса, а на третьем, – когда он формально уже покидал президентское кресло, – продвинуть в преемники «человека нового поколения, другой ментальности – уж точно не выросшего в КГБ и имеющего совершенно иные культурные корни».

В чем же все-таки заключается тактика Путина? Может быть, Чубайс намекает на какой-то такой вариант… Сначала, стремясь построить пресловутую вертикаль власти, сделать государственный корабль максимально управляемым, Путин расставил повсюду на ключевые посты выходцев из госбезопасности, а теперь, поставив старшим помощником капитана «либерального» Медведева (капитаном, понятное дело, остался сам Путин), собирается направить корабль «настоящим», «правильным» курсом? Может быть, таков путинский замысел, как его понимает Чубайс? Остается лишь догадываться. С рельсов сойти легко, а вот обратно на них встать…

В целом, должен сказать, как мне показалось, отношение Чубайса к путинскому президентству – двойственное: к чему-то в действиях Путина он относится одобрительно («Тут моя позиция не вполне совпадает с ортодоксальной демократической позицией», – говорит Чубайс), что-то не одобряет (при этом о многом, хотя, наверное, не обо всем, говорит публично). Соответственно, из одобряемого им

что-то он одобряет вполне искренне, а что-то – оценивает со знаком плюс, или, по крайней мере, не критикует, как госчиновник, стопроцентно зависящий от экс-президента, теперешнего премьера.

ВОЗМОЖНО, ОН ЕЩЕ ПРЕПОДНЕСЕТ НАМ СЮРПРИЗЫ

Обещания он посчитал ненужными

Еще один человек, достаточно хорошо знавший Ельцина, тесно с ним соприкасавшийся, - Валентин Юмашев. В разговоре с ним мои недоумения опять крутятся вокруг того, чем можно объяснить странный выбор, сделанный первым российским президентом в момент его ухода.

Собственно говоря, какие вопросы более всего волновали Ельцина, когда он выбирал себе преемника? Почему он не взял с Путина твердого, мужского обещания, что тот продолжит его курс - курс на демократию и рынок?

- Да, Бориса Николаевича волновали именно эти вопросы, - говорит Юмашев, - сможет ли его преемник продолжить демократические реформы в общественной жизни и рыночные реформы в экономике, продолжит ли Россия интеграцию в сообщество цивилизованных стран, сможет ли она объединить вокруг себя страны СНГ и т.д. Он считал, что именно Путин наиболее сильная фигура, кто в состоянии обеспечить продолжение пути, который он предложил России, что остальные либо слабее (как Степашин), либо у них в мозгах не то (Лужков, Примаков), либо неизбираемы (Чубайс). Что касается словесных заверений, Борис Николаевич считал их совершенно излишними: он верил Путину.

У меня вновь и вновь возникает предположение, что Ельцин не шибко разбирался в людях: ведь аналогичные - как в случае с Путиным - «кадровые» ошибки Борис

Николаевич совершал и прежде: вспомнить хотя бы таких его неудачных назначенцев, как Скоков, Лобов, Баранников, Хижа... Да те же Коржаков, Барсуков, Сосковец...

Точка зрения Юмашева: в принципе, конечно, перебирая фамилии, можно придти к такому заключению, - что Борис Николаевич недостаточно разбирался в людях; но такой вывод напрашивается в большинстве случаев, когда какому-то администратору приходится делать огромное количество назначений - в одних случаях назначение оказывается удачным, в других - нет...

− Коржаков, Сосковец, Баранников, Лобов... - все правильно, выбор был неудачным, − говорит Юмашев, − и список можно продолжить. Добавить сюда Руцкого, например... Но есть же и другой список: Чубайс, Гайдар, Бурбулис, Сатаров, Немцов, Черномырдин, Дубинин, Кудрин, Лившиц, Волошин... В последнем списке все люди разные. Кто-то был совсем близок к Борису Николаевичу, - как Чубайс или Немцов, - с кем-то у него были в большей степени деловые отношения, - как с Кудриным или Дубининым, - но профессиональные, человеческие качества всех этих людей, их демократические убеждения не вызывают сомнений. Все эти люди - рыночники, они все за открытое, демократическое общество, со свободными СМИ, с нормально действующим разделением властей, то есть со всеми элементами нормального, цивилизованного общества.

Ну да, действительно, можно согласиться: вывод о том, что тот или иной администратор недостаточно разбирается в людях, можно сделать почти всегда, - никто не застрахован от ошибок при кадровых назначениях. Вот только цена ошибки бывает разная…

Кто был Ельцину ближе

Все же такое ощущение, - оно не раз высказывалось, - что немалое значение при подборе людей для Ельцина имела, как бы это сказать, ментальная близость, что ли: он охотнее приближал к себе человека, похожего на него самого, - по жизненному опыту, по образу жизни, по психологии...

- В какой-то мере это так, - соглашается Валентин Борисович. - Ментально, по-человечески, конечно же, Коржаков, с его простотой, любовью к выпивке, или Сосковец - классический «красный директор», жесткий тип руководителя, или Лобов - бывший первый секретарь обкома, говоривший с Борисом Николаевичем на одном языке, - все они, конечно, были гораздо ближе ему, чем те, кто перечислен во втором списке. Но, обратите внимание, он, в конце концов, порвал практически со всеми из первого списка и остался в хороших отношениях с людьми из второго, более того, с кем-то из них продолжал работать до последнего дня своего пребывания в Кремле. Это при том, что говорить с Гайдаром, Чубайсом, Лившицем, Сатаровым или со мной ему было в тысячу раз менее комфортно, чем с теми, из старой гвардии. Те всегда радостно его облизывали, мы же говорили, что думали, - прежде всего, потому, что так привыкли. К тому же, большая часть из второго списка не держалась за свое место. Более того, почти каждый, за редким исключением, с удовольствием простился бы с этой неблагодарной - политической, административной - работой.

С кем он держал совет

В общем-то, Путин, как мне представляется, особо не тяготел ни к первому, ни ко второму списку. Он, насколько я знаю, не парился и не выпивал с Ельциным в бане, но и не слыл «человеком идеи», твердым демократом-рыночником, как Гайдар или Чубайс. Было что-то третье... Спрашиваю Юмашева, что же именно это «третье», что выделило Путина среди других в глазах Ельцина. Может, все-таки все решил чей-то совет? Или чьи-то советы? Борис Немцов, например, не однажды говорил, что Путина

Ельцину подсунул Березовский через Татьяну Борисовну. Юмашев категорически отвергает это утверждение:

- Это полный бред, полная чушь! Борис Николаевич никогда бы не воспринял от Татьяны ни одного кадрового совета. Кстати, как и от Наины Иосифовны. В этом смысле он был глубоко патриархален: считал, не женское это дело, - разговаривать с мужчинами о политике. Таня действительно хорошо относилась к Владимиру Владимировичу, и если бы Борис Николаевич ее спросил, правильно ли он сделал, что выбрал его в качестве преемника, думаю, сказала бы: «Папа, ты молодец! Классная идея! Правильное решение!» Но он не спросил.

- Но с кем-то Ельцин, наверное, все же держал совет?

- Конечно, в таких случаях Борис Николаевич советовался, с кем находил нужным. И не потому, что считал, будто сам плохо разбирается в людях - мол, есть у него такая слабость. Он так не считал. Просто советоваться в подобных случаях - это естественно для любого лидера и даже любого руководителя компании. В общем-то, Борис Николаевич так поступал всегда. Когда, например, он перебирал варианты, кого назначить премьер-министром после Черномырдина, он спрашивал меня, что я думаю о каждом из кандидатов (я был главой администрации). Это не значит, что у него в этот момент не было решения, - скорее всего, он просто сравнивал наши оценки - свою и мою. Соответственно, и я отвечал, не зная, совпадает его позиция с моей или нет. Думаю, что такой же разговор перед назначением Кириенко он провел с Чубайсом, с Немцовым. При этом, в отличие от меня (я в силу своих обязанностей руководителя администрации должен был готовить все документы по снятию старого и назначению нового премьера), когда он говорил с ними, обсуждая ту или иную кандидатуру, они даже не понимали, что он обсуждает с ними будущего кандидата на пост главы правительства.

- Когда президент впервые вас спросил, что собой представляет Путин - как работник, как человек?

- Это было весной 1999 года. При этом речь не шла ни о возможном премьерстве Путина, ни о какой-то другой должности. Просто, - что я о нем думаю. Он уже слышал от меня соответствующие оценки, но, видимо, хотел услышать их еще раз. Я сказал, что могу охарактеризовать Путина только с хорошей стороны. (Кстати, в это время я уже не был главой администрации). Ни одной претензии с точки зрения поведения, наших отношений, уровня его профессионализма у меня к Владимиру Владимировичу не было. Принял он во внимание мою позицию? Конечно, принял. Мог с ней не согласиться? Конечно, мог. Как множество раз не соглашался. Впрочем, как множество раз и соглашался. Один пример. Я считал неправильным держать на посту начальника Управления делами президента Павла Бородина. Хотя у меня с ним были хорошие личные отношения, тем не менее, я считал, что он плохой экономист, что вокруг него крутится множество проходимцев. Я настаивал, что его следует заменить - поставить на эту должность технократичного менеджера, не политика, который бы прекрасно разбирался в экономике, хозяйстве, и - человека другого поколения. Но Борис Николаевич со мной не согласился. Оставил Бородина. Однако, повторяю, можно привести и много других примеров - когда президент соглашался со мной.

− Каков был круг людей, с которыми Ельцин говорил о Путине?

− Он разговаривал со многими. Причем не только с теми, с кем он работал (с тогдашним главой администрации Волошиным, с руководителем своего секретариата Семенченко), но и с теми, кого он считал входящими в его команду - с тем же Чубайсом, с Сашей Ослоном (руководителем Фонда «Общественное мнение». − **О.М.**), Игорем Малашенко (он входил в эту команду до момента, когда группа Гусинского стала агрессивно конфликтовать с Кремлем, поддерживая тандем Лужкова - Примакова)... Говорил и с другими…

− Можно ли все-таки сказать, что чьи-то советы решающим образом повлияли на Ельцина, побудили его остановить свой выбор на Путине?

− Ничьи советы не повлияли. Да, он со многими советовался, и я не знаю никого, кто сказал бы что-то плохое о Путине образца 1996 - 1999 годов. Но если бы Борис Николаевич почувствовал в нем что-то не то, − никогда бы не согласился сделать его преемником, несмотря ни на какие советы. Я все-таки считаю, что Борис Николаевич на интуитивном уровне блестяще чувствовал людей, и в важный, критический момент делал правильный выбор. Так было и с увольнением сотрудников, и с их назначением.

«Мы все тогда были счастливы»

− В общем, в окружении Ельцина не нашлось ни одного человека, кто бы ему сказал: «Борис Николаевич, по-моему, вы делаете ошибку»?

- Да, вблизи Ельцина не было никого, кто бы мог так сказать. Те же Чубайс, Гайдар, Кудрин, Дубинин, − они были на седьмом небе оттого, что Борис Николаевич смог сделать такой выбор. Они не просто были счастливы, - для Чубайса, например, это был один из самых счастливых моментов в жизни (хотя сначала, как уже говорилось, он был против кандидатуры Путина). Я просто помню, как на инаугурации Владимира Владимировича мы с ним обнялись, и он мне сказал: «Валя, ты не представляешь, что Борис Николаевич сделал, что мы все сделали! Теперь у страны на десятилетия - только движение вперед и ничто не может его остановить!»

Кстати, напомню, именно Чубайс рекомендовал Путина Юмашеву - тогда руководителю Администрации президента - на должность начальника Главного контрольного управления (причем этот пост совмещался с должностью заместителя главы Администрации). И все годы, что он работал с Путиным, Юмашев, по его словам, был чрезвычайно благодарен за этот совет: Путин был «аккуратен, профессионален, блестяще решал поставленные перед ним задачи». По этой причине Юмашев (уже он, а не Чубайс) все время двигал его вперед. При Юмашеве Путин стал первым замом главы Администрации, потом − директором ФСБ и, через несколько

месяцев, еще и секретарем Совета безопасности (это был первый случай, когда человек совмещал два таких важных поста).

Может быть, стоит напомнить и то, что именно Юмашев попросил Ельцина обратить на Путина особое внимание. Это случилось не тогда, когда он предлагал его президенту на должность своего первого зама, а позже, - когда еще более утвердился во мнении, что он «очень сильный работник», несравненно более сильный, чем все остальные ведущие сотрудники администрации − Ястржембский, Приходько, Орехов… Хотя все они тоже считались достаточно сильными… Ястржембского, например, Юмашев одно время даже подумывал рекомендовать Ельцину на пост президента…

Дальнейший карьерный рост Путина - премьер-министр, президент - происходил уже при Александре Волошине.

Итак, ближайшее окружение Ельцина испытало настоящую эйфорию в связи с избранием Путина президентом. Когда она стала рассеиваться?

- После избрания Путина президентом, - говорит Юмашев, - встречаясь с Чубайсом, мы все время, естественно, переживали за Владимира Владимировича, обсуждали, как у него идут дела, и до истории с Ходорковским у нас не возникало никаких, даже малейших, тревог, что что-то может двинуться куда-то не туда. А ведь это был уже 2003 год. Заканчивался его первый срок...

«Молчи, скрывайся и таи...»

В таком случае, может быть, все дело в том, что, став президентом, Путин пережил некую трансформацию, которую невозможно было спрогнозировать, и, в конце концов, предстал абсолютно другим человеком, нежели тот, на котором остановил свой взор Ельцин? Такое ведь тоже бывает.

- Да, я считаю, это именно так, - соглашается со мной Валентин Борисович. - То, что сейчас происходит, с моей точки зрения, невозможно было предвидеть. Путин сильно переменился. Не знаю, почему. Может быть, он человек, для которого очень

важно, кем он окружен, человек, который очень пластичен. Если вокруг него люди демократических убеждений, он - демократ... Потихоньку меняя свое окружение (кто-то уходил сам - Волошин, Илларионов, - кого-то, как Касьянова, он снимал), в конце концов, он стал тем, кого мы видим сейчас. При этом, однако, я не уверен, что тот, кого мы видим сейчас, - это настоящий Путин. И вполне возможно, нас ждут новые повороты и сюрпризы...

Вот ведь забавная вещь. «То, что сейчас происходит... невозможно было предвидеть». Может быть, в какой-то степени это, в самом деле, так. Однако сам факт, что дальнейшее его, Путина, поведение непредвидимо и непредсказуемо, что он вполне может развернуться и на 90, и на 180 градусов, - это-то, наверное, не так уж трудно было заподозрить и предугадать. Почему? Да потому, что он был - из клана «рыцарей плаща и кинжала». Не Штирлиц, конечно. Никаких таких подвигов за ним не числилось. Пять лет просидел в ГДР, в Дрездене, днем в основном подшивал в папку никому не нужные отчеты, а вечером пил пиво с коллегами. Но, без сомнения, ПО СВОЕЙ ПСИХОЛОГИИ к тому времени он уже был «человеком с Лубянки» (или откуда там - из Ясенева?) Некоторые азбучные элементы этой психологии он выдрессировал в себе еще в отрочестве, еще только когда мечтал о карьере Джеймса Бонда. Главный элемент этой психологии - абсолютная, стопроцентная скрытность, закрытость от внешнего взора, зашторенность. «Молчи, скрывайся и таи и чувства, и мечты свои!» Так что, сколько бы Борис Николаевич (или кто-то из его окружения) ни изучал его, сколько бы с ним испытующе ни беседовал, по-настоящему узнать, что это за человек, у них не было ни малейшего шанса. По словам его дрезденского сослуживца уже много раз мной упомянутого, Владимира Усольцева, Путин принадлежал к тем людям, кто «думает одно, а говорит другое». В общем, перед Ельциным и его советниками был типичный «кот в мешке». И именно это обстоятельство с самого начала должно было всех насторожить.

− Нет, прошлая служба Путина в КГБ абсолютно не настораживала, − говорит Юмашев. − Не настораживала ни Бориса Николаевича, ни меня, ни кого-либо еще, кому следовало бы насторожиться. Ведь кто шел в КГБ? Не только те, кто мечтал сделать карьеру, дослужиться там до высоких постов… Не только те, кто встал на этот путь, может быть, под каким-то давлением (было ведь и такое − это примерно то же, как в партию вступать заставляли; мне, например, чтобы стать членом редколлегии «Огонька», пришлось вступить в КПСС)… Но у меня есть очень хорошие близкие друзья, которые пошли в КГБ, движимые романтическими побуждениями. Я и сам, когда мне было лет тринадцать, тоже думал, что буду разведчиком… И только потом изменил свои намерения − стал журналистом. В общем, повторяю, есть куча людей, которые какое-то время служили в КГБ, а потом стали хорошими профессионалами, так сказать, «на гражданке»… Так что, в первую очередь, − не только в случае Путина, − когда мы кого-то брали на работу, когда двигали по службе, то старались оценить профессиональные, человеческие качества этого работника, не зацикливаясь на его биографии. Конечно, у тех, кто там служил − в КГБ − что-то от этого остается. Но не обязательно это является определяющим.

Знал ли Ельцин о расследовании Марины Салье?

Знал ли Борис Николаевич о той давней истории, когда зимой 1991 − 1992 года из Питера было вывезено за рубеж сырье как бы в обмен на продовольствие, однако продовольствие в городе так и не появилось? Знал ли он об участии Путина в этой истории? Как ко всему этому отнесся? Задаю этот вопрос Юмашеву, однако Валентин Борисович уклоняется от ответа.

Между тем, по словам бывшего начальника Контрольного управления Администрации президента Юрия Болдырева, он докладывал Ельцину об этом скандале где-то в конце весны − начале лета 1992 года. Какова была реакция президента? Никакой особенной реакции не было. Болдырев (в интервью «Свободе»):

− Тогда вселенная еще не была столь питероцентричной. История с проверкой в Питере… была рядовой проверкой, выявившей существенные нарушения, но не радикально более серьезные, чем в других субъектах федерации. Там были совершенно стандартные вещи, связанные с получением прав на вывоз стратегических металлов в обмен на продовольствие и с непоставками продовольствия… Такого рода факты были тогда весьма типичными.

Типичными-то типичными, и Ельцин наверняка забыл о болдыревском докладе, но его помощники, готовившие, так сказать, биографическое досье на Путина при его выдвижении в преемники, наверное, должны были бы напомнить и об этой мутной истории: как-никак человек выдвигается в будущие президенты. Но, с другой стороны, о чем напоминать? Дело-то так и осталось не расследованным.

− По результатам проверки и моего доклада Ельцину, − говорит Болдырев, − было принято решение передать все эти материалы в представительство президента в Санкт-Петербурге и Ленинградской области для отслеживания ситуации и принятия мер по исправлению всех выявленных недостатков. Направлялось ли что-то в прокуратуру, я уже не помню.

Однако Марина Салье, как уже говорилось, − помнит: дело направлялось в прокуратуру, еще до того, как оно попало к Болдыреву. Однако никакого расследования проведено не было.

Кстати, когда Болдырев в марте 1992 года узнал от Салье о питерской истории, его реакция на нее не была такой вялой, как он сейчас о ней вспоминает («типичная», «рядовая», «стандартная» история, «массовое явление»). Он сразу же, 31 марта 1992 года, написал на бланке управления довольно решительное письмо министру внешнеэкономических связей Авену:

«Уважаемый Петр Олегович! В Контрольное управление администрации президента Российской Федерации поступили материалы от депутатов рабочей группы Санкт-Петербургского городского совета народных депутатов,

свидетельствующие о возможной необходимости отстранения председателя Комитета по внешним связям мэрии Санкт-Петербурга Путина В.В. от занимаемой должности. В связи с этим прошу Вас не рассматривать вопрос о назначении Путина В.В. на какие-либо должности впредь до рассмотрения этих материалов Контрольным управлением»

Имелось в виду − о назначении Путина уполномоченным Министерства внешнеэкономических связей, что давало бы ему официальное право выдавать лицензии. Однако письмо это запоздало: лицензии давно уже выдавались Комитетом по внешним связям питерской мэрии, во главе которого стоял Путин. Не говоря уж о том, что Путин не был отстранен от своей должности председателя этого комитета.

РАССКАЗ ДОЧЕРИ ЕЛЬЦИНА

«Проблема собственной безопасности папу не волновала»

С Татьяной Дьяченко, ставшей к тому времени Татьяной Юмашевой, мне поговорить не удалось: когда писал книгу, она хранила обет молчания. Однако в декабре 2009-го неожиданно нарушила его − дала пространное интервью мужскому журналу «Медведь».

Ее рассказ о том, как и почему Ельцин в качестве преемника выбрал Путина, в общем-то совпадает, с тем, что об этом говорит ее супруг. По поводу расхожего мнения, будто Борис Николаевич сделал такой выбор, стремясь обеспечить безопасность себе и своим близким:

− Папа вообще так не мыслил − безопасно для него это или небезопасно. Не волновала его и тема безопасности семьи. Он вообще этой проблемы не видел. Я ее тоже, кстати, считала надуманной. Если бы Лужков или Примаков пришли к власти, они стали бы меня арестовывать? Конечно, нет. Ну, а уж папа вообще думал совсем

в других категориях. Если бы он об этом задумывался, он бы оставил премьером Виктора Степановича Черномырдина, человека безгранично порядочного и верного. Но он считал, что новой России нужен президент новой формации, человек нового поколения. Именно поэтому папа считал неправильным выдвигать кандидатом в президенты Лужкова или Примакова, к которым, кстати, хорошо относился…

Насчет того, что Ельцин, когда он искал преемника, хорошо относился к Лужкову и Примакову, − это, мы видели, не совсем так…

Объяснение Татьяны Борисовны, почему все-таки Ельцин остановил свой выбор на Путине, в общих чертах совпадает с объяснениями других близких Ельцину людей. Читатель может меня упрекнуть, что, приводя эти объяснения, я повторяюсь, но я считаю важным их привести, − может быть, в ущерб читабельности книги, − ибо это своего рода исторические документы. В конце концов, круг людей, знавших, как было дело, очень невелик, так что свидетельство каждого весьма важно.

− Папа сам сделал выбор, − говорит Татьяна Борисовна. − Но я была этому рада. Когда Валентин Юмашев, будучи главой президентской администрации, назначил Путина своим первым замом (до этого он был начальником Главного контрольного управления), у папы появилась возможность чаще видеть, встречаться с Владимиром Владимировичем, наблюдать его.

И далее следует перечисление уже известных нам качеств Путина, выделивших его среди других возможных претендентов:

− Он всегда точно формулировал свои доклады, был четок, лаконичен. У него был сложный участок работы − первый зам в администрации отвечал за регионы, а тогда была непростая ситуация и с зарплатами, и с пенсиями. Ему приходилось быстро и оперативно снимать самые острые ситуации. Увидев, насколько Путин эффективен, папа назначил его директором ФСБ. Поскольку силовики напрямую подчиняются

президенту, количество встреч между ними еще больше увеличилось. Скорее всего, именно тогда папа окончательно определил, что Путин может быть подходящим кандидатом на должность президента. А к весне 1999-го он сузил круг до двух кандидатов. Первым в этом списке стоял Владимир Владимирович (вторым, как мы помним, был Степашин. − **О.М.**) И когда в августе 1999-го папа назначил его исполняющим обязанности премьера, а потом его Дума утвердила, я помню, с каким облегчением папа вздохнул. На второй по значению должности в стране оказался тот, кому он готов был доверить будущее России. Папа хотел видеть следующим президентом человека другого поколения, молодого, новой формации. Это первое. И второе: человека с сильным, твердым характером, способного брать ответственность на себя.

Чего-то в перечне качеств опять не хватает…

Здесь опять из перечисления необходимых качеств как-то выпадает вроде бы обязательный для такого выбора критерий, − чтобы человек обладал твердыми демократическими убеждениями.

И снова о стремлении Ельцина передать президентские полномочия «человеку другого поколения, молодому, новой формации»… На первый взгляд, вроде бы благое желание. Но тут на ум должны придти и некоторые опасения: обязательно ли молодой человек будет лучше, чем не очень молодой? У молодого, наверное, скорее, чем у немолодого, проявятся какие-то немыслимые амбиции по переустройству всего и вся, что было сделано предшественником, обнаружится стремление к каким-то глобальным переменам, не обязательно идущим на пользу стране. Собственно говоря, так и случилось с Путиным. Если бы президентом после Ельцина стал не он, а, допустим, Черномырдин, вероятность, что Виктором Степановичем овладела бы жажда все

радикально менять, все крушить и ломать, была бы гораздо меньшей. Возраст уже не тот, устремления не молодеческие. И еще одно соображение: если с выбором преемника вдруг случится ошибка, − чем черт не шутит! − несравненно хуже, конечно, когда на посту «ошибочного» президента оказывается более молодой человек: в таком случае ждать, когда он освободит президентский кабинет, стране придется ждать долго, долго, долго…

В общем то, что Борис Николаевич во что бы то ни стало желал видеть своим преемником «человека другого поколения, молодого, новой формации», было, по-видимому, одной из главных предпосылок для совершения роковой ошибки.

Кто был в списке кандидатов

После интервью в журнале «Медведь», видимо, войдя во вкус общения с публикой, Татьяна Юмашева завела блог в интернетовском «Живом журнале».

Здесь ее снова спросили, почему все-таки ее отец выбрал Путина. Татьяна Борисовна перечисляет, кто был в «обойме» претендентов весной 1999 года. В основном это те люди, которые перечислены и в этой моей книге. Каждому из них Татьяна Борисовна дает характеристики, также совпадающие в общих чертах с моими.

«Евгений Максимович Примаков, премьер-министр страны. Он вас (то есть Бориса Николаевича. − **О.М.**) не устраивает, потому, что, после его пребывания в течение всего лишь нескольких месяцев на посту премьера тут же началась жесткая атака на бизнес, с веселыми приговорками, что у нас тут сколько-то тысяч мест освободилось после амнистии в тюрьмах, мы можем их (то есть предпринимателей. − **О.М.**) принять. Жалобы премьера на СМИ, что они не так, как хотелось бы, освещают работу правительства. Менее существенные, но важные для вас детали - ему сейчас уже семьдесят, он старше вас, эта работа высасывает все силы, хватит ли ему их? Ну, и

главное, вы хотите нового лидера стране, молодого (вот опять! − **О.М.**) Чтобы следующее поколение политиков встало у руля страны».

Далее в перечне идет Черномырдин. «Опытный, сильный, порядочный, рыночник, закаленный в политических баталиях». Отец пытался представить его на должность премьера, но Дума дважды его провалила. Как полагает Татьяна Юмашева, ссылаясь при этом и на мнение, которого будто бы придерживался ее отец, Черномырдину как «отставному политику» президентские выборы не выиграть.

В действительности, я уверен, Черномырдин был единственным человеком, который мог бы одолеть на выборах и Примакова, и Лужкова, и Зюганова, не развязывая при этом вновь войну на Северном Кавказе. У Виктора Степановича была мощная поддержка и так называемых «элит», и простых избирателей. На мой взгляд, Ельцину, когда он выдвигал Черномырдина в августе − сентябре 1998 года, следовало до конца бороться за него, не останавливаясь перед роспуском Думы, отвергавшей этого кандидата.

Следующий кандидат − Юрий Михайлович Лужков. «Он очень хочет стать премьером. Рвется в бой». Но он подвел отца в важный и решительный момент, когда тот пытался договориться с Думой по Черномырдину: неожиданно, соединился с коммунистами и заблокировал назначение Виктора Степановича. После этого никакого доверия к Юрию Михайловичу у отца уже не было. Кроме того, ему не нравился «этот странный семейный бизнес, процветавший в Москве». Были у него вопросы и к команде мэра... Короче, Лужков, был вычеркнут из списка.

Юмашева приводит также фамилии людей, которых в реальности Ельцин, насколько я знаю, вообще не рассматривал в числе кандидатов. Приводит, видимо, просто так, на случай, если у кого-то из блоггеров они все-таки всплывут в памяти.

Григорий Явлинский? «Вечный оппозиционер, опытный политик, либерал и демократ». Может он выиграть выборы у Зюганова? Нет, шансов на это нет.

Гайдар или Чубайс? Отец обеими руками за того и за другого. Они ему близки, он уверен в них. Он ясно понимает, что каждый из них будет делать, оказавшись на посту президента. Но опять-таки ни тот ни другой выборы не выиграет.

Борис Немцов? Борис Николаевич «все время» думал про него. Но после августовского дефолта 1998 года, после отставки «яркого правительства Сергея Кириенко», на которое отец так надеялся, он считает, что у кандидатуры Немцова шансов тоже нет.

Остались двое…

Реальный кандидат − Сергей Степашин. Отцу он нравится. «Интеллигентный военный. После тяжелой истории с отставкой с поста директора ФСБ после событий в Буденновске, он не скис. Через какое-то время Черномырдин рекомендовал его назначить руководителем департамента правительства, потом − министром внутренних дел». Борис Николаевич знает его еще с депутатских времен. Степашин всегда поддерживал его во время съездов, когда шло голосование по принципиальным вопросам. Он близок с Чубайсом, и для Ельцина это тоже важно: значит, этот человек продолжит рыночные преобразования. Степашин может выиграть выборы, у него есть политический опыт, он участвовал в избирательных кампаниях, знает, что это такое. Хорошо говорит. Его могут поддержать разные слои населения, − и военные, и пенсионеры, и средний класс. По словам Юмашевой, Ельцин считал Степашина одним из основных претендентов.

Как видим, ни о каких отрицательных чертах Степашина, которые все-таки сделали его кандидатуру неприемлемой для Ельцина, Татьяна Борисовна не упоминает.

Наконец − внимание! − последний кандидат. Владимир Путин. Татьяна Юмашева вновь дает ему характеристику, объясняющую, на ее взгляд, почему ее отец остановил свой выбор именно на нем. Эта характеристика отчасти дополняет ту, что она дала в журнале «Медведь». В последние годы Путин работал в Администрации президента. Работал очень хорошо. Когда он возглавлял Главное контрольное управление администрации, отец его знал чуть хуже, хотя его четкие и ясные доклады ему нравились. А когда Путин стал первым заместителем руководителя администрации, Борис Николаевич уже смог убедиться, что перед ним «серьезный, сильный руководитель, политик». Первый зам отвечает за регионы, и Путин за считанные месяцы смог наладить хорошие личные контакты с губернаторами. Ельцину нравились его содержательные доклады, его аргументация, его спокойный, сдержанный подход к острым проблемам, которые тут и там возникали в разных регионах страны.

Ельцин, по словам его дочери, «не мог не оценить», как Путин «достойно повел себя», когда на его учителя, первого мэра Петербурга Анатолия Собчака повели атаку «со сфабрикованными уголовными делами», и Путин, «рискуя и должностью, и своим положением, фактически спас его». И когда премьер Сергей Кириенко предложил Путина на должность директора ФСБ, Ельцин с удовольствием поддержал это предложение. Президенту нравилось в нем и то, что он не рвется на должности. Когда Борис Николаевич говорил с ним о назначении директором ФСБ, Путин ответил, что ему нравится та работа, которую он делает сейчас, и ему было бы жаль ее покинуть.

Отца совсем не смущала его прошлая работа в КГБ. Наоборот, как полагает Татьяна Юмашева, в советское время образ разведчика всегда был светлым образом, так что причина, почему Путин, будучи молодым человеком, «пошел в разведчики», было понятна. Но в 1991 году он пришел к «одному из главных лидеров новой демократической России Анатолию Собчаку», и прошел с ним весь путь до конца.

Борис Николаевич наблюдал его во время работы в Совете безопасности, во время различных совещаний, изучал его при встречах один на один, − директор ФСБ

постоянно бывал на докладе у президента. Татьяна Юмашева уверена, − опять-таки полагая, что таким же было мнение и самого Ельцина, − что Путин был «одним из самых содержательных людей» в команде президента.

И вот Ельцин решил, что он − его главный кандидат. Он поведет страну демократическим курсом. Он − за рыночные реформы. У него сильный характер, он продолжит движение России вперед. У Бориса Николаевича нет сомнений, что на выборах он победит своих основных соперников. Да, сейчас его никто не знает. Но отец уверен, что его обаяние и его внутреннюю силу люди сразу почувствуют. Какое-то время Борис Николаевич еще продолжает думать и анализировать, − Путин или не Путин? И в конце концов решает − Путин!

Совсем не ясно, почему вдруг Ельцин, прошедший не через одну выборную кампанию, решил, что «обаяния и внутренней силы» Путина окажется достаточно, чтобы победить на выборах таких людей, как Лужков, Примаков, Зюганов, обладавших в ту пору гораздо более высокими рейтингами. Уж они-то, без сомнения, прекрасно знали, что одних только «обаяния и внутренней силы» слишком мало для победы на выборах.

Путин − ставленник олигархов?

Отвечает Юмашева и на распространенное мнение, что Путина в преемники проталкивали олигархи.

«Как и все, кому дорого то, что происходит дома, − пишет Татьяна Борисовна, − кто не собирался бежать из страны, и кого волновало, кто будет следующим президентом страны, конечно, крупные бизнесмены обсуждали эти темы и в Белом доме, и в Кремле (кто мог туда добраться). Но точно так же эту тему обсуждали и губернаторы, и депутаты, и политики, все, кому было не безразлично, что будет происходить со страной в ближайшем будущем. Слушали ли их аргументы? Если это был умный человек, то, конечно, прислушивались к его позиции. Но участвовали ли

они в принятии решения? Ответ − нет. Часть из них (из олигархов. − **О.М.**) пыталась действовать по-другому, как это сделал Гусинский, и вместе с ним некоторые другие бизнесмены, поставив на Лужкова и Примакова. Сейчас (то есть при Путине. − **О.М.**) это было бы невозможно. И это отдельная тема, хорошо это или плохо».

Противодействие Гусинского и К°, вообще противодействие Кремлю в начинающейся избирательной кампании было довольно могучим. Татьяна Борисовна напоминает, что в 1999-м против Ельцина работала «мощнейшая медиа-группа Гусинского во главе с НТВ». Тандем Примакова − Лужкова поддерживала практически вся региональная элита, к ним бежали толпами сдаваться и договариваться о будущем. В Кремле были уверены: Примакову − Лужкову проиграл бы любой кандидат в президенты, кроме Путина.

Я-то полагаю, и уже не раз говорил об этом, проиграл бы и Путин, если бы не взрывы домов (независимо от того, кто их взорвал) и как реакция на эти взрывы − вторая чеченская война.

Олигарх Березовский, естественно, не мог быть на стороне Примакова и Лужкова. Знал цену и тому, и другому.

Кстати, Татьяна Юмашева, подтверждая, что и Борис Абрамович не имел ни малейшего отношения к выбору Путина преемником, несколько иначе, чем ее супруг, рассказывает о том, как Березовский отнесся к этому выбору.

«Поддерживая Путина, − пишет Татьяна Борисовна, − он (Березовский. − **О.М.**) все время сомневался, что это правильная идея. Его смущала прошлая работа Путина в органах КГБ. Он тоскливо говорил – бывших чекистов не бывает».

Замечательное слово − «тоскливо».

Велика Россия, а выбрать некого…

Почему же все-таки столь узок оказался круг людей, из которых Ельцину пришлось выбирать преемника? Татьяна Юмашева:

«Это были тяжелые, напряжённейшие годы, когда разрушенную экономику пришлось поднимать из руин. И вы помните – если цена за баррель нефти поднималась выше 16 долларов, это было счастье (16 долларов − это еще много, обычно цена на нефть не поднималась выше 10 − 11 долларов. − **О.М.**) Поэтому любой политик, оказавшийся во власти, получал свою порцию негатива, в связи с теми непопулярными мерами, которые приходилось осуществлять… Так себя политически сожгли Чубайс, Гайдар, Черномырдин и многие другие, кто мог бы возглавить страну, но потерял шанс, с точки зрения папы, выиграть президентские выборы. Все последние годы, конечно же, он присматривался к гораздо большему количеству кандидатов, в том числе думал и о губернаторах. Я думаю (это полностью мое предположение, папа никогда об этом со мной не говорил), если бы не было дефолта августа 1998 года и правительство Сергея Кириенко с хорошими результатами доработало бы до лета 2000 года, папа мог поддержать действующего премьера. Но, возможно, я не права. Что я точно знаю, и это папа мне говорил не раз, он считал, что следующим президентом должен стать политик нового поколения, с демократическими взглядами».

Что Ельцин завещал Путину

Я уже приводил здесь слова Валентина Юмашева: никаких таких «государственных» заветов, заветов по поводу расстановки кадров Ельцин Путину при последних встречах не давал, разговор шел главным образом на «приземленном», обычном, «бытовом» уровне, хотя собственно бытовые темы, касающиеся уходящего президента и его семьи, тоже не затрагивались. Татьяна Борисовна подтверждает эту версию:

«Оговаривались ли условия жизни страны при новом президенте? Кадровая,

экономическая политика? Был ли какой-то пакет соглашений, писаный или неписаный? Отвечаю. Кроме фразы «Берегите Россию» папа ни о чем не попросил Владимира Владимировича. Ни о родных, ни о близких, ни о курсе (для него это было очевидно) (то есть очевидно было, что Путин продолжит ельцинский курс. − **О.М.**), ни о сохранении дорогих сердцу папы кадров. Исполняющий обязанности президента был абсолютно свободен в кадровой политике, в выборе дальнейшей стратегии. Что, в общем, и подтверждается жизнью».

Прав ли был тогда Ельцин, не заговорив о главном − о том, каким курсом, его преемнику следует вести страну? Татьяна Юмашева считает, что это было правильно − уйти и со стороны наблюдать за происходящим. Встречаться, если есть такая возможность, с действующим президентом, говорить ему, если что-то смущает или кажется неправильным. А уж будет ли новый глава государства прислушиваться к мнению своего предшественника или не будет, − это его выбор и его право.

Не раскаивался ли Ельцин?

Среди вопросов, которые задал Юмашевой корреспондент журнала «Медведь», был и такой: что в действиях Путина представлялось Ельцину неправильным, ошибочным, на что он резко реагировал, против чего протестовал? Как мне кажется, Татьяне Юмашевой не очень хочется распространяться на эту тему.

− Да, какие-то вещи его смущали, раздражали, − говорит она. − Возвращение гимна, например. Но он понимал, что у нового президента свое понимание, что нужно стране, людям, и считал, что это неизбежно и правильно, когда у президента своя позиция. Конечно, он сам бы делал какие-то вещи иначе, чем это делал Владимир

Владимирович. Но сегодня именно Путин президент, и это его право и обязанность действовать так, как он считает нужным, а не так, как это кажется правильным Ельцину.

От других людей мы знаем, что реакция Ельцина на некоторые действия нового президента не была столь философски умиротворенной.

Аналогичный вопрос, даже в еще более острой форме, интересовал и многих читателей блога: не раскаивался ли Борис Николаевич в своем выборе? Однако дочь первого президента так и не ответила на него. При этом поблагодарила «за мудрые слова» блоггера Александра Билецкого, плотника по профессии, который написал в своем комментарии:

«Спасибо за подробное и очень интересное воспоминание. Вы очень тактично опустили условия, при которых делался выбор: экономика страны в глубоком кризисе после дефолта 1998 года, социальная структура общества − социалистическо-бюджетная, международная агрессия на Кавказе, и наконец, − острый бюджетный дефицит при крайне низких ценах на энергоносители. На рубеже веков открытым был сам вопрос о целостности и самом факте существования России. В таких условиях, при такой постановке вопроса, − мера ответственности при выборе кандидата на должность «Верховного кризис-менеджера» − колоссальная. Цена ошибки, уступки, слабости − само существование России на карте мира.

Требовался умный, волевой русский человек, которому бы доверило свою судьбу абсолютное большинство граждан России. И это Божье Чудо, что такой человек был в принципе и слава Богу, что Ваш отец остановил свой выбор на этой кандидатуре.

Условия, при которых делается выбор, имеют огромное значение… Сегодня, в условиях довольно спокойного протекания нового кризиса, отсутствия угрозы целостности страны, отстроенного механизма управления, наличия системы контроля со стороны государства за ключевыми экономическими отраслями, можно рассуждать

об уровне культуры и демократичности стиля В.В.Путина, но в 1999 году Б.Н.Ельцину да и всей стране было не до тонкостей и галантностей. В тех условиях Ваш отец принял в интересах ВСЕЙ страны ЕДИНСТВЕННО верное решение. Упокой Господь душу Бориса с миром!
Демократия, конечно, очень хорошее слово, но в жизни конкретные механизмы должны соответствовать среде внедрения. По меньшей мере, глупо в дурдоме давать право пациентам на свободный выбор врачей, процедур и лекарств. Россия, слава Богу, не дурдом, но и духовно-нравственным здоровьем общество похвастаться пока не может.

Мы все еще требуем большего, чем сами готовы отдавать. Нас все еще претит от ответственности и прет от желаний (так в тексте. − **О.М.**) Мы все еще ищем внешнего врага, чтобы оправдать собственную лень, равнодушие и лицемерие. И поэтому, мы имеем то правительство, которое заслуживаем и по Вере и по собственному объективному уровню развития. Но мы имеем и правительство, и возможность жить, делать выводы, и самосовершенствоваться в своем государстве. А это очень существенный аргумент за выбор Вашего отца.

Как пойдет развитие дальше, это вопрос, но очень важно, что бы сей процесс шел без обрушения прошлого, без революционных потрясений, с Верой в Господа, с любовью к Отечеству и уважением к своим согражданам.

Спаси Вас Господь!

С уважением Александр Билецкий».

Не думаю, что Татьяна Борисовна готова была бы слово в слово повторить этот комментарий, навеянный телевизионной пропагандой и религиозными проповедями, − полагаю, «мудрым» ей показалось суждение, что при тогдашних обстоятельствах и при тогдашнем, да и при нынешнем, «духовно-нравственном здоровье общества» выбор Путина был «единственно верным решением», а уж как дальше дело пойдет, − это другой вопрос…

К теме «Не раскаивался ли Борис Николаевич?» Татьяна Борисовна вернулась в интервью «Известиям» 31 декабря 2009 года, но опять ответила уклончиво:

«Конечно, папа… не переставал волноваться, переживал за то, что происходит в стране. Наверняка хотел что-то подсказать, но всегда себя останавливал − и только во время встреч с Владимиром Владимировичем высказывал свою точку зрения. Считал неправильным публично вмешиваться в действия президента».

НЕПОНЯТНО, НЕПОНЯТНО...

Главные достоинства - аккуратность и исполнительность

Повторю еще раз, с кем бы из людей информированных я ни говорил на тему о том, какие, собственно говоря, качества побудили Бориса Николаевича выбрать Путина на роль преемника, перечислялись в основном такие: аккуратность, профессионализм, четкость в работе, исполнительность, прекрасные качества полемиста (хорошая реакция, упорство в отстаивании своих аргументов, своей позиции), способность к жестким действиям, вообще признаки сильной личности... Ни разу ни от кого я не услышал, что Путин показал себя убежденным демократом, причем так показал, что не поверить в это было невозможно.

Да он и не мог себя так показать, потому что он и в реальности таковым не был. Я уже говорил, что почти всю горбачевскую перестройку, когда вся страна бурлила, когда расшатывались и низвергались основы основ, Путин тихо просидел в этом самом Дрездене за этими самыми отчетами и пивом. В общем, был не вполне в курсе происходящего на родине.

Говорилось и о том, что, вернувшись в Россию, он также какое-то время как бы пребывал в неведении, что, собственно говоря, здесь творится.

«...До этого момента (до августовского путча. - **О.М.**), - признавался он позднее, - я не мог оценить всей глубины процессов, происходящих в стране. После возвращения из ГДР мне было ясно, что в РОССИИ ЧТО-ТО ПРОИСХОДИТ (выделено мной. - **О.М.**), но только в дни путча все те идеалы, те цели, которые были у меня, когда я шел работать в КГБ, рухнули».

Вот веха - август 1991-го, - когда человек как бы с Луны свалился и начал с удивлением оглядываться вокруг, пытаясь понять, куда же он попал…

А спустя всего лишь восемь лет он − фактически глава государства...

Без сомнения, начало политической карьеры Путина и одновременно, как бы на это ни смотреть, первоначальный момент его внедрения в «демократическую тусовку» - это устройство на работу к Собчаку. Устройство совершенно случайное, по протекции приятеля. (Если отбросить в сторону возможность и еще худшего варианта, - что он пошел туда по распоряжению кагэбэшного начальства).

У Собчака Путин опять-таки никак не проявил себя как демократ, вообще как публичный политик - занимался хозяйственной деятельностью, международными связями. На людях - опять та же самая шпионская привычка - прятался у Собчака за спиной.

И в Москву - по протекции своего питерского знакомого, ставшего вице-премьером Алексея Большакова - попал опять-таки на хозяйственную работу - к Паше Бородину...

Затем началась собственно политическая карьера, причем на самом высоком уровне.

Почему все-таки Ельцин не посчитал нужным как-то особо проверять, насколько прочны и глубоки демократические убеждения его преемника? Мне говорят: он был убежден, что после 1996 года в управлении государством уже невозможно отойти от основополагающих демократических принципов. Если, конечно, в результате каких-то потрясений к власти не придет Примаков или Зюганов. Но если он, Ельцин, отдает

власть человеку уже следующего поколения, − тут уж нет никаких сомнений, в каком направлении при этом его преемнике пойдет дальнейшее развитие России. Понятно − это рынок. Понятно − это весь набор демократических институтов: разделение властей, свободные суды, свободные СМИ. Ельцин, объясняют мне, был убежден: если к власти приходят люди из нового поколения, все это не может быть разрушено ни при каких обстоятельствах. Конечно, могут быть какие-то частные, небольшие отклонения, но общий вектор движения абсолютно очевиден и не может быть изменен никак. Поэтому главным для Бориса Николаевича было понять, есть ли воля у этого человека, которого он определяет себе в преемники, сможет ли он преодолеть те трудности, которые всегда возникают при руководстве такой страной, как наша.

В общем-то, действительно вроде бы вполне ясно: сделать следующим президентом «стопроцентного» демократа и либерала в России невозможно. Давайте представим себе на минуту, что Борис Николаевич начал бы искать такого человека. На кого бы он обратил внимание? На Гайдара? На Чубайса? У нас ведь таких «технологичных либералов», которым можно было бы доверить страну, − раз-два и обчелся. Но согласитесь: вряд ли Гайдара можно поставить на первую позицию. Его ведь наш добрый народ разнесет в пух и прах за несколько месяцев… Да, он понятный человек, с понятной либеральной, демократической идеологией. Но он никогда не фигурировал как кандидат на эту самую позицию, поскольку ясно: он даже избран не будет ни при каких обстоятельствах. Про Чубайса, которого тот же народ так же ненавидит, как и Гайдара, даже больше, тоже нечего говорить. В общем, есть какая-то идеальная ситуация и есть возможная. И вот Борис Николаевич вроде бы перебрал в своем воображении всех, кого только можно было бы представить на президентском посту. И у него отпали фигуры, которые он считал недостаточно сильными, отпали те, кто, по его мнению, мог уклониться от главной, демократической, линии… Те, кого не примут избиратели… Остался − Путин.

Неужто главное − возраст?

Неужто все-таки, кроме Путина, никого не было? Почему он не остановился, скажем, на Черномырдине? Ну да - возраст. У Бориса Николаевича крепко сидела в голове вот эта идея, о которой уже говорилось, − должен прийти человек из следующего поколения. Конечно, в ту пору Виктор Степанович был не так уж и стар − шестидесяти двух ему тогда еще не стукнуло. И без того ведь необычайно узок был круг этих «революционеров», − кандидатов в преемники, − а если еще принимать в расчет и такой критерий, как возраст… Но возраст Борис Николаевич понимал не просто как возраст, а как некую ментальную категорию. Его не устраивал менталитет Черномырдина - старого советского хозяйственника, «красного директора», хотя к тому времени ЧВС кое в чем его уже преодолел. Кроме того, Ельцин намучился с премьером Черномырдиным, когда его «мочили» два его первых зама, два первых вице-премьера − Чубайс с Немцовым, особенно Немцов. Уверяли, что он не рыночник, что вместо того, чтобы твердо идти вперед, он топчется на месте. Они накручивали Бориса Николаевича. Особенно опять-таки Немцов. Чубайс-то не так. Ельцину приходилось все это выслушивать, защищать премьера… Это тоже, безусловно, повлияло… Кроме того, некоторые считали (и, возможно, обращали на это внимание Ельцина), что если бы Черномырдин стал президентом, страна натерпелась бы бед от всей этой команды − Гусинского, Березовского и прочих. Продолжилась бы деятельность наших безответственных миллионеров (тогда еще − миллионеров), которые энергично, агрессивно пытались влезть в политику, считая, что они не только имеют на это право, но это их долг − влезать в суды, в прокуратуру, проплачивать различные газетные «наезды», «мочить» кого угодно в эфире…

Человек неотразимого обаяния

Итак, как бы о том ни судить, никаких твердых, надежных оснований, чтобы считать Путина убежденным демократом, потенциальным перворазрядным публичным

политиком, государственным деятелем (а кто же тогда президент?) не было. А что же было? Кроме твердости характера, силы воли, кроме тех деловых качеств вполне квалифицированного чиновника, госслужащего достаточно высокого (хотя, может быть, и не самого высокого) уровня, которые все время перечисляются, было еще одно - то самое обаяние, о котором постоянно поминает в своей книге Владимир Усольцев. Может быть, Борис Николаевич (а заодно и все его советники, формальные и неформальные) действительно поддались прежде всего этому обаянию? Хорошо ведь видно, как и теперь оно, еще более отточенное самоотверженным трудом имиджмейкеров, неотразимо действует на народные массы. Я и сам, глядючи по телевизору на артистические выступления Путина, ему поддаюсь…

− Нет, − возражает мне Юмашев, − насчет того, что главную роль при выборе Путина сыграло его обаяние, − это полная чушь. Начать с того, что сам он никогда не хотел быть президентом. У него такой идеи вообще не было. Это первое. Второе − обаяние, как известно, используется для того, чтобы делать карьеру. А каждое его очередное повышение происходило из-за каких-то совершенно не зависящих от него обстоятельств. Взять хотя бы такое. Чубайс уходит в правительство с поста главы Администрации президента. При этом забирает с собой поладминистрации. Предлагает мне занять его место. Но я не администратор, он журналист. У меня нет ни опыта административной работы, ни людей. Я отказываюсь. Чубайс меня уговаривает, обещает: «Я тебе наберу команду». В конце концов, увидев, кого он предлагает в эту самую «команду», я соглашаюсь. Среди подобранных Чубайсом кандидатов был и Путин: его он предложил на место Кудрина (руководитель ГКУ − заместитель главы Администрации). Никакого путинского обаяния тут не потребовалось… Второй случай − так называемый «писательский скандал» (помните, Чубайс и ряд его близких сотрудников получили крупные гонорары от одного из зарубежных издательств за еще не написанную книгу о приватизации, после чего «дружественное» Чубайсу телевидение раздуло «дело о коррупции»). Борис Николаевич, вынужденный

считаться с «общественным мнением» увольняет Казакова, через какое-то время отстраняет от должности Бойко, Коха… − всех, кто участвовал в этом скандале. Кроме самого Чубайса. Казаков, который, по рекомендации Чубайса, занимал должность первого зама главы администрации, оставляет после себя пустое место. Я ставлю на это место Викторию Митину, однако вскоре понимаю, что ошибся: она явно «не тянет». Я увольняю ее и смотрю, кто бы из числа моих замов мог бы стать первым. Этот? Этот? Этот? И - останавливаюсь на Путине. Почему? По чисто технологическим соображениям. Ни каких-то особенно близких отношений у меня с Путиным не сложилось, вообще не было ничего личного… Просто Путин грамотно, точно работал с регионами, много ездил по стране (работа в ГКУ этого требует). За этот год с небольшим, в течение которого он пробыл на этом месте, он хорошо узнал всех губернаторов. Обо всем этом я мог судить достаточно уверенно: я с замами встречался раз в неделю, так что у меня набралось, наверное, более полусотни встреч с Путиным, это кроме встреч на различных совещаниях. Так что я был уверен: Путин вполне готов был к тому, чтобы подняться на ступеньку выше. Не пытался он ни понравиться кому-то, ни произвести на кого-то хорошее впечатление… Вообще было ощущение, что он не очень-то и дорожит своей работой. После он мне говорил: «Если бы ты не поставил меня в тот момент первым замом, я бы ушел… Потому что машина уже работала, и мне не очень хотелось там просто так сидеть». И вот он стал первым замом. Это серьезная должность. Когда глава Администрации куда-то уехал или его просто нет на месте, за все отвечает первый зам. То есть это серьезный политический игрок. Соответственно, и число встреч Путина с Борисом Николаевичем автоматически увеличилось во много раз… Короче, возвращаясь к вопросу об обаянии, Путин не то что никогда не «включал» это обаяние, - напротив, если бы он хотел кого-то «обаять», он бы делал все точно наоборот, нежели он в действительности делал. Он вообще не предпринимал ничего, чтобы начальство к нему хорошо относилось. Попросту абсолютно методично выполнял круг своих обязанностей.

Если бы вернуться в 1999-й…

Вот снова я слышу о методичности, точности, аккуратности Путина… Но меня по-прежнему занимает вопрос: как же может претендовать на пост президента человек, не имеющий практически никакого политического опыта? И опять я слышу от бывших близких сотрудников Ельцина: если бы сейчас перенестись назад в 1999 год, − даже с учетом всего того опыта, который у нас есть на сегодня, среди тех кандидатов, которые тогда были, все равно наиболее подходящим следовало бы счесть Путина. Единственно, что надо было бы сделать, готовя его в преемники, − больше привлекать его к обсуждению и решению не только каких-то технологических, управленческих, но и наиболее важных общеполитических проблем. Чтобы он как бы через себя все их пропустил, понял, почему все делается так, а не эдак. Конечно, у него было свое мнение по тому или по другому вопросу, но есть вопросы, в которых по-настоящему разобраться можно только так − будучи непосредственно включенным в их решение. Условно говоря, он действительно находился чуть сбоку от многих политических процессов. Сначала он руководил Главным контрольным управлением, потом, став первым замом главы Администрации, опять-таки занимался регионами... А такие общеполитические вещи, как, усовершенствование правовой, избирательной, партийной системы, федеративных отношений, соблюдение свободы СМИ и т.д., − это все проходило без него. Он вообще никогда не привлекался к обсуждению таких вещей. Глава администрации обсуждал с ним, что там в одном регионе творится, что − в другом… Что с этим губернатором делать, что с этим… Как помогать этому, как тому, как кого финансировать… Потом он перешел на работу в ФСБ, а уж это, понятно, вообще особая, отдельная сфера деятельности… Так что общеполитическими вещами он не занимался или занимался недостаточно. Но если вы доверяете человеку страну, вы, конечно, должны заранее

привлечь его к решению общеполитических проблем и после иметь представление, как он будет в этой сфере действовать.

В общем, мои собеседники полагают, что в 1999-м никакой ошибки не было, - просто с годами человек НЕПРЕДСКАЗУЕМО изменился. Да и вообще, ошибся Борис Николаевич или нет, мы, говорят мне, поймем, может, лет через десять. Может быть, нашей стране, нашим людям так и надо, - чтобы ценили свободу, чтобы ценили правду и ненавидели ложь? Может быть, Борис Николаевич специально нам все это устроил, чтобы произошел катарсис, очищение, чтобы прививка, которую мы сейчас получаем, сработала уже навсегда, на века, как она сработала, в конце концов, в Европе?

Не думаю, что Ельцин - при всем моем уважении к нему - был так тонок и глубок, чтобы устроить для России подобную прививку.

К тому же «прививка несвободой» делается нашему Отечеству уже который век, считай с самого дня его основания. Да вот как-то все не возникает из-за этого у нашего народа жажда свободы. Как писал Чаадаев: «…Мы, можно сказать, некоторым образом – народ исключительный. Мы принадлежим к числу тех наций, которые как бы не входят в состав человечества, а существуют лишь для того, чтобы дать миру какой-нибудь важный урок... В нашей крови есть нечто, враждебное всякому истинному прогрессу».

Одним словом, у меня другое мнение по поводу избрания Путина преемником, − ошибка была, и за нее Россия еще долго будет расплачиваться.

Каким останется в истории Ельцин

Это сейчас, по прошествии лет, все так и сяк судят и рядят, что, собственно говоря, произошло 31 декабря 1999 года, когда в России не просто сменилась власть, но и произошел очередной резкий перелом в ее судьбе: от надежды − к почти полной безнадежности. Однако непосредственно после той даты − 31-го − мало кто угадал,

мало кто дал точную оценку. Пожалуй, точнее всех ее дала Валерия Новодворская в «Литгазете» от 19 января (еще и трех недель не прошло от рокового события):

«Он (Борис Николаевич Ельцин. − **О.М.**) останется в истории Иваном Сусаниным, который обещал показать стране дорогу на Запад, а в результате завел ее и сдал прямо в руки Лубянки, устроив нам конфронтацию со всем цивилизованным миром… Ельцин все свои заслуги, до одной, очень старательно, ничего не забывая, взял назад (точнее бы сказать: взял и перечеркнул. - **О.М.**)

ЭПИЛОГ

Осознание того, что он ошибся в выборе преемника, приходило к Ельцину-пенсионеру постепенно. По мере этого осознания, он все больше переживал. Начальной точкой этого процесса, пожалуй, можно считать конец 2000-го, когда Путин утвердил в качестве российского государственного бывший советский гимн. Борис Николаевич в связи с этим был особенно сильно расстроен, считал такой шаг уступкой коммунистам. А серьезный перелом в его настроении наступил, пожалуй, летом 2003 года. Это походило на разочарование отца, который видит, что его взрослый сын, которому он столько дал, столько доверил, в которого верил безоглядно, делает что-то не то. Разочарование было столь велико, что Борис Николаевич на какое-то время перестал читать газеты, включать телевизор...

О своих чувствах он говорил вслух. Дома. Чтобы как-то успокоить его, близкие, как могли, пытались защищать Путина, объяснять логику его действий. Успокоения это не приносило...

При этом, однако, Борис Николаевич считал недопустимым публично высказывать свое мнение о происходящем. На это, по-видимому, было две причины. Во-первых, как уже говорилось, он считал себя в своем роде политическим отцом

Путина, а отцу негоже на публике распространяться о каких-то ошибках сына. Во-вторых, он, без сомнения, понимал, что как-то повлиять на события он уже не может: его слова будут проваливаться куда-то, как в вату, а это, разумеется, было бы просто унизительно для него.

Правда, первое время при личных встречах со своим преемником, когда тот навещал его на даче, Ельцин пытался говорить о чем-то существенном. Объяснял, например, почему в бытность свою главой государства считал необычайно важным предоставлять свободу средствам массовой информации (без этого немыслима демократия!), ради этого терпел даже всякого рода вранье, клевету, инсинуации, которые обрушивались на него с экрана телевизора, со страниц газет... Советовал Путину уже сейчас присматриваться к своим возможным преемникам, подыскивать того, кому он передаст страну в 2008 году...

В дальнейшем, однако, чувствуя невостребованность этих своих речей, Борис Николаевич перестал поднимать подобные темы. Постепенно их разговоры с Путиным сделались дежурно-бытовыми: как жизнь, как дела, куда собираетесь поехать и т.д.?

До какого-то момента - видимо, до лета 2003 года, - они встречались не реже раза в два, ну, может быть, в два-три месяца. С лета 2003-го встречи происходили практически только по формальным поводам - день рождения, день России...

Лишь в последний год жизни Бориса Николаевича Путин пару раз навестил его без всяких поводов: видимо, почувствовал, некоторую неловкость - совсем уже они отдалились друг от друга.

Ельцин, несмотря ни на что, был рад этим встречам, хотя, конечно, понимал, что прежней теплоты отношений уже не вернуть.

Так обстояло дело со встречами. Что касается обмена телефонными звонками, его в последние годы вовсе не было.

Без сомнения, пока Ельцин был жив, для Путина и его пропагандистской машины он представлял собой некий барьер, некий сдерживающий фактор, не позволявшей так уж сильно раскручивать маховик в «обличении» девяностых годов. Сам Борис Николаевич, разумеется, опять-таки не бросился бы в газеты и на телевидение, не стал бы собирать пресс-конференции, услышав те непотребства, которые понеслись отовсюду в адрес девяностых, но, без сомнения, Путину по этому поводу он позвонил бы, сказал что-нибудь вроде: «Что же вы делаете? Вы же сами оттуда, из этих девяностых! Вы же со мной работали с 1996-го по 2000-й! Откуда эта злоба?»

Путину, разумеется, такой звонок был бы неприятен: крыть ему было бы нечем. Не исключено, по этой причине при жизни Бориса Николаевича он и не говорил то, что стал говорить после его смерти.

Лидер СПС Никита Белых заметил по этому поводу в конце декабря 2007 года:

– Любой здравомыслящий человек, взявший в руки речь Путина в «Лужниках» и его же речь на похоронах Ельцина, поймет, что один и тот же человек не может говорить такие разные вещи. Полгода назад Путин говорил, что заслуга Бориса Николаевича в том, что в 1990-е он не допустил гражданской войны в стране и провел необходимые, хоть и болезненные для страны реформы. И этот же самый человек, спустя шесть месяцев, говорит вещи, переворачивающие все с ног на голову.

Внешне экс-президент чувствовал себя неплохо, и домашние были уверены, что лет десять-пятнадцать он еще проживет. Однако те переживания, которые Борис Николаевич испытывал в последнее время, видя, как все, что он строил, разрушается, как все движется не в том направлении, о котором он мечтал, - эти переживания, по-видимому, ускорили его уход из жизни.

Возможно, это прозвучит кощунственно, но, в каком-то смысле оно, наверное, и лучше, что Ельцин не увидел того пропагандистского шабаша, той истерии, направленных на обгаживание девяностых, которые во всю мощь развернулись вскоре после его кончины.

Март 2006-го - август 2008 года

ПРИЛОЖЕНИЕ. ЕЛЬЦИН В «ЗОЛОТОЙ КЛЕТКЕ»

По мере того, как мы будем удаляться от эпохи Ельцина, от последних лет и месяцев его жизни, надо надеяться, станут появляться какие-то новые свидетельства о жизни Ельцина-отставника. Ведь и после отставки многие с ним встречались. У многих есть что вспомнить, что рассказать. Любопытные штрихи к картине пенсионной жизни Бориса Николаевича добавляет бывший премьер Михаил Касьянов в книге бесед с журналистом Евгением Киселевым. Книга называется «Без Путина», вышла она осенью 2009 года.

Яркий эпизод, говорящий о «золотой клетке», в которой оказался первый президент после ухода на «заслуженный отдых», − празднование его 75-летнего юбилея 1 февраля 1996 года. Ельцин собирался отметить его по-домашнему, с друзьями. Советовался с Касьяновым, как его лучше устроить. Однако в дело вмешался Путин − решил отпраздновать юбилей официально. Вроде бы Ельцину оказывался и почет, но в действительности это было другое… Касьянов:

«Ельцин очень тяжело переживал, что его заставили праздновать юбилей в Кремле, а не так, как он хотел: свободно, неформально. Организаторы сами решали, кого можно позвать, а кого − нельзя.

По-моему, он тогда окончательно понял, что он живет как пленник в «золотой клетке». Осознание этого факта для него, безусловно, было трагедией».

Но испорченным юбилеем дело не ограничилось. Дальше − хуже.

«Я позвонил ему из отпуска. Он был злой. После моих слов поздравления пожаловался: «Они все телефоны слушают. Тяжело видеть, как это все вокруг происходит…»

В разные поры жизни Ельцина не раз прослушивали − и телефоны его, и просто разговоры. Особенно тотальная прослушка была в годы между его «бунтом» в октябре 1987 года и до августовского путча 1991-го. По словам Ельцина (он пишет об этом в «Записках президента»), его «в течение нескольких лет записывали − утром, днем, вечером, ночью, в любое время суток, После подавления путча в сейфах у одного из самых активных его участников Болдина (начальника аппарата Горбачева) следователи нашли «горы папок» с записями разговоров Ельцина.

Но здесь, после отставки, другое дело, здесь Ельцин уже не действующий политик, − пенсионер. Здесь-то, кажется, чего подслушивать и подсматривать? Нет, подслушивали и подсматривали. Опасались.

Как рассказывает Касьянов, «чтобы избежать прослушивания», Ельцин «настоятельно советовал» ему постоянно менять мобильные телефоны:

«Купите их побольше, самых простых, чтоб не жалко было. Берете один, поговорили и тут же выбрасывайте, берете другой, говорите − и туда же, следующий − и снова выбрасывайте!» Разгорячился, лежа жестикулировал (Касьянов навестил его в больнице. − **О.М.**), изображая, как надо эти самые телефоны прямо из окна машины выкидывать».

Как мы понимаем, совет довольно наивный. Поскольку все телефоны самого Ельцина стояли на прослушке, − что бы это дало, если бы Касьянов стал выбрасывать свои мобильники? Вот если бы на обеих концах стали телефоны выбрасывать, это могло бы несколько осложнить задачу «царёва уха», но для самих говорящих контакты усложнило бы, наверное, еще больше…

Я уже писал, что после первого, довольно недолгого, периода необычайно активной, бурной отставной жизни Ельцина, когда он строил грандиозные планы,

собирался встречаться со множеством людей, и ушедших уже в отставку, как он, и продолжавших работать на различных постах, вдруг наступил резкий спад его активности. Ельцин куда-то исчез. Никаких особенных встреч у него не наблюдалось. Касьянов описывает, из-за чего этот спад произошел:

«…Однажды на совещании членов Совета безопасности Путин обратился ко мне: «Передайте членам правительства, чтобы без особой нужды не беспокоили Бориса Николаевича визитами. А то врачи сердятся, говорят, после этих встреч он волнуется, а ему нужен покой. Все-таки больное сердце». По форме это была вежливая просьба, но, по сути, − приказ: больше никому к Ельцину не ездить. После этой «просьбы» к нему, кроме меня и Волошина, фактически никто уже не ездил».

Встречаться с Ельциным-пенсионером было трудно не только министрам и другим высокопоставленным чиновникам. Борис Немцов, который к тому времени не занимал никаких официальных постов, вспоминает:

− Даже мне, несмотря на наши хорошие отношения, было довольно трудно встречаться с Ельциным. Создавалась масса препятствий. А сам Борис Николаевич не хотел даже факта огласки этих встреч, опасаясь не столько за себя, сколько за своих близких.

Когда Касьянов решил перейти в оппозицию путинскому режиму, Ельцин, по словам Касьянова, встретил это с пониманием, сказал, что он поступает правильно, дал много советов. «Ведь он хорошо знал, что такое − быть в оппозиции, в опале».

Люди, не приемлющие путинский режим, постоянно упрекают Ельцина: вот-де он так и не выступил публично против своего «наследника», хотя достаточно ясно видел, что тот гнет не туда. Касьянов рассказывает, что мысль о таком выступлении, видимо, приходила Ельцину в голову. Благословляя Касьянова на оппозиционную деятельность, он, по словам его собеседника, признался: «Я сейчас не смогу вас публично поддержать. Но через год деду будет 75 лет, и мне будет позволительно откровенно

сказать всё, что я думаю. Тогда я и сделаю». Ведь он понимал. Что всё возложенное им на алтарь построения демократического общества разрушается тем человеком, чей приход во власть он сам обеспечил. Обмануться в человеке для него было очень тяжело».

Возможно − и скорее всего, − обещание Ельцина «сказать все, что он думает», когда ему стукнет семьдесят пять, тоже было записано. Не исключено, что именно поэтому похлопотали, чтобы его семидесятипятилетие прошло в Кремле, «под контролем», чтобы дед не «отчудил» чего-нибудь.

Конечно, «все, что он думает», он мог бы сказать и позже − жить ему оставалось еще более года. Но − не сказал.

Касьянов, − впрочем, как и многие другие, − видит этому две причины. Первая − Ельцин был человеком слова, он пообещал, что не будет вмешиваться в дела нового президента, и не вмешивался. Вторая причина − Борис Николаевич «хранил молчание, чтобы не создавать проблем своим родным и близким; он все понимал и беспокоился за их будущее».

Евгений Евтушенко написал когда-то: «Ученый, сверстник Галилея,/ был Галилея не глупее./ Он знал, что вертится Земля,/ но у него была семья». По поводу правомерности обеих причин ельцинского молчания можно спорить. Да и спорят. Но − что было, то было. Вернуть ничего уже нельзя.

Работа над этим, вторым, изданием книги закончена в декабре 2009 года